

72 коп.

Введение в языкознание

Б.Н. ГОЛОВИН

*Введение
в языкознание*

В. Н. ГОЛОВИН

Введение
в языкознание

*Издание 2-е,
исправленное*

*Допущено Министерством высшего и
среднего специального образования СССР
в качестве учебного пособия для студен-
тов филологических специальностей
университетов и педагогических институтов*

Издательство «Высшая школа»
Москва — 1978

Борис Николаевич Головин
Введение в языкознание

Редактор О. В. Ермолова
Художник А. В. Алексеев
Художественный редактор С. Г. Абелик
Технический редактор Л. А. Григорчук
Корректор Э. Ю. Шапочник

А—00348. Сдано в набор 17/IV-72 г. Подп. к печати
6/IX-72 г. Формат 84×108¹/₂. Объем 10 печ. л.
16,80 усл. л. л. 17,62 уч.-изд. л. Изд. № РЛ—109.
Тираж 50 000 экз. Цена 72 коп.
План выпуска литературы издательства «Высшая
школа» (вузы и техникумы) на 1973 год. Позиция
№ 142

Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14,
Издательство «Высшая школа»

Ярославский полиграфкомбинат «Союзполиграф-
прома» при Государственном комитете Совета Мин-
истров СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли, Ярославль, ул. Свободы, 97,
Зак. № 280

От автора

Задача настоящего пособия — познакомить студентов с наиболее значительными вопросами науки о языке в пределах программы учебного курса «Введение в языкознание».

Вниманию читателя предлагаются главным образом «отстоявшиеся» в науке взгляды, но автор не избегает как спорных, так и новых точек зрения.

Автору хотелось, чтобы это пособие могло служить элементарным введением в науку о языке и могло более или менее последовательно и по возможности доказательно и доступно сообщить читателю круг избранных сведений, необходимых для «вхождения» в лингвистику.

Рукопись первого издания книги рецензировалась на кафедрах русского языка и общего языкознания Саратовского и Горьковского университетов и на кафедре русского языка Кировского пединститута. Автор выражает глубокую признательность коллективам этих кафедр за доброжелательные отзывы о работе и советы, направленные на ее улучшение. Особо свое искреннее и большое спасибо автор говорит акад. В. В. Виноградову, проф. О. С. Ахмановой, проф. Л. И. Баранниковой, проф. О. Б. Сиротининой и доц. В. В. Симонову за их советы и помощь.

Первое издание этой книги обсуждалось на заседании кафедры общего языкознания ЛГУ, руководимой проф. Ю. С. Масловым; высказанные в процессе обсуждения замечания автор стремился принять во внимание, исправляя книгу для второго издания. Автор приносит всем участникам обсуждения свою сердечную благодарность, а также благодарит И. Г. Добродомова, В. Г. Краснова и Г. С. Токаря, опубликовавших рецензии на книгу и высказавших в них ряд ценных советов, позволяющих ее улучшить.

Второе издание книги отличается от первого незначительно — главным образом уточнениями и исправлениями,

подсказанными как в процессе ее обсуждения, так и авторским внимательным прочтением.

В связи с подготовкой книги к переизданию рукопись была обсуждена на кафедре русского языка Воронежского университета. Автор с благодарностью принимает сделанные рецензентами замечания, выражая при этом свою особую признательность руководителю кафедры проф. И. П. Распопову.

Автор просит лиц, желающих откликнуться на его работу, написать на адрес горьковского университета или в издательство «Высшая школа».

Введение

Общество не может жить, не пользуясь языком, этим важнейшим средством человеческого общения. Нет ни одного вида деятельности людей, в котором не применялся бы язык для выражения их мыслей, чувств и воли, для достижения взаимопонимания между ними.

И нет ничего удивительного в том, что люди с течением времени заинтересовались своим постоянным спутником — языком и создали науку о нем. Эта наука называется теперь языкознанием, или лингвистикой (от лат. *lingua* — язык). Знание основных сведений, даваемых этой наукой, полезно каждому человеку, оно просто необходимо для тех, чья профессия связана с преподаванием или исследованием языка; оно необходимо и тем людям, которым приходится применять язык как орудие профессиональное (учителям, пропагандистам, лекторам, журналистам, писателям и т. д.).

Ознакомиться даже с основными идеями современной лингвистики — задача нелегкая. Это объясняется не только обилием заключенных в ней сведений, но и сложностью ее внутреннего состава. Языкознание включает в себя целый ряд отдельных наук, изучающих различные стороны разных языков. Несколько наук изучают русский язык: фонетика — его звуковую сторону, лексикология — его словарный состав, грамматика — способы и средства построения слов и предложений, диалектология — местные говоры (диалекты) и т. д. Подобным же образом расчленена внутренне наука о китайском, английском и других языках. Кроме того, наука о языке внутренне членится и в зависимости от того, изучает ли она строение и работу языка (его функционирование) или его изменения во времени (развитие). Если изучается устройство и работа языка в какой-то определенный период его

жизни, принято говорить об описательной лингвистике (например, существует описательная лексикология современного русского литературного языка, описательная фонетика современного английского языка, описательная грамматика современного японского языка, описательная морфология латинского языка, описательный синтаксис древнегреческого языка и т. д.). Неправильно было бы думать, что описательные лингвистические науки имеют дело с современными языками: тот или иной язык можно описать в любой из периодов его развития, если для такого описания есть необходимые факты и методы.

Если же изучаются изменения языка (его устройства и функционирования) во времени, т. е. если изучается так называемое развитие языка, — принято говорить об исторических языковедческих науках (например, историческая фонетика русского языка, историческая лексикология языка английского, историческая морфология французского, исторический синтаксис шведского или норвежского и т. д.).

Описательные и исторические науки об отдельных сторонах языка взаимно связаны, составляют единое целое и образуют внутренне расчлененную и единую лингвистику.

Для того чтобы можно было ориентироваться в многообразии лингвистических наук, начать их изучение нужно с науки-компыаса, науки-проводника. Эта наука называется общим языкознанием, а элементарное изложение ее важнейших сведений в вузах получило название введения в языкознание.

Чем же занимается общее языкознание? Что в языке оно исследует? Иначе говоря, каков его предмет изучения?

Для того чтобы ответить на такой вопрос, нужно попытаться понять, есть ли в различных языках что-то общее, в равной мере существенное и характерное для каждого из них.

Например, одинаково или различно общественное назначение (функция) испанского, украинского и литовского языков? Очевидно, одинаково: каждый из этих языков, как и любой иной, используется в качестве средства общения.

Еще пример: можем ли мы думать, что наличие звуков, слов и предложений характерно не только для русского, но и для других языков? Практический речевой опыт людей и данные науки позволяют на этот вопрос ответить утвердительно.

Нельзя ли заметить что-либо общее в словах различных языков, т. е. нет ли в словах, несмотря на их конкретные различия, каких-то существенных признаков, которыми характеризуется каждое слово любого языка?

Нет ли чего-то существенного и общего в зависимости языков от истории народов, которым языки принадлежат?

Примеры, заставляющие нас предполагать наличие в разных языках таких сторон, явлений, фактов, которые охватываются общими и существенными для всех языков, могут быть продолжены.

Общее языкознание как раз и есть та наука, которая занимается изучением существенного и общего в разных конкретных языках. Эту науку в известном смысле можно назвать наукой о языке вообще, наукой о природе и сущности языка (его сторон, его составных частей и единиц).

Какие важнейшие вопросы решает эта наука?

Прежде всего она устанавливает, какова природа языка, т. е. принадлежит ли язык к числу явлений общественных или биологических, физических или психических.

Одновременно общее языкознание решает и второй важнейший вопрос — о сущности языка, т. е. о том коренном, решающем отличии, которое выделяет язык среди других явлений жизни.

Таким образом, первая проблема общего языкознания — это проблема природы и сущности языка, включающая в нашей лингвистике в качестве важнейших вопросы об отношении языка к обществу и мышлению.

Вторая, наиболее обширная проблема предполагает исследование большого круга вопросов, связанных с пониманием структуры, т. е. строения языка: какими главными сторонами располагает язык, что собою представляет звуковая сторона языка, из каких составных частей и единиц она построена, что такое звуки речи? Что такое лексика, или словарный состав языка, как он построен, что называется словом? Что такое грамматический строй языка, какими частями и явлениями он располагает, что такое части речи, члены предложения и предложение? И т. д.

Третья проблема общего языкознания ставит перед учеными вопросы, связанные с пониманием системы языка, т. е. тех многочисленных и разнообразных связей и отношений, притяжений и отталкиваний, которыми составные части и элементы языковой структуры объединены в строгое целое. Язык — это не набор разрозненно существующих звуков, слов, интонаций, предложений, частей речи и т. п.

Язык — это строжайше организованная система, закономерно согласованное единство сторон, частей и единиц, где каждая отдельная сторона, часть или единица связана со многими другими сторонами, частями и единицами. Эту строгую систему, это внутреннее, закономерное единство языка и должно осмыслить общее языкознание.

Четвертая проблема этой науки охватывает многие большие и малые вопросы развития языка в связи с развитием человеческого коллектива. Как, по каким направлениям и в зависимости от чего изменяется язык в целом? Каковы главные линии и причины изменения звуковой стороны языка, его лексики и грамматики? Что такое внутренние законы языкового развития и насколько они независимы от внешних влияний на язык? Что собою представляют основные формы существования и развития каждого языка — общенародный разговорный язык, местные говоры (диалекты) и литературный язык? Каковы главные этапы, пройденные человеческим языком со времени его возникновения? Наконец, как, когда, в каких условиях возникла человеческая речь, началось развитие языков?

В связи с четвертой находится пятая, несколько обособленная проблема — возникновение и развитие письма. Известно, что современное человечество располагает несколькими различными видами письма. Как эти виды возникли? Что каждый из них собою представляет? В чем вообще сущность письма в его отношении к живой звучащей речи? Какие алфавиты известны человечеству и как они складывались? Что такое графика в ее отношении к звукам человеческой речи? Что такое орфография и каковы ее принципы? И т. д.

Шестую проблему можно назвать проблемой классификации, или типологии, языков. Население земного шара пользуется в настоящее время более чем двумя тысячами языков. Некоторые из этих языков очень близки друг другу (например: русский, украинский, белорусский), их «родство» бросается в глаза; другие языки как будто вообще ничего сходного не имеют, кажутся совершенно чуждыми друг другу (например: китайский, узбекский и английский) — так ли это? Вообще, могут ли быть языки объединены в какие-то группы, классы, разряды по общим признакам, объективно им принадлежащим? Если могут, то как же будет выглядеть эта классификация языков, и одна ли классификация возможна? И если не одна, то сколько же, и в чем значение различных классификаций?

Седьмую проблему общего языкознания мы сможем представить себе, вспомнив, что каждая наука, исследуя свой предмет, или объект, применяет определенные исследовательские приемы, которые называются методами, или методиками. Например, широко применяется метод эксперимента (в естественных науках), метод подстановки равновеликих величин (в математических науках), сравнительный метод (в различных областях науки) и т. д. Языкознание также выработало свои исследовательские приемы, свои научные методы (сравнительно-исторический, описательный, сопоставительный, экспериментальный, количественный и т. д.). Общее языкознание стремится теоретически понять сущность каждого метода и определить границы его наиболее разумного применения.

Восьмая проблема общего языкознания занимает в нем с каждым десятилетием все большее место. Это проблема приложения научных знаний о языке к решению различных практических задач, возникающих в жизни людей (лингвистика и школа, лингвистика и «ручная», а также машинный перевод, лингвистика и служба научно-технической информации и т. д.). Теоретическим осмыслением соответствующего круга вопросов и возможных путей решения возникающих задач занимается так называемая прикладная лингвистика.

Девятая проблема предполагает понимание необходимости, условий и влияния на лингвистику ее связей с другими науками. Лингвистика издавна связана с историей, логикой, психологией, литературоведением; в недавнее время возникли и укрепляются широкие связи лингвистики с математикой (в частности с теорией вероятностей и математической статистикой) и кибернетикой.

Эти девять проблем, сжато очерченные в настоящем «Введении», не ограничивают, конечно, весь круг проблем и вопросов, исследуемых общим языкознанием. К тому же очевидно, что по мере развития лингвистической науки, ее теоретических и прикладных ответвлений и направлений обогащается и углубляется проблематика общего языкознания, расширяются и упрочиваются его связи с другими науками.

1. Природа, сущность и функции языка

Люди очень давно начали задавать себе вопрос: что такое язык? Об этом мы можем судить по сочинениям, дошедшим до нас от древних народов Греции, Рима, Индии, Китая и других стран. Тот же самый вопрос задают себе люди и сейчас, стремясь понять отличие языка от других проявлений человеческой жизни.

Правда, сам по себе совершенно определенный как будто вопрос «Что такое язык?» оказывается не очень точным и ясным при вдумчивом его осмыслении. В самом деле, он ведь не говорит нам, что именно в языке мы имеем в виду — его природу, его функции или его структуру. Вероятно, и то, и другое, и третье. Но так как природа, функции и структура языка хотя и связаны внутренне, все же различны, наука рассматривает их отдельно и в определенной последовательности. Причем логичнее, вероятно, вначале рассмотреть природу и функции языка, а затем уже его структуру. Ведь если мы не осмыслим природы языка, мы не будем знать, из какого же «материала» он построен, кому и как он служит.

Природа и сущность языка

Понимание природы языка предполагает ответ по крайней мере на два вопроса: 1. Нужно ли считать язык явлением биологическим, психическим или социальным? 2. Идеален ли язык или он материален?

На оба эти вопроса история науки дала разные ответы. Некоторые ученые признали язык явлением биологическим, поставили его в один ряд с такими явлениями жизни человека, как способность есть, пить, ходить и т. д. Получилось, таким образом, что язык якобы наследуется и заложен в самом биологическом существе человека.

Такой взгляд на природу языка не мог, разумеется, выдержать критики фактов и научного знания.

Теперь хорошо известно, что язык не наследуется, не передается от старших к младшим подобно передаче некоторых биологических признаков расы (цвет волос, форма лица и т. д.). Ребенок начинает говорить не на языке родителей, а на языке окружающих его. А то обстоятельство, что обычно ребенок учится говорить в кругу своих родителей и родственников, никакого отношения к языку, конечно, не имеет. Жизнь знает множество случаев, когда дети китайцев, в силу особых обстоятельств, начинали раньше говорить на английском языке, чем на китайском, дети русских начинали раньше говорить на французском языке, чем на русском и т. д.

Известны, правда, единичные, случаи длительной изоляции младенцев от человеческого коллектива (имеются в виду сообщения печати о случаях длительного пребывания детей в среде животных). Такие дети не умели говорить вообще, хотя их органы речи были вполне нормальными.

Другие ученые сочли язык явлением психическим, выражением или обнаружением «духа божьего или человеческого». И этот взгляд на язык противоречит фактам, данным науки. Если бы язык был действительно выражением духа, он возник бы и развивался у каждого человека в отдельности, независимо от речевого влияния окружающих людей. Между тем этого никогда не бывает. Язык отдельного человека возникает и развивается только в коллективе, только под влиянием речи коллектива.

Марксистское советское языкознание последовательно и убежденно отстаивает мысль о социальной (общественной) природе языка. Оно опирается в этом своем убеждении на марксистское понимание жизни общества, на трезвый анализ фактов развития и применения языка, на философско-лингвистические высказывания Маркса, Энгельса, Ленина. Очень большой интерес и значение имеет известное философское определение языка, сформулированное свыше ста лет назад Марксом и Энгельсом. Вот оно: «Язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми»¹.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. — Соч. Изд. 2, т. 3, с. 29.

В этом определении дважды обращено внимание на социальную, общественную природу языка и на его сущность: язык существует лишь для других людей, и только поэтому он существует и для меня самого; язык возникает из потребности в общении людей друг с другом. Эта потребность, вызвав язык к жизни, остается важнейшей причиной развития языка; изменения этой потребности, зависящие от изменений в различных областях жизни и деятельности людей, так или иначе затрагивают язык, прежде всего его лексику, словарный состав.

В. И. Ленин, формулируя сжатое определение языка, положил в основу этого определения социальную сущность языка, именно — его назначение, использование, функцию в обществе: «Язык есть важнейшее средство человеческого общения...»¹. Именно этой своей главной функцией язык отличается от других общественных явлений — таких, как производство, техника, наука, базис, надстройка, мышление и т. д.

Поэтому мы и можем говорить о том, что сущность языка мы видим в его специфическом общественном применении — в качестве важнейшего средства общения людей.

Специфично, своеобразно и «устройство» языка, а также тот материал, из которого язык «сделан». Единицами (элементами) языка являются знаки — простые и сложные (звуки, морфемы, слова, словосочетания, предложения). Знаком принято называть любой материальный носитель социальной информации. Знаком может стать камень, дым костра, ветка сирени, если мы условимся, что эти физические, материальные факты что-то для нас значат, несут какую-то информацию. Например, камень на берегу может указать место брода, дым костра — место посадки самолета, ветка сирени на окне — привет от любимой. Однако сами по себе, взятые вне условий соглашения о том, что они могут значить, ни камень, ни дым костра, ни ветка сирени не являются знаками и имеют свою собственную, неизвестную природу, в соответствии с которой воспринимаются и применяются людьми (камнями можно замостить дорогу или сложить из них стену дома; дым костра можно использовать для отпугивания комаров; ветка сирени может стать частью букета, поставленного на подоконник просто ради красоты).

Все единицы языка — знаки по самому своему существу и «внезакового» применения не имеют. Они используются только в целях общения, только для передачи социальной информации.

Поэтому, принимая философское, материалистическое определение языка и опираясь на него, мы можем получить и специально-лингвистическое определение: язык — это исторически возникший и развивающийся сложный знаковый механизм общения.

Функции языка Основная функция языка, главное его общественное назначение — быть средством общения людей. Именно через посредство языка люди обеспечивают взаимопонимание в процессе труда и быта. Посредством языка они выражают и делают доступными для других свои мысли, чувства, настроения и желания. Конечно, люди пользуются и иными средствами общения, например жестами, различными сигналами и знаками (алгебраические и подобные знаки, знаки уличного движения, морские сигналы и т. д.), музыкальными сочетаниями звуков, красками и их сочетаниями и т. п. Однако все эти средства общения оказываются всего-навсего вспомогательными по отношению к единственному универсальному средству — языку слов. В самом деле, как ограничен и жалок так называемый язык жестов по сравнению со звуковой человеческой речью. Возможности музыки или изобразительного искусства очень велики, но и они ограничены и «односторонни» по сравнению с возможностями языка. В самом деле, музыка не может выразить никаких расчлененных, оформившихся понятий и связанных мыслей — она выражает чувства и настроения и на основе вызванных у слушателей эмоций, «движений человеческой души» вызывает неясные и очень различные у разных людей мысли. И изобразительное искусство, как ни велики его возможности, не идет ни в какое сравнение с языком по способности служить в качестве средства общения: оно, подобно музыке, не выражает никаких отчетливых понятий, суждений и умозаключений, хотя, в отличие от музыки, и способно вызывать вполне определенные образы в сознании рассматривающего картину или рисунок человека; разумеется, у этого человека, в результате зрительного восприятия картины или рисунка появятся, вероятно, те или иные мысли, но эти мысли могут оказаться очень непохожими у разных зрителей. Что касается различных сигналов и знаков, то, во-первых, применение каждой «системы» сигналов и знаков

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 25, с. 258.

очень ограничено, каждая такая «система» известна лишь небольшому кругу лиц, а, во-вторых, сигналы и знаки сами по себе, без помощи языка, без «перевода» на язык, также не в состоянии выражать наших мыслей; сигналы и знаки — дополнительное, вспомогательное средство общения, успешно функционирующее на основе языка и в связи с ним.

Обратив самое серьезное внимание на выполняемую языком функцию общения как основную, мы совершили бы ошибку, не заметив других, связанных с основной, языковых функций.

Ведь язык выступает в качестве средства общения по отношению к людям, к говорящему на нем коллективу. Но помимо людского коллектива, язык связан еще по крайней мере с двумя «мирами» — миром предметов, вещей и явлений, окружающих человека, и миром понятий, мыслей и чувств, выражаемых человеком.

Каковы же специфические функции языка по отношению к этим двум «мирам»?

Вещи, предметы и явления объективного мира обозначаются языком, причем обозначаются своеобразно: слово — не обычный знак предмета, каким, например, окажется ветка на берегу реки, показывающая по договоренности между условившимися лицами мелкое место, брод; слово — знак, отражающий предмет — исторически, независимо от воли отдельных людей, связанный с предметом через посредство человеческого мышления. Ветка на берегу ничего не значит для тех, кто не посвящен в тайну ее «значения», она не имеет никакой внутренней связи с бродом. Слово же известно коллективу, и оно своим значением как образом предмета связано с предметом прочной внутренней, необходимой связью, оно оказывается не просто знаком, а знаком-отображением. Мы можем поэтому говорить о функции отображающего обозначения как важной функции языка по отношению к миру предметов и явлений жизни.

Конечно, не нужно думать, что все единицы языка (слова, морфемы, звуки речи и т. д.) в одинаковой мере способны выполнять функцию отображающего обозначения предмета. Отнюдь нет. Но сейчас речь идет о функциях языка в целом, а не о специфических функциях отдельных его частей и единиц.

Остается рассмотреть функцию языка по отношению к мышлению и сознанию человека.

Нетрудно увидеть, что язык служит средством выражения наших мыслей и чувств, следовательно, выполняет

функцию выражения деятельности мысли. Но тут мы подошли к одному из очень сложных вопросов, требующих самостоятельного рассмотрения.

Язык и мышление В философском определении языка, предложенном Марксом и Энгельсом, язык назван практическим, действительным сознанием. Над этим следует очень серьезно задуматься. Здесь мы находим выражение марксистского понимания единства языка и сознания, языка и мышления. Кстати, сразу нужно условиться о том, что термины «сознание» и «мышление» не однозначны. Что мы называем сознанием? Если оставить сейчас в стороне то значение этого термина, которое можно передать словами «система взглядов, убеждений, миропонимание», то можно использовать два значения: 1) способность человека отображать действительность в форме мыслей, чувств и волевых состояний; 2) самый процесс отображения действительности в форме мыслей, чувств и волевых состояний. Но ведь это не совсем те значения, какие мы обычно вкладываем в термин «мышление», которым обозначаем: 1) способность отображать действительность в форме понятий, суждений и умозаключений; 2) самый процесс отображения жизни в этих формах. Таким образом, получается, что мышление — это главная составная часть, но все же лишь часть сознания. Можно думать, что Маркс и Энгельс не случайно назвали язык действительным, практическим сознанием: он, конечно, выражает деятельность не только мысли, но и чувств и воли человека.

Но вернемся к вопросу об отношении языка к мышлению.

Новое, советское языкознание, опирающееся на философию диалектического материализма, утверждает единство языка и мышления и вместе с тем отсутствие их тождества.

Нет слова, сочетания слов, предложения, которые не выражали бы никакого понятия, никакой мысли. Конечно, можно представить себе комплекс звуков, лишенный значения, смысла, например «илычак». Но ведь такой комплекс звуков нельзя признать словом, это просто-напросто бессмысленный, искусственный набор звуков.

Однако единство языка и мышления, неразрывность и своеобразная слитность их существования еще не означает их тождества. В этом проявляется, между прочим, диалектика взаимоотношений языка и мысли, слова и понятия, предложения и суждения. Язык все же не есть мысль. Язык — материальная, практическая сторона сознания, в частности мышления. У Маркса и Энгельса есть интерес-

ное образное выражение: «На «духе» с самого начала лежит проклятие — быть «отягощенной» материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка»¹.

Язык материален в том смысле, что все его единицы (слова, сочетания слов, части слов — морфемы и т. д.) облечены в звуки. Мышление же как свойство особым образом организованной материи — мозга — идеально, хотя и зависимо по отношению к своему материальному носителю и источнику. Мысль не имеет свойств (или, употребляя философский термин, — атрибутов) материи — массы, веса, протяженности, вкуса, запаха, плотности и т. п. Уже это одно обстоятельство — материальность языка и идеальность мысли — не позволяет отождествлять их. Кроме того, строение и законы развития мысли и языка неодинаковы. Составными частями мысли являются, как известно, понятия, суждения и умозаключения; язык же состоит из звуков, слов, словосочетаний и предложений; строение предложения и строение мысли не только не тождественны, но даже не всегда соответствуют друг другу (об этом см. в разделе, посвященном синтаксису).

Вернемся же теперь к вопросу о функциях языка по отношению к мышлению. Одна из этих функций очевидна: язык выражает наши мысли и обеспечивает таким образом возможность постоянного обмена мыслями между членами коллектива.

Но язык, по отношению к словесному мышлению, выполняет еще одну, чрезвычайно важную функцию: он непосредственно участвует в самом формировании мысли. Язык не только средство выражения мысли, но и орудие формирования ее.

Нам иногда кажется, что мысли могут возникать у человека «сами по себе», вне связи с «материей», например, тогда, когда мы думаем «про себя», не выражаем мыслей вслух. Но это только кажется. В действительности же осуществляющаяся мысль или составная ее часть опирается на «материю» — обычно на язык, на слово или их сочетание. Попытаемся в связи с этим попристальнее «взмотреться» в глубь своего сознания, когда мы думаем. Что мы замечаем? Слова, вернее, представления слов. И всякий раз, когда появляется оформившаяся, ясная нам самим, осуществленная мысль, она оказывается связанной с тем или

иным словом, сочетанием слов, хотя слова и не были произнесены, а лишь «представлены». Ведь то, что мы привыкли называть словом, — целый сложный комплекс физиологических работ: слово мы слышим — и возникает его слуховое, акустическое представление; слово мы произносим — и возникает его рече-двигательное представление; слово мы видим напечатанным или написанным — и возникает зрительное его представление. И вот когда мы думаем про себя, мы используем те или иные представления слова, в частности рече-двигательные. Нередко эти представления связаны с зачаточными движениями органов речи; есть люди, которые читают про себя шевеля губами, а специальными аппаратами можно точно установить, что всем людям свойственно в процессе думания использовать такие движения. Человек, в совершенстве владеющий несколькими языками, всегда знает, на каком из известных ему языков он думает; это лишний раз свидетельствует о том, что думание, мышление человека осуществляется в связи с языком и на его основе. Реальность мысли проявляется в языке.

Конечно, если мы начнем рассматривать процессы мышления у людей, лишенных способности речи (глухонемых или слепоглухонемых), мы столкнемся со многими сложными для объяснения фактами. Ясно ведь, что у таких людей обычный человеческий язык не может непосредственно участвовать в формировании мышления. Да, его замещает в таких случаях специальный, искусственный язык знаков, язык ощущений; однако этот язык знаков и ощущений оказывается ведь не чем иным, как особым заменителем обычного языка, которым пользуется окружающий больного коллектив. Только в этом коллективе, при его постоянной помощи, при участии обычного языка глухонемой или слепоглухонемой учится думать, пользуясь своим особым языком, который не имел бы никакой силы, если бы за ним не стоял звуковой язык нормальных людей.

Великий русский физиолог И. П. Павлов помог лингвистам и философам глубже понять роль языка в деятельности человеческой мысли. Учение И. П. Павлова о двух сигнальных системах действительности, которыми располагает человек, дает естественнонаучное объяснение функции языка как орудия формирования мысли.

Окружающий человека мир воспринимается, «сигнализируется» двумя различными путями: во-первых, путем непосредственного воздействия вещей и явлений на наши

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 3, с. 29.

органы чувств и, во-вторых, опосредованно, через воздействие слов на наше мышление и — шире — сознание.

Всю совокупность прямых воздействий предметов и явлений на человека и совокупность человеческих ощущений И. П. Павлов назвал первой сигнальной системой действительности.

Всю совокупность косвенных, словесных воздействий на человека и совокупность слов И. П. Павлов назвал второй сигнальной системой действительности.

Вторая сигнальная система, развившаяся в связи с трудом, выделила человека из среды животных.

Первая сигнальная система не позволяет формироваться понятиям, суждениям и умозаключениям, она не дает возможности сознанию оторваться от предмета: ведь ощущение и даже представление — это конкретные образы конкретных вещей.

Вторая же сигнальная система становится базой формирования понятий, суждений и умозаключений: слово позволяет обозначать не один только данный, конкретный предмет, а большой ряд однородных предметов (когда я смотрю на березу, я вижу только одну, *эту* березу; когда я говорю *береза*, я обозначаю *любую* березу); иначе говоря, слово освобождает человеческое сознание от «привязанности» к одному, *этому* предмету, слово позволяет обобщать, объединять предметы в классы, разряды, группы, т. е. находить в предметах общее и на его основе формировать понятия о вещах и явлениях.

*Язык и народ,
язык и классы,
язык и личность*

Все основные функции языка говорят о том, что язык — явление общенародное, а не классовое. Все люди, независимо от их принадлежности к отдельным классам и социальным или профессиональным группам, нуждаются в общении. Марксистское учение об обществе позволяет видеть, что даже представители противоположных общественных классов (рабовладельцы и рабы, помещики и крепостные, капиталисты и пролетарии) должны общаться друг с другом, в противном случае невозможно нормальное действие и развитие общественного производства. Для того, например, чтобы успешно работали фабрики и заводы, принадлежащие капиталистам, нужно, чтобы пролетарии и капиталисты пользовались одним и тем же языком, иначе они не в состоянии будут договориться друг с другом в вопросах производственной жизни.

В. И. Ленин прямо указывает на то, что «единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам...»¹.

Функция отражающего обозначения предметов и явлений действительности также одинаково нужна для всех людей, независимо от их социального или профессионального положения.

Общенародной является и функция выражения и формирования мысли: ведь очевидно, что все люди нуждаются в том, чтобы думать и выражать то, что они думают.

Вследствие общенародности основных функций языка общенародной оказывается и его структура, во всяком случае ее важнейшие составные части и единицы (подробнее о структуре языка см. ниже). Основные в процессе общения, наиболее необходимые слова известны всем и применяются всеми. Способы и средства построения слов, их изменения и связывания в предложении также всеобщие. Всем принадлежат и всеми одинаково используются звуки.

Не может, таким образом, быть сомнения в том, что язык по своему характеру общенароден и народ является творцом и носителем языка.

Язык служит всем, он безразличен к делению общества на классы, социальные и профессиональные группы и не делает между ними выбора. Однако такое утверждение справедливо лишь по отношению к языку в целом. Оно не может означать, что в языке не существует никаких явлений, свойственных по преимуществу той или иной ограниченной социально или профессионально среде. Например, такие слова, как *бонмо*, *бонтон*, *декольте*, *бонжур*, *комильфо* употреблялись в XIX столетии преимущественно, если не исключительно, в дворянской аристократической среде. Они были социально ограничены в своем использовании.

Слова *дифференциал*, *интеграл*, *коэффициент*, *бином*, *полидр* профессионально ограничены, они применяются свободно лишь в сравнительно узком кругу специалистов-математиков, физиков и инженеров. Конечно, такие социально или профессионально ограниченные ряды слов и других средств языка не нарушают его общенародного характера. Они интересны как показатели известного воз-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 25, с. 258—259.

действия, оказываемого на язык различными классами, социальными и профессиональными группами людей.

Люди различных классов и профессий, помимо общих для всех потребностей в языке как средстве общения, предъявляют языку еще свои, особые, классовые или профессиональные, групповые запросы. Эти особые запросы объясняются различиями условий жизни, труда и быта разных классов и профессий. Особые запросы в известной мере объясняются и несовпадением идеологических, моральных и эстетических взглядов на выражаемые языком значения.

Вспомним в связи с этим широко известное письмо русского писателя Н. М. Карамзина к баснописцу И. И. Дмитриеву. В этом письме Карамзин высказывает свое отношение к двум лишь словам — *пичужечка* и *парень*. Первое слово для писателя «приятно», второе — «отвратительно». В связи с первым Н. М. Карамзин представляет себе сентиментально-идиллическую картину: ясный летний день, луг с цветочками, «покойного селянина», взирающего умильно на пташечку, и т. д. Второе слово вызывает в сознании Карамзина неприятные для него ассоциации: дебелого мужика, который чешется «неблагопристойным образом» и, вытирая мокрые усы своей, говорит: «Ай, парень, что за квас!». Очевидно, что морально-эстетические дворянские вкусы Карамзина отразились на выборе им и применении русских слов и фраз. Известно, что язык самого Карамзина был правилен и чист, но беден в сравнении с поразительным богатством живой русской речи. Так классовая точка зрения отразилась в языке писателя.

Значит, известное воздействие классов и профессий на язык выражается прежде всего в том, что представители этих классов и этих профессий усиливают в речи одни слова и ослабляют, затевают другие. Кроме того, классы и профессии, отдельные общественные группы людей могут, хотя бы временно, привносить в язык свои, «жаргонные», узкогрупповые слова, особенности произношения и т. д. Так, русское дворянство в конце XVIII — начале XIX в. усиленно развивало свой «французско-нижегородский жаргон», высмеянный не один раз в произведениях Новикова, Крылова, Грибоедова, Гоголя. Известен ограниченный жаргон чиновников, купцов, учащихся семинарий («бурсаков») и т. д.

Что касается отдельных людей, то их влияние на язык, разумеется, еще меньше, чем влияние классов и профессий.

Однако есть исторические примеры очень заметного воздействия личности на состояние языка всего народа. Такие-то именно примеры и требуют особого рассмотрения и пояснения.

Всем известно, что А. С. Пушкин — основоположник современного русского литературного языка. Пушкина иногда называют даже создателем нашего языка. Можно подумать, что национальный поэт русского народа действительно создал множество новых слов, изменил конструкцию русских предложений и т. д. Ничего подобного, оказывается, не было. Едва ли наберется пять слов, созданных Пушкиным (вспомним для сравнения, что Маяковским были созданы десятки новых слов).

Дело все в том, что один человек, даже с таким дарованием, какое было у Пушкина, не может ни создать, ни пересоздать язык своего народа. Но он все же может сделать очень много, а именно — выявить и показать скрытые в существующем языке возможности. Именно это и сделал Пушкин применительно к русскому языку 20—30-х годов XIX столетия.

Поняв и почувствовав новые требования общества к языку, опираясь на народную речь и речь литераторов — своих предшественников и современников, великий поэт пересмотрел и изменил приемы и способы использования языка в литературных произведениях — и язык заблестал новыми, неожиданными, строгими и ясными красками. Речь Пушкина стала образцовой и благодаря литературному и общественному авторитету поэта была признана нормой, примером для подражания. Это обстоятельство серьезно сказалось на развитии нашего литературного языка в XIX и XX вв.

Надо ясно понимать, что тот подвиг, который совершен был Пушкиным в области литературной речи, был подготовлен историей русского народа, русской нации, русского народного и литературного языка. И дело, конечно, вовсе не в одной гениальности Пушкина, а в историческом соединении назревших условий языкового развития в обществе и таившихся в гении поэта возможностей удовлетворить их.

Язык создается и развивается обществом, народом лишь потому, что потребность общения постоянно сопутствует труду и всей жизни людей и ее удовлетворение оказывается необходимым. Поэтому язык как средство общения был и всегда остается постоянным участником развития всех без

*Общественное
значение языка*

исключения сторон жизни и деятельности человеческого коллектива.

Объединение людей в племена, народности и затем наций, связанное в конечном счете с развитием производства и экономической жизни коллектива, происходило при ближайшем и обязательном участии языка. На зависимость формирования нации, развития национальных движений от наличия единого для всех языка обратил внимание В. И. Ленин: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»¹.

Основа жизни, трудовая деятельность людей, какой бы простой или сложной она ни была, осуществляется при обязательной помощи языка. Даже на предприятиях-автоматах, которыми управляют немногие работники и где потребность в языке, казалось бы, весьма невелика, он совершенно необходим.

Ведь для того чтобы наладить и поддержать бесперебойную работу такого предприятия, нужно построить очень сложные механизмы и подготовить людей, способных управлять ими. Но для этого, в свою очередь, нужно овладеть знаниями, техническим опытом, нужна глубокая и напряженная работа мысли. Понятно, что ни овладение знаниями и опытом, ни работа мысли не осуществимы без применения языка, позволяющего читать и понимать книги, слушать и усваивать лекции, беседовать с преподавателями и товарищами по труду, обмениваться советами и указаниями, прокладывать силой мысли новые пути в науке и технике.

Еще очевиднее роль языка в развитии различных сторон духовной жизни народа.

Достижения народа, нации в развитии науки, художественной литературы и других областей духовной культуры осуществляются при прямом участии родного языка и выражаются в нем. Вот почему, между прочим, каждый свободный народ стремится, развивая свою национальную

культуру, поддерживать и улучшать свой национальный язык.

Наука не может двигаться вперед, не опираясь на то, что уже достигнуто; ее достижения должны передаваться современникам и потомкам. В этом широком процессе передачи научного опыта от прошлого настоящему и от настоящего будущему участвует язык.

Развитие художественной литературы просто невозможно без языка, ее «первоэлемента», ее «основного материала», по выражению М. Горького.

Чрезвычайно ответственна роль языка в воспитательной и образовательной деятельности общества. Непрерывная передача трудового и иного опыта, необходимого для успешного продолжения жизни, осуществляется при помощи языка. В трудовом воспитании молодого поколения должен участвовать и язык. Влияние на людей со стороны газет, книг, радио, кино, театра, влияние лекторов, пропагандистов, агитаторов, журналистов во многом зависит от языка. Без повседневного и притом умелого применения языка просто невозможно успешная работа школы. Причем, в условиях школы язык важен не только в качестве средства передачи знаний от учителя к ученику; не менее важен он и как орудие усвоения знаний, которым постоянно пользуется школьник.

Глубоко прав был К. Д. Ушинский, сказав, что родное слово есть основа всякого умственного развития и сокровищница всех знаний. Ему же принадлежат слова о громадном воспитательном значении родного языка: вводя ребенка в народный язык, мы вводим его в мир народной мысли, народного чувства, народной жизни, потому что «в языке одухотворяется весь народ и вся его родина», в нем «отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа»¹.

Понимая неразрывное единство языка и мысли, связь языка с миром человеческих чувств и настроений, мы можем верно представить себе значение языка в развитии человеческого мышления и сознания в целом.

Исторически взаимосвязаны и взаимодействуют процессы трудовой, мыслительной и речевой деятельности коллектива; труд, создав человека, человеческую мысль и речь, взаимодействует с ними и зависит от них. И чем развитее,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 25, с. 258.

¹ Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения, т. 2. М., 1954, с. 541—542.

совершеннее язык людей, тем успешнее их трудовая деятельность и работа мысли, тем успешнее их жизнь.

*Общие сведения
о строении языка
и науки о нем*

В современном языкознании термин «структура языка» очень распространен. Практический речевой опыт и школьное знакомство с языком говорит нам о том, что язык имеет определенное строение, что внутренне он расчленен на какие-то составляющие его стороны, части и единицы. Так, нам известно, что в языке существуют слова, звуки, грамматические формы; что по законам грамматики слова объединяются в части речи, а в предложении становятся членами предложения; что словам, сочетаниям слов и предложениям свойственна как внешняя, звуковая сторона, так и сторона внутренняя, или смысловая. Именно это мы имеем в виду, когда говорим о внутреннем строении, или структуре, языка.

Так что под структурой языка будем понимать целостную, организованную, единую совокупность составляющих его сторон (фонетика, лексика, грамматика, словообразование), частей этих сторон (различные группы слов, ряды грамматических категорий или звуков и т. д.) и отдельных языковых единиц (слова, звуки, морфемы, словосочетания, предложения и т. п.). Различные стороны языковой структуры исследуются различными лингвистическими науками. Назовем некоторые из них:

Лексикология (от греч. *lexis* — слово и *logos* — понятие, учение) — наука о словарном составе языка и закономерностях его исторического развития.

Фонетика (от греч. *phonetikos* — звуковой, голо-совой) — наука о звуках человеческой речи, или фонемах, о слогах, речевых тактах, а также о таких звуковых явлениях, которые тесно связаны с целыми словами и предложениями и самостоятельно не вычлениваются в речи (ударение, интонация); разумеется, фонетика изучает звуки и звуковые явления языка не только в их современном состоянии, но и в их развитии.

Термин «фонетика» имеет и другое значение: им обозначают совокупность звуков и звуковых явлений языка, звуковую сторону человеческой речи.

Грамматика (от греч. *gramma* — буква, учение) — наука о способах и средствах построения и изменения слова, о способах и средствах построения предложения.

Этот термин употребляется и в другом значении: им называют и объективно существующую в языке систему спо-

собов и средств построения и изменения слов и построения предложения.

Для того чтобы избежать двусмысленности в применении терминов «фонетика», «грамматика» и им подобных, можно бы говорить «фонетика» и «фонетика языка», «грамматика» и «грамматика языка» и т. д.

Грамматика подразделяется на две науки в соответствии с внутренним делением грамматики языка. Существует, как известно, м о р ф о л о г и я (от греч. *morphe* — форма и *logos* — понятие, учение) и синтаксис (от греч. *sintaxis* — соединение). Морфологией называют учение о способах и средствах построения и изменения слов, а синтаксисом — учение о способах и средствах построения предложений. И эти два термина, к сожалению, двусмысленны. Морфология — не только наука, но и совокупность объективно существующих в языке способов и средств построения и изменения слов, а синтаксис — не только наука, но и совокупность объективно существующих и действующих в языке способов и средств построения предложений. Так что всегда нужно иметь в виду, какое именно из двух значений каждого термина — «морфология» и «синтаксис» — применяется; в противном случае наука подменяется ее объектом, или наоборот.

Словообразование — учение о способах и средствах образования новых слов от уже существующих, о типовых отношениях, сложившихся в языке между производящими и производными словами. Этот термин применяется и для обозначения названных только что способов, средств и типовых отношений, т. е. и этот термин двусмысленный, и он обозначает не только науку, но и объект.

Семасиология (от греч. *sema* — знак, значение и *logos* — понятие, учение) — наука о смысловой стороне (значениях) слов и предложений, частей речи и членов предложений; при этом уже сейчас нужно предупредить читателя об опасности смешения языковых значений с конкретным содержанием, выражаемым словами и целыми предложениями. Семасиология изучает лишь языковые значения слов и предложений, что же касается конкретных мыслей, чувств, настроений и переживаний, выраженных словами и предложениями в том или ином тексте, они не являются объектом языкознания и лишь принимаются им во внимание. Подробнее о разграничении языкового и неязыкового в словах и предложениях будет сказано в главах, посвященных слову и предложению.

В связи с термином «семасиология» нужно сделать и еще одно пояснительное замечание. Иногда этот термин подменяется другим, одного с ним корня, — с е м а н т и к а. Такая подмена нежелательна. Семантикой следовало бы называть во всех случаях лишь смысловые значения слов, словосочетаний и предложений. В таком случае семасиология окажется наукой о семантике. Кстати, нужно иметь в виду то, что в лингвистической литературе термин «семантика» используется не вполне одинаково: в одних работах им обозначают лишь область словарных, лексических значений, в других же — всю совокупность языковых значений, включая и значения грамматические и стилистические. Именно такое применение термина «семантика» предпочтительнее.

К числу наук, изучающих структуру языка, относится и стилистика (от греч. *stylos* — палочка для письма). Это наука об основных разновидностях языка и речи, или стилях — художественном, публицистическом, деловом, научном, бытовом и т. д.

Особо нужно говорить о только что использованном разграничении понятий «язык» и «речь».

Язык и речь В лингвистике понятия «язык» и «речь» разграничивались фактически, хотя и без специального разъяснения и описания этого разграничения, крупнейшими лингвистами В. Гумбольдтом, Г. Штейнталем, Г. Шухардтом, А. А. Потемной, Ф. Ф. Fortunатовым, Н. В. Крушевским, И. А. Бодуэном де Куртенэ и др. Попытку теоретического разъяснения такого разграничения предприняли Ф. де Соссюр и Л. В. Щерба (см. его статьи «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» и «Очередные проблемы языковедения»).

Между тем наблюдения за процессом общения людей при помощи языка говорят о том, что разные люди во многих жизненных случаях и положениях применяют одни и те же единицы языка, по-разному их используя. Миллионы и, вероятно, уже миллиарды раз были применены людьми такие слова, как *дом, дорога, знать, жить, есть, пить, жилье, жизнь* и т. д. Миллионы и миллиарды раз были использованы членами коллектива различные «правила» изменения существительных по падежам и числам, «правила» соединения имен прилагательных с именами существительными, наречий с глаголами и т. д. Миллионы и миллиарды раз были построены предложения по одной и той же

грамматической схеме (по одному и тому же «правилу»): подлежащее + сказуемое + прямое дополнение (*Солнце греет землю. Мальчик любит конфеты. Я пишу письмо. Брат читает газету. Люди защищают жизнь.*)

Эти примеры не могут не убедить нас в том, что единицы языка (звуки, слова, словосочетания, предложения и др.) существуют в сознании коллектива в отвлечении от конкретных мыслей и чувств говорящего и только поэтому могут применяться свободно для выражения различных мыслей, чувств, настроений. Язык — это система материальных единиц, служащих общению людей и отражаемых в сознании коллектива в отвлечении от конкретных мыслей, чувств и желаний. Если бы единицы языка были постоянно привязаны к одним и тем же, определенным мыслям и чувствам, они совершенно не годились бы в качестве универсального орудия общения, способного выражать любые мысли и чувства. Основными единицами языка являются слова. Они общенародны и не «привязаны» ни к какому конкретному тексту, высказыванию. За ними исторически закреплены не те или иные конкретные мысли и чувства, а общенародные значения, сочетая которые, отдельные люди получают базу формирования и средство выражения конкретных мыслей и чувств.

Вот почему, если мы хотим изучить какой-то язык, мы и должны обратиться к грамматикам и словарям, в которых имеются научные сведения о единицах языка в отвлечении от конкретных мыслей и чувств, выражаемых этими единицами в различных жизненных ситуациях. Это отнюдь не означает, что в грамматиках и в словарях нет сведений о конкретном применении языковых единиц: такие сведения также нужны для понимания языка, потому что язык используется, реализует свои возможности в речи — письменной и устной.

Действительно, людям слова, грамматические формы и иные единицы языка нужны как раз для того, чтобы выражать с их помощью конкретные мысли и чувства. Люди, думая, сознавая, «сливают» определенные единицы языка со своими личными мыслями и чувствами. В результате и возникает речь, или язык в действии, в процессе применения для выражения конкретного содержания.

Если язык мы признали исторически возникшим сложным знаковым механизмом общения, то речью надо называть последовательность знаков языка, построенную по его законам из его «материала» и в соответствии с требованиями

выражаемого конкретного содержания (мыслей, чувств, настроений, состояний воли, желаний и т. д.) Взаимные соотношения и зависимости между языком и речью разъясняются на основе марксистского диалектического учения, в частности учения о соответствии и связи общего и отдельного.

Введением в науку термина «речь» признается тот очевидный факт, что общее (язык) и отдельное, частное (речь) едины и вместе с тем различны. Средства общения, взятые в отвлечении от какого бы то ни было конкретного их применения, мы называем языком. Те же самые средства общения, конкретно примененные, т. е. вступившие в связь с конкретным содержанием (мыслями, чувствами, настроениями человека), мы называем речью. Средства общения в возможности (потенции) — язык. Те же самые средства в действии (реализации) — речь. Общее (язык) выражается в отдельном, частном (речь). Отдельное, частное (речь) — это одна из многих конкретных форм общего (языка).

Язык и речь нельзя отрывать друг от друга, нельзя противопоставлять, забывая об их единстве. Но вместе с тем нельзя забывать и об их различии.

В речи единицы языка могут приобретать такие свойства, такие значения и осмысления, которых они не знают в языке. Например, едва ли кто-нибудь признает слова *Россия* и *Америка*, *кровь* и *золото* антонимичными (противоположными по значению). А между тем именно как антонимы эти слова употреблены в речи И. Эренбурга: «Наш народ не злой: он готов забыть горечь сорок второго года, когда Россия обливалась кровью, а Америка золотом».

В языке есть метафорические значения слова: *ножка* (стола), *шляпка* (гриба), *крылья* (самолета), *нос* (корабля), *хвост* (поезда). Но в языке нет метафорического приращения общепринятых языковых значений: *Мой стих трудом громаду лет прорвет* (Маяковский), *И яблочко-песню играл эскадрон смычками страданий на скрипках времен* (Светлов), *Отговорила роща золотая березовым веселым языком* (Есенин). В этих стихах мы чувствуем речевые значения слов, или, иначе, употребления их. Эти речевые значения (употребления) возникают в речи, они не свойственны словам как единицам языка, вернее, может быть, они «скрыты», «потенциально заложены» в словах и получают реализацию, осуществление в речи в связи с другими словами, в связи с конкретными мыслями и чувствами

автора. Известно, что Маяковский легко и во множестве создавал новые слова (*разулыбить*, *омолнистся*, *двухметроворостая* и т. п.). Почти все эти слова соответствуют законам нашего языка и потому в большинстве своем легко понимаются читателями и слушателями. И все же почти все они — факты речи В. В. Маяковского, они не вошли в язык (за исключением, разве, слов *молоткастый* и *серпастый*).

В процессе общения в соответствии с потребностями человеческого коллектива из речи отбираются такие ее элементы, которые могут служить всем, — они и становятся фактами языка; по-видимому, такие элементы речи редко бывают принадлежностью одного автора — они возникают одновременно во многих «местах» речи, потому что определенная общественная потребность улавливается сразу многими и язык многим же подсказывает, какие его средства могут быть по-новому введены в речь.

Можно думать, что роль отдельных людей в формировании речи очень значительна, хотя всегда и ограничена: ведь речь строится из единиц языка, а язык всегда общенароден. Но из речи отдельных людей очень немногое может попасть в язык, да и то в результате действия общей потребности в каком-то новом средстве языка. Вот почему роль отдельных людей в развитии языка незаметна: язык меняется независимо от воли и желания отдельной личности, стихийно, в процессе речевого общения.

В языке все правильно или нормированно. К языку неприложимы термины и определения «правильный», «неправильный», «точный», «неточный», «простой», «тяжелый», «легкий» и т. д. Но эти же определения вполне приложимы к речи, в которой достигается большее или меньшее соответствие как с правилами и нормами языка, так и с требованиями выражаемого ею содержания — логического, эмоционального, эстетического и иного. В речи могут возникать отклонения от правил языка, нарушения его норм, противоречия запросам содержания, вызываемые различными причинами.

В изучении большого и сложного круга вопросов, относящихся к проблеме «язык и речь», многое уже сделано. Но еще больше остается сделать. На этом пути науки можно ждать новых открытий.

II. Фонетика

Вслушиваясь в звучащую речь, мы замечаем, что она построена из звуковых отрезков различной длины и различного качества. Кратчайшим звуковым отрезком (и вместе с тем звуковой единицей языка) является звук речи. Из звуков строятся слоги.

Фонетика, как уже говорилось, — наука о звуковых средствах языка, прежде всего о звуках речи.

Звуки речи — явление сложное в том смысле, что каждый звук речи оказывается одновременно фактом физическим (акустическим), физиологическим и социальным (языковым), и нелегко совместить три подхода к изучению звуков — подход физика, физиолога и лингвиста.

Однако несомненно одно: лингвистическое изучение звуков речи не может не опираться на понимание их физической и физиологической природы, лингвист не может не владеть данными об особенностях образования звуков речи и их физических характеристиках.

Поэтому и наука о звуках языка (фонетика) внутренне расщепляется, разветвляется: помимо **ф у н к ц и о н а л ь н о й** фонетики (или, как часто говорят, фонологии), изучающей социальное использование звуков языка в процессе общения, существует **а р т и к у л ь т о р н а я** фонетика, изучающая физиологию образования звуков речи, и **ф о н е т и к а а к у с т и ч е с к а я**, изучающая физические свойства (характеристики) звуков. В практике исследования звуковой стороны языка не обязательно строгое разделение фонологии, артикуляторной и акустической фонетики; как раз часто бывает так, что фонологическая, акустическая и артикуляторная точки зрения совмещаются, взаимно усиливают и поддерживают друг друга. Фонолог, изучающий звуки языка как социальное явление, в их языковой работе и языковом развитии, опирается, как правило, на данные физического и физиологического изучения звуков речи. Фонетист-акустик и фонетист-физиолог не могут не принимать во вни-

мание чисто фонологических (лингвистических) данных о звуках языка.

Так возникает необходимость знакомства хотя бы с элементарными, важнейшими сведениями о физиологии и акустике звуков речи, а также со строением и работой речевого аппарата человека.

Речевой аппарат и его работа

Весь речевой аппарат человека принято подразделять на пять составных частей: 1) дыхательный аппарат, 2) гортань, 3) надставную трубу, которая включает в себя полость рта и полость носа, 4) органы произношения и 5) головной мозг, высшая нервная система человека.

Дыхательный аппарат — это грудная клетка, грудобрюшная преграда, легкие, бронхи и дыхательное горло. Каждая из составных частей дыхательного аппарата выполняет свойственные ей функции в общей деятельности организма. И вместе с тем каждая из них принимает участие в образовании звуков человеческой речи, так как весь дыхательный аппарат в целом создает необходимую для

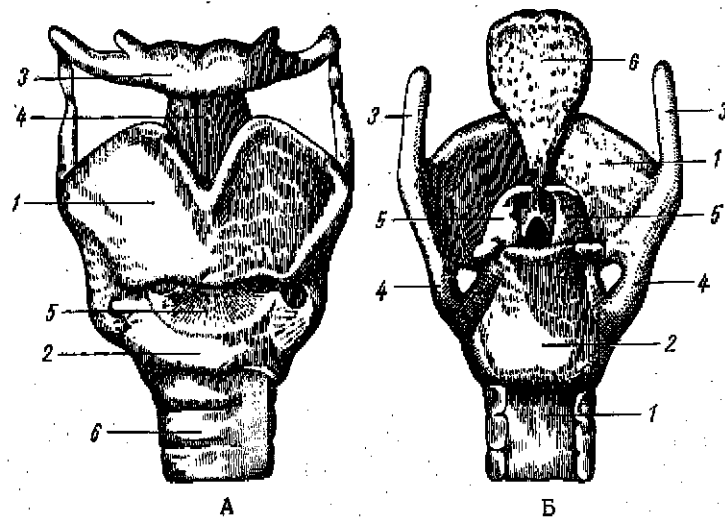

Рис. 1. Гортань

А. Гортань спереди: 1 — щитовидный хрящ; 2 — перстневидный хрящ; 3 — подъязычная кость; 4 — средняя щитоподъязычная связка (соединяющая щитовидный хрящ с подъязычной костью); 5 — средняя перстне-щитовидная связка; 6 — трахея
Б. Гортань сзади: 1 — щитовидный хрящ; 2 — перстневидный хрящ; 3 — верхние рога щитовидного хряща; 4 — нижние рога щитовидного хряща; 5 — черпаловидные хрящи; 6 — надгортанник; 7 — перепончатая (задняя) часть трахеи

образования звуковых колебаний воздушную струю, которая и поступает в гортань и надставную трубу.

Гортань представляет собой трубку из хрящей, соединенных короткими упругими мускульными связками; в системе хрящей, образующих гортань, выделяются перстневидный хрящ, щитовидный хрящ и черпаловидные хрящи (рис. 1). Поперек гортани, спереди назад, в том месте, где у мужчин выдается кадык, расположены два пучка упругих, эластичных мускулов — голосовые связки. Голосовые связки прикреплены к хрящам, образующим гортань, и благодаря подвижности хрящей изменяют степень натяжения (напряжения) и объем в поперечнике.

Можно различать три основных положения голосовых связок и образуемой ими голосовой щели (рис. 2). В поло-

Рис. 2. Различные формы голосовой щели

жении первом, свойственном свободному дыханию, не сопровождаемому речью, голосовые связки свободно расслаблены, а голосовая щель открыта. В положении втором (конечно, нумерация положений условна), свойственном дыханию, сопровождаемому звучащей речью, голосовые связки напряжены и натянуты, а голосовая щель закрыта. Воздух, нагнетаемый дыхательным аппаратом, с усилием прорывается сквозь голосовую щель, раздвигая и заставляя дрожать голосовые связки. Колебание (дрожание) голосовых связок получается ритмичным и чистым. Под влиянием колебания голосовых связок возникают колебания воздушной массы в полости рта и полости носа; эти колебания мы и воспринимаем как звук определенной высоты. В положении третьем, свойственном свободному дыханию, сопровождаемому шепотом, голосовые связки занимают среднее между первым и вторым положение; струя воздуха проходит сквозь голосовую щель с известным усилием, однако ритмичных колебаний голосовых связок не возбуждает: колебания возникают аритмично, и голоса не получается, появляется шепотный звук.

Значит, гласные и шепотные звуки возникают в гортани; в гортани же возникают и согласные звонкие звуки ([в, д, г, ж, з] и под.); однако процесс создания звуков в гортани начинается, но не заканчивается. Окончательный «вид» звуки приобретают в полости рта и носа (в надставной трубе) при участии органов произношения (языка, губ и др.).

Надставная труба служит тем резонатором, в котором создаются различные дополнительные тоны, наслаивающиеся на основной, полученный звуком в гортани. Эти дополнительные тоны меняются в зависимости от изменения размера и формы резонирующих полостей — рта и носа. Эти

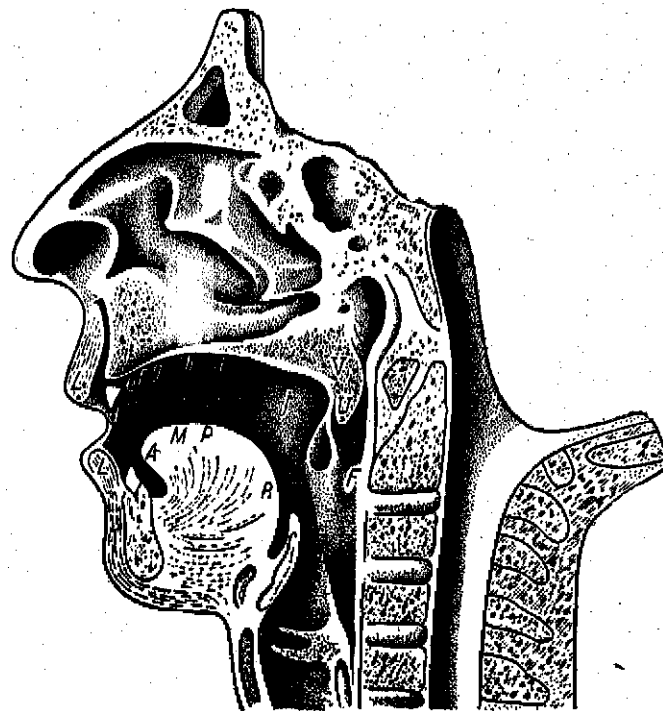

Рис. 3. Сагиттальный разрез головы с поднятым мягким небом

Активные органы: L — губы; A — передняя часть языка; M — средняя часть языка; P — задняя часть языка; R — корень языка; U — маленький язычок; Y — мягкое небо; F — задняя стенка глотки
Пассивные органы: d — край верхних передних зубов; a — задняя поверхность верхних передних зубов; i — альвеолы; g — передняя часть твердого неба; h — середина неба; j — передняя часть мягкого неба; j — задняя часть мягкого неба

полости отделены друг от друга передним (костным) и задним (мягким) нёбом (рис. 3), переходящим в нёбную занавеску и язычок. Нёбная занавеска, будучи приподнятой, закрывает проход в полость носа и, таким образом, выключает ее из состава надставной трубы, резонатора звуков речи. Гласные звуки получаются чистыми, или носовыми ([а, о, у] и под.). Нёбная занавеска, будучи опущенной, открывает проход в полость носа воздушной струе и таким образом включает носовую полость в состав резонатора. Звуки получаются носовыми, или назализованными (звуки, обозначавшиеся юсами в древних славянских языках, многочисленные носовые современного французского языка, гласные носовые [а] и [е] польского языка, согласные звуки [м] и [н] и т. д.).

Объем и форма резонатора (надставной трубы) заметно изменяются в зависимости от различий в положении языка, от раствора рта и положения губ. Именно этими причинами объясняется заметная разница в звучании гласных [о, а, и, у], немецких «у-умляют» и «о-умляют» и т. д.

В полости рта расположены органы произношения, т. е. те органы, работой которых обеспечивается окончательная «качественная отделка» каждого звука речи. Эти органы принято делить на активные (язык, губы) и пассивные (твердое и мягкое нёбо, зубы, десны, язычок). Такое деление вызывается тем, что в процессе образования звуков одни органы произношения подвижны, другие нет. Язык и губы, совершая движения по отношению к нёбу, деснам и зубам, активно влияют на качество звучания и, следовательно, на разграничение звуков. Нёбо, десны, зубы не совершают самостоятельных речевых движений, но они необходимы для образования звуков, так как именно по отношению к ним изменяют свое положение подвижные органы.

Органы произношения, сближаясь или даже смыкаясь друг с другом, создают препятствия на пути воздушного потока, идущего из гортани через надставную трубу. Наиболее активен в создании различных преград язык, кончик которого может приближаться и прикасаться к зубам, верхней десне и твердому нёбу в различных местах.

Вспомним в связи с этим, что английские согласные звуки, как правило, «тверже» соответствующих русских. Это объясняется как раз тем, что кончик языка при образовании русских [д, т, л, ч] и соответствующих английских занимает неодинаковое положение: произнося русский звук [д], мы кончиком языка притрагиваемся к зубам, произнося англий-

ский звук [d], мы должны будем кончик языка отодвинуть несколько назад и вверх — так, чтобы притронуться им к бугоркам, выступам на десне над зубами (эти выступы называются альвеолами).

Место и характер преграды, создаваемой органами произношения, меняются, поэтому меняются и способы преодоления этих преград. В зависимости от этого находится известное деление звуков на передне-, средне- и заднеязычные, губные и зубные, смычные, щелевые, смычно-проходные и т. д. Но подробнее об этом позже.

Всей работой речевого аппарата человека управляет центральная нервная система. Именно она посылает привычные команды в различные участки физиологического механизма, образующего звуки речи. Ей подчиняются органы произношения в своих движениях и в изменении своих положений.

Звуки речи мы не только произносим, но и слышим. В силу многократного повторного восприятия звука в нашем мозгу отлагается его отчетливый образ. Достаточно по каким-либо причинам возникнуть этому образу, как мгновенно приходят в действие соответствующие органы произношения, и мы готовы к произнесению звука.

Движения и положения органов произношения, необходимые для произношения того или иного звука, называются артикуляциями. Артикуляции совершаются в силу навыка и обычно не требуют никаких специальных усилий. Однако, если мы начинаем изучать новый для нас язык, мы обычно сталкиваемся с необходимостью усвоить некоторые непривычные для нас артикуляции.

Кто знакомился с английским языком, знает, как трудно взрослому человеку произнести некоторые английские звуки, например те, которые обозначаются в английском правописании сочетаниями букв *dh* и *th*. Русских, изучающих французский язык, обычно затрудняет произношение носовых гласных. При изучении польского языка русский сталкивается с той же трудностью (носовые гласные) и с «шпелелавостью» согласных. Все это потому, что привычные артикуляции русского языка часто не совпадают с артикуляциями других языков, и, изучая новый язык, приходится вырабатывать новые артикуляции.

Всю совокупность артикуляций, необходимых для свободного образования всех звуков какого-либо языка, принято называть артикуляционной базой этого языка. Из предшествующего изложения видно, что арти-

куляционные базы различных языков не совпадают друг с другом. К тому же надо сказать, что и артикуляционная база одного и того же языка не остается неизменной: составляющие ее артикуляционные навыки постепенно меняются под влиянием и чисто физиологических и физиолого-лингвистических условий. Это и оказывается одной из причин развития системы звуков отдельного языка.

*Акустические
свойства
звуков речи*

В середине XX столетия успешно развивается изучение звуков речи при помощи специальных приборов, позволяющих объективно регистрировать многие существенные для языка физические свойства звуков речи. В числе этих приборов — различной сложности кимографы, механически записывающие на особых лентах звуковые колебания воздуха, создаваемые произнесением отдельных звуков; осциллографы — переводящие звуковые колебания воздуха в колебания электрического тока и записывающие эти колебания; магнитофоны, записывающие и воспроизводящие звуки с той скоростью и последовательностью, которая нужна экспериментатору-фонетисту; самыми сложными и совершенными приборами пока являются электрические спектрографы, позволяющие записывать и анализировать «акустический состав» звука, видеть его внутреннее физическое строение.

В настоящее время физические свойства звуков речи изучаются не только лингвистами, но и психологами, инженерами, математиками, педагогами, физиками. Наши знания об акустике звуков речи стали более полными и точными, и это помогает улучшать и уточнять и чисто лингвистическое (фонологическое) изучение звуков.

Каковы же современные представления об акустике звуков речи (если иметь в виду лишь самое основное и элементарно необходимое)?

Каждый звук характеризуется прежде всего высотой, силой, тембром и длительностью. Эти свойства (характеристики) присущи и звукам речи.

Материальная основа всех этих характеристик одна и та же — колебания воздуха, вызываемые колебаниями того или иного физического тела. Колебания воздуха и воспринимаются органами слуха как звуки, имеющие высоту, силу, тембр и длительность.

Колебания физического тела (деревянной или металлической пластины, струны, голосовых связок и т. д.) могут быть ритмичными, упорядоченными, или аритмичными, не-

упорядоченными. В зависимости от этого возникают звуки определенной, устойчивой частоты, или тоны, и звуки неопределенной, неустойчивой частоты, или шумы; нередко тон и шум объединяются в один смешанный тоно-шумовой звук.

Высота звука прямо зависит от числа полных колебаний в единицу времени, например в секунду. Полным колебанием называется отклонение физического тела, например струны, в одну сторону, затем в противоположную и возврат в исходное положение. Колебаниям тела соответствуют колебания (сгущения и разрежения) воздушной среды между колеблющимся телом и воспринимающим звук аппаратом.

Частота колебаний измеряется единицами, которые называются герцами (сокращенно *гц*); один герц соответствует одному полному колебанию звучащего физического тела.

Оказывается, человеческое ухо воспринимает в качестве звуков (слышит) колебания упругой (обычно воздушной) среды в пределах от 15 до 20 000 *гц*. Колебания меньше 15 *гц* и больше 20 000 *гц* перестают восприниматься ухом взрослого человека.

Музыкальные звуки, извлекаемые из различных музыкальных инструментов или создаваемые человеческим голосом, обычно имеют частоты в пределах от 60 до 600 *гц*; например, звук «до» первой октавы имеет частоту в 256 *гц*, «до» второй октавы — 64 *гц*, «до» третьей октавы — 512 *гц*.

Физическое тело, создающее звуковые колебания, обычно колеблется не только в целом, но и в отдельных своих частях или участках. Колебания частей физического тела оказываются кратными числу колебаний всего тела. Например, если струна в целом дает колебания в 30 *гц*, то колебания ее частей (половины, четверти, восьмой и т. д.) будут иметь частоту в 60, 120, 240, 960 *гц*. Тон, порождаемый колебаниями всего физического тела, называется основным (он обычно самый сильный), тоны, рожденные колебаниями частей звучащего тела, называются частичными, или обертонами (от немецкого слова *ober* — верхний; обертоны имеют большую частоту, нежели основной тон). Обертоны придают звуку ту своеобразную окраску, которую и называют тембром.

В акустике широко используется понятие «гармоника». Гармоника — это любой звук, частота которого в кратное число раз больше или меньше частоты данного звука. Например, звук «ля» первой октавы имеет частоту в 431 *гц*; гармониками этого звука окажутся звуки с частотами в 216, 108, 54, 862, 1724 *гц* и др. Таким образом, обертоны обычно являются гармониками основного тона. Звук представляет собой совокупность тонов, гармонично настраивающихся на основное звучание. Это справедливо не только по отношению к звукам музыкальных инструментов, но и к звукам человеческой речи — таким, как [а, о, у, и, ы] и другие гласные.

Очень важную роль в акустической характеристике звука играет интенсивность колебаний звучащего тела, величина отклонения от исходного положения. Эта величина называется а м п л и т у д о й. От амплитуды зависит сила звука. Но ведь звук оказывается часто, как об этом уже сказано, сложным, состоящим из нескольких тонов — основного и его гармоник.

В таких случаях большое значение приобретает соотношение амплитуд разных тонов, из которых складывается изучаемый нами звук. Например, если основной тон звука имеет частоту в 30 гц, а гармонические обертоны имеют частоты в 60, 120, 240, 480 и 960 гц, то возможны различные соотношения амплитуд этих шести частот. Изменение этих соотношений (например, увеличение амплитуды обертона в 60 гц и уменьшение амплитуды обертона в 480 гц или увеличение амплитуды обертона в 240 гц и уменьшение амплитуды обертона в 120 гц) меняет качество звука. Таким образом, тембр звука зависит не только от числа и частот обертонов, наслоившихся на основной тон, но и от соотношения амплитуд всех тонов, образующих звук.

Это обстоятельство имеет весьма важное значение в понимании так называемых ф о р м а н т, занимающих видное место в современной акустической фонетике, изучающей звуки человеческой речи.

Дело в том, что собственные звуковые колебания физического тела (значит, и голосовых связок) могут усиливаться различными резонаторами, т. е. другими физическими телами, или «воздушным столбом», находящимся в пустом пространстве (например, в полости рта или носа); при этом необходимо, чтобы эти другие физические тела (или «воздушный столб») имели собственные колебания, совпадающие по частоте с колебаниями звучащего тела. Резонанс — это звуковые колебания, порожденные воздействием других колебаний той же частоты.

Различные резонаторы усиливают разные составные тоны одного и того же звука. И вот именно те тоны звука, которые получают наибольшее усиление благодаря влиянию резонаторов, и называются ф о р м а н т а м и звука. Как показали исследования, форманты устойчиво характеризуют звуки человеческой речи, в особенности гласные. При помощи электрических спектрографов получены точные данные, позволяющие «увидеть» и вычислить тоновый и формантный состав различных звуков различных языков. Установлено, что наибольшее значение для акустической ха-

Русский		Английский	
Звуки	Частоты двух первых формант	Звуки	Частоты двух первых формант
а	620 и 1070	а	700 и 1100
и	230 и 2220	і	400 и 2100
у	240 и 615	и	450 и 1000
о	510 и 850	о	550 и 900
э	420 и 1950	е	500 и 1800

рактеристики гласных звуков имеют первые две форманты, т. е. наиболее близкие по частоте к основному тону. Вот экспериментальные данные о частотах первых двух формант для некоторых гласных русского и английского языков.

Несмотря на всю округленность и приближенность этих цифр, они сами говорят за себя. Так, первые форманты русских гласных [и, у] очень близки друг другу, но зато вторые форманты этих же гласных резко отличаются друг от друга, что и позволяет объективно, с помощью прибора устанавливать различие между звуками и даже узнавать их по спектрограмме. Вместе с тем очевидна близость звука [а] русского языка и соответствующего звука английского языка, как очевидны и различия (хотя и незначительные) более «переднего» [і:] английского языка и более «заднего» [и] русского языка.

Однако и формантный анализ звуков речи не дает вполне надежной и полной картины их физического облика. Этот анализ схватывает звук в один из моментов его произнесения.

Между тем в живой звучащей речи гласные и согласные имеют длительность, протяженность во времени, т. е. они «текут», развиваются, движутся, они не статичны, как на спектрограмме, они динамичны. И хотя длительность звуков речи невелика (приблизительно она может быть указана в пределах от 20 до 220 миллисекунд), она достаточна для того, чтобы качество звука успело измениться. А это означает, что в живой речи каждый звук имеет не одну формантную характеристику, т. е. может оказаться так, что начало звука по частотам формант будет заметно отличаться от его середины или от его окончания. Именно этим объясняется то, что до сих пор науке не удалось создать приборы, «узнающие» и различающие звуки речи так, как их узнает и различает человек. Этим же объясняется и то, что отдельные звуки, «вынутые» с помощью фонограмм (записи на киноленте или магнитной ленте) из их живого потока в речи и вос-

произведенные изолированно или в необычных для них сочетаниях с другими звуками, нередко не узнаются слушателями.

Опыты показали, что различимость, узнаваемость разных звуков речи неодинакова и нередко зависит от того, что слушатель как бы заранее предупреждается уже произнесенными и услышанными звуками о том, какой звук должен идти дальше. Например, если слушатель уже воспринял и осознал ряд звуков: [он папшл фки], тем самым он (слушатель) уже получил необходимую информацию, чтобы узнать еще не произнесенные и не услышанные звуки [но].

Понятие о фонеме Беглое знакомство с образованием и физической стороной звуков речи позволяет сделать попытку усвоения некоторых сведений из теории фонемы.

Русскими учеными И. А. Бодуэном де Куртене и Л. В. Щербой было обращено внимание на реальное противоречие между сравнительно небольшим числом звуков языка, обозначаемых на письме и усваиваемых при обучении языку, и практически бесчисленным количеством разных физических звуков, из которых складывается речь. В самом деле, в слове *железнодорожный* разными людьми в разных условиях будут произнесены разные физические звуки в одних и тех же слогах: например, звук [о] в слове *рож* будет произнесен неодинаково по высоте, силе, длительности и даже тембру. И, однако, каждый русский этот звук обозначит одинаково — буквой о, не обратив внимания на речевые его изменения.

Это противоречие и побудило ученых создать и развивать теорию фонемы. В настоящее время известна не одна точка зрения на сущность фонемы. В этом пособии нет возможности излагать борьбу научных мнений по такому сложному вопросу теории¹. Поэтому читателю будет предложена лишь одна из гипотез, стремящихся истолковать природу фонемы. Эта гипотеза, по мнению автора книги, восходит к учению акад. Л. В. Щербы.

В своем труде «Фонетика французского языка» Л. В. Щерба писал: «... в живой речи произносится значи-

¹ Студенту полезно познакомиться со взглядами на фонему, высказанными проф. Р. И. Аванесовым («Фонетика современного русского литературного языка», 1956), проф. С. И. Бернштейном (БСЭ, т. 45, статья «Фонема»), проф. Н. С. Трубецким («Основы фонологии», 1960), проф. М. В. Пановым («Русская фонетика», 1967).

тельно большее, чем мы это обыкновенно думаем, количество разнообразных звуков, которые в каждом данном языке объединяются в сравнительно небольшое число звуковых типов, способных дифференцировать слова и их формы, т. е. служить целям человеческого общения. Эти звуковые типы и имеются в виду, когда говорят об отдельных звуках речи. Мы будем называть их фонемами».

Это скупое определение сущности фонемы требует некоторых пояснений.

1. Каждый произнесенный нами звук имеет свою высоту, силу, тембр и длительность. Ударяемый звук в слове *каша* произносится по-разному разными людьми, да и одним и тем же человеком в разное время и в разных условиях (например, во время пения и в обычном разговоре, в маленькой комнате и большом зале с хорошими акустическими свойствами). Однако все видоизменения в произношении ударяемого звука в слове *каша* не мешают нам узнать это слово в речи, отличить его от других слов. Это значит, что при всех физических различиях ударяемый звук в слове *каша* остается в каком-то смысле тем же самым — видимо, потому, что одни его физические признаки меняются, другие остаются неизменными.

2. Наблюдения убедят нас в том, что изменение одних физических признаков произносимых нами звуков безразлично для языка, т. е. не меняет различительной способности звука. Например, в слове [вада] один человек произнесет гласные сильнее, другой — слабее, один выше, другой ниже, один длительнее, другой короче. Это не помешает говорящим по-русски узнать именно слово *вода*, не устранит и не нарушит различительной способности звуков. А изменение других физических признаков меняет различительную способность звука, т. е. приводит к замене одного звука языка (фонемы) другим. Например, если в слове *был* заменить первый звук парным ему глухим, это скажется на узнавании слова: слушатель будет осознавать не глагол *быть* в прошедшем времени, а имя существительное *пыл*.

3. Те физические признаки, изменение которых безразлично для языка, т. е. используются говорящими для различения морфем, слов и их форм, называются различительными, или дифференциальными. Остальные физические признаки могут быть названы нейтральными, или безразличными. Конечно, реальные звуки состоят как из тех, так и из других. Однако различия

тельные признаки в процессе общения могут рассматриваться как главные.

Но это вовсе не значит, что с точки зрения чисто физической нейтральные признаки окажутся несущественными или ненужными в составе звука.

4. Разграничение различительных и нейтральных признаков позволяет объяснить то противоречие, на которое обратили внимание И. А. Бодуэн де Куртене и Л. В. Щерба. Подобно тому как одно и то же дерево, например береза, в каждом отдельном случае чем-то отличается от другой какой-либо березы, один и тот же звук языка, например, фонема [a] видоизменяется в различных случаях ее речевого применения. Но ведь из индивидуальных различий двух берез никто не делает вывода, будто в одном случае имеет дело с березой, а в другом с дубом. Точно так же из индивидуальных речевых различий двух применений звука [a] нельзя делать вывода, будто в одном случае перед нами звук [a], в другом — некий новый звук не [a].

Одна и та же фонема может менять свое звучание, но лишь в тех пределах, которые не затрагивают ее различительных признаков. Если же один из таких признаков окажется устраненным и замещенным иным различительным признаком, одна фонема превращается в другую.

5. Различительные (дифференциальные) признаки фонемы — не абстракция, созданная умом ученых, а физическая реальность, поддающаяся строгому и точному измерению и описанию. Акустическая характеристика формантного состава звуков языка (о чем рассказывалось в разделе об акустических свойствах звуков) говорит об этом достаточно убедительно.

6. Лингвисты пытаются установить тот «набор» различительных признаков, которым пользуются (в разной мере) все языки мира. Задача заманчивая, но еще далекая от убедительного решения. Но кое-что для ее решения все же сделано. Известно, например, что в разных языках используются фонемами такие различительные признаки, которые принято обозначать терминами гласный, согласный, глухой, звонкий, твердый, мягкий, носовой, ротовый, смычный, щелинный, передний, непредний и т. д. Американские ученые Р. Якобсон, Г. Фант и М. Халле высказали гипотезу о том, что в различных языках мира используется двенадцать пар различительных фонемных признаков. Отдельные языки и их группы характеризуют-

ся своими «наборами» различительных признаков, составленными из описанных учеными двенадцати пар.

7. Фонемы противостоят друг другу в языке как различители морфем, слов и их форм. В практике речевого общения люди привыкают узнавать различительные признаки фонем, не замечая изменения нейтральных. Но те физические признаки, которые в одном языке нейтральны, в другом могут оказаться различительными. Так, в русском языке длительность и краткость гласных не используется для различения морфем, слов и их форм. В английском и немецком долгота и краткость — дифференциальные (различительные) признаки фонем. В русском носовое произношение гласных не используется для целей общения, во французском и польском — используется. В английском и французском нет противопоставления твердых и мягких согласных, в русском есть. Таких различий в языках мира очень много. Они характеризуют всю звуковую систему каждого конкретного языка и вызывают трудности при изучении иностранных языков.

8. Картина фонемного состава языка становится менее ясной и нередко искажается, когда мы начинаем присматриваться к тому, как «ведут себя» фонемы в живой звучащей речи. Они связываются друг с другом, сливаются в непрерывные звенья, включающие по нескольку звуков, ослабляются и усиливаются, укорачиваются и удлиняются, меняют свой тембр, иногда перестают опознаваться как определенные фонемы. Какую фонему слышит говорящий по-русски в слове *выветрились* на месте второй гласной буквы? А какую на месте третьей? Едва ли акустические эксперименты покажут здесь звуки с формантами фонем [э] и [и]. Фонемы нейтрализуются, становятся звуковыми слагаемыми слова, но теряют свою различительную силу, так как перестают узнаваться.

Фонемы варьируют в речи свои дифференциальные признаки. Это варьирование может носить лингвистический (языковой) и нелингвистический характер. В первом случае оно вызывается действием некоторых языковых законов и свойственно речи всех говорящих на определенном языке, как на родном. Например, все русские произнесут звук [o] по-разному в слове *лот* и в слове *лёт*; каждый владеющий русским литературным языком произнесет неодинаково звук [a] в слове *дома* и в слове *домá*. Каждый русский на конце слова заменит звонкий согласный глухим и т. д.

Во втором случае, т. е. когда варьирование фонем имеет неязыковые причины, оно оказывается для языка случайным, необязательным. Например, то, что взрослый мужчина произнесет звуки слова *заря* низким тоном, а девочка — высоким, для языка необязательно, случайно, нехарактерно, как нехарактерно для него и то, что в большом зале с хорошей акустикой звучание фонем окажется иным, чем в шалаше под соломенной кровлей.

9. Варианты фонемы принято называть только те ее видоизменения в потоке речи, которые вызваны языковыми причинами и носят обязательный характер для всех говорящих на определенном языке как родном. Варианты могут быть сохраняющими фонему или нейтрализующими ее. В случаях *этот — эти, лот — лёт, дёма — домá, рот — театр, лев — цикл* перед нами варианты фонем [э], [о], [а], [р], [л]. Не прибегая к помощи специальных приборов, а лишь внимательно вслушиваясь в звучание перечисленных звуков в каждой паре слов, мы заметим некоторое различие физического облика каждой фонемы. И ни в одном случае у нас не возникнет сомнения, какой именно звук перед нами. Значит, в этих примерах мы встретились с сохраняющими фонему ее вариантами.

В других же случаях фонема оказывается нейтрализованной ее вариантом, т. е. она перестает узнаваться слушателем. Какой звук в слове *подошел* на месте первого *о* при условии литературного произношения? А какой звук в слове *перелетели* на месте первых двух букв *е*? Можно ли узнать звук в слове *выделавший* на месте букв *е, а, и*?

В сущности, такие варианты фонемы не являются различителями морфем слов и их форм; вернее, они участвуют в различении не прямо, а косвенно, будучи связанными с другими фонемами в одно слово.

10. Принципиально иначе обстоит дело тогда, когда фонемы варьируют в силу случайных, неязыковых причин. В произношении мальчика, женщины и старика звуковой облик, например, слова *луговой* окажется различным. Однако состав фонем остается одним и тем же, и каждая фонема будет точно узнана и говорящим и слушателем. Это объясняется не только тем, что в таких случаях сохраняются как реальные физические величины дифференциальные признаки фонем (эти признаки сами по себе могут несколько измениться), но и тем, что и мальчик, и женщина, и старик сохраняют в своей речи одинаковые физические отношения между соседними фо-

немами речи. Так, в слове *луговой* каждая из фонем будет произнесена различно мальчиком, женщиной и стариком; однако свойственное языку различие соседних фонем слова будет сохранено одинаково и мальчиком, и женщиной, и стариком; у каждого говорящего есть в сознании свой отпечаток набора фонем, свойственных языку; эти отпечатки неодинаковы по размеру, окраске, отчетливости и т. д. Но все они передают одни и те же различия между фонемами, сохраняют одни и те же расстояния между ними, рисуют одну и ту же общую картину фонемного состава языка и сочетания фонем в речи.

Таким образом, индивидуальное варьирование фонем отдельными говорящими, как и варьирование фонем в различных ситуациях речевого общения (на улице, в концертном зале, за обеденным столом и т. д.), не затрагивает систему фонем, т. е. совокупность сходств и различий их дифференциальных признаков. Поэтому индивидуальное и ситуационное варьирование фонем не принимается во внимание лингвистикой в описании и классификации фонем и их языковых вариантов.

11. Практическое разграничение фонем и их вариантов опирается на различительную функцию фонемы, предполагающую навык говорящего и слушателя узнавать фонему и отсутствие навыка в узнавании вариантов фонемы, которые не слышатся без специальной направленности нашего внимания.

Для того чтобы определить, являются ли интересующие нас звуки речевого потока самостоятельными фонемами или же только их вариантами, проверим, если это возможно, различительную способность звуков. Например, сходные фонетически звуки русского языка [л] и [л'] могут быть приняты как варианты одной фонемы. Для проверки этого предположения возьмем такие слова, как *пыл, был, дал, зал, вол*, и заменим в них последний звук соответствующим мягким; получим новые слова или неосознаваемые сочетания звуков *пыль, былль, даль, заль, воль*. Очевидно, что твердый и мягкий звуки [л] и [л'] различают морфемы и слова, т. е. являются фонемами.

Однако в некоторых случаях такой эксперимент невозможен. Например, нам не удастся проверить таким образом различительную способность звуков, начинающих словоформы *это* и *эти* или употребленных в корне слов *даль* и *далекий*. Один из звуков каждой пары находится в таком фонетическом положении, в котором никогда не может

быть другой: [э] в первом слове стоит перед твердым согласным, [э] во втором — перед мягким; [а] в первом слове стоит под ударением, [а] во втором — в первом слоге перед ударением. О таких случаях нередко говорят, что звуки находятся в отношении дополнительной дистрибуции; при этом словом дистрибуция обозначается «окружение», в котором находится интересующий нас звук, его соседство с другими звуками. Два звука (или иных элемента языка) находятся в отношении дополнительной дистрибуции тогда, когда один из них имеет дистрибуцию, которую никогда не имеет другой. Два сходных фонетически звука, находящихся в отношении дополнительной дистрибуции, являются вариантами одной и той же фонемы.

В пособиях и статьях по русской фонетике содержатся противоречивые суждения о согласных [г], [к], [х] и их парных [г'], [к'], [х']. Между тем различительная функция этих звуков очевидна. Об этом говорят и существующие (хотя и немногие) слова — такие, как *гойс, гяур, кювет, кюветка, кюрасо, кюре, кюри, кюрид, кюринцы, Кяхта, кяхтинский, кяриз, Хюрт* (город в ФРГ), *Хяме* (губерния в Финляндии) и т. д. Об этом говорит и речевой эксперимент — замена в распространенных русских словах (*каша, кон, куры, холод, хата, горы, газы, губы, лук, док, бок*) твердых [г], [к], [х] соответствующими мягкими; облик слова искажается при этом до неузнаваемости. Предположение о том, что различителями слов являются не твердые и соответствующие мягкие звуки, а идущие за ними гласные (*кури и кюри, хата и хята*), отпадает потому, что звуки, обозначенные в этих случаях буквами *у* и *ю, а* и *я*, — несомненные варианты одних и тех же фонем и не могут поэтому различать слова и их формы.

Таким образом, мы подошли к необходимости определить фонему как одну из основных единиц языка и речи.

Фонема — это наименьшая звуковая единица языка, способная различать морфемы, слова и их формы и видоизменяемая в речевом потоке в пределах, не нарушающих тождества ее различительных признаков.

Варианты фонемы — ее фонетически сходные разновидности, отличающиеся друг от друга частичным изменением отдельных различительных признаков и находящиеся в отношении дополнительной дистрибуции.

Фонемы выделяются в процессе речевого общения на основе многократного восприятия и воспроизведения зву-

чания многих и различных слов, а не их морфологического, морфемного состава. Фонемы способны различать морфемы, слова и их формы независимо от конкретного облика и морфемного состава того или иного слова. Фонемы противопостоят друг другу своими различительными признаками в языке в целом, а не в отдельных морфемах. Отдельные же морфемы могут выражаться в разных случаях различным составом фонем: *бег-у* и *беж-ишь* имеют одну и ту же корневую морфему, в двух фонетических разновидностях. То же можно сказать и о случаях типа [дом] — [дамá]: ведь в [дамá] звучат те же гласные, что и в [самá], [зар'á], [нагá] и т. п.

Для обозначения ряда чередующихся фонем и их вариантов в составе одной и той же морфемы существует термин **морфонема**. Но морфонема — это не только одна и та же фонема в ее вариантах, но и ряд разных фонем и их вариантов.

Классификация звуков речи (фонем)

Изучение родного и иностранных языков в школе дает человеку первое, элементарное представление о классификации звуков речи (фонем). Но в школе мы обычно не думаем о том, какова же основа этой классификации, какие стороны звуков принимаются во внимание при их разграничении.

Может быть, в основу классификации ученые кладут физиологические особенности звуков: не случайно мы говорим о звуках язычных, зубных, носовых и т. д.?

Но ведь с равным правом мы можем предположить, что в основу классификации берутся физические признаки звуков: мы называем их звонкими, глухими, долгими, краткими и т. д.

Думается, что ни то, ни другое предположение не верно, хотя каждое и содержит в себе зерно истины.

Ведь мы классифицируем не вообще любые произносимые и слышимые звучания, а звуки речи, фонемы. Фонемы же — факты языковые, социальные. Значит, основания для классификации звуков речи у нас лингвистические: классифицируя звуки, мы принимаем во внимание прежде всего различительные признаки фонем. Но так как фонемы — это реальные физические факты, производимые работой речевого аппарата, то естественно, что, разграничивая фонемы, мы даем им физическое и физиологическое обозначение и объяснение в самой классификационной терминологии. Таким образом, мы принимаем во внимание

не только социальную, но также физическую и физиологическую стороны звуков.

Любая фонема включает в свой состав голос (звучание определенной высоты) и шум (звучание неопределенной высоты). И вот в одних фонемах голос преобладает над шумом, в других — шум над голосом. Это различие в соотношении между голосом и шумом позволяет все звуки разделить на две группы — сонорные (от лат. *sonorus* — звучный, звучащий), или голосовые, и шумные. В составе сонорных преобладают гласные звуки, которые образуются почти без примесей шумов; кроме того, к сонорным относятся согласные [л, н, р, м, ј], при образовании которых голос явно господствует над шумом; именно поэтому в обычном школьном делении звуков на гласные и согласные промежуточное между ними положение занимают [л, м, р, н]. Сонорным противостоят шумные согласные, в которых шум сильнее голоса [д, т, с, з, в, ж] и т. д.

Гласные звуки В разных языках количество гласных различно: например, в современном русском их шесть, а в современном немецком — тринадцать. Изучать состав звуков, конечно, легче в родном языке. Поэтому общее знакомство с гласными мы и начинаем, имея в виду их особенности в современном русском литературном языке.

Мы хорошо слышим различие между гласными. Но в чем оно состоит? В длительности? Нет, в русском языке длительность, как мы видели, не является различительным признаком фонем. В силе звучания? Тоже, по-видимому, нет. В высоте тона? В какой-то степени, и только: звуки [и], [э], как правило, выше по тону, чем, скажем, звуки [а], [ы]. Но ведь очевидно, что это различие не имеет дифференцирующего значения: даже один человек может произнести [а] выше в одних условиях, чем [и] — в других.

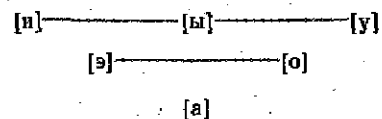
Различие между гласными русского языка — в особенностях типичной для каждого из них окраски или тембра. Именно тембром, окраской отличается [о] от [и] и т. д.

Классифицируя гласные, мы должны их как-то обозначать, называть. Но у нас нет прилагательных или каких-либо других слов, которые позволили бы нам назвать типичную для каждого звука окраску. Вероятно, поэтому в основание терминологии гласных звуков (а дальше мы увидим, что и согласных) наука положила указание физиологических различий между ними.

Но физиологически гласные различаются прежде всего положением языка и губ, раствором губ, раствором рта, участием или неучастием полости носа.

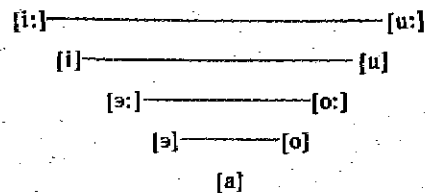
При образовании одних гласных язык своей передней частью поднимается и продвигается вперед ([и], [э]), такие гласные получили название звуков переднего ряда. При образовании других гласных язык приподнимает свою среднюю часть — это звуки среднего ряда ([а], [ы]). При образовании третьих язык средне-задней частью поднимается и продвигается назад — это звуки заднего ряда ([о], [у]). Только что показанное деление называется делением по месту подъема языка. Иным получается деление, если принимать во внимание степень подъема языка. По этому признаку различаются: звук нижнего подъема [а], звуки среднего подъема [э], [о] и верхнего подъема [и], [ы], [у].

Описанное деление гласных иллюстрируется удачно так называемым треугольником Л. В. Щербы. Вот он:

Здесь размещение букв слева направо показывает место подъема языка при образовании соответствующих звуков, и значит, скажем, звук [и] более передний по сравнению с [э]; размещение букв снизу вверх показывает степень подъема языка при образовании соответствующих звуков.

Уже упоминалось, что количество и качество гласных в разных языках различно, поэтому и треугольники получаются разные. Так, подобный треугольник придется несколько видоизменить для схематического изображения гласных немецкого языка:

Этот треугольник — неполный: в него не попали четыре звука переднего ряда: два звука «у-умляют» и два звука «о-умляют». Знаком [i] обозначен звук, близкий русскому

[и], знаком [и] — звук, произносимый в немецком почти как русское [у]. Знак с двоеточием справа — долгий гласный в отличие от обычного.

Почему на этом треугольнике получилось не три уровня, как мы могли бы ожидать, а пять? Да потому, что степень подъема языка при образовании звуков [и], [э], [о], [у] обычных и соответствующих им долгих неодинакова.

В зависимости от участия губ гласные подразделяются на огубленные, или лабиализованные (от лат. *labium* — губа), и неогубленные, или нелабиализованные. Лабиализованные звуки произносятся при условии большего или меньшего выдвижения и округления губ: [о], [у] и их видоизменения в разных языках. Кстати, гласный [и] произнесенный с выдвижением и округлением губ, превращается в немецкое «у-умляют», а [э] — в «о-умляют».

Отличаются гласные друг от друга и степенью раствора рта. Возьмем зеркало и произнесем, наблюдая положение рта, звуки [и], [э], [а]. Мы легко заметим, что произнося [и], почти не раскрываем рта, поэтому говорят, что звук [и] принадлежит к числу «узких»; произнося звук [а], мы заметно открываем рот — звук [а] принадлежит к числу «широких».

Чтобы закончить схематическую характеристику гласных, остается сказать об их делении на носовые и чистые. В современном русском языке носовых гласных нет, в древности у славян они были и сохранились до сих пор в польском языке. Много носовых гласных имеет французский язык. Носовые, как уже говорилось раньше, отличаются от неносовых тем, что при их произношении поток воздуха, идущий из гортани, попадает в полость носа, где и создаются дополнительные колебания, сообщающие звуку характерное «носовое» звучание. Можно лишь упомянуть, что в некоторых языках гласные делятся также в зависимости и от длительности их звучания.

О согласных звуках Уже говорилось о том, что согласные звуки противопоставляются гласным по соотношению голоса и шума: согласные звуки — шумные, хотя в их составе может присутствовать и голос (тон определенной высоты). Это физическое отличие согласных звуков от гласных связано и с отличиями физиологическими: а) при образовании согласных на пути выдыхаемой воздушной струи обязательно создается то или иное препятствие, свободного прохода не оказывается, гласные же звуки образуются при наличии в полости рта или

носа относительно свободного прохода для выдыхаемой воздушной струи; б) при образовании согласных нет равномерной напряженности всего речевого аппарата, напряженными оказываются лишь те его «участки», где создается преграда воздушной струе; при образовании гласных речевой аппарат равномерно напряжен; в) образование согласных вызывает сильную воздушную струю, образование гласных — слабую; это объясняется необходимостью при образовании согласных преодолевать преграду, созданную органами произношения.

Как классифицирует согласные звуки современная наука о языке?¹

Обычно согласные различаются и систематизируются по таким признакам: а) место образования звука, т. е. участие в образовании преграды определенного активного органа речи (языка, губ); б) способ образования звука, т. е. та «работа» активного органа речи, которая создает преграду; в) соотношение голоса и шума в согласном звуке, зависящее от степени участия голосовых связок в его образовании; г) дополнительная к основному тембру окраска звука.

Классификация согласных по месту образования, как уже сказано, учитывает, движениями каких активных органов (и какого их участка) создается преграда на пути воздушной струи, идущей из гортани через полость рта и носа. По этому признаку согласные делятся на губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, увулярные, фарингальные и гортанные.

Губные. При их образовании преграда создается сближением нижней губы с верхней губой [п, б, м, п', б', м'] или верхними зубами [ф, в, ф', в']. Соответствующие звуки получили название губно-губных, или билабиальных (от лат. *labium* — губа и *bi* — двух-), и губно-зубных, или лабиодентальных (лат. *dentalis* — зубной).

Переднеязычные. При их образовании преграда создается сближением языка (его передней части и кончика) с зубами, зубами и альвеолами или альвеолами. Передняя часть языка, особенно его кончик, очень подвижна, поэтому

¹ Здесь даются очень краткие сведения о классификации звуков; подробнее см.: Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1960; Матусевич М. И. Введение в общую фонетику. М., 1959.

может принимать разнообразные положения, менять свою форму и величину сближаемых с зубами и альвеолами участков. От этого и зависят подразделения переднеязычных.

Так, различаются дорсальные звуки (от лат. *dorsum* — спина), например [т] и [д] в русском; звуки апикальные (лат. *apex* — кончик), например [t] и [d] в английском; какуминальные (лат. *casumen* — верхушка), например [р] в русском.

Чем же они отличаются друг от друга? Дорсальные — тем, что при их образовании кончик языка опущен к нижним зубам, а передняя часть спинки языка приближена к верхним зубам и альвеолам; апикальные — тем, что при их образовании кончик языка приподнимается вместе с передней частью спинки к верхним зубам и альвеолам; какуминальные — тем, что при их образовании передняя часть спинки языка несколько вогнута внутрь, а кончик языка приподнят.

Среднеязычные. При их образовании преграда создается сближением средней части спинки языка с твердым небом (лат. *palatum*); поэтому среднеязычные иногда называют палатальными. Примерами палатальных могут служить русский звук [й] (йот) и немецкий *ich — Laut* (в словах *ich, mich* и т. д.).

Заднеязычные. При их образовании преграда создается сближением задней части спинки языка с мягким небом (лат. *velum*); поэтому такие звуки называют и веларными. К их числу принадлежат г, к, х.

Увулярные. При их образовании преграда создается сближением мягкого неба и маленького язычка с задней частью языка; маленький язычок по латыни *uvula*, поэтому звуки — увулярные; пример — немецкий звук *ach-Laut* (в словах *ach, Vuch* и др.).

Фарингальные. При их образовании преграда создается в полости глотки (греч. *pharynx* — зев, глотка) ее сужением, связанным с движением корня языка назад и сокращением мускулов, находящихся в стенке зева. Фарингальные встречаются в языках чаще, чем это можно предположить. Например, есть такие звуки в английском, аварском, арабском, украинском (*hora, голова*), немецком (*Held* — герой, *haben* — иметь) языках.

Гортанные. Очень близки к фарингальным (глочным). Образуются в гортани при работе голосовых связок и представляют собой шум, возникающий при прохождении воздушной струи через голосовую щель. Часто гортанные и

фарингальные не различаются (вместе именуются гортанными).

На деление согласных по активному органу (или месту образования) наслаивается их деление по способу образования, т. е. в зависимости от того, какое положение занимают органы речи, создавая преграду.

По этому признаку деление согласных допускает некоторое варьирование. В этом пособии будет дан один из возможных вариантов, по которому согласные делятся на четыре типа — **смычные, щелевые, смычно-щелевые и смычно-проходные.**

Смычные. При их образовании органы речи смыкаются и закрывают проход воздушной струе. Артикуляция таких звуков имеет три элемента — смычку (имплозию), выдержку и взрыв (эксплозию). Смычка, выдержка и взрыв происходят очень быстро, поэтому такие звуки называют и мгновенными: [д, т, б, п, к, г, д, т, р] и др. В момент взрыва воздушная струя с силой вырывается за пределы образования смычки, за преграду.

Щелевые. При их образовании органы речи не смыкаются, а образуют, сближившись, очень узкую щель; через нее с трением проходит воздушная струя, возникает шум (с примесью голоса или без него), который мы и воспринимаем как согласные звуки: [в, ф, ж, ш, щ, х, в, ф] и др.

Смычно-щелевые. При их образовании вначале происходит смычка, раскрываемая не взрывом, а переходящая незаметно для говорящего и слушателя в щель; артикуляция этих звуков «сливает» начальные элементы артикуляции смычных с артикуляцией щелевых; звук получается сложным по артикуляционному строению: [ц] можно представить себе образованным путем слияния [т] и [с], звук [ч] — путем слияния мягкого [т] и мягкого [ш] и т. д.

Щелевые иначе называются фрикативными (от лат. *fricare* — тереть), а смычно-щелевые — аффрикатами (от лат. *affricata* — притертая).

Смычно-проходные. При их образовании одни органы речи (или их участки) образуют смычку, а другие — проход для воздушной струи; часть идущего через полость рта воздуха взрывает преграду, а другая часть свободно идет через проход. Если этот проход открыт в полость носа, создаются такие согласные, как [м] и [н]; если проход возникает по бокам языка, получается согласный [л]; если проход чередуется со смычкой, образуется звук [р]. Звуки [м], [н] (и их соответствия в других языках) называются

носowymi, звук [л] — боковым, или латеральным (от лат. *lateralis* — боковой), звук [р] (и его соответствия и разновидности) — дрожащим. Все смычно-проходные называются согласными сонорными, или сонантами, потому что они звучнее остальных согласных и по соотношению голоса и шума примыкают к гласным звукам, образуют переход от согласных к гласным.

Разумеется, предложенная здесь читателю классификационная схема очень неполно и лишь в самых главных линиях отображает реальное многообразие звуковых различий по месту и способу образования, существующих в звуковых системах многих языков мира.

По соотношению голоса и шума, т. е., иначе говоря, по участию голосовых связок в образовании звуков, все они делятся на звонкие и глухие.

В образовании звонких голосовые связки участвуют активно, создавая тон определенной высоты, или голос, на который и наслаивается шум, образуемый различными преградами в полости рта или гортани: [д, л, ж, з, в] и т. д. В образовании глухих голосовые связки участвуют пассивно, не создавая тона, или голоса, а лишь еле заметно примешивая в отдельных случаях шум к тому основному шуму, который возникает в полости рта, зева или гортани; практически согласные глухие можно рассматривать как образованные без участия голосовых связок: [ш, т, к, п, ч] и т. д.

Дополнительная к основному тембру окраска согласного звука зависит от так называемой дополнительной артикуляции — от подъема средней части спинки языка к твердому небу или от подъема задней части спинки языка к мягкому небу. В первом случае, т. е. когда дополнительно к основной артикуляции средняя часть спинки языка поднимается к твердому небу, создается та окраска согласного звука, которую по акустическому впечатлению называли «мягкостью»; мягкие согласные иначе называются палатализованными (от лат. *palatum* — твердое небо); они очень отчетливо даны в русском языке: [л', д', т', р', с', з'] и т. д. В разных языках степень палатализованности звуков различна; есть языки, которым палатализация неизвестна.

Во втором случае, т. е. когда задняя часть спинки языка продвигается к мягкому небу, возникает такая окраска звука, которая создает акустическое впечатление большей, чем обычно, твердости; соответствующие звуки называются веляризованными (от лат. *velum* — мягкое небо). В русском

языке могут веляризоваться многие согласные (за исключением заднеязычных), если оказываются перед гласными [y], [ы]: *лыко, луки, думы, лыжи* и т. д. Веляризация в русском создает варианты фонем, но не самостоятельные фонемы.

По дополнительной окраске можно бы выделить среди согласных и назализованные звуки, т. е. такие, в произношении которых принимает участие и полость носа, однако не меняя акустического впечатления, производимого основной артикуляцией; к числу назализованных некоторые исследователи относят звуки [j], [s], [l].

Таким образом, если учитывать при характеристике согласных четыре показанных признака (место образования, способ образования, участие голосовых связок и дополнительную артикуляцию), каждый согласный звук можно будет определять перечислением его четырех признаков. Например, звук [л] русского языка — переднеязычный, смычно-проходной, латеральный, твердый; звук [j] «йот» — среднеязычный, щелевой, звонкий, мягкий (при его образовании подъем средней части спинки языка к твердому небу — основная артикуляция); звук [d] английского языка — переднеязычный, альвеолярный, взрывной, звонкий, твердый; звук [w] английского языка — губно-губной, щелевой, звонкий, твердый; звук [l] итальянского языка — переднеязычный, передненебный, смычно-проходной, сонорный, полумягкий; и т. д.

Такая характеристика согласных хотя и удобна и проста, но недостаточно точна и гибка для того, чтобы можно было строже описывать многообразие сходных и различных звуков разных языков. В настоящее время наука вырабатывает акустическую классификацию и акустические характеристики согласных звуков, применяя, в частности, изучение их формантных особенностей. Таким образом, появилась возможность, измеряя с помощью приборов формантный состав звуков, их длительность и силу, построить новую, акустическую классификацию как гласных, так и согласных фонем отдельных языков и их типов.

На основе все более точных и полных характеристик фонем, уточнения представлений об их различительных признаках наука успешно развивает теорию системы фонем, показывающую строгую сеть совпадений и различий дифференциальных признаков совокупности фонем того или иного языка, сложную картину функциональных (в процессе речевого применения) и генетических (в процессе

развития языка) связей и отношений между звуками; каждая фонема имеет свое определенное место в их системе, устанавливаемое совпадениями и расхождениями различных признаков всех фонем языка.

О слоге и слогаделении

В фонетике большое внимание уделяется изучению слога. Практически слоги нам очень хорошо известны. В начальных классах школы дети учатся читать по слогам, и это дополнительно свидетельствует о том, что слог — очень реальная единица языка. Но что она собою представляет? Какова его природа?

Представим себе, что мы слышим иностранную и неизвестную нам речь. Мы не сможем воспринимать ее содержание, но тем не менее сможем высказать некоторые суждения о ее звуковой структуре. В каком-то смысле непонимание чужой речи даже поможет нам в выделении элементов ее звуковой структуры. Вслушиваясь в поток звуков, образующих речевую последовательность, или записав этот поток с помощью специального прибора на ленту (получится кривая линия, графически изображающая звучание речи), мы установим так называемое звуковое членение речи, ее деление на большие и меньшие «куски», отрезки.

Возьмем для опыта нашу русскую речь и отвлечемся от ее содержания, направив внимание на ее звучание. Например: *На холмах Грузии лежит ночная мгла; Шумит Арагва подо мною. Мне грустно и легко; печаль моя светла; печаль моя полна тобою...* (А. С. Пушкин).

Звучание этого куска речи не представляет собой непрерывного потока звуков, поток расчленен паузами, перерывами: *На холмах Грузии / лежит ночная мгла / Шумит Арагва подо мною / Мне грустно и легко / Печаль моя светла / Печаль моя / полна тобою.* Есть паузы, соответствующие концу высказывания, они глубже, длительнее внутрифразовых. Поток звуков между «глубокими» паузами называется интонационной фразой, поток звуков между двумя соседними паузами называется речевым тактом; внутри речевого такта пауза нет, и звуки следуют непрерывно один за другим: *на холмах Грузии лежит ночная мгла* и т. д.

Внутри речевого такта средством членения становится не пауза, а переход одних звуков в другие; речевой такт членится на слоги и отдельные звуки.

Таким образом, слог оказывается единицей звукового внутритактового членения речи: *на-ход-мах-Гру-зи-и ле-жит-но-чна-я-мгла.*

Какими акустическими признаками характеризуется слог и как он может быть определен? Мнения специалистов по этим вопросам не вполне совпадают. Мы примем одно из мнений, близкое взглядам Л. В. Щербы.

Внутри каждого речевого такта есть звуки разной степени тоновости и сонорности (или звучности): причем обычно к каждому из наиболее тоновых и сонорных звуков примыкает один или несколько слабых тоновых, слабосонорных и шумных звуков; в русском языке, как мы знаем, к гласному звуку примыкает один или несколько согласных; речевой такт состоит из нескольких нарастаний и спадов тоновости и звучности (сонорности); часть речевого такта, характеризующаяся усилением тоновости и звучности, и есть слог.

Граница между слогами проходит там, где заканчивается спад существующей тоновости и звучности и начинается усиление последующей: *раз-дол-бить, ар-ти-лле-ри-я, вы-дви-же-ни-е* и т. д. Деление на слоги *разд-олб-ить* невозможно не по морфологическим, а по фонетическим причинам: оно нарушило бы непрерывность и «легкость» нарастаний и спадов тоновости и звучности, так как противоречило бы «естественным» связям между соседними в речевом потоке звуками.

Для образования слога обычно нужен гласный звук (ведь именно гласный наиболее отчетливо передает определенный тон и наиболее свободно усиливает звучность); но могут быть слогаобразующими и сонорные согласные, например в чешском: *trh* (горг, базар), *vrba* (верба), *vlk* (волк), *plný* (полный), *vlna* (волна и шерсть).

Ударение
(«слоговой акцент»), словесное ударение
и ударение фразовое.

Словесным ударением называется изменение силы звучания или тона слогаобразующего звука. Обычно говорят о пяти типах словесного ударения: ровное, восходящее, нисходящее, восходяще-нисходящее, нисходяще-восходящее.

Если ударение ровное, сила или тон слога заметно не меняется; если ударение восходящее, сила или тон повышается к концу слога; если ударение нисходящее, сила или тон понижается к концу слога; при восходяще-нисходящем или нисходяще-восходящем ударении сила или тон меняется дважды — и повышается и понижается.

Разновидности «неровного» ударения известны во многих древних и новых языках, например в древнегреческом, китайском, вьетнамском, латышском, сербском, шведском и др.

Словесным ударением называется выделение одного из слогов в слове путем усиления звучности, изменения тона или увеличения длительности.

Если ударный слог выделяется среди других усилением звучности, такое ударение называется силовым, или динамическим.

Если ударный слог выделяется среди других изменением тона, ударение называется музыкальным. Таким ударением обладал древнегреческий язык. Из современных языков таким ударением пользуется японский и шведский (конечно, и другие, менее известные).

Если ударный слог выделяется среди других увеличением длительности, ударение называется квантитативным, или количественным (лат. *quantum* — сколько). Обычно квантитативность существует не в чистом виде, а налагается на другие средства — динамичность или музыкальность. Так, в немецком или русском языке ударение динамическо-квантитативное; как показали наблюдения с помощью специальных приборов, в русском языке ударные гласные отличаются от неударных не только силой, но и длительностью; то же самое — во многих других языках.

В многосложных словах ряда языков, кроме главного, может оказаться и второе, побочное, второстепенное ударение. Оно обычно заметно отличается отчетливостью от главного, но все же выделяет «свой» слог среди неударных: *чистопи́сáние, природо́ведение, паровозре́монтный. Blümenkártén* (цветник), *Blümenmádchen* (цветочница) и т. д.

Есть языки, в которых словесное ударение почти не заметно, практически, по-видимому, не осознается. К таким языкам Л. В. Щерба относит французский; по мнению известного фонетиста проф. Л. Р. Зиндера, нет словесного ударения в ряде языков севера и северо-востока Азии и Северной Америки (так называемые палеоазиатские языки) и в некоторых языках тунгусо-маньчжурской группы.

Но и в языках, которым свойственно словесное ударение, оно дается не каждому слову. Например, обычно лишены ударения так называемые частичные слова — предлоги, союзы, связки, артикли и т. п. И полнозначные слова могут терять ударение, тесно объединяясь в речи с сосед-

ними словами: *э́тоза́чем?, кудá́жеты?* и им подобные. Нередко случается, что неполнозначное слово, обычно не имеющее ударения, перетягивает его на себя, лишая ударности слово полнозначное: *пóблугу, пóнебу, нáруку, нáслово, нáдень* и т. д. Для безударных слов, примыкающих в речи к словам ударяемым, созданы специальные термины — проклитика (от греч. *proklitikos* — наклоняющийся вперед) и энклитика (от греч. *enklitikos* — наклоняющийся назад). Проклитиками называются слова, не имеющие ударения и примыкающие в произношении к ударяемым словам спереди (*полуга́м* и *полеса́м, незна́л, о́чем идúмать*); энклитиками называются слова, не имеющие ударения и примыкающие в произношении к ударяемым словам сзади (*бóнто зна́лли? А вы́то что́же?* и т. д.).

Место ударения в слове в разных языках не одинаково. По этому признаку различается, во-первых, ударение *одноместное* (или *связанное*) и *разноместное* (или *свободное*) и, во-вторых, ударение *подвижное* и *неподвижное* (постоянное).

Одноместным называется ударение, падающее в любых словах на один и тот же по счету слог. Так, в венгерском, латышском, чешском языках ударение всегда падает на первый слог слова; в польском и малайском — на предпоследний; во французском и турецком — на последний и т. д. В русском — ударение *разноместное*: в разных рядах слов оно оказывается на разных местах; сравним: *вбля, гóрод, дбля, нйжний, лётний, вблнть, дблать, ббгать; река́, рука́, молодóй, золотóй, впередí, напролóm, чнть, узнавáть; полёсье, узнавáние, прелёстный, неубдбный, выпрямнтьный, отремонти́ровать, перечнтьвать* и т. д.

Неподвижным (постоянным) называется ударение, не переходящее с одного слога на другой при изменении грамматических форм слова (т. е. при склонении, изменении по родам, спряжении и т. д.). Такое ударение свойственно очень многим языкам. В русском — ударение *подвижное*, потому что оно может менять свое место в разных грамматических формах одного и того же слова: *трава́, но тра́вы* (мн. ч.), *дóрог, но доро́га, хожу́, но ходи́шь* и т. д. Однако если ударение может менять место, это не значит, что оно меняет место в каждом слове: во многих отдельных русских словах ударение *неподвижно* (*кни́га, берёза, золотóй, вбснный, чнть* и др.).

Какова роль, функция словесного ударения?

Прежде всего, оно фонетически организует слово, стягивает в единый звуковой комплекс звуковую словесную оболочку. Одновременно ударение способствует отграничению одного слова от другого в потоке речи, т. е. помогает членению этого потока на слова (помогает, но само по себе не обеспечивает такого членения). В языках, где ударение подвижно, оно участвует в выражении и различении лексических и грамматических значений (о чем будет сказано ниже).

В высказывании словесные ударения не одинаковы по силе и тону: *Летят перелетные птицы в осенней дали голубой. Летят они в жаркие страны, а я остаюсь с тобой.* Наиболее интенсивные словесные ударения в высказывании называются фразовыми и служат (вместе с интонацией) для членения и выражения его содержания.

Интонация

Как правило, интонация принадлежит высказыванию, предложению, а не отдельному слову, взятому вне высказывания; разумеется, и части высказывания тоже имеют свою, хотя и незавершенную, интонацию. Интонация — одно из самых поразительных богатств языка, которым надо бережно и умело пользоваться.

Но какова же природа интонации, что такое интонация? Может казаться, что интонация — это повышения и понижения тона, сопровождающие высказывания. На самом деле интонация значительно сложнее: она включает в себя не только изменение высоты тона, но одновременно изменения интенсивности звучания, изменения тембра, а также паузы, т. е. перерывы в звучании. А в целом интонация — это движение, изменение, динамика тона, сопровождающего, окрашивающего высказывание. Звуковая сторона любого высказывания сложна, многопланова, она включает в себя и звуки речи, и их объединения в слоги, и организацию слогов в речевые такты, и словесные и фразовые ударения, и, наконец, охватывающую и пронизывающую все это интонацию. Неподвижной, нединамичной интонации нет уже потому, что нет неподвижной, нединамичной речи: речь — всегда движение. Вместе с движением, развертыванием речи движется и интонация, меняя и высоту тона, и его силу, и его темп, и его окраску (тембр) и паузы. Почему так сложна и динамична интонация? Потому что она своеобразно выражает сложность и динамизм значений, передаваемых высказываниями и их частями. Можно сказать и больше: интонация передает сложные оттенки работы сознания и участвует в их форми-

ровании, подобно тому как слово участвует в формировании мысли.

Индивидуальна или социальна интонация? Навязывается она языком или «изготавливается» говорящим в речи?

Конечно, интонация социальна — в том смысле, что язык вырабатывает и дает говорящим «наборы» интонационных рисунков, интонационных схем, которые и применяются в речи. Так, существует в современном русском языке интонационный рисунок простого повествовательного предложения, простого вопросительного предложения, простого побудительно-восклицательного предложения и т. д. Эти рисунки заданы нам языком точно так же, как заданы слова, способы и средства их образования и изменения и многое другое, из чего складывается язык. Но в речи эти рисунки трансформируются, видоизменяются — в пределах, допускаемых закономерностями языка. Эти видоизменения интонационных рисунков объясняются влиянием на внешнюю оболочку высказывания его внутреннего содержания. Возникают, таким образом, варианты интонационных рисунков (схем), отличающиеся друг от друга несущественными для типа высказывания сдвигами интонации, сдвигами ее тона, темпа, тембра, пауз и т. д. Кроме того, на варианты интонационного рисунка наслаиваются еще такие его видоизменения, которые уже выходят за пределы языка и носят лингвистический характер, так как вызываются индивидуальными особенностями говорящего, — скажем, резкие интонации одного и мягкие другого, интонации ребенка и взрослого, больного и здорового и т. д.

Современная лингвистическая наука только приступает к систематическому объективному изучению интонации и ее типов в разных языках. О многом в этой области только строятся гипотезы, еще нет проверенных фактических данных, многое находится в стадии поиска.

Исторические и функциональные изменения фонем

В процессе исторического развития языка и его речевого функционирования фонемы подвергаются различным изменениям. Будем различать исторические (генетические) изменения фонем и изменения функциональные. Исторические изменения сказываются в исчезновении одних фонем и появлении других в системе языка; например, у древних славян в так называемую общеславянскую эпоху были носовые гласные [ɔ̃] и [ɛ̃], впоследствии исчезнувшие (их сохранил польский язык); в древнерусском языке были «слабые» гласные, обозначавшиеся бук-

вами *ъ* и *ь*, а также гласный, обозначавшийся буквой *ѣ*, все эти три фонемы исчезли; в древнерусском языке развитие противопоставление твердых фонем мягким, в результате чего количество фонем возросло. Функциональные изменения фонем, в отличие от исторических, свойственны языку вполне определенного исторического периода и наблюдаются не во времени, а в «речевом пространстве»; такие изменения сказываются не в исчезновении одних фонем и появлении других в системе языка (следовательно, не в изменении свойственного языку набора фонем), а в их (фонем) варьировании и чередовании, обычно в пределах одной и той же морфемы. Вызываются функциональные изменения фонем либо живыми, действующими звуковыми (фонетическими) законами, либо сложившейся в языке традицией.

Функциональные изменения фонем могут выражаться в их варьировании или в их чередовании. И то и другое обычно происходит (и потому может хорошо наблюдаться) в пределах одной и той же морфемы. Например, в двух формах одного слова *этот* и *эти* фонема [з] звучит в двух своих вариантах — «открытом» и «закрытом». В двух формах слова *бал* — *балы* фонема [л] имеет варианты — более слабый и более сильный. Две формы слова *даль* (*даль* и *в даль*) показывают вариантное звучание фонемы [а].

Чередования фонем замечаются нами легче, чем варьирования, а потому и примеры обнаруживаются быстрее и кажутся убедительнее: *лед* (на конце слова фонема [т]) — *льды*, *лоб* (на конце слова фонема [п]) — *лбы*, *рожь* (на конце — фонема [ш]) — *во ржи*, *роз* (на конце — фонема [с]) — *роза*, *лодка* (перед *к* звучит [т]) — *лодочник*, *ложка* (перед *к* звучит [ш]) — *ложечка*, *домá* (звучит [дамá]) — *дом*, *водá* (звучит [вадá]) — *водный* и т. д.

Варьирования и чередования фонем бывают либо комбинаторными, либо позиционными. Комбинаторные вызываются взаимным влиянием фонем, находящихся по соседству, и объясняются связностью произносительных работ, артикуляций, производящих звуки. Каждый произносимый нами звук языка имеет три «рабочих» артикуляционных фазы — экскурсию (приступ), выдержку и рекурсию (отступ). Экскурсия — это переход органов произношения от положения, в котором они находились, к положению, которое требуется произносимым звуком. Выдержка — это положение артикулирующих органов в момент производства звука. Рекурсия — это выход органов произношения из

положения выдержки. Рекурсия предшествующего звука переходит в экскурсию последующего. Органы произношения, создав один звук (например, звук [л] в глаголе *были*), перестраиваются для производства следующего звука, приспособляя свои движения и свое положение к его особенностям (поэтому в нашем примере, в глаголе *были*, звук [л] становится мягким).

Для обозначения типов комбинаторных изменений фонем применяются прежде всего три термина: аккомодация, ассимиляция и диссимиляция.

Аккомодация — это приспособление одних звуков к другим. Обычно, когда говорят об аккомодации, имеют в виду влияние гласных на произношение согласных и влияние согласных на произношение гласных: *этот* — *эти* (влияние твердого [т] и мягкого [т'] на произношение [э]), *пел* — *пели* (влияние гласного [и] на [л]) и т. д.

Ассимиляция — это уподобление одного звука другому в потоке речи, приобретение фонетического сходства. Например, если предшествующий звук звонкий, а следующий — глухой, то предшествующий может стать глухим; если предшествующий звук твердый, а последующий мягкий, то предшествующий может стать мягким и т. д. В русском языке ассимиляция наблюдается достаточно часто и разнообразно: [м'лад'ой], но [мал'ой'ик], [вaz'йт'], но [в'оскá], [лад'já], но [л'откá] и т. д. Обычно это неполная ассимиляция, при которой, несмотря на сходство одних признаков, сохраняется различие других, и тождества взаимодействующих звуков не возникает. Но встречается и полная ассимиляция, когда взаимодействующие звуки становятся совершенно одинаковыми и часто сливаются в один: [вaz'йт'], но [в'ош'ик].

Ассимиляция есть в немецком, французском, испанском, итальянском, латинском и многих других языках. Разновидностью ассимиляции является так называемый сингармонизм гласных, свойственный языкам тюркской, финно-угорской, тунгусо-маньчжурской и некоторых других языковых групп. Термин «сингармонизм» образован от греческих слов *syn* — вместе и *harmonia* — созвучие. Им обозначается уподобление гласных звуков в аффиксах гласному звуку корня; степень этого уподобления может быть различной; но, как правило, уподобление происходит по признаку принадлежности к переднему или заднему ряду. Поэтому, например, в каждом венгерском слове при-

меняются либо только гласные переднего, либо только гласные заднего ряда (за исключением «нейтральных» к сингармонизму звуков); сравним также татарские слова *баш-лар-да* (на головах) и *Европа илльрендэ* (в странах Европы), ясно различающие характер и степень уподобления.

Диссимилиация — явление, обратное по сравнению с ассимиляцией; это расподобление звуков, т. е. утрата ими общих фонетических признаков. Диссимилиация свойственна обычно живой, ненормированной, т. е. не упорядоченной строгими правилами литературного языка, речи. Например [бѳнба] вместо *бомба*, здесь утрачивается общий признак — губное произношение; или [дилѳктор] вместо *директор*, здесь два случая расподобления (диссимилиации): [кт] перешло в [хт], следовательно, утрачен общий признак смычности, и [р] перешел в [л] — утрачен признак дрожания.

Ассимиляция и диссимилиация могут различаться по направлению влияния звуков друг на друга и по расстоянию, на которое распространяется влияние.

По направлению влияния различаются прогрессивные и регрессивные изменения звуков. Если последующий звук изменяется под влиянием предшествующего, такое изменение называется прогрессивным (идушим вперед): по турецки *ев* значит дом, *евлер* — дома, *евлердэ* — в домах; здесь ясно видно, как распространяется влияние гласного корня на гласные аффиксов. Если же изменяется предшествующий звук под влиянием последующего, перед нами регрессивная ассимиляция (или аккомодация, диссимилиация), идущая назад: [бѳнба], [л'бѳ'ик], [вадá — на вад'ѳ] и т. д.

По расстоянию влияния различаются контактные и дистантные изменения звуков. При контактном изменении взаимодействующие звуки стоят рядом, при дистантном — разделены другими звуками: *дилѳктор* — пример дистантного изменения, а в случаях *лѳчик*, *мальчик* (сравним *мал*, *малый*, где [л] твердое), *издѳть* — контактные изменения.

Очень распространена во многих языках так называемая редукция (от лат. *reducere* — возвращать, приводить в известное состояние). Она обычно относится к числу позиционных изменений, т. е. таких, которые вызваны положением звука в слове, позиций (начало слова, конец слова, под ударением, не под ударением и т. д.).

Применительно к языку термин «редукция» означает ослабление звуков под влиянием тех фонетических условий, в которых звуки оказываются. Одним из таких условий может быть (в некоторых языках) безударное положение звука, в других — положение согласного на конце слова (точнее, на конце речевого такта, т. е. перед паузой) и т. д.

В русском литературном языке гласные редуцируются не под ударением, а согласные — перед паузой.

Гласные, редуцируясь, могут, теряя часть звучности, потерять и свое качество, т. е. отождествиться с другим звуком.

Например, звук [о], редуцируясь, переходит в звук [а]: [дѳрѳк], [дарѳжѳ], [мѳлт], но [малѳжѳ] и т. д. Такая редукция называется качественной. Если же качество звуков сохраняется при редукции, она называется количественной: в словах *пыль* и *пылѳть* один и тот же звук [ы], хотя в слове *пылѳть* он слабее, чем в слове *пыль*. Однако надо признать, что четкого деления редукции на качественную и количественную реально нет; редукция обычно носит количественно-качественный характер.

Редуцироваться, как уже говорилось, могут не только гласные, но и согласные. Наиболее известным видом редукции согласных является их ослабление на конце слова перед паузой, следствием и выражением этого и оказывается свойственное некоторым языкам, в частности русскому, оглушение звонких согласных в конце слова: [дуп], [бѳп], [рош], [ѳш], [клѳф], [лоф], [шак], [лок] и т. д.

Чередования фонем могут быть, как уже сказано, живыми, актуальными, и традиционными, пережиточными. Живые чередования регулярны, не «привязаны» ни к каким определенным словам, их формам или морфемам, т. е. лексически и грамматически не обусловлены: они обусловлены лишь фонетически, потому что возникают в результате действия живых звуковых законов. Традиционные чередования в современном языке не регулярны, лексически или морфологически ограничены — и это потому, что они не подчинены ныне действующим, живым фонетическим законам, а являются либо наследием ранее действовавших фонетических законов, либо возникли вообще помимо их действия — нефонетическим путем.

Например, в случае *хожу* — *ходит* — *хождение* чередование фонем [ж] — [д] — [жд] не обусловлено живыми фонетическими законами, т. е. для современного русского

языка не обязательно, не регулярно. В этом легко убедиться, взяв другой пример: *веду* — *ведет* — *ведение*. Если бы в первом случае чередование фонем вызывалось фонетическими причинами, оно наблюдалось бы и во втором случае. Но этого нет. Нет именно потому, что в первом случае чередование фонем — историческое, традиционное, остаточное.

Исторические чередования могут быть результатом, наслідием прошлых звуковых изменений. Когда-то славяне не могли произнести [г] перед [и] и другими гласными звуками переднего ряда: звук [г] изменялся в потоке речи в звук [ж] или [з]. Некоторые из этих изменений приобрели морфологическое или лексическое применение, т. е. стали различителями грамматических форм слов или самих слов, например стали различать формы лица, числа, падежа и т. д. С течением времени славяне изменили свои артикуляционные навыки и стали произносить звук [г] перед гласным переднего ряда (конечно, это происходило стихийно, не контролировалось сознательными намерениями человека), но морфология и лексика задержали существовавшие звуковые изменения, превратив их в чередования звуков в определенных морфемах, фонетически необязательные. Подобным же образом преобразовались звуковые изменения [к] в [ч] и стали чередованиями звуков [к] и [ч]. Примеров можно привести много — не только из истории русского, но и из истории многих других языков.

От исторических чередований, возникших фонетически, нужно отличать чередования нефонетические, вызванные лексическими или морфологическими причинами. Так, в русском языке чередуются полногласные и неполногласные сочетания звуков, например: *голова* — *главный*, *ворота* — *вратарь*, *берега* — *прибрежный*, *молоко* — *Млечный* (Путь). Эти чередования не фонетические: они возникли потому, что в свое время в русский язык пришло немало слов из болгарского языка, не совпадающих с русскими словами по звучанию, однако сходных с ними. Получилось так, что в современном русском языке есть и древнее русское слово *ворота* и древнее болгарское слово *вратарь* и т. д.

Форма множественного числа именительного падежа слова *луг* была в древнерусском — *лузи*; замена звуков [г] → [з] возникла по фонетическим причинам. Но затем эти причины перестали действовать. Та же грамматическая форма стала произноситься со звуком [г] (*луги*, затем *луга*). Никаких фонетических причин для такой замены не было,

звук [з] не переходил в русском языке в звук [г]. И все же звук [г] оказался на месте предшествовавшего ему в этой форме звука [з]. Это произошло в результате действия закона морфологической аналогии, морфологического уподобления одних форм слова другим. Древние русичи произносили на конце основы слова *луг* звук [г] в подавляющем большинстве падежных форм единственного и множественного числа. Некоторые же формы, в их числе и форма именительного падежа множественного числа, сохраняли некоторое время звук [з], возникший фонетическим путем ранее. Этот звук нарушал звуковой облик основы и постепенно был устранен.

Меньшинство форм уподобилось большинству по звучанию конца основы. Такое уподобление, ведущее к звуковому выравниванию всех падежных форм имени по их основе, соответствовало требованиям нам еще плохо известных законов психофизиологии, управляющих речевой деятельностью человека. Возникло чередование *луга* — *лужки* вместо древнего чередования *лузи* — *лужици*. Одновременно было устранено чередование *лугъ* — *лузи*.

Наука о языке, рассматривая различные звуковые изменения и чередования, выработала понятие о звуковых законах. Действительно, все звуковые изменения и чередования носят закономерный характер. Они объективны, т. е. не зависят от воли и желания отдельных людей, и они регулярны, т. е. осуществляются в определенных фонетических условиях всякий раз, когда эти условия оказываются налицо. Так, всякий раз, когда согласный звук в русском языке оказывается перед гласным переднего ряда, он смягчается. Всякий раз, когда согласные звуки [г, к, х] оказывались в древних славянских языках перед гласными переднего ряда (возникшими не из дифтонгов), они переходили соответственно в [ж, ч, ш]. Всякий раз, когда в германском языке — I—II вв. нашей эры — глухие согласные [f, p, h, s] оказывались в окружении звонких и после безударного слога, они озвончались (так называемый закон Вернера, по имени ученого, сформулировавшего этот закон).

Несмотря на очень многие попытки понять природу так называемых звуковых законов и пределы их действия во времени и языковом «пространстве», многое остается неясным.

В частности, остается неясным, можно ли приписывать возникновение и прекращение звуковых законов действию

физиологических причин, скажем, изменению речевых навыков, изменению артикуляционных привычек. Какова роль психологических причин — таких, как осознание сходств и различий между звуками? Можно ли думать, что звуковые законы находятся в известной зависимости от развития лексики и морфологии? Влияют ли и как именно на звуковые законы различного рода встречи, контакты, скрещивания языков и их диалектов? Какова роль письменности в сохранении и смене звуковых законов? И т. д.

Остается неясным и вопрос о строгой последовательности действия звуковых законов, якобы не знающих исключений. Все это — задачи современной исторической фонетики и фонологии.

III. Лексика и фразеология

Лексикой (от греч. *lexis* — слово) называется словарный состав языка. Наука, изучающая лексику, ее развитие и ее функционирование в речи, называется лексикологией. Главной единицей лексики (т. е. наименьшей ее составной частью) является слово. Поэтому учение о слове занимает в лексикологии важнейшее место.

Понятие о слове Каждый человек знает слово практически и каждый свободно может назвать ряд слов (*окно, земля, большой, зрелый, хорошо, гулять, читать* и т. д.). Однако определить слово теоретически оказывается не так просто. Науке известно немало определений слова. Например: «Слово — это комплекс звуков, имеющий значение». Но ведь и приставка, и суффикс — комплексы звуков, имеющие значение. Другое определение: «Слово — это сочетание звуков, выражающее понятие». Однако есть слова, которые не выражают определенных понятий (*да, нет, конечно, ах, ой, или, но* и т. д.); кроме того, понятие можно выразить и сочетанием слов, а не отдельным словом (*лист бумаги железная дорога, маленький медвежонок*); к тому же и термин «понятие» не имеет вполне строгого определения. Нередко считают, что слово — это единица языка, называющая предмет или явление действительности. Но ведь слова *ой, ох, увы, ух, ээ, от, или* ничего не называют. Утверждают также, что слово — это потенциальное предложение; при этом как бы забывается, что нельзя определять одно неизвестное (слово) через другое неизвестное (предложение), тем более, что это другое неизвестное обычно определяется в науке через первое, т. е. через слово.

Не будем же искать единственно правильное определение слова и возьмем такое, которое можно признать наиболее пригодным, способным удовлетворительно служить изучению языка: «Слово — это наименьшая смысловая единица языка, свободно воспроизводимая в речи для построения высказываний».

Проверим это определение. Возьмем для этого два-три слова, например *березняк, дорогой, петь*. Все они: 1) являются с м ы с л о в ы м и единицами языка в отличие от фонем и слогов, 2) свободно воспроизводятся в речи, т. е. не требуют обязательного сцепления со вполне определенными иными единицами; этим слова отличаются от морфем, которые воспроизводятся не свободно, а принудительно, в составе слова, т. е. в сцеплении с иными единицами; 3) оказываются н а и м е н ь ш и м и свободно воспроизводимыми в речи единицами языка и этим отличаются от словосочетаний; 4) участвуют в построении высказываний, т. е. применяются в целях общения.

Каждое слово представляет собою единство звучания и значения (смысла). Очевидно, нет слов, лишенных звуковой оболочки. Нет также слов, лишенных смысла, значения. Если русский человек услышит наборы звуков *тырлячок, кулымжа, утакан*, он откажется признать их словами, потому что они бессмысленные.

Любое слово любого языка включено в три главных типа отношений (или связей): 1) отношения к предметам и явлениям действительности, окружающей человека; 2) отношения к мыслям, чувствам и желаниям самого человека; 3) отношения к другим словам языка.

Нельзя понять сущность слова, если ничего не знать об этих отношениях.

Слово и предмет Нетрудно убедиться в том, что звучание слова не имеет никакой необходимой, зависящей от предмета и обусловленной качеством предмета связи с ним. Хорошо известно, что один и тот же предмет в разных языках обозначается разными словами, имеющими неодинаковые звуковые оболочки. русское *книга*, венгерское *кёньв*, латинское *либер*, китайское *шу*, японское *хон*, немецкое *бух*, английское *бук*, французское *ливр* и т. д. Если бы звучание слов зависело от предмета, то один и тот же предмет в языках разных народов обозначался бы одинаково звучащими словами. Но этого нет. Нельзя думать также, что звуковая оболочка слова «отображает» предмет наподобие зеркала. Звучание слова — не образ.

а знак предмета. Однако этот знак существенно отличается от других знаков, известных нам по жизненному опыту, например знаков морской сигнализации, дорожных знаков, азбуки Морзе, знаков, указывающих брод или дорогу в незнакомом месте. Все такие знаки условны и произвольны, т. е. установлены по условно, по договоренности между людьми и могут быть изменены по их воле. Звучание слова как знак предмета — почти всегда безусловно и произвольно: оно возникает независимо от желания и воли отдельных людей и изменяется по объективно действующим в языке законам его исторического развития и его функционирования (применения) в речи народа.

Так, слово *переплетчик* получило свойственное ему значение не потому, что кто-то условился этим именно набором звуков называть определенную профессию, а потому, что когда возникла потребность назвать эту профессию, язык предложил говорящему коллективу нужный для нового слова строительный материал и правила его применения. Вспомним здесь же о многих случаях резких изменений в звучании одного и того же слова на протяжении его истории, причем очевидно, что эти изменения никак не зависели от воли и желания людей. Например, русское слово *взять* тысячу лет тому назад произносилось наподобие *вызенти*, а слово *Киев* приблизительно тогда же звучало, напоминая *Кыевы*.

Иначе относится к предмету смысл слова или его значение. В современной науке нет единого понимания природы словесных значений. По мнению одних ученых, значение — это связь определенного звучания с определенным предметом, отношение слова к предмету. По мнению других, значение — это отображение предмета, закрепленное за словом. Каждая из этих двух точек зрения имеет и защитников, и противников.

Помня об этом, обратим внимание на следующее важное обстоятельство. В нашем сознании «отпечатывается», отображается физический, материальный облик слова; там же «отпечатывается», отображается физический, материальный облик предмета (явления) действительности. Между отображением («отпечатком») физического облика слова и отображением («отпечатком») предмета устанавливается прочная связь, так что два отображения (слова и соответствующего предмета) образуют целостное единство. И каждый раз, когда на наше сознание воздействует предмет, возникает его отображение, а вместе с отобра-

жением предмета появляется и отображение соответствующего слова. И наоборот, каждый раз, когда мы слышим или читаем слово, в сознании возникает его отображение, а вместе с ним — отображение соответствующего слову предмета. Вот эту связь, это единство отображений физического облика слова и соответствующего предмета, мы и будем называть значением.

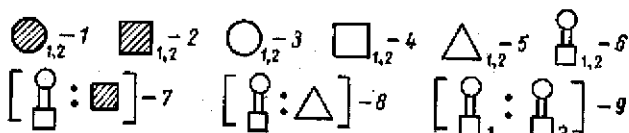
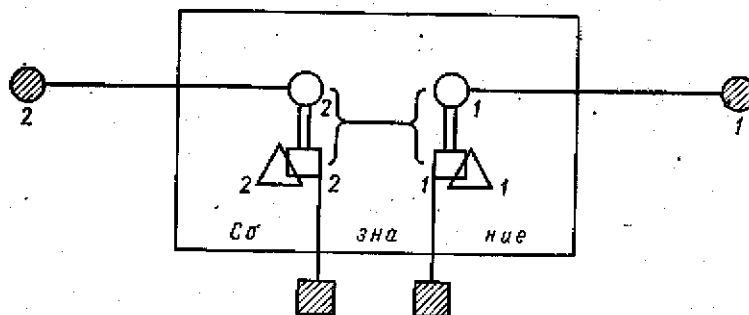

Рис. 4. Схема «работы» словесного значения:

1 — материальная «оболочка» слов; 2 — предметы, явления действительности; 3 — отображения в сознании материальных оболочек слов; 4 — отображение в сознании предметов, явлений действительности; 5 — понятие; 6 — значения слов; 7 — отношение значения к предмету, явлению — денотативное отношение; 8 — отношение значения к понятию — сигнификативное отношение; 9 — отношение значения к значению — структурное отношение

Схема (рис. 4), которая иллюстрирует сказанное, говорит одновременно и о том, что значение, функционируя в речи, вступает в связи в отношении с предметом, понятием и другим словесным значением. Отношение значения (а при его посредстве и всего слова) к предмету принято называть денотативным отношением; суть его в том, что значение отображает предмет, а материальная сторона слова является знаком предмета. Отношение значения (а при его посредстве и всего слова) к понятию принято называть сигнификативным отношением; суть в том, что на базе значения понятие формируется а материальной стороной слова оно обозначается и

выражается. Отношение одного значения к другому (а через их посредство и отношение одного слова к другому) принято называть структурным отношением; суть его в том, что между значениями разных слов устанавливаются сходства и различия, односторонние и двусторонние зависимости значения (а при их посредстве и слова в целом) объединяются в ряды и типы, т. е. классифицируются и т. д.

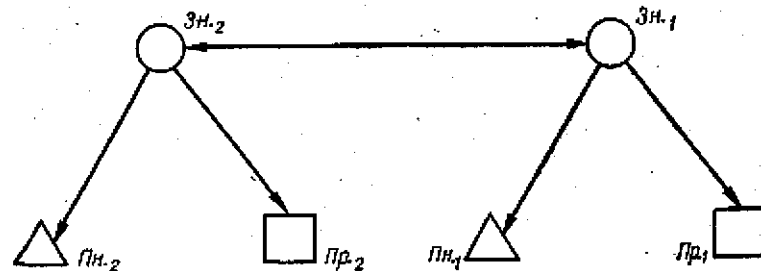

Рис. 5. Главные функции словесного значения:

функция $Зн_1 \rightarrow Пр_1$ (или $Зн_2 \rightarrow Пр_2$) — денотативная; функция $Зн_1 \rightarrow Пн_1$ (или $Зн_2 \rightarrow Пн_2$) — сигнификативная; функция $Зн_1 \rightarrow Зн_2$ (или $Зн_2 \rightarrow Зн_1$) — структурная. Пр — предмет, Пн — понятие, Зн — значение

Изложенное понимание значения нужно принять как одно из возможных, возникших в поисках уточнения тех гипотез которые упомянуты ранее.

Материальная сторона слова выражает и обозначает понятие. Поэтому слово можно признать знаком понятия. Правда, этот знак особого рода. Ведь другие знаки (например, желтый, красный, зеленый свет светофора; флажки морской сигнализации; камень или ветка, указывающие путь, и т. д.) созданы из материала, используемого природой или человеком для целей общения; знаковая функция «изделий» из этого материала не свойственна им по их природе: красный, желтый и зеленый цвета используются природой и человеком прежде всего не как знаки, а в совершенно иной функции. Между тем материальная сторона слова (совокупность звуков или букв) имеет только знаковое назначение и создается именно для целей общения. Кроме того, в отличие от других знаков материальная сторона слова совокупностью физиологических работ неразрывно связана с идеальной его стороной (значением) и с деятельностью сознания и мышления.

Если материальная сторона слова может быть признана знаком понятия, хотя и особым, следует ли из этого, что и значение слова нужно считать знаком понятия? По-види-

тому, не следует. Ведь значение слова — это связь, целостное единство отображений слова и предмета; оно не выражает и не обозначает понятия — оно служит базой, основой его формирования и орудием его развития. Только вторая сигнальная система действительности (т. е. словесная) позволила развившемуся человеку формировать и развивать систему понятий — составных элементов процесса мышления. Но мышление — одна из областей, или сторон, сознания, включающего не только логические (выработанные мышлением), но также эмоциональные, волевые, эстетические и иные отображения действительности. Именно поэтому понятия сращены с эмоциональными, волевыми и иными «наслоениями» на них. Поэтому и словесное значение, «пробуждая» понятия, одновременно, как правило, вызывает эмоциональные, волевые, эстетические и иные отображения действительности, сливающиеся и с понятиями, и с самими словесными значениями в сложное семантическое целое. Наука пока не имеет достаточно хорошо действующих приемов, позволяющих строго разграничивать значение, понятие и эмоционально-волевые состояния сознания.

Описывая значения слов, лексикологи и лексикографы обычно указывают как раз те понятия, те эмоциональные и волевые состояния сознания, с которыми связано, соотносено данное значение. Причем нередко именно понятия и сопровождающие их эмоционально-волевые отображения действительности получают название словесных значений. В таком употреблении термин «значение» говорит уже не о единстве двух отображений (предмета и слова), а о состоянии, работе сознания, логической, эмоциональной, волевой или «смешанной» единице процесса сознания и мышления. В этом именно смысле принято говорить о том, что значения слов не сводимы к понятиям — они шире понятий, выходят за их пределы. Вспомним хотя бы о словах с оттенком ласкательности, уменьшительности, презрительности, возвышенности, грубости и т. д. (*березонька, рученька, жрать, читалка, девчушка, подлиза, городишко, очи, блистательный* и др.). В языках есть и такие слова, значение которых поддерживает развитие лишь «чистых» понятий, не осложненных или почти не осложненных эмоционально-волевыми и другими наслоениями. Такие слова называются терминами (от лат. *terminus* — предел, граница). Термины, как правило, обозначают логические единицы мышления, т. е. понятия (*кислород, планета,*

электрон, фонема, нуклеин и др.) Есть вместе с тем и такие слова, значение которых связано лишь с эмоциями (*ой-ой, о-го-го, ах!* и т. д.).

Таким образом, между значением слова и понятием существуют сложные и разнотипные соотношения. Понятие, по-видимому, развивается на базе значения, однако в процессе исторического развития языка возникли и такие слова, в которых значение «растворилось» в понятие, а единство отображения предмета и отображения слова заменилось единством понятия и слова (таковы термины абстрактного значения, например, *отношение, отвлечение, гипотеза* и др.).

Итак, если материальная сторона слова — это знак понятия, то значение слова — это основа понятия и орудие его формирования: понятия создаются и отрабатываются на базе и при помощи слов; значение слова — это та смысловая «форма», в которой возникает, развивается и живет понятие.

Лексическое значение и его типы

До сих пор мы брали значение слова нерасчлененно, как нечто однородное во всем объеме. На самом деле это не так. Значения слова типологически неодинаковы — в зависимости от участия слова в построении разных сторон языка, т. е. его лексики, его словообразования, его морфологии и его синтаксиса, а также и его разновидностей, именуемых стилями. В соответствии с этим наука о языке различает лексические, словообразовательные, грамматические (морфологические и синтаксические) и стилистические значения. Лексикология изучает естественно, прежде всего значения лексические.

Эти именно значения люди и замечают и осознают в повседневной речевой практике.

Лексические значения по отношению к слову конкретны и индивидуальны: каждое такое значение принадлежит тому или иному вполне определенному слову, и слова, таким образом, лексическими значениями отграничены друг от друга: *говорить, бежать, ветер, дождь, умный, честный* и т. д.

Но по отношению к предмету каждое лексическое значение оказывается обобщением. Когда мы говорим или читаем слова *книга, линия, шапка*, мы понимаем, что этими словами можно обозначить любую книгу, любую линию, любую шапку. Это и естественно, если помнить о том, что словесные значения — орудия и основа формирования

понятий, а понятия всегда обобщают существенные стороны, свойства предметов и явлений действительности.

Лексические значения разных слов неоднородны по своим связям с предметами, понятиями и друг с другом. Эта неоднородность и может быть положена в основу научной классификации (типологии) лексических значений.

Прежде всего лексические значения классифицируются в зависимости от различий в отношении к предметам и явлениям действительности. По этому признаку можно разграничить значения номинативные и сигнальные, прямые и переносные, конкретные и абстрактные.

Номинативные значения позволяют слову называть, именовать предмет (лат. *nomen* — имя). Услышав или прочитав слово с номинативным значением, мы сразу узнаем, «видим» предмет, отличаем его от других (береза в отличие от дуба, сосны, ольхи). Сигнальные значения позволяют слову лишь обозначить, сигнализировать предмет, указать на него, не давая ему индивидуального имени (*это, он, над, от, ой*).

Прямые значения, в отличие от переносных, позволяют отражать предмет прямо, минуя участие или посредство других значений того же слова (*тетрадь, лампа, книга, карандаш, трава, поле, рожь*). Переносные значения позволяют отражать предмет косвенно, опосредованно, через другие значения того же слова: *ключ* от замка (прямое) и *ключ* от тайн атома (переносное); *лицо* человека (прямое) и *лицо* театра (переносное); мальчик *бежит* (прямое) и время *бежит* (переносное); *светлая* комната (прямое) и *светлые* мысли (переносное); *горячие* угли (прямое) и *горячая* дружба (переносное); *глубокое* озеро (прямое) и *глубокий* взгляд (переносное). Через переносное значение всегда «просвечивает», сквозит другое, прямое.

Конкретные и абстрактные значения различаются в зависимости от возможности или невозможности отнести слово к одному определенному предмету. Можно для иллюстрации сопоставить слова *книга, картина, идти, плыть, голубой*, с одной стороны, и слова *обобщение, производительность, планирование, руководить, логичный* — с другой.

В зависимости от отношения лексических значений к сознанию (прежде всего мышлению) разграничиваются значения терминологические и общие, безобразные и образные, эмоциональные и неэмоциональные.

Терминологические значения, как уже говорилось, тяготеют к слиянию с понятиями: *интеграл, диффузный, инерция* и т. д. Общие значения «размывают» понятие теми или иными дополнительными смысловыми наслоениями и оттенками: *Мороз и солнце. День чудесный* (А. С. Пушкин).

Безобразные и образные значения различаются в зависимости от связи с представлениями (конкретно-чувственными отображениями предметов): безобразные значения исключают из своего объема представления, образные значения включают их. Сравним:

1. *Маша наклонилась и сорвала прекрасную, свежую, с чистыми упругими лепестками ромашку.*

2. *Ромашка — род растений семейства сложноцветных.*

В первом высказывании слово *ромашка* выражает образное значение, потому что передает и возбуждает в единстве с понятием и конкретно-чувственное представление цветка. Во втором высказывании то же слово имеет безобразное значение, выражая отвлеченное, абстрактное понятие о ромашке вообще.

Без широкого использования образных значений не может быть хорошего художественного произведения.

Эмоциональные и неэмоциональные значения различаются в зависимости от того, связаны ли они с человеческими эмоциями и волей. Можно сравнить, слова *батюшкин, ай-ай!, великолепно, наплевать, любушка* — и *табурет, вода, стакан, лампа, корзина*.

Третье деление лексических значений опирается на различие их связей друг с другом внутри языка. По этому признаку можно разграничить значения синонимичные и антонимичные, монологичные и омонимичные, немотивированные и мотивированные, производящие и производные.

Синонимичные значения настолько близки по реальному содержанию друг другу, что во многих случаях допускают взаимозамену тех слов, которым они принадлежат: *вежливый, деликатный, тактичный, обходительный, корректный; храбрость, смелость, отвага, мужество*. Однако тождественными синонимичные значения, как правило, не бывают и потому позволяют словами обозначать очень тонкие различия как между предметами и явлениями мира, так и между понятиями о них. Известно, что слова, связанные синонимичными значениями, называются синонимами (от греч. *synonymos* — одноименный); дополнительные све-

дения о синонимах будут изложены дальше. В отличие от синонимичных антонимичные значения характеризуются предельным логическим удалением, противоположностью своего реального содержания: *холодный* и *горячий*, *глупый* и *умный*, *далеко* и *близко*, *выйти* и *войти*, *болезнь* и *здоровье*. Слова, связанные такими значениями, называются антонимами (от греч. *anti* — против и *опота* — имя).

Монолексичные значения (от греч. *monos* — один и *lexis* — слово) принадлежат одному и тому же слову и взаимозависимы в нем. Это явление свойственно всем языкам и широко распространено в них. Например, русские слова *стол*, *идти*, *живой* несут, каждое, по нескольку значений, связанных друг с другом. Омонимичные значения подобны монолексичным тем, что так же, как и они, выражаются одной и той же звуковой оболочкой; однако омонимичные значения не имеют друг с другом никакой смысловой связи, они независимы. Поэтому в таких случаях принято говорить о разных словах, называемых омонимами (от греч. *homos* — одинаковый и *опота* — имя). Примеры омонимов: *балка* — бревно и *балка* — овраг; *ключ* — от замка и *ключ* — родник.

Немотивированное и мотивированное значения отличаются друг от друга тем, что первое осознается нами «само по себе», а второе — при участии другого значения. Немотивированное значение воспринимается как первичное в слове, не зависящее от других (*книга*, *лето*, *день*, *теплый*, *хорошо*). Мотивированное значение воспринимается как вторичное, поясняемое, мотивируемое другим, предшествующим; у мотивированного значения есть значение-источник (*лекция идет*, *город живет*, *молочный стол*, *ясная мысль* и т. д.). Мотивированное значение и мотивирующее значение сосуществуют в одном и том же слове; это нужно ясно понять, для того чтобы не смешивать эти значения со значениями производящими и производными.

Различение производящего и производного значений опирается на частую в языке связь двух слов, одно из которых образовано от другого (*луговой* от *луг*, *учитель* от *учить*, *книжка* от *книга*, *выбежать* от *бежать*, *зачитать* от *читать* и т. д.). То слово, которое образовано вновь, называется производным, а его значение — производным значением. То слово, от которого получено новое, называется производящим, а использованное для получения нового слова значение —

производящим значением. Каждое производное значение опирается на то или иное производящее и понимается в связи с ним.

В кратком изложении основ науки о языке нельзя дать описание всех типов лексических значений. Однако можно и нужно вспомнить еще два типа, очень влиятельных в языке. Это значения свободные и значения связанные. Каждое свободное значение выражается одним, отдельным словом (*лампа*, *графин*, *река*, *бумага*, *газета*). Каждое отдельное связанное значение выражается не менее чем двумя словами одновременно — одно из них оказывается главным, а другое вспомогательным (*оказать уважение*, *принять участие*, *железная дорога*, *морской узел*, *бить баклуши* и т. д.). Иллюстративные примеры показывают, что связанное значение не передается одним словом: что значит *оказывать*? как понять *баклуши*? выразит ли нужное нам содержание слово *дорога*, если имеется в виду не просто путь, даже рельсовый, а что-то более сложное — предприятие, обслуживающее общественную нужду в передвижении людей и товаров?

В связи с учением о типах лексических значений находится и разграничение значений и «употреблений» слова.

Оказывается, что слова способны обнаруживать в речи временные, возникающие лишь в определенных контекстах (т. е. в определенных связях с другими словами, в определенном словесном окружении) значения; такие значения обычно называются «употреблениями» слова, их можно называть речевыми значениями, в отличие от обычных, устойчивых, закрепленных за словом и присущих ему независимо от того контекста, в котором слово окажется в речи.

Обычные, языковые значения слов хорошо известны говорящему коллективу, они узнаются членами этого коллектива и вне речи, вне речевой цепи. Речевые же значения, или «употребления», говорящему коллективу неизвестны и могут быть расшифрованы, поняты лишь в связной речи, в том словесном окружении, которое было дано их авторам.

Так, слово *диск* не имеет значения *луна*. Но в известном стихотворении А. Блока «Незнакомка» это слово обозначает именно луну:

Над озером скрипят уключины
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

В другом стихотворении А. Блока можно прочесть и такие строки:

Ты рванулась движеньем испуганной птицы,
Ты прошла, словно сон мой, легка...
И вздохнули духи, задремали ресницы,
Зашептались тревожно шелка.

Нетрудно заметить, что выделенные слова применены необычно, в них поэт «вложил» временные, конкретные, речевые значения (или употребления).

Употребление слова представляет собой применение одного из его языковых значений в новых, необычных или еще неизвестных речевых условиях. Употребление может закрепиться за словом и стать одним из его значений.

Лексические значения слов не остаются неизменными — они развиваются. Причины этого развития нужно искать в изменении отражаемой языком жизни, в развитии мышления и сознания человека, наконец, в многосторонней зависимости слов друг от друга внутри самого языка.

Изменение жизни, возникновение в ней новых предметов и явлений часто делает необходимым переосмысление слова, т. е. развитие в нем нового значения. Сравним: *лист дерева, лист бумаги и стальной лист; идет медведь, идет поезд и идет лекция.*

Развитие человеческого мышления, все глубже, полнее и точнее отображающего действительность и ее развитие, вызывает, например, рост отвлеченных значений, применяемых очень широко в науке: *отношение, понятие, взаимодействие, влияние, выражение* и т. д.

Результат взаимной связи слов внутри языка сказывается и на развитии их значений.

Так, в истории русского языка встретились и совместно живут похожие по значению слова *выбрать* и *избрать*, *выгнать* и *изгнать*, *выдать* и *издать* и т. д. В результате взаимовлияния этих слов их значения уточняются и разграничиваются: мы ясно чувствуем, что *выдать* и *издать* не одно и то же, разошлись значения слов *выбрать* и *избрать* и подобных им.

Конечно, все три показанные только что причины действуют совместно, обеспечивая непрерывное изменение, обновление языка в целом и в частности — системы его лексических значений.

Ученые — специалисты по истории лексики — знают немало примеров любопытных и поучительных изменений значения слова на протяжении длительного времени.

В книге «Введение в современную лексикографию» известного испанского лексикографа Х. Касареса описана история слова *ordo* в романских языках (наиболее известные из них — латинский, итальянский, испанский, французский).

Наиболее древним известным ученому значением слова было значение — «ряд нитей, образующих основу» (в ткацком ремесле). Ткать начинали с натягивания нитей основы. Поэтому слово *ordo* стало обозначать «начало». Вместе с тем это слово стали с течением времени применять и для обозначения не только ряда нитей, но и ряда иных предметов, слово получило значение «ряд». В частности, словом *ordo* стали называть ряд скамей, отведенных в цирке тому или иному сословию (в древнем Риме); на основе такого использования слова развилось значение «сословие, класс, социальная группа» (орден священнослужителей, рыцарский орден). В другом направлении на основе значения «ряд предметов» развивались последовательно значения «ряд лиц», «ряд солдат», «подразделение в войсках», «командование». Кроме того, с течением времени слово *орден* приобрело и очень отвлеченные значения — «порядок», «целесообразное расположение», «принцип расположения».

Как показывает этот пример, одним из самых обычных результатов развития лексического значения является многозначность слова (полисемия). Нередко слова, развивая свои значения, накапливают их до одного-двух десятков, а иногда и более. Так, русское слово *идти* имеет около 25 значений, французское слово *aller* (отправляться куда-либо, передвигаться тем или иным способом) — более пятнадцати, английское слово *do* (делать, выполнять) — более шестнадцати, немецкое слово *kommen* (приходить, приезжать) — шесть, чешское слово *povoleni* (позволение, разрешение) — пять и т. д.

Обычно новые значения возникают путем переноса одного из уже существующих слов на новый для него (т. е. еще не обозначавшийся им) предмет (явление). Так, недавно слово «спутник» было перенесено на новый для него предмет и стало обозначать искусственное физическое тело, выведенное людьми на орбиту вокруг Земли. Слово «спутник», сохранив свое преж-

нее значение, приобрело новое и с этим новым значением перешло из русского языка во многие языки мира.

В свое время путем переноса слов на новые для них предметы и явления возникли значения: *крыло* — несущая плоскость самолета, *перо* — металлический предмет для письма чернилами, *стол* — особенности пищи, принимаемой регулярно, *золотой* — дорогой, хороший, *железный* — стойкий, прочный, и многие другие.

Значения, возникающие таким путем, называются переносными. В их основе обычно лежит либо сходство предметов, либо их связь друг с другом.

Перенос слов с одного предмета на другой на основе их сходства называется метафорой (от греч. *metaphora* — перемещение, перенесение), так же называется и возникшее в результате переноса значение.

В основании метафоры может лежать: а) сходство формы (*крыло самолета, кучи облаков, нос лодки, ветка железной дороги, мельничный рукав*); б) сходство функций, действий, осуществляемых предметами (*перо гусиное и перо стальное, спутник девушки и спутник Земли, ножка ребенка и ножка дивана, глаз кошки и глаз фотоаппарата, чернила — черная краска и чернила — жидкость любого цвета, употребляемая для письма*); в) сходство звучаний (*барабанит солдат и барабанит дождь, воет волк и воет ветер, визг животных и визг пилы, кричит ребенок и кричит перепел, пение соловья и пение валторны*); г) сходство впечатлений, сложных ассоциаций, порожденных воздействием предметов (*белая нить и нить рассуждений, стальная цепь и цепь выводов, зерно ржи и зерно истины, густое тесто и густой звук, теплый день и теплый взгляд, запутаться в сетях и запутаться в долгах, ядовитый укус и ядовитое замечание, расцвет яблонь и расцвет красоты, горькое лекарство и горький упрек, светлый день и светлая мысль*). Существуют и другие виды сходства предметов и явлений. К тому же одно и то же метафорическое значение может развиваться на основе сложного, идущего по нескольким признакам одновременно сходства (форма и функция, действие и результат, результат и впечатление и т. д.).

Известны как языковые, так и речевые (т. е. возникающие только в определенном контексте) метафоры. Языковые метафоры с течением времени тускнеют, забываются, и переносное значение начинает восприниматься как прямое. Так, мы уже не чувствуем переносности в словах *обои, чернила, стальное перо, зайчики на стене, крыльцо* и т. д.

Речевые метафоры возникают часто, особенно в художественных произведениях; они воспринимаются как живые, а нередко и очень яркие: *Опять повеяло с неба сияющим счастьем весны, опять улыбнулась она земле и людям; опять под ее лаской все зацвело, полюбило и запело* (И. С. Тургенев).

Перенос слов с одного предмета на другой на основе их связи называется метонимией (от греч. *metonymia* — переименование), так же называется и возникшее в результате такого переноса значение.

В основе метонимии может лежать: а) связь между формой (вместилищем) и содержанием (вмещаемым): *класс* — группа учеников и *класс* — комната для занятий, *завод* — строение и оборудование и *завод* — рабочий коллектив (на митинг собрался весь завод), *чашка* — вид посуды и *чашка* — налитая в нее жидкость (*выпил три чашки*); б) связь между действием и его результатом; *посылка, покупка, печенье, варенье, отчет, заявление, учение*; в) связь между материалом и изделием из него: *золото, серебро, мрамор, холст, шелк, шерсть* (*художник выставил два холста, кушанья подавали на золоте и в хрустале*); г) связь между автором и его произведением: *читать Шолохова, изучать Толстого, любоваться Айвазовским, слушать Шостаковича, исполнять Хачатуряна*; д) связь между целым предметом и его частью: *отряд в 20 штыков, эскадра из 7 флагов, союз молота и серпа, шапка Мономаха, стадо в 200 голов, леса теряют лист* (за словами *штык, флаги, молот, серп, шапка, голова, лист* читатель видит то целое, которому эти предметы принадлежат как его части, — людей, корабли, классы, листву и т. д.).

Метонимия, возникающая на основе связи между целым предметом и его частью, имеет особое название — синекдоха (от греч. *synekdochē* — «вместо толкования», т. е. вместо обычного понимания, толкования слова).

Метонимия, как и метафора, может быть языковой, устойчивой, и речевой, временной, контекстной. Речевая метонимия — сильное оружие в руках художника слова:

Делами, кровью, строкою вот этою,
Нигде не бывшею в найме,
Я славлю извитое красной ракетой,
Октябрьское, руганое и пропетое,
Пробитое пулями знамя.

(В. Маяковский)

Здесь слова *кровь, строка, дело, наем, знамя, руганое, пропелот* употреблены метонимически.

Развитие значений-метафор и значений-метонимий часто связано с их переходом из конкретных в абстрактные, а также с так называемым их расширением и сужением.

Например, в выражении *ключ к тайне атома был найден* слово *ключ* имеет значение более отвлеченное, чем в обычном применении; подобным же образом становятся более отвлеченными значения в случаях *радужные надежды, цепь выводов, подъем духа, расцвет красоты, развитие жизни* и т. д.

Расширение и сужение значений обычно связано с метонимией. В случае расширения новое значение отображает такое явление, которое включает как свою разновидность явление, отображенное старым значением: *дом* — родина и *дом* — здание, в котором живешь; *оружие* — разнообразные средства борьбы в различных областях жизни (*мысль* — *оружие ученого*; *марксистское учение* — *оружие пролетариата*) и *оружие* — средства военной борьбы; *ошеломить* — изумить, а первоначально *ошеломить* — лишить чувств, ударив по шлему; *опешить* — растеряться, испугаться, а первоначально *опешить* — лишить коня, заставить быть пешим; *понять* — взять мыслью, осознать, а первоначально *понять* — взять физически.

В случае сужения новое значение отображает лишь часть, сторону, разновидность того предмета или явления, которое было отображено старым значением; *пиво* теперь вполне определенный напиток, а в древней Руси — то, что пьют; *золото* значит и деньги и металл; *бумага* — это документ, но и материал; *средства* — заработок и все то, что способствует осуществлению разнообразных задач; *пить* — неумеренно употреблять вино или водку, но и принимать любую жидкость.

Одним из результатов сужения (обычно связанного с переносом) значений являются многие профессиональные термины: *конек, кулачки, основа, подошва, спинка, головка, лист, шляпка, нога* и т. д.

Разумеется, появление новых значений происходит не только путем метафорического или метонимического переноса существующих слов. Обогащению и обновлению значений оказывает громадную поддержку словообразование, т. е. процесс создания новых слов от уже существующих; эти новые слова несут в лексическую систему языка и новые значения.

И весь колоссальный запас словесных лексических значений, непрерывно развиваясь, всегда остается единым целым, подчиненным языковым законам и образующим систему, т. е. такое собрание, в котором отдельные слова связаны и взаимодействуют друг с другом. Понимание того, каким именно образом построена система лексических значений, — одна из главных задач современной лексикологии; в решении этой задачи со временем сыграют заметную роль и математические науки, в частности математическая логика и теория вероятностей. Пока же в элементарном логоскопии по основам языкознания об этом можно лишь напомнить читателям.

Этимология

Мы уже знакомы с терминами «мотивирование» и «мотивирующее значение». Различение этих значений позволяет нередко понять, как возникает название предмета. Так, название *читальня* возникло, очевидно, потому, что в ней *читают*; читальни могут быть очень неодинаковыми по величине, внутреннему устройству, количеству и подбору книг и другим признакам; каждая отдельная читальня обладает многими сторонами и признаками; однако язык, для того чтобы назвать читальню, избрал только один признак — в ней читают.

Название *столовая* возникло, по-видимому, по связи со значением *стол* (*столовая* — комната, где находится стол или столы); название *каменищик* возникло в связи со значением *камень* (человек, делающий что-то из камня); в этих, как и во многих других, случаях язык избрал для называния предметов только один их признак.

В. И. Ленин, конспектируя философские работы Л. Фейербаха, одобрительно воспринял и выписал такие мысли немецкого философа о природе названия: «Чувственное восприятие дает *предмет*, разум — *название* для него... Что же такое название? Отличительный знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его тотальности»¹.

Значение, отражающее тот признак, по которому мы назвали предмет в целом, и является мотивирующим в соответствующем слове. Это значение в лингвистике имеет и другое название — внутренняя форма слова. Термин «внутренняя форма» сложен, труден для понимания и применения, однако наука его все же использует (например,

¹ Ленин В. И. Философские тетради. М., 1965, с. 74.

ученые, принадлежащие к научной школе знаменитого русского лингвиста А. А. Потебни).

Почему же мотивирующее значение слова нередко называют его «внутренней формой»? Вероятно, потому, что новое, мотивируемое значение, развиваясь на основе уже известного (мотивирующего), выступает первоначально в «форме» последнего; оказывается как бы «вложенным» в него. Когда люди называли весенний цветок *подснежником*, они очень ясно воспринимали его признак «под снегом»; и это значение «под снегом» было той внутренней, т. е. смысловой формой, в которой развивалось новое значение — *подснежник*, ставшее отражением многих признаков цветка.

В любом языке в каждый период его развития находится много слов, не имеющих, вернее — не обнаруживающих в повседневном их применении внутренней формы, которая когда-то была, но с течением времени оказалась забытой народным сознанием. На основе каких значений возникли в свое время ныне хорошо известные слова-названия *поле, лес, река, стол, окно, книга, человек* и им подобные?

Внутренняя форма таких слов теперь утрачена. Но для многих слов она может быть найдена, открыта при помощи изучения их истории. Эта забытая ныне, но открываемая при специальном исследовании внутренняя форма слова называется этимологией (от греч. *etimon* — истина, правда).

Та область науки о языке, которая изучает этимоны и выражавшие их слова, называется этимологией. Ее задача — найти и объяснить древнейшие, ныне забытые значения и формы слов. Для решения этой задачи ученые широко используют знания о родстве языков и о звуковых законах, действовавших в языках в далеком прошлом. Этимологу постоянно приходится иметь дело с историей языка и жизни людей. Иногда этимологию не совсем точно называют учением о происхождении слов.

Вот несколько примеров этимологического объяснения отдельных слов.

Имя существительное *грамма* имеет своим этимологией значение *грамма* (греч.) — буква; слово *грубый* развило свое нынешнее значение на основе более раннего — «толстый, крепкий, большой»; слово *деревня*, вероятно, раньше значило «поле» (об этом говорят родственные слова других языков), затем — «строение вместе с полем» (участком земли), затем — «селение»; очень возможно, что первоначально *деревня* — это «место, занятое лесом» а лишь потом — «место, очищенное от леса, от деревьев», т. е. «поле»

Тот же корень, который обнаруживается в слове *дитя*, этимологи находят в словах *dhenā* — *дойная корова* (древнеиндийское), *denion* — *молоко* (древнегреческое), *dinim* — *сосу* (иранское), *daddjan* — *кормить грудью* (готское); по-видимому, этимон слова *дитя* — *сосущий, доящий молоко*.

Уже говорилось, что этимологией романского слова *ordo* было значение «основа, ряд продольных нитей на ткацком станке». Русские слова *начало* и *конец* восходят к одному корню *kon* (его звуковые варианты — *чин* и *ча*) этот корень, по-видимому, имел значение «крайний»; отсюда *палка о двух концах, из конца в конец, от конца до конца* (сербское, «от начала до конца»), отсюда же и современные значения русских слов *начало* и *конец*.

Этимологией слова *глаз* — «маленький шарик», слова *лебеда* — «белый» этимологией слова *левкой* было значение «белая фиалка», а слова *стол* — «то, что стелют»; слово *поле* развивалось по связи со значением «открытый, ровный», а слово *пол*, можно думать, имело этимологией «часть ствола, расколотога в длину», отсюда *половина*, отсюда же и «место, застланное досками» (*половинами*).

Этимологические наблюдения показывают, что история одинаковых по значению слов в разных языках неодинакова. Один и тот же этимон может в разных языках развиваться в различные позднейшие значения. Например, русское слово *берег* и немецкое *Berg* этимологически тождественны, а в современных языках различны (немецкое слово *Berg* означает *гора*); русское слово *вить* значит *сплетать*, а болгарское и сербское *витица* значит *кудри*.

Бывает и наоборот: однозначные слова различных языков оказываются основанными на несходных этимонах: в латинском языке слово *femina* (женщина) имело этимологией *кормящая*, в греческом *potnia* (женщина) опиралось на этимон *хозяйка*, в английском *woman* (женщина) имеет этимон *думающая*, в немецком *Weib* (женщина) этимологически означало — *труженица*, в русском *женщина* связана с этимологией *рождающая*.

Каждому вдумчивому человеку хочется сделать непонятное понятным. Это желание естественно. Оно оказывается в некоторых случаях причиной, порождающей так называемую народную этимологию. Так принято называть практическое, основанное лишь на речевом опыте, ошибочное восстановление утраченного или неизвестного этимона. Конечно, в таких случаях люди не думают об этимонах,

обычно ничего не знают и об этимологии; они просто хотят как-то пояснить то или иное значение.

Так, народная этимология связывает иногда слово *стол* со значением *стоять*; слово *ясень* толкуется значением *ясно*; значение *солист* было, по наблюдению проф. А. А. Реформатского, разъяснено малограмотной женщиной на основе сближения с глаголом *солить* и т. д.

Часто народная этимология приводит к морфологическим и фонетическим изменениям слова. Это обычно бывает в тех случаях, когда возникает потребность сделать понятным незнакомое иноязычное слово путем его сближения со словом родного языка. Писатель Н. С. Лесков, внимательно наблюдавший разговорную речь, отразил в своих произведениях не один случай изменения слова под влиянием народной этимологии; *клеветон* вместо *фельетон*, *мелкоскоп* вместо *микроскоп*, *нимфазория* вместо *инфузория*; такой же характер носят изменения *гульвар* вместо *бульвар*, *копитал* вместо *капитал*, *куператив* вместо *кооператив*.

Конечно, практическую, или народную, этимологию приходится вспоминать в курсе языкознания лишь как пример постоянного стремления человека сделать понятным каждое слово и невозможности сделать это без развития специальных областей научного знания о языке.

Частными, имеющими практическое, прикладное назначение, науками в составе лексикологии, близкими к этимологии, являются **ономастика** (от греч. *онома* — имя) и **топонимика** (от греч. *тоπος* — место).

Ономастика изучает историю имен собственных — имен, фамилий, прозвищ, кличек и т. д. Топонимика — наука о географических именах собственных, именах рек, озер, городов, деревень и т. д.

Данные, полученные этими науками, интересуют историю общества, историю культуры, историю языка. Но они находят применение и в теории языка. Кроме того, они могут быть интересны для широкого круга людей. Например, могут заинтересовать сведения о том, что, скажем, русское имя *Кузьма* того же происхождения, что и слово *косметика*; оба эти слова восходят к древнегреческому *kosmeo*, что значит *крашу*. Имя *Леонид*, оказывается, идет от древнегреческого *leon* — лев. *Евгения* этимологически значит *благородная*, а *Галина* — *тихая*. Могут, конечно, заинтересовать человека и пояснения, раскрываю-

щие историю названий дорогих ему деревень, городов, рек и озер.

Словарный состав языка

Одной из главных задач лексикологии является изучение словарного состава (лексикки) языка. Термином «словарный состав» обозначают совокупность и систему всех слов, входящих в язык того или иного народа. Современные развитые языки обладают весьма большим по объему и богатым по разнообразию словарным составом. Точно определить количество слов отдельного языка трудно. Известное представление о количестве слов дают словари. Так, в «Толковом словаре живого великорусского языка», составленном В. И. Далем, содержится более 200 000 слов. Эта цифра очень внушительна, однако и она не дает полного представления о количестве слов в русском языке середины XIX—XX вв.

Можно, таким образом, думать, что современные развитые языки имеют в своем распоряжении сотни тысяч слов каждый.

По сравнению с таким богатством языка народа словарный запас отдельных людей кажется небольшим. Даже у выдающихся писателей он лишь немногим превышает 20 000 (в «Словаре языка Пушкина» зарегистрировано 21 290 слов). По наблюдениям психологов словарный запас современного хорошо образованного человека обычно не превышает 6000—9000 слов.

Правда, нужно знать, что цифры, говорящие о словарном запасе отдельных людей, имеют в виду **активные** словарь, т. е. такие слова, которые человек знает и может применять в речи в силу выработанного навыка. **Пассивный** словарь человека, т. е. запас слов, которые человек может понять, если встретится с ними в потоке речи, в несколько раз больше активного. И одна из главных задач развития речевой культуры людей как раз и состоит в том, чтобы переводить все новые и новые слова из пассивного запаса в активный.

Словарный состав языка характеризуется не только количеством входящих в него слов, но и качеством, разнообразием образующих его словарных групп, или рядов, или пластов. Всем известно, что в словарном составе есть слова новые, молодые, и старые, одряхлевшие; слова общенародные и слова местные; слова «свои» и слова «чужие» и т. д.

Лексикология как наука о словарном составе и его развитии и занимается изучением тех групп, рядов или пла-

тов, из которых исторически «составилась» лексика. Решить сколько-нибудь правильно вопрос о группировке слов, об их объединении в ряды и пласты, — это значит решить вопрос о классификации лексики; сделать это едва ли можно без исторического на нее взгляда.

Ведь дело в том, что все группы (ряды, пласты) слов, известные науке о языке, появились в нем в результате его развития. И чтобы наша классификация получилась правильной, т. е. отразила то, что действительно есть в языке, она строится с учетом данных языковой истории. Только так можно увидеть, что различные лексические группы, или пласты, не образуют одного ряда, потому что выделялись в языке на различных исторических основаниях.

Каковы же эти основания? И каковы соответствующие им группы (пласты) лексики?

Одним из оснований выделения в языке лексических групп является процесс его непрерывного обновления. Известно, что словарный состав очень тесно связан с различными сторонами жизни общества, с различными сторонами деятельности развивающегося человеческого сознания. Поэтому словарный состав непрерывно обновляется, удовлетворяя все новые и новые запросы жизни. Это обновление идет по трем главным направлениям: а) появляются новые слова (вспомним недавно возникшие — *радиолокация, атомник, радиотелескоп, космодром, межконтинентальный*); б) уходят в пассивный запас ставшие ненужными слова (*губерния, уезд, буржуй, лакей, нэп*); в) слова меняют свое значение (*спутник, семилетка, поток, пионерские ступени, ценная реакция*). Одним из результатов обновления словарного состава и является формирование лексической группы неологизмов и лексической группы архаизмов.

Неологизмы (от греч. *neos* — новый и *logos* — слово) — это новые слова, т. е. слова, возникшие на памяти применяющего их поколения. Так, в 1958 г. и 1959 г. в связи с чудесной победой советской науки появились новые (или обновленные) слова *спутник, космическая ракета, прилуниться* и др.; на глазах людей 40—50-х годов XX в. возникли сотни новых слов: *атомный котел, синхрофазотрон, семилетка, поточный метод, космонавтика, школа-интернат, программирование* и т. д.

Конечно, если люди слышат, читают и сами употребляют новые слова с детства, такие слова теряют оттенок но-

визны и осознаются как обычные. Так, слова *СССР, ВЛКСМ, профком, партбилет, пятилетка* — неологизмы для людей, на глазах которых осуществлялась революция и первые послереволюционные изменения в обществе. Но те же самые слова обычны для поколения, вступившего в жизнь в 30—40-е годы. Значит, понятие «неологизм» исторично и относительно.

Принято различать неологизмы лексические и неологизмы семантические. Первые — новые слова (*совнархоз, турбобур, экскаватор*), вторые — новые значения уже существовавших слов (*спутник, поток, семилетка, ступени*); в свое время семантическими неологизмами были *совет, пионер, звено, вожатый* и др.

Противоположны неологизмам архаизмы (от греч. *archaios* — древний). Это устаревшие слова, вышедшие из активного использования в речи либо на памяти применявшего их поколения, либо еще раньше.

К числу архаизмов в 50-е годы XX в. в русском языке можно отнести не только *тивун, боярин, гривна, конюший, стольник*, но и *нэп, РКИ, шкраб, промфинплан, профинтерн* и др.

Обычно слова уходят из языка вместе с уходящими из жизни предметами и явлениями: вспомним такие архаизмы, как *боярин, купец, лапти, соха, кадет*. Такие архаизмы называются историзмами, потому что они прямо отражают историю предметов и явлений жизни. Историзмы стареют потому, что стареют обозначаемые ими факты.

Другие же слова уходят из языка не потому, что стареют сами предметы, а потому, что язык замещает одно слово другим, хотя обозначаемый ими предмет (явление) сохраняется в жизни. Так, устарели слова *школяр* (заменено словом *ученик*), *самокат* (*велосипед*), *аэроплан* (*самолет*); вспомним такие факты недавнего времени: слово *нарком* было заменено *министром*, *красноармеец* — *солдатом, командир* — *офицером* и т. д.

Вторым основанием выделения лексических групп (пластов) являются различия в социальной «нужности» слов, находящей выражение в частоте их применения. По разным причинам одни слова нужны для повседневного обращения больше и потому применяются чаще, чем другие. Совокупность употребительных в определенную эпоху слов какого-либо языка и составляет его активную лексику. Совокупность малоупотребитель-

Активная
и пассивная
лексики

ных и неупотребительных слов составляет лексику п а с с и в н у ю.

Можно точно установить резкие различия в употребительности слов одного языка. Эти различия устанавливаются при помощи статистики, в соответствии с требованиями которой ведутся подсчеты частот слов. На основе таких подсчетов и их обработки создаются ч а с т о т н ы е с л о в а р и, показывающие картину деления лексики на слои большей и меньшей активности.

Уже получены точные данные о некоторых особенностях расслоения лексики по признаку активности и пассивности. Так, стало известно, что наиболее употребительные 2000 слов занимают до 75—80% текста. По данным частотного словаря английского языка, — 78%, чешского языка, — 75%, по данным «Словаря языка Пушкина» (содержащего и статистические сведения о словах), — 80%. Это значит, что, например, все тексты произведений Пушкина, в которых использовано более 21 000 разных слов, на 4/5 заняты наиболее активными 2000 слов и лишь на 1/5 — остальными менее активными 19 000.

Об активности и пассивности лексики можно косвенно судить и по данным, характеризующим употребительность отдельных слов. Так, «Словарь языка Пушкина» позволяет получить некоторые сведения о делении на активную и пассивную русской литературной лексики первой трети XIX в. Всего по одному разу были применены Пушкиным слова *благодарный, безграничный, близорукий, божественно, брызненно, бородавка, брюзга, взвешивать, взвизгивать, вздуть, воздвигать, воздерживаться* и многие другие. Ясно, что в языке Пушкина такие слова оказались пассивными. В противоположность им были очень активны в творчестве поэта слова *бежать* (встретилось 316 раз), *белый* (154), *берег* (270), *благородный* (114), *бледный* (147), *большой* (245), *бродить* (110), *верить* (150), *верный* (218), *вероятно* (217), *веселый* (196), *вечер* (243), *взор* (322), *взять* (473), *вид* (245), *видеть* (922) и многие другие.

Можно предполагать, что слова, активные в творчестве Пушкина, были активными в середине XIX в. и в литературном русском языке в целом.

Конечно, надо видеть и то, что слова, активные в одной области жизни, могут оказаться менее активными или даже пассивными в другой. Так, слова *отчетность, мероприятие* и подобные активны в речи, обслуживающей нужды канцелярско-деловой деятельности, но они пассивны в

речи, обслуживающей потребности повседневного быта людей. Наоборот, слова *поесть, принести, хлебный* активны в быту, но пассивны в науке и технике.

Есть известная связь между делением лексики на новую (неологизмы) и устаревшую (архаизмы), с одной стороны, и ее делением на активную и пассивную — с другой. Как правило, архаизмы пассивны. Но далеко не каждое новое слово активно. Активность новых слов очень неодинакова (сравним *атомный* и *нейтрино*). Не будем забывать и о том, что в некоторых произведениях литературы архаизмы могут оказаться достаточно активными, например в романе А. Н. Толстого «Петр I».

Лексика
общеязыковая,
литературная,
разговорная,
местная

Третьим основанием для разграничения лексики является наличие двух форм существования и развития языка — устно-разговорной и книжно-литературной; первая из них (ее часто называют «разговорным» языком) исторически может иметь членение на племенные, или территориальные, диалекты (говоры), что и позволяет выделять внутри разговорной лексики диалектную.

Разговорному языку принадлежат те слова (и иные его единицы), которые характеризуются «устностью» применения. Разговорный язык складывается до и независимо от языка литературного, связанного с письменностью и книгопечатанием. На основе языка разговорного рано или поздно развивается (обычно при участии диалектов) язык литературный, слова и другие средства которого характеризуются первоначально книжностью применения. Главное для них — подчиненность строгим правилам (нормам) использования их семантики и грамматических особенностей, правилам, обязательным для всех, независимо от территории, социальной и профессиональной принадлежности пишущих и говорящих. Литературный язык обслуживает прежде всего литературу, науку, государственный аппарат, школу. А разговорный язык обслуживает прежде всего повседневный быт людей.

Весь запас слов того или иного языка можно (хотя и не очень строго) разделить на четыре пласта: а) общая разговорная лексика, б) местная разговорная лексика (диалектизмы), в) литературно-книжная лексика, г) общеязыковая лексика.

Общая разговорная лексика включает слова, применяемые в разговорном, устном общении и независимо от тер-

ритории, на которой живут говорящие. Эта лексика в современном русском языке может быть иллюстрирована такими словами, как *баба, балагур, баловень, барахлить, барахтаться, басить, басовитый, батенька, бахнуть, беготня, бедокур, безалаберный, безалаберщина, кадровик, как никак, калым, калымычик, канитель, канцелярица, канючить, капризуля, карапуз, карболка, картошка, Катюша, кашница, квасок, квохтать, кивать, кипяток, кисель* (перен.), *ладить, ладно, лакировщик, лакомка, ластиться, латать, лафа, лачуга, лебезить, левацкий, левачество, не ложится, лежебока, летун, летучка, либеральничать, липучий, лисичка* (перен.), *литературица, лихач, лихачество* и подобные.

Разновидностью общих разговорных слов являются слова, принадлежащие к так называемому просторечью, которое характеризуется яркой непринужденностью, а подчас даже грубоватостью смысловых оттенков, выражаемых словами (*балбес, барахольщик, бахвал, брехать*, (перен.), *брехло, долбать, жрать, зевала, калымычик, левак* и др.). Неосмотрительное, необдуманное применение просторечных слов приобретает обижаящий, даже оскорбительный характер.

Разумеется, другие языки тоже имеют и разговорную общую лексику, и слои непринужденных слов, несущих оттенки речевой «развязности» и грубоватости. Например, в современном английском языке (особенно в том его варианте, который применяется в США) активен широкий слой лексики и фразеологии, получивший название с л э н г а; слэнг — это лексический слой, включающий специфически-разговорные слова и выражения, подчас грубоватого или шуточного оттенка, обычно неприятые в книжно-литературной речи: *bed-sitter, zob, booze, to-dry, hide, big-boy, dark, sleeper, show, chink* и т. д.

Диалектная лексика — тоже разговорная, но известная лишь в границах определенной территории. В современном русском языке к диалектным принадлежат такие слова, как *калга* (деревянная грубовыделанная чашка), *калуга, калужина* (топь, болото), *корец* (ковш), *клукать* (искать), *лала, лаларь* — говорун, болтун, *лони, лонись* — в прошлом году, *лотыга* — гуляка, мот, забулдыга, *лускать* — грызть семечки, щелкать орехи, *лыбиться* — улыбаться и т. д.

В современном немецком языке влияние диалектов очень заметно. «Для Германии типична до сих пор не только ра-

зительная раздробленность крестьянских говоров, но и сильная диалектальная окраска городского просторечья и разговорной речи вообще. Наиболее отчетливо это сказывается в лексике; при этом такие областные слова проникают и в литературу. Так, например, на севере говорят — *Sonntag, Sahn, fegen*; на юге соответственно *Samistag, Rahm, kehren*. На севере мясника называют *Schlächter*, на юге *Metzger*, в восточных областях *Fleischer*¹.

Диалектизмы (т. е. слова местных диалектов, говоров) непригодны в качестве средства общенационального языкового общения. Развитие литературного языка в период национальной жизни народа всегда ведет к резкому ослаблению диалектов и уменьшению числа и активности диалектизмов. Обилие диалектизмов мешает общению людей.

Писатели обычно настороженно относятся к диалектизмам. А. П. Чехов и А. М. Горький резко протестовали против засорения литературного языка местными словами. Каждое местное слово, если оно вводится в литературную речь писателя, должно быть уместно. Так употреблял местные слова Л. Толстой, так ими пользуется М. Шолохов.

Лексика литературно-книжная противостоит разговорной своей «привязанностью» к книге, литературе, своей непривычностью в устном речевом обиходе. Вот взятые почти наугад литературно-книжные слова современного русского языка: *авторитарный, адекватный, аккредитовать, акцентировать, аллегоричный, вдохновенный, вещественный, внешнеполитический, возвеличить, возвысить, европеизировать, единоборствовать, жаждать, животрепещущий, жизнедеятельный* и подобные. Конечно, не нужно думать, будто ни одно из этих слов не встречается в устной речи. Каждое из них встречается. Но, во-первых, очень редко (если сравнить с частотой их применения в книге), а во-вторых, в тех случаях, когда устная речь приобретает характер книжности, теряет свою разговорную непринужденность и обыденность.

Однако едва ли не самый большой слой современной лексики образуют слова общие и для устно-разговорной и для письменно-книжной форм языка. В результате их взаимодействия многие слова потеряли свою «окраску» и одинаково хорошо служат как книге, так и устному обще-

¹ Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Современный немецкий язык. М., 1957, с. 367.

нию. Такие слова не различаются сколько-нибудь заметно по частоте применения в книгах и в разговоре. Этим и объясняется утрата ими окраски книжности или разговорности. Например: *важный, валерьяна, валторна, вальсировать, варить, вделать, вдумчивый, ведомость, велеть, великий, гагара, гадость, газетчик, газовец, гардероб, гений, герой, гибкий, гидроузел, гитарист, давать, давить, давить, далекий, дарить, дачник, двигатель, движение, девушка, дежурный, делать, еда, единица, едкий, еж, ежевика, ездить, елка, енот, ерш, ехать, жалеть, жалить, жанр, жаргон, жарить, жатва, ждаль, жемчуг, живой, жизнь* и т. д. У таких слов степень книжности или разговорности колеблется, и эти колебания могут быть измерены с помощью статистики.

*Лексика
нейтральная,
терминологическая,
канцелярская,
поэтическая*

Четвертым основанием разграничения лексики является историческое формирование разновидностей языка, называемых стилями. Каждый из языковых стилей обслуживает одну из сторон (областей) жизни общества и располагает типичным для него набором активных средств языка, прежде всего слов. В современных литературных языках обычно выделяются следующие основные разновидности (или стили): а) художественный, б) публицистический, в) научный, г) деловой, д) разговорно-бытовой.

В связи с этими стилями языка находится выделение стилевых пластов лексики, прежде всего лексики нейтральной, терминологической, канцелярской и поэтической.

Нейтральная лексика включает слова, безразлично применяемые в разных стилях языка, не несущие на себе стилевой окраски: *такой, этот, он, каждый, нужно, жизнь, длинный, новый, делать, думать* и т. д.

Роль нейтральной лексики очень велика: она связывает разные стили, объединяет их в один литературный язык.

Выделяются и другие стилевые пласты словарного состава языка.

К их числу принадлежат, например, термины. Они связаны с научным стилем языка; они же обслуживают производство и технику. Есть, разумеется, термины и в других областях жизни. Но прежде всего термин — это достояние науки и необходимый элемент научного языкового стиля.

Общей чертой всех терминов является их свойство строго логически обозначать предметы и явления действитель-

ности. Об этом уже говорилось, когда речь шла о терминологических значениях.

Термины возникают как на основе «своих» слов, так и на основе слов, заимствованных из других языков. «Свое» слово, для того чтобы стать термином, суживает и резко очерчивает одно из значений (сравним: *лапа зайца* и *лапа машины, головка ребенка* и *головка винта, значение образования* и *значение слова* в языке).

Иностранные слова обычно становятся терминами не стихийно, а специально выбираются для пополнения терминологии заимствующего языка; для этой цели оказываются очень пригодными древние классические литературные языки — древнегреческий и латинский. Эти языки дали многим современным живым языкам не только целые слова-термины, но и слова-«части», из которых заимствующий язык «изготавливает» новые термины по своим правилам словообразования (*биология, лексикология, антропология, геология, зоология, космонавтика, космография, космодром* и т. д.).

Такие термины легко переходят (вместе с научными понятиями) из языка в язык и содействуют международному научному общению. Нередко термины «изготавливаются» довольно искусственно, «изобретаются» специалистами, произвольно усекающими и соединяющими части чужих и своих слов (*аскофен, пирамидон, пираминаль, синхрофазотрон, дейтрон, тетрахлоралкан, полипропиленовый, макромолекулярный* и т. д.).

Есть заметная разница в степени «терминологичности» значения терминов, образованных на основе «своих» и на основе «чужих» слов. В первом случае очень часто рядом с терминологическим значением живет и общее, нетерминологическое; такой термин, если он еще недостаточно хорошо «освоен», осознается в своем общем смысле. Так, изучающие языковедение долго не могут освободиться от влияния общих нетерминологических значений таких терминов, как *склонение, виды, значение, речь* и им подобных. Термины, образованные на основе «чужих» слов и, особенно, образованные «по произволу», обычно лишены общих значений и потому воспринимаются как «чистые» термины.

В идеале каждый термин должен быть однозначным. Но на самом деле у нас немало неоднозначных терминов. Например, термины *грамматика, морфология, синтаксис, фразеология* обозначают и объект науки (т. е. то, что нау-

дой изучается), и самое науку; это порождает дополнительные трудности в усвоении научных сведений из области языкознания.

Канцеляризмами называются слова, обслуживающие прежде всего нужды канцелярского делопроизводства. К их числу можно отнести такие, как *вышеуказанный, нижепоименованный, данный* (в значении «этот»), *проживать, подчеркивать, отмечать* (в значении «говорить») и множество других.

Канцеляризм безлики, лишены силы и точности обычных разговорных и литературных слов. И тем не менее они очень легко проникают далеко за пределы канцелярских документов, даже в художественную литературу.

Многие известные писатели с тревогой пишут о проникновении канцеляризмов в речь газет и даже в разговорную речь некоторых людей.

В. И. Ленин не щадил литераторов, допуская неоправданное использование канцеляризмов.

Поэтическими называются слова, типичные для художественных произведений, несущие оттенок выразительности, поэтичности и художественности. В состав поэтической лексики входили, например, в первой половине XIX в. такие слова, как *лазурный, лилия, изумрудный, очи, очарование, прелестный, златой, зефир, звезда, заря, задумчивый* и т. д.

Помимо книжнопоэтических, языку известны и народнопоэтические слова, типичные для фольклора: *красна девица, добрый молодец, сокол ясный* и т. д.

Конечно, поэтические слова могут оказаться и за пределами художественного языкового стиля, но, как правило, обычно они тяготеют именно к художественному стилю и применяются в художественных произведениях. По мере развития языка и литературы меняется состав поэтической лексики.

Помимо только что описанных лексических пластов, существуют и другие, выделенные на том же основании, т. е. в зависимости от связи слова с теми или иными стилями языка. Так, существует лексика производственно-техническая, существуют профессиональные ее разновидности, существуют специальные разновидности лексики научной, можно заметить социальные варианты лексики разговорной и нейтральной, можно увидеть некоторые особенности возрастной лексики и т. п. Но все это — область специальных исследований.

**Синонимы,
антонимы,
омонимы**

Пятым основанием выделения лексических групп (пластов) оказываются смысловые связи между словами, в частности те, которые ранее были показаны и названы синонимичными, антонимичными и омонимичными. Соответствующие этим трем типам смысловых связей слова образуют лексические группы — синонимов, антонимов, омонимов.

Синонимы — это слова с предельно близкими, но не совпадающими значениями. Синонимы выполняют две главные функции: а) либо называют одно и то же явление (предмет), причем замена одного синонима другим меняет оттенки выражаемой мысли: *отличный, превосходный, прекрасный, изумительный, замечательный*, б) либо называют очень близкие, сходные явления, причем замена одного синонима другим ведет к варьированию выражаемых понятий: *вежливый, учтивый, обходительный, отзывчивый, деликатный*.

Роль синонимов очень велика — прежде всего в развитии речевой культуры людей: чем лучше человек знаком с синонимами своего языка, тем свободнее и точнее может он выражать даже тонкие оттенки мыслей и настроений. Плохое знание синонимов, неумение различать их смысловые оттенки приводит к обеднению речи, к серьезным ошибкам в выборе и применении слов. Например, слова «путь» и «дорога» — синонимы. Но отнюдь небезразлично, как мы скажем: *путь Ломоносова в науку* или *дорога Ломоносова в науку; Мальчик бежал по пыльной дороге* или *Мальчик бежал по пыльному пути*. По-видимому, справедлива мысль: *Дипломаты, как правило, корректны*, но нельзя сказать — *Дипломаты, как правило, деликатны* (слова-синонимы *корректный* и *деликатный* — неравнозначны).

Не могут существовать в языке одиночные синонимы. Они всегда образуют ряды — от двухсловных до многословных, насчитывающих до десятка слов. Ряд синонимов называется синонимическим рядом. Обычно в синонимическом ряду есть одно слово, которое осознается как наиболее обычное, наиболее употребительное, наиболее нейтральное. Такое «главное» слово синонимического ряда иногда называют «доминантой». К слову-доминанте и тяготеют все слова ряда, — одни сильнее, другие слабее. По степени смысловой близости слова в ряду могут быть расположены в определенном порядке. Так, есть в нашем языке синонимический ряд, начинающийся словом-доминантой *обычно*.

венной, за ним следует *обычный, будничныи, рядовой, заурядный, ординарный, дюжинный, обыденный*. Еще один синонимический ряд: *вид, панорама, картина, пейзаж, ландшафт*.

Легко можно заметить, что нередко разные слова одного и того же синонимического ряда принадлежат различным стилевым пластам лексики: слово *глаза* — нейтральное, слово *очи* — книжно-поэтическое, слово *глядялки* — разговорно-просторечное; слово *красивый* — нейтральное, слово *прекрасный* — книжное, слово *пригожий* — народно-поэтическое и разговорное, слово *красный* — народно-поэтическое устарелое.

Как правило, в синонимический ряд входят слова одной и той же части речи, но в высказывании могут синонимически сближаться и слова разных частей: *встал рано и встал на заре, приехал недавно и приехал на днях*.

Антонимами называются слова, предельно удаленные друг от друга, т. е. противоположные по значению: *верх и низ, вперед и назад, длинный и короткий, нагреть и остудить, в и из* и т. д.

Развитие антонимов связано с отображением мышлением человека полярно-противоположных явлений действительности. Применяются антонимы для названия таких явлений, для выражения противопоставленности понятий. Кроме того, антонимы могут применяться и для усиления выразительности речи. Известны удачные стилистически образцы применения антонимов, созданные Г. Р. Державиным, М. Ю. Лермонтовым, И. Г. Эренбургом и другими писателями, публицистами, ораторами. Вот, например, как применил антонимы М. Ю. Лермонтов в одной из глав своей поэмы «Демон»:

Я все бывшее бросил в прах:
Мой рай, мой ад в твоих очах...
Какое горькое томленье
Всю жизнь, — века без разделенья
И наслаждаться и страдать...
Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем,
Клянусь позором преступленья
И вечной правды торжеством,
Клянусь паденья горькой мукой,
Победы краткою мечтой;
Клянусь свиданием с тобой
И вновь грозящею разлукой;
Клянусь сонмищем духов,
Судьбою братий, мне подвластных,

Мечами ангелов бесстрастных,
Моих недремлющих врагов;
Клянусь небом я и адом,
Земной святыней и тобой;
Клянусь твоим последним взглядом,
Твоею первую слезой,
Незлобных уст твоих дыханьем
Волною шелковых кудрей;
Клянусь блаженством и страданьем,
Клянусь любовью моей, —
Я отрекся от старой мести.
Я отрекся от гордых дум;
Отвныне яд коварной лести
Ничей уж не встревожит ум;
Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру.

Этот текст позволяет увидеть, что антонимы (как, впрочем, и синонимы) могут быть не только языковые, но и речевые. Речевыми антонимами будем называть такие слова, которые сами по себе не имеют противоположного смысла, но получили его в том или ином контексте, в речи. Вдумавшись в цитированные строки М. Ю. Лермонтова, мы заметим, что в них противопоставлены по смыслу не только выделенные слова (языковые антонимы), но и многие другие (*позором и торжеством, преступленья и правды, паденья и победы, мукой и мечтой* и т. д.). Правда, не всегда это противопоставление логическое, часто оно — эмоционально-эстетическое. И, таким образом, вся знаменитая клятва Демона построена на противопоставлении слов и выражаемых ими художественных образов.

Нечто подобное можно наблюдать в публицистике И. Г. Эренбурга. Его публицистические очерки военных и послевоенных лет брали часть своей разящей силы из такого, казалось бы, незаметного источника, как языковые и речевые антонимы. Вот несколько коротких примеров:

Мы, например, искренне желаем, чтобы американцы ненавидели черные дела, а не черную кожу, чтобы они чтили немного меньшие доллар и немножечко больше человека («Люди хотят жить»).

Я обращаюсь не к единомышленникам, я обращаюсь ко всем честным писателям Запада, к социалистам и индивидуалистам, к реалистам и мистикам, к ревнителям прошлого и новаторам («Надежда мира»).

Наш народ не злой: он готов забыть горечь сорок второго года, когда Россия обливалась кровью, а Америка золотом («За мир»)

И синонимы, и антонимы — это слова, связанные отношением значений. Вот почему у одного и того же многознач-

ного слова может оказаться несколько синонимов или антонимов.

Омонимы — это разные слова, имеющие одинаковое звучание.

Эта особенность омонимов объясняется чаще всего тем, что они возникают в результате так называемого распада полисемии, т. е. в результате смыслового деления одного слова на два. В многозначном слове все его значения так или иначе связаны друг с другом, мотивируют одно другое, зависят одно от другого, «переходят» одно в другое. Но может получиться так, что в каком-то месте цепь смысловых зависимостей между значениями рвется, — появляются слова-омонимы. Так, в современном русском языке есть слово *валить* в значении «заставлять падать» и есть другое слово *валить* в значении «идти или падать массой, во множестве» (сравним: *Ветер валит деревья* и *Снег валит хлопьями*). Другой пример: *Не надо ввязываться в разговор* и *Узор хорошо ввязывается в шапочку мальчика*; в первом высказывании *ввязываться* означает «вмешиваться во что-либо», а во втором *ввязываться* значит «подвергаться ввязыванию». Можно также припомнить омонимы *вестовой* — подающей весть и *вестовой* — рядовой для посылок по делам службы; *вид* — внешность и *вид* — разновидность, тип (*виды обучения*); *волынка* — музыкальный народный инструмент и *волынка* — намеренное затягивание исполнения какого-либо дела; *завод* — промышленное предприятие и *завод* — приспособление для того, чтобы привести механизмы в действие; *зарядить* — вложить заряд и *зарядить* — зачистить.

Такие омонимы называются семантическими. Им обычно противопоставляются омонимы этимологические, возникающие не вследствие разрыва значений многозначного слова, а вследствие случайного звукового совпадения разных слов, принадлежащих разным языкам или одному и тому же языку.

Так, глаголы-омонимы *жать* — срезать и *жать* — давить восходят к разным древним славянским словам, имевшим разное звучание (приблизительно *женти* и *жемти*); затем позже, под влиянием особого звукового закона (закон открытого слога), инфинитивы обоих слов совпали по звучанию, возникли омонимы (формы настоящего времени у них различны и до сих пор: *жну* и *жму*, *жнешь* и *жмешь* и т. д.). Имена существительные *брак* — «супружество» и *брак* — «вещь с изъяном» в нашем языке случайно

оказались одинаковыми по звучанию, т. е. омонимами: одно из них славянское, образовано от глагола *брати*, другое заимствовано из немецкого языка, в котором связано с глаголом *brechen* — разбивать, ломать. Предполагают, что случайно совпали по звучанию и слова *ключ* — от замка, от двери и *ключ* — родник. К этимологическим нужно отнести и омонимы *балка* — овраг и *балка* — бревно, перекладина; *клуб* — дыма, пара и *клуб* — организация; *град* — город и *град* — осадки; *ток* — для молотбы и *ток* — электрический. Этимологически различны *лук* — оружие (славянского происхождения) и *лук* — растение (германского происхождения); *лейка* — сосуд для поливания (славянское слово, от глагола *лить*) и *лейка* — марка пленочного фотографического аппарата (немецкое заимствование, от сокращения слова *Leitzkammer*, по названию фирмы *Leitz*).

Омонимы различаются не только по своему источнику, но и по другим признакам. Например, можно разграничивать омонимы полные и частичные. Первые имеют одинаковое звучание во всех своих формах: *лук* — оружие и *лук* — растение звучат одинаково при всех изменениях по падежам; *ключ* от двери и *ключ* — источник звучат совершенно одинаково, независимо от изменений по падежам и числам. Вторые, т. е. частичные, омонимы имеют одинаковое звучание не во всех формах. Омонимы *жать* — срезать и *жать* — давить одинаково звучат в инфинитиве, в формах прошедшего времени и в форме условного наклонения, но имеют разное звучание в других формах. Слова *тереть* и *три* имеют очень узкую область омонимического совпадения: глагол *тереть* — повелительное наклонение единственного числа, а числительное *три* — форму именительного падежа.

От омонимов надо отличать омоформы, омоморфемы и омографы. Омоформы — это разные формы одного слова, имеющие одинаковое звучание: *большой* — форма ед. ч. им. пад. м. р., форма род. пад. ед. ч. ж. р., форма дат. пад. ед. ч. ж. р., форма твор. пад. ед. ч. ж. р., форма предл. пад. ед. ч. ж. р.; все формы елова *кино* в русском языке звучат одинаково. Омоморфемы — это разные по значению морфемы, имеющие одинаковое звучание: *трактор-ист* и *золот-ист-ый*, *руч-к-а* и *ков-к-а*. Омографы (от греч *homos* и *graphō*) — это разные слова (или их формы), имеющие одинаковое написание: *замок* и *за́мок*, *боро-*

ны и вороны, мука и мука, берегу и берегу, бегу и бегу бега и бегу и т. д.

И до сих пор можно встретить мнение о том, что омонимия — чуть ли не болезнь языка, аномалия в его развитии. Это мнение неверно. Омонимия — неизбежный результат исторического развития языка, подобно полисемии, многозначности. Омонимия не больше мешает общению, чем полисемия. Скорее наоборот: омонимия, как и полисемия, — это источник уточнения наших понятий о вещах и отношениях между ними. А кроме того, омонимы применяются литераторами и как особое, хотя и не очень сильное, стилистическое средство: на них нередко строятся речевые каламбуры (игра слов).

Вот два примера:

Ем ли суп из манных круп,
Или конский вижу круп, —
Мне на ум приходит Крупп,
А за ним — большая масса,
Груда «пушечного мяса» ...
Ах, да будет не тернист
Путь такого человека:
Он великий гуманист
Девятнадцатого века.

Это злая эпиграмма на одного из пушечных королей Европы — Альфреда Круппа, написанная известным поэтом XIX в. Дм. Миннаевым. Второй пример стилистического обыгрывания омонимов — шуточное стихотворение того же автора «В Финляндии»:

Область рифм — моя стихия,
И легко пишу стихи я;
Без раздумья, без отсрочки
Я бегу к строке от строчки,
Даже к финским скалам бурым
Обращаясь с каламбуром.

Займствованиа

Шестым основанием разграничения лексики является языковой источник слова. По этому признаку все слова прежде всего делятся на «свои» и «чужие» для того или иного языка. Первые либо «искони» существуют в данном языке, либо образованы в нем из его морфем и по его словообразовательным законам. Таковы для современного русского языка *рука, поле, начитаться, заглядеться, летний*. Вторые пришли в данный язык из других языков, заимствованы вследствие сношений между народами и странами. Такие слова называются иноязычными заимствованиями;

их до недавнего времени часто называли «варваризмами» (от греч. *barbarismos* — негреческий, иноземный, варварский).

В любом современном развитом литературном языке много иноязычных заимствований. В таких языках, как английский, немецкий, русский, особенно французский, итальянский, испанский, очень много заимствований из античных литературных языков — древнегреческого и латинского. Такие заимствования нередко оказываются международными, варьируясь в нескольких языках в соответствии с их национальными особенностями. Например, в русском языке есть слова *тема*, предмет мысли, сочинение, главная мысль музыкального произведения, основа слова; в немецком есть соответствующее слово *Thema* — тема, предмет рассуждений; во французском — *theme* — тема, предмет рассуждений, отрывок для перевода с родного языка на иностранный, главная музыкальная мысль, основа слова. Ясно, что все эти слова очень сходны, несмотря на различия их звучания и морфологической формы в четырех языках. Сходство этих слов объясняется их заимствованием из древнегреческого языка, в котором было слово *thema* в значении «тема, вопрос для обсуждения, положение». Еще пример: в русском, английском, немецком и французском языках есть сходные слова — *форма* (русск.), *form* (англ.), *Form* (немецк.), *forme* (франц.). Эти слова не тождественны ни по звучанию, ни по морфологическому облику, ни даже по значению, но несомненно, что они сходны, у них общий источник — латинское слово *forma* — форма, наружный вид и т. д.

Конечно, неодинаковы исторические пути, которыми приходит иноязычное слово в тот или иной язык. Принято различать прямое, непосредственное заимствование (например, в русский из французского, немецкого, грузинского или польского) и заимствование через посредство третьего языка (например, в английский из латинского через посредство итальянского или французского, в русский из немецкого через польский и т. д.).

Так, непосредственно из французского в русский были заимствованы слова: *актер, антракт, бюро, блиндаж, боа, бомонд, ваза, варьете, велюр, вестибюль, галета, га-лоп, кадет, каламбур, камуфляж, канал, канитель* и др. Непосредственно из немецкого — *аксельбант, аншлаг, боцман, бухгалтер, валторна, вентиль, гастроль гейзер,*

дека, диктант, капельдинер, кегли, ландшафт, лейтмотив и др.

Черед посредство польского были заимствованы в русский язык немецкие слова: *винт, крахмал, рама, тарелка, шпур* и др. Многие латинские слова пришли в русский язык через посредство французского и немецкого языков. Вообще надо сказать, что история многих слов оказывается очень сложной и запутанной: слово может побывать во многих языках, прежде чем окажется в одном из современных живых языков. Проф. Л. А. Булаховский говорит, например, что слова *лак, лакировать* раньше, чем попасть в XVIII в. из немецкого в русский язык, прошли долгий путь, начиная от Индии, вероятно, через Иран, далее через Грецию и Италию. Конечно, в каждом из этих языков слово хоть частично меняло и свои значения, и свое строение, и свое звучание.

Можно говорить о разных типах заимствования чужих слов: а) лексическом, б) морфематическом, в) словообразовательном. В первом случае заимствуется слово в целом (*тема, форма, бюро, трюмо, аниллаг* и т. д.); конечно, оно может при этом в заимствующем языке изменить и свое значение и свое звучание. Во втором случае заимствуется морфемная структура слова и значения морфем (т. е. наименьших значащих частей слова — корней, приставок, суффиксов и др.), но морфемы лишь переводятся при помощи соответствующих морфем заимствующего языка, заимствуется их значение, а не звучание. Такое заимствование называется калькированием (от франц. *calque* — копия на прозрачном листе, подражание). Так, русское слово *предмет* скалькировано с латинского слова *objectum*: приставка *ob-* переведена приставкой *пред-*, корень *-ject-* переведен корнем *-мет-*, а окончание латинского слова отброшено. Немецкое слово *Verstellung* калькируется русским словом *представление*: приставке *ver-* соответствует приставка *пред-*, корень *-stell-* замещается русским корнем *-став-*, суффикс *-ing* — русским суффиксом *-ение*. Могут калькироваться и целые выражения. Наконец, в третьем случае заимствуются слова, которые в заимствующем языке используются для построения, образования нового слова — такого, которого не было в языке-источнике. Так получены слова *агробиология, биометрика, телетайп, телеметрия, филология* и многие другие. Существуют и иные, менее определенные типы заимствований иноязычной лексики.

Но изучение заимствований отнюдь не ограничивается пониманием путей и способов проникновения «чужих» слов в «свой» язык. Очень важно понять, что происходит с «чужим» словом, когда оно оказалось в «чужом» для него языке. Здесь мы подходим к вопросу об освоении языком заимствованных слов.

Иноязычные слова, попав в чужую для них языковую среду, начинают постепенно подчиняться ее законам. Как правило, рано или поздно чужое слово приобретает звуковые, морфологические и семантические (смысловые) черты слов заимствующего языка. Никто из русских людей не произносит в настоящее время на иностранный манер слова *театр, Федор, лейтенант, шофер, футбол* и др. Мы даже не представляем себе обычно, как нужно было бы произнести эти слова по правилам иноязычного произношения. Резко меняется и морфология слова, французское слово *лейтенант* и английское слово *футбол* получили все формы русских падежей, нарушив все правила изменения существительных французского и английского языков. Эти слова утратили артикли (или «члены») западных языков. Они получили мужской род в противопоставлении женскому и среднему, чего нет в языках-источниках. Многие слова так прочно входят в новый для них язык, что перестают «чувствоваться» в нем в качестве иноземных пришельцев. Например, кто из русских назовет чужими слова *лампа, бумага, кукла, лошадь, кофлета, машина, базар, газета, цирк, театр, школа* и подобные им? А ведь все они в свое время были взяты русским языком из других языков и освоены, подчинены правилам и законам русского языка.

Иногда ставят вопрос: полезны или вредны иноязычные заимствования в том или ином национальном языке? Этот вопрос несколько нелогичен: ведь заимствования неизбежны, как неизбежно общение народов и стран. В разные эпохи исторической жизни народов выделяются языки, дающие относительно большее число слов, заимствуемых другими языками. В античном мире и средневековье такими языками были греческий и латинский. В XVII—XVIII вв. таким языком стал французский. В XIX—XX вв. — немецкий и английский. Теперь на положение такого языка историей общественного развития выдвигается русский. Триумфальное распространение слов *Советы* и *спутник* всем известно. Очень много русских слов вошло и входит в языки Востока и Запада в качестве тер-

минов науки и общественно-политической жизни.

Но неизбежность проникновения заимствований в различные национальные языки не означает, что любые заимствования должны приветствоваться обществом и литературой. В. И. Ленин очень хорошо сформулировал наше отношение к иноязычным словам: «Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?»¹. Заменить своими иноязычные слова *лампа, газета* и подобные мы просто не можем. Пытаться заменить русскими многие термины науки (*атом, электрон, мезатрон, полимеры, полиэтилен*) бесполезно и ненужно: такие термины помогают развитию науки, так как облегчают международное общение ученых. Но смешно и нелепо вставлять иностранные слова туда, где они не нужны и не к месту: «Студент с экзальтацией рассказывал о поэзии»; «Оратор говорил об апогеях нашего строительства»; «Комсомольские руководители абстрагировались от молодежной среды»; «Не фигурируйте документами»; «Интродукция переговоров оказалась дефектной»; «Голос мальчика вибрировал от волнения»; «Успехи моего сына аналогичны успехам вашего».

В лексике различных национальных языков нашего времени есть две тенденции. Одна из них усиливает национальные, «свои» элементы словарного состава; она связана с пробуждением к самостоятельной национальной жизни десятков народов, поработанных в течение десятилетий и столетий колонизаторами и империализмом. Вторая же усиливает во многих языках интернациональный лексический фонд; эта тенденция связана с усилением международных государственных, культурных и научных сношений, с усилением международного общения ученых. Одновременно, таким образом, усиливаются национальные пласты лексики во многих и многих языках и вместе с тем непрерывно растет объем заимствованного словаря, включающего слова международного использования.

Фразеологизмы В лексикологии обычно излагаются и сведения об устойчивых сочетаниях слов, называемых фразеологизмами.

Для того чтобы представить яснее, о чем здесь идет речь, сравним попарно такие примеры: *лясы точить* и *точить ножницы*, *бежать сломя голову* и *побрить*

голову, Большой театр и *большой город, железная дорога* и *железный гвоздь*.

Выделенные слова в первых примерах каждой пары не имеют своего собственного, особого значения: *точить* здесь не значит «острить», *голову* не значит «часть тела», *большой* не значит «немаленький» и *железная* не значит «изготовленная из железа». Кроме того, каждое из выделенных в первых примерах слов; не имея своего собственного значения, нуждается в сцеплении со строго определенными словами, в результате чего и возникают устойчивые сочетания слов, передающие слитные, нечленимые, единые для всего сочетания значения: *лясы точить* — бездельничать, *пустословить*; *сломя голову* — стремительно; *Большой театр* — собственное имя главного оперного театра СССР; *железная дорога* — путь, по которому идут поезда, и все предприятия, обслуживающие работу этого пути.

Наши примеры (*лясы точить, сломя голову* и т. д.) образуют цельностью, слитностью, нечленимостью своих значений; иначе говоря, во фразеологизме нет соответствия между внешним, формальным членением на слова и внутренней слитностью значения: смысл фразеологизма не делится на части, элементы, соответствующие частям, элементам его внешней формы. К тому же цельное значение фразеологизма обычно не вытекает из сложения значений отдельных слов: мы не осознаем, какое отношение к смыслу «бездельничать, пустословить» имеют слова *точить лясы* (последнее слово нам еще и непонятно); мы не знаем, как получается смысл «стремительно», если соединить слова *сломя* и *голова*, и т. д.

Несоответствие между формальной членимостью фразеологизма и слитностью выражаемого им значения и приводит к тому, что обычно называют устойчивостью словосочетания, образующего фразеологизм: когда мы нуждаемся в выражении смыслов, передаваемых в языке не отдельными словами, а фразеологизмами, мы вынуждены использовать навязываемые языком готовые сочетания слов вроде *лясы точить, словов гонять, баклуши бить, собаку съесть, водить за нос, воду лить* (пустословить) и т. д.

Вспомним теперь о наших примерах, где рядом с *лясы точить* стояло свободное сочетание слов *точить ножницы*, рядом с *железной дорогой* — *железный гвоздь* и т. д.

Чем же отличается обычное сочетание слов (оно называется в лексикологии свободным) от фразеологизма?

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 40, с. 49.

Слова — члены свободных сочетаний имеют каждое свое собственное значение: *точить* и *ножницы*, *побрить* и *голову*, *большой* и *город*, *железный* и *гвоздь*. Затем слова — члены свободных словосочетаний — могут сцепляться по свободному выбору говорящего не только друг с другом, но и со многими другими словами языка: так, если мы «расцепим» члены сочетания *железный гвоздь*, мы без особого труда сможем соединить слово *железный* со словами *молоток*, *замок*, *шурп*, *сундук*, *шкаф*, *гайка*, *ножницы* и т. д., а слово *гвоздь* можем сцепить со словами *новый*, *тупой*, *гнутой*, *ржавый*, *тонкий*, *блестящий* и т. д.

В свободных словосочетаниях смыслы членов (отдельных слов) как бы складываются, «суммируются» говорящим, а общее значение словосочетания ясно вытекает из значений «сцепляемых» членов. В свободном словосочетании налицо соответствие между членимостью формы и членимостью содержания, значения; это обстоятельство и оказывается главным условием свободы разъединения и сцепления слов в таких словосочетаниях.

Фразеологизм подобен в известном отношении отдельному полнозначному слову, поэтому нередко говорят об эквивалентности (равносильности, равноценности) фразеологизма слову, их соотносительности. Эта эквивалентность и соотносительность не формальная, а смысловая и функциональная; это значит, что фразеологизм выполняет в нашей речи ту же функцию, что и полнозначное слово, т. е. выражает понятие, обозначает явление, участвует в построении высказывания.

Фразеологизм входит в нашу речь как готовый элемент языка. Он не «изготавливается» говорящим, а лишь применяется им. Что же касается свободного сочетания слов, оно создается в процессе речи, «изготавливается» говорящим по законам языка и в соответствии с потребностями выражаемых мыслей, чувств и настроений. Это значит, что если нам нужно выразить мысль о посещении главного оперного театра СССР, язык вынуждает нас применить готовый его элемент — фразеологизм *Большой театр*. Но если нам нужно передать мысль о дереве с белой корой, растущем на опушке леса, мы можем «построить» разные сочетания слов, в зависимости от желания и вкуса: *зеленая береза*, *кудрявая береза*, *стройная береза*, *береза помикла*, *береза ожила*, *береза расцвела* и т. д. (разумеется, содержание этих и подобных словосочетаний должно соответствовать действительности, которую они рисуют).

Таким образом, фразеологизмы (или фразеологические единицы языка) — это устойчивые сочетания слов, характеризующиеся слитностью, нечленимостью значения, принудительностью связей между словами и цельностью воспроизведения в речи.

Классификация фразеологизмов

Изучение фразеологизмов успешно развивается в последние десятилетия. Много нового внесли в учение о фразеологии различных языков как совокупности и системе фразеологизмов работы французского лингвиста Ш. Балли и русского советского ученого В. В. Виноградова. В частности, работы этих ученых заложили прочные основания учения о типологии, или классификации, фразеологизмов.

Теперь очевидно, что можно построить несколько типологий (классификаций) фразеологизмов различных языков; эти типологии будут отражать деление фразеологических единиц на типы (группы, классы), осуществляемое по разным признакам (формальным, смысловым, функциональным и др.).

Здесь излагаются краткие сведения о типологии фразеологизмов, основанной на соотношении цельного значения фразеологизма (будем это значение именовать фразеологическим) и значений, входящих во фразеологизм отдельных слов (т. е. лексических значений).

В зависимости от различий именно этого соотношения выделяются в языке четыре типа фразеологизмов.

1. **Идиомы.** Это, как нередко, пишут, абсолютно неделимые сочетания слов; фразеологическое значение идиомы никак не «пояснено», не мотивировано лексическими значениями ее элементов — отдельных слов; к тому же некоторые слова в идиомах вообще не осознаются, их значения забыты: *баклуши бить*, *лясы точить*, *вольнку тянуть*, *жив курилка*, *тянуть канитель*, *козел отпущения*, *лезть на рожон*, *лукуллов пир*, *менторский тон*, *на ять*, *не знать ни аза*, *не смыслить ни бельмеса*, *осанну петь*, *очертя голову* (кинуться), *перейти рубикон*, *погибоша аки обре*, *попасть впросак*, *притча во языцех*, *сбоку припека*, *типун тебе на язык*, *турусы на колесах*, *ходить фертом*, *шемякин суд*, *шиворот-навыворот*, *эликсир жизни* и т. д. Фразеологическое значение в таких случаях оказывается выраженным сочетанием значимого и «незначимого» слов. Но «незначимость» эта очень своеобразна: если обратиться к прошлому таких «незначимых» слов, они оживают и мотивируют живое фразеологическое значение всего неделимого слово-

сочетания. Достаточно, например, посмотреть в известный «Толковый словарь» В. И. Даля, — и мы узнаем, что *баклуша* — это чурка, болванка для изготовления деревянной посуды (чашек, ложек и т.д.); *бить баклуши* — готовить эти чурки или болванки, скалывая негодные в дело слои древесины. *Бить баклуши* — это дело легкое, несерьезное, это почти безделье. Отсюда и идет современное фразеологическое значение: *бить баклуши* — бездельничать, отлынивать от настоящего дела. В том же словаре читаем: *канитель* — золотая, серебряная или мишурная трубчатая витушка для золотошвейных работ; ее сперва тянут, потом плющат и навивают. Это пояснение В. И. Даля позволяет понять современное фразеологическое значение, выражаемое словами *тянуть канитель*: ведь тянули ее осторожно, медленно, долго.

Разумеется, подобным же образом могут быть истолкованы и другие фразеологизмы-идиомы, хотя для этого пришлось бы прибегнуть не только к истории русских промыслов и ремесел, но и к истории других сторон русской и нерусской действительности. В идиомах своеобразно отразились многие интересные явления исторического прошлого человеческих коллективов.

2. **Сращения.** Это такие фразеологизмы, все элементы которых, взятые по отдельности, понятны; однако фразеологическое значение не «складывается» из значений отдельных слов, входящих в сращение, и не мотивируется ими, а воспринимается как единое целое: *белая ворона, бобы разводить, водить за нос, вот где зарыта собака, в сорочке родиться, высесть море, газетная утка, горе луковое, девятый вал, дело в шляпе, дело табак, душа в пятки ушла, живота не пожалеть, за пояс заткнуть, зеленая улица, зубы заговаривать, казанская сирота, колокола лить, не в своей тарелке, под орех разделить, проглотить пиллолю, прокатить на воронках, реветь белугой, рог изобилия, свинью подложить, синяя птица, три кита, тьма египетская, умыть руки, яблоко раздора* и др.

В самом деле, когда мы слышим или читаем *водить за нос* или *дело в шляпе*, мы хорошо понимаем все составные части этих фразеологизмов; мы даже можем представить себе как в буквальном смысле кого-то ведут за нос или какое-то дело, лежащее в шляпе. Но суть сращений как раз в том, что мы не понимаем, не «видим», как из прямого, буквального смысла частей наших фразеологизмов получается их общее, цельное фразеологическое значение,

т. е. как из *водить* и *нос* появляется значение «обманывать, надувать», а из *дело* и *шляпа* возникает значение «все в порядке, хорошо». Для того чтобы понять эти метаморфозы значений, мы должны будем, как и в случаях объяснения идиом, обратиться к истории языка и истории отражаемой им жизни народов.

3. **Фразеологические единства.** Это такие фразеологизмы, составные элементы которых, взятые в отдельности, понятны и фразеологическое значение которых существует как переносное, возникшее на основе прямого значения сочетания элементов, образующих фразеологизм: *альфа и омега, архимедов рычаг, белены объесться, бить в набат, бить челом, блоху подковать, в бирюльки играть, в мутной воде рыбку ловить, в цейтнот попасть, говорить на ветер, держать порох сухим, до белого каления, задеть за живое, за семью печатями, звезда первой величины, идти в гору, из-под земли достать, и на солнце есть пятна, как с гуся вода, китайская стена, курский соловей, к шапочному разбору (прийти), лыка не вяжет, львиная доля, мокрая курица, мутить воду, на песке строить, на свой аршин мерить, ободрать как липку, первая ласточка, первую скрипку играть, потемкинские деревни, птичьего молока (не хватает), пустая порода, путеводная звезда, пыль в глаза пускать, сколько воды утекло, соломоново решение, столбовая дорога, танцевать от печки, терновый венец, умыть руки, шапками закидаем* и др.

Фразеологические единства живут двойной жизнью — и как свободные сочетания слов (*дети играют в бирюльки*), и как цельные по смыслу выражения (*это не работа, а игра в бирюльки*); при этом вторая (фразеологическая) жизнь единств зависит от первой, и эта зависимость осознается говорящими: словосочетание *курский соловей* в прямом смысле обозначает соловья из окрестностей Курска; такие соловьи, по мнению знатоков птичьего пения, поют по-особому красиво, лучше других соловьев; вот почему в переносном (фразеологическом) значении выражение *курский соловей* «стало применяться в похвальном смысле к отличным певцам, а в насмешливом — к сладкоголосым и вычурным говорунам — краснобаям»¹.

Таким образом, разница между сращениями и единствами состоит в том, что первые (сращения) либо не имеют вполне логичного прямого значения (*водить за нос, реветь*

¹ Вартаньян Эд. Из жизни слов. М., 1960, с. 114

белугой), либо имеют его, но не мотивируют, не «поясняют» прямым смыслом—переносного, фразеологического; переносность фразеологического значения осознается только на основе исторического комментирования; вторые же (единства) имеют и прямой смысл, и мотивируемый им переносный, фразеологический, осознаваемый говорящими и без исторических толкований.

По-видимому, если иметь в виду развитие фразеологизмов, нужно будет признать, что фразеологические единства с течением времени переходят в сращения, а сращения — это бывшие фразеологические единства.

4. **Фразеологические сочетания.** Это такие фразеологизмы, составные элементы которых понятны и совместно выражают общее логическое содержание, равное или близкое содержанию отдельных слов, простых или сложных: *оказывать помощь — помогать, принимать участие — участвовать, пятилетний план — пятилетка, педагогический институт — пединститут; читальный зал — читалка* и т. д.

Эти немногие примеры показывают, что фразеологические сочетания, в отличие от единств, не имеют переносных фразеологических значений; прямой же смысл выражается не отдельным словом, а сцеплением слов. Во фразеологических сочетаниях значение одного слова, как говорят, «связано» значением другого, т. е. проявляется только в связи с этим другим словом или в связи с несколькими, но немногими определенными словами. Так, значение слова *оказывать* «связано» в современном русском языке со словами *уважение, помощь, влияние, услуги, поддержку, сопротивление, покровительство, честь*. Вот, по-видимому, и все или почти все. В сущности, слово *оказывать*, соединяясь с одним из перечисленных слов, не обнаруживает никакого конкретного смысла. То же самое происходит с глаголами во фразеологических сочетаниях *иметь значение, играть роль, принимать участие, делать успехи* и т. д. Несколько иначе ведут себя имена существительные и прилагательные во фразеологических сочетаниях-терминах, например *животное масло, холодильный шкаф, пятилетний план, автоматическое управление, машинный перевод, атомная энергия, оперный театр, хоровое пение, летние каникулы* и т. д. В этих и подобных примерах имена сохраняют вполне определенный смысл; однако вместе с ним те же самые слова, сцепляясь, передают общее для них единое понятие, не требующее расчленения; вот почему такие сочетания

слов нередко и легко превращаются в отдельные слова: *пятилетний план* в *пятилетку*, *оперный театр* в *оперу*, *автоматическое управление* в *автоматику*, *читальный зал* в *читалку*, *комсомольский организатор* в *комсомо́ра* и т. д.

Предложенное здесь деление всех фразеологизмов на четыре типа (идиомы, сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания) в общем соответствуют принятой во многих учебных пособиях точке зрения В. В. Виноградова, хотя и видоизменяет ее.

Помимо классификации фразеологизмов, опирающейся на соотношение лексических значений отдельных слов и фразеологического значения неделимого словосочетания, возможны и необходимы иные классификации, в которых будут отражены морфологические, синтаксические и другие различия между фразеологическими единицами разных языков.

В каждом национальном языке есть своя оригинальная фразеология (т. е. свой запас фразеологизмов). Перевод фразеологизмов одного языка на другой затруднен, потому что пословно фразеологизмы, как правило, не переводятся (вспомним об особенностях идиом и сращений). Поэтому нередко при переводе бывает нужно найти подходящий по смыслу фразеологизм. Так, немецкое выражение *Schön d(a)ran sein* должно быть переведено русским фразеологизмом *сесть в калошу*, хотя дословно оно значит «красиво поэтому быть». Немецкое же выражение *im Dreck sitzen* нужно перевести русским фразеологизмом *терпеть нужду, нуждаться в деньгах*, хотя буквальный, пословный перевод был бы *в грязи сидеть*. Английский фразеологизм *have a drop in one's eye* можно перевести русским *быть под хмельком*, а пословный перевод был бы *иметь капельку в одном глазу*. Английское выражение *take good* следует перевести русским *сдержатъ слово, выполнить обещание*, хотя дословный перевод — *делать хорошо* и т. д.

Роль фразеологии в нашей речи очень заметна. Уместно примененные фразеологизмы оживляют и украшают как устную речь, так и литературные произведения. Можно вспомнить, как часто и как умело вводил в свои басни разговорную русскую фразеологию И. А. Крылов. Любили русские народные фразеологизмы и умело применяли в литературе Пушкин, Гоголь, Лесков, Л. Толстой, Салтыков-Щедрин, Чехов. Хорошо знал и ценил русскую фразеологию В. И. Ленин.

Понимание роли фразеологии в нашей речи станет еще яснее, если мы узнаем, что фразеологическими единицами языка можно считать не только устойчивые словосочетания, но и целые устойчивые высказывания — пословицы и «крылатые» выражения, созданные литераторами. В этом широком смысле в состав фразеологии нашего языка нужно включить высказывания: *Ученые — свет, неученые — тьма; Без труда не вынешь и рыбку из пруда; Ласковое слово, что весенний день; В мои лета не должно сметь свои суждения иметь* (А. С. Грибоедов); *Да только воз и ныне там* (И. А. Крылов); *Какая смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний!* (А. С. Пушкин); *Великий, могучий, правдивый и свободный русский язык* (И. С. Тургенев) и т. д.

IV. Лексикография

Вводные понятия Лексикология и фразеология (наука) тесно связаны с лексикографией (от греч.

lexis — слово и *grapho* — пишу).

Лексикография — одна из прикладных (т. е. имеющих практическое назначение и применение) наук, входящих в современную лингвистику. Это теория и практика составления различных языковых словарей, значит, это наука о словарях, о том, как их наиболее разумно делать, вместе с тем это и сама практика составления словарей.

Понятно, что нельзя составлять словари, не понимая, что такое слово, как оно живет и как оно «работает» в нашей речи. Но мы уже знаем, что слова изучаются лексикологией. Вот почему лексикография очень тесно связана с лексикологией и зависит от нее. В то же время составители словарей, вздумываясь в слова, их значения, их «поведение» в речи, обогащают науку о слове новыми наблюдениями и обобщениями. А это значит, что не только лексикография зависит от лексикологии, но и лексикология зависит от лексикографии. Эти две науки предполагают друг друга.

Для того чтобы полнее и правильнее понять, чем занимаются лексикографы (составители словарей), нужно познакомиться с результатами их труда, т. е. словарями.

Словари понятий и лексиконы

Все словари могут быть разделены на словари понятий и лексиконы (т. е. словари слов). Первые (словари понятий) часто, хотя и не очень точно, называются энциклопедическими; энциклопедия — лишь один из видов словарей понятий.

Чем же отличаются словари понятий от лексиконов? Прежде всего тем, что в них объясняются не слова, а содержание выражаемых словами научных, производственных, политических, литературных и иных понятий и стоящих за понятиями предметов, явлений и событий действительности.

Например, в философском словаре читатель найдет объяснение того, что такое философия, логика, причина, следствие, пространство, время, диалектика и т. д. В статьях словаря, объясняющих эти термины, могут излагаться различные взгляды на содержание этих терминов, история научного изучения этого содержания, современные борющиеся в науке гипотезы и т. д. Короче говоря, словари понятий дают определенный круг научных сведений не о словах, а о выражаемых словами понятиях и отображаемых понятиями вещах, явлениях, событиях и лицах. Наиболее знакомым типом словарей понятий являются энциклопедии, или энциклопедические словари, известные в двух разновидностях: а) универсальная энциклопедия, которая дает читателю систематизированный свод знаний из различных областей жизни общества и из различных отраслей науки; б) специальная, или отраслевая, энциклопедия, которая дает читателю систематизированный свод знаний из одной области науки, техники, производства или культуры (медицинская энциклопедия, математическая энциклопедия, литературная энциклопедия, историческая энциклопедия, музыкальная энциклопедия и т. д.). Слово энциклопедия восходит, через посредство французского языка, к греческим словам *en* — в + *kyklos* — круг + *paldeia* — просвещение. Знакомым читателю примером универсального энциклопедического словаря может служить Большая Советская Энциклопедия, выходящая уже третьим изданием.

Словари понятий (или, как мы их называем, энциклопедические словари) имеют лишь косвенное отношение к лексикографии как области прикладного языкознания.

Лексикографов прежде всего интересуют не словари понятий, а лексиконы, т. е. словари слов (если не бояться такого тавтологического термина).

Задача любого языкового лексикона — пояснение и толкование слов, а не обозначаемых ими предметов или понятий науки, техники, производства и культуры.

В языковом словаре (лексиконе) читатель найдет, например, сведения о разных значениях слова *звезда*, о правильном его применении в речи, о его грамматических формах и особенностях, о его ударении и написании и т. д. То же самое слово *звезда* в энциклопедическом словаре окажется заглавием статьи, в которой будут изложены научные сведения о звездах — об особенностях вещества, из которого они состоят, о их яркости, температуре, движении, расстоянии от Земли и Солнца и т. д.

Типы лексиконов Если мы познакомимся со многими и разными лексиконами (языковыми словарями), то заметим, что лексикография уже создала несколько их типов, отличающихся друг от друга назначением, а также содержанием и строением («структурой») словарных статей, т. е. того пояснительного текста, которым сопровождаются слова в лексиконе.

Так, современная лексикография различает словари одноязычные и двуязычные (или переводные). В первых, даются сведения о словах одного языка — обычно того, на котором эти сведения изложены. Во вторых, слова одного языка сопоставляются со словами другого языка, переводятся на другой язык. Всем читателям известны такие переводные словари, как, например, русско-английский, русско-французский, немецко-русский, итальянско-русский, польско-русский и др.

Одноязычные словари в зависимости от назначения, а также содержания и строения словарных статей подразделяются на толковые и исторические, полные и краткие, общие и частные (дифференциальные), литературные и диалектные, фразеологические и терминологические, орфоэпические и орфографические и т. д.

В толковых словарях содержатся сведения о словах и их значениях, применяемых в языке в одну и ту же эпоху. Это обычно словари современных литературных языков. Примеры таких словарей: «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «Толковый словарь русского языка» (в четырех томах) под редакцией проф. Д. Н. Ушакова, четырехтомный «Словарь русского языка» АН СССР, 17-томный «Словарь современного русского литературного языка» АН СССР, однотомный «Словарь русского языка» проф. С. И. Ожегова. Конечно, существуют толковые словари и в других странах.

Главная задача толкового словаря — истолковать значение слов и их применение в речи, отграничить правильное от неправильного, показать связь слов со стилями языка, дать читателю сведения об особенностях падежных, родовых, залоговых, видовых и иных грамматических форм слова; попутно указывается, как слова пишутся и произносятся.

Толковые словари, как правило (но не всегда), оказываются и нормативными, т. е. объясняющими слова в соответствии с требованиями литературно-языковых норм (норма применительно к языку — это выработанное при участии

литературы и принятое обществом в качестве обязательного правило, регулирующее применение слова в речи, его написание, произношение и ударение).

Так, все перечисленные только что толковые словари русского языка — нормативные, за исключением «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля; в этом словаре описана и лексика литературного русского языка середины XIX века, и лексика диалектная, областная, т. е. слова, свойственные речи людей, живущих на той или иной территории (губернии, области и т. д.); читатель найдет в словаре В. И. Даля слова нижегородские, смоленские, вологодские, рязанские, орловские и т. д.

Исторические словари содержат сведения, относящиеся к истории, т. е. развитию слов того или иного языка. Некоторым подобием исторического словаря может служить известный у нас словарь И. И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка» (в трех томах). Разнообразие исторических словарей образуют словари этимологические, составители которых решают труднейшую задачу — дать читателю сведения о наиболее древних значениях и формах различных слов (как иногда неточно говорят — «о происхождении слов»); у нас хорошо известен «Этимологический словарь русского языка» А. Преображенского. Разумеется, есть и другие исторические, в частности этимологические словари.

Например, недавно вышли три тома «Этимологического словаря» М. Фасмера, отдельными выпусками выходит этимологический словарь, создаваемый учеными МГУ под редакцией Н. М. Шанского; готовится к печати (институтом русского языка АН СССР) исторический словарь русского языка.

Существуют хорошие исторические и этимологические словари английского, французского, итальянского, польского и других языков.

Деление словарей на полные и краткие в известной мере условно. Полными называются словари, охватывающие во возможности всю лексику литературного языка или диалектов (впрочем, можно говорить и о полных словарях отдельных авторов, например крупных писателей). Так, полным можно назвать изданный Академией наук СССР и уже упоминавшийся 17-томный «Словарь современного русского литературного языка». Примером краткого словаря литературного языка может служить однотомный словарь С. И. Ожегова, содержащий толкование 52 872 слов (17-том-

ный Академический словарь дает читателю толкование около 120 000 слов). Однотомные, или «краткие», словари объясняют лишь наиболее активные в речи, т. е. наиболее нужные и употребительные слова. Помимо полных и кратких, известны и находят общественное и научное признание словари «средние», трех-, пятитомные; к числу таких словарей принадлежит самый популярный в нашей науке «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, а также четырехтомный «Словарь русского языка» АН СССР.

Общие словари охватывают лексику, независимо от ее профессионального, диалектного, стилевого или грамматического членения; словари дифференциальные, в противоположность общим, выделяют лексику по какому-либо одному широкому признаку — принадлежности всех слов одному и тому же говору, одной и той же профессии, одному и тому же стилю, одной и той же части речи и т. д.

Обычно в словарях собирается и поясняется лексика литературного языка. Но существуют также словари диалектов (они нередко называются областными), в них собраны и пояснены слова, свойственные одному или нескольким диалектам, т. е. разновидностям народного языка, обслуживающим не весь народ, а его части, живущие на разных территориях.

В последние десятилетия лексикографы проявляют все больший и больший интерес к словарям писателей. Такие словари очень нужны науке для того, чтобы можно было полнее и правильнее понять, как развивается так называемый язык художественной литературы, т. е. тот стиль общего литературного языка, который обслуживает художественное творчество, словесное искусство. Прежде всего составляются словари по произведениям наиболее крупных писателей и поэтов, имеющих национальное значение в развитии культуры. За рубежом созданы словари Шекспира, Гете и других больших литераторов. У нас недавно закончено издание четырехтомного «Словаря языка Пушкина». Этим словарем положено начало лексикографическому описанию и изучению лексики выдающихся русских писателей прошлого и настоящего; в этой работе могут принять участие преподаватели, студенты и сами литераторы.

Наука обосновывает и создает новые, неожиданные типы словарей. Так, сравнительно недавно лексикографы начали создавать инверсионные (от слова инверсия — переворачивание, перестановка), или «обратные», словари, в которых слова расположены в алфавитном порядке последних, пред-

последних, предпоследних и т. д. букв. Значит, вначале идут все слова, кончающиеся на *a*, потом на *ба*, потом на *ва*, потом на *га*, потом на *да* и т. д. Может показаться, что такой словарь — просто забава лексикографа. Однако это не так. Такой словарь оказывается очень полезным в преподавании языка, изучении его словообразования, его морфологии (например, все слова с одним и тем же суффиксом *-ка*, или *-тель*, или *-ение* собраны вместе).

Развитие математических, прежде всего статистических методов изучения языка породило частотные словари, слова в которых получают числовой, статистический показатель, т. е. цифровые сведения о том, как часто применяется то или иное слово в языке. Такие словари со временем станут серьезным подспорьем не только ученого-лингвиста, но и преподавателя средней школы. Можно назвать «Частотный словарь современного русского литературного языка» Э. А. Штейнфельдт, «Подсчет русских слов» Х. Джоссельсона, «Частотный словарь немецкого языка» Ф. Кэдинга, «Сравнительный частотный список первой тысячи слов английского, французского, немецкого и испанского языков» Х. Итона, Французский (частотный) словарь Г. Вандер Беке, Учебный словарь (английского языка) Е. Торндайка, «Частотный словарь латышского языка» Т. Якубайтис, В. Озола и других авторов, и т. д.

Все большее внимание уделяет лексикография словарям фразеологизмов, синонимов, словарям правильного произношения и ударения. Хорошо известны каждому грамотному человеку орфографические словари.

В ближайшее время можно ждать появления разнообразных словарей, отображающих так называемые образительные средства языка — метафоры, эпитеты и т. д.

Все отчетливее осознается задача составления лексиконов, показывающих, как происходит образование новых слов (словообразовательные лексиконы).

Особого внимания заслуживают в настоящее время различные терминологические словари, фиксирующие и так или иначе поясняющие термины различных областей науки и техники.

Лексикография — в движении, она ищет новые, надежные приемы более полного описания языка народа.

V. Материальная структура слова

Вводные пояснения Никто не отрицает, что слово представляет собой единство материальной (звуковой) и идеальной (смысловой) сторон.

На предшествующих страницах речь шла главным образом о значении слов. Теперь нужно ближе познакомиться и с материальной, звуковой стороной слова. Это тем более необходимо, что строение (структура) материальной стороны слова «входит», а вернее вводит слово и в фонетику языка, и в лексику, и в грамматику. Без понимания того, как построена внешняя сторона слова, не могут быть поняты основные вопросы словообразования, грамматики и лексикологии.

Обычно сведения о материальной структуре слова даются в разделе «Морфология» и относятся к теме «Морфологическое строение слова». Но дело в том, что материальное строение слова, членимость слова на части, называемые морфемами, выражает не только морфологические, но также словообразовательные и лексические свойства и признаки слова, а это значит, что, не зная ничего о структуре слова, нельзя понять достаточно глубоко не только морфологию, но также и лексикологию, нельзя понять и процессы образования новых слов.

Так что вопрос о материальной структуре слова оказывается одинаково тесно связанным с морфологией, лексикой и словообразованием, а кроме того, конечно, и с фонетикой.

Вот почему основные сведения о материальной структуре слова целесообразно излагать до знакомства читателя с явлениями словообразования и морфологии и во всяком случае не подчинять эти сведения одной морфологии.

Если иметь в виду только звучание, то каждое слово окажется последовательностью фонем (звуков речи), выражающей то или иное значение. По своему фонетическому облику слова очень различны; в них объединены разные количества звуков разного качества. Правда, как показали исследования, сочетаемость фонем не вполне свободна, т. е. не нужно думать, что любой звук свободно соединяется с любым другим звуком. Этого нет. На сочетаемость звуков наложены ограничения и историей языка, и закономерностями его действия. Так, легко соединяются и, соединившись, применяются во многих русских словах сочетания фонем [за], или [до], или [ли]; но практически не встречаются в словах сочетания фонем [щх], или [зшк], или [оан]. Возможность сочетания фонем в пределах одного и того же слова зависит не только и не столько от звуковых свойств самих фонем, сколько от развития слов в прошлом и от их материальной, морфемной структуры, о которой мы сейчас и говорим.

К явлениям фонетического строения слова нужно относить не только его фонемный состав, но также и деление на слоги, ударение, свойственную слову интонацию, т. е. движение, динамику его произнесения.

Понятие о морфемах

При элементарном, первоначальном знакомстве с языком главное внимание обучаемых обращается не на звуковое строение слова, а на то, что уже было названо морфемной структурой, представляющей собою членение звукового ряда, соответствующего одному слову, на части, отражающие его смысловую сторону. Мы все еще на школьной скамье познакомились с членением слов на морфемы, и нетрудно понять, что каждое слово мы вправе представить как последовательность морфем, сочетавшихся по законам языка.

Однако здесь следует задуматься: как, на каком основании мы выделяем в словах морфемы?

Оказывается, морфемы выделяются на основании сопоставления разных слов друг с другом. Если, например, поставить в один ряд слова: *трава, травка, травянистый, травяной, травушка*, ясно и легко выделится морфема *трав-*. Если, далее, сопоставить слова: *травянистый, водянистый, болотистый, золотистость, ветвистость*, так же ясно выделится морфема *-ист-*. При сопоставлении слов: *весна, волна, река, гора, вода* и при замене взятых нами форм именительного падежа формами родительного падежа: *весны,*

волны, реки, горы, воды — ясно, как и прежде, выделится морфема *-а*. Проведя несколько десятков подобных опытов, мы убедимся в том, что: а) морфемы действительно выделяются при сопоставлении слов друг с другом; б) морфемы выражают какое-то значение, т. е. являются смысловыми отрезками слова; в) это значение повторяется вместе с повторяемостью морфемы в разных словах; г) значение морфемы далее не членится: если морфему разъединить, получатся звуки, не передающие никакого значения.

Теперь мы можем определить морфему: это наименьшая, т. е. далее нечленимая, смысловая часть слова, выделяемая на основе сопоставления слов друг с другом.

Роль морфем в языке громадна. При их участии выражаются и формируются уже знакомые нам лексические значения слова. При их участии образуются новые слова. При их участии выражаются и формируются еще не знакомые нам теоретически грамматические значения слова. При их же участии одни и те же слова изменяют свой грамматический облик, меняют, как говорят, свою грамматическую форму (склоняются, спрягаются, изменяются по родам и т. д.).

В некоторых новейших пособиях по языку употребляют вместо одного термина «морфема» целых четыре термина — «морф», «алломорф», «вариант морфемы» и «морфема».

Морфом называют минимальную значимую часть слова в одной из его форм, а морфемой — совокупность морфов в различных формах одного и того же слова.

Основы

Из морфем составляются основы слова — носители и выразители его лексического значения (*весн-а, бег-ут, нов-ый, жизн-енн-о* и т. д.). Для того чтобы выделить основу, слово нужно изменять грамматически — по падежам, родам, числам, временам, наклонениям, лицам, т. е. по таким грамматическим признакам, по которым слово способно изменяться. При таком изменении лексическое значение слова остается без изменения: *весна* остается *весной*, в каком бы падеже и числе мы это слово ни поставили. Глагол *ходить* остается лексически тем же самым, скажем ли мы *ходили, ходишь* или *ходи*. Отсюда наше «рабочее» (т. е. пригодное практически, но не окончательное теоретически) определение основы: это наибольшая общая часть нескольких грамматических видоизменений одного и того же слова (падежных, родовых, личных, временных и др.). Правда, не всегда удается выделить основу столь простым образом.

Но предположим, что мы так или иначе основу выделили. Сделав это много раз, для многих слов, мы сможем убедиться, что в языках существуют одноморфемные основы и основы, состоящие из двух и более морфем. Первые, т. е. одноморфемные, называются обычно производными (или корневыми): *пол-е, рук-а, ид-у, пиш-у, жив-ые*. Вторые, т. е. состоящие из двух и более морфем, называются обычно производными: *пол-ев-ой, пере-ход-н-ый, по-руч-н-и, пис-атель, жи-вн-енн-ость*. Производные основы состоят, очевидно, из корней и морфем, называемых аффиксами. Тут мы подошли к вопросу о классификации морфем.

Корень и аффиксы Как мы уже видели, прежде всего морфемы могут быть разделены на корни и аффиксы. Но что такое корень и что такое аффикс слова?

Если иметь в виду развитие слова, то корень — это его первичная производная основа, т. е. та его часть, с которой и начался рост слова, усложнение его основы. Однако такое этимологическое понимание корня не всегда удобно. Можно еще определить корень, имея в виду его современное, живое действие, его положение среди других морфем современного слова: это центральная, исходная для понимания слова его часть, способная присоединять другие морфемы, конкретизирующие ее значение. Конечно, и это определение получилось «рабочим». Но все же воспользуемся им для наблюдения конкретных фактов. Возьмем слово *лужочек*. Если мы начнем думать над тем, с чего начинается понимание этого слова, мы согласимся, что с морфемы *луж-* (чередующейся по звучанию со своим вариантом *луж*); именно значение этой морфемы каким-то образом преобразовано и уточнено присоединением других морфем *-оч*, и *-ек*. Корневая морфема представляется нам (и это соответствует в общем развитию слова) главной, центральной по смыслу, другие морфемы подчинены ей, присоединены ею. Корневая морфема противопоставлена в нашем языковом сознании морфемам аффиксальным, осознается по связи с ними. Вот почему обычным приемом выделения корня является подбор так называемых родственных слов, т. е. слов, имеющих один и тот же корень. Мы вначале «чувствуем» родство таких слов, а потом уже логически «видим» его. Конечно, когда есть родственные слова и корень ясно осознается, выделение его — задача простая: *река, речка, речушка, речник, речной* и т. д. Но бывают и такие случаи, когда родственных слов не обнаруживается, например *или*,

но, там, тут, вот. Такие слова имеют лишь одну морфему; естественно, она и оказывается «исходной» и «центральной», т. е. она и есть корень.

Уже было сказано, что все остальные морфемы слова (кроме корня) называются аффиксами (от лат. *affixus* — прикрепленный). По месту, занимаемому в слове, аффиксы делятся на префиксы (от лат. *praefixum* — прикрепленное перед) и постфиксы (от лат. *postfixum* — прикрепленное после). В русском языке префиксы, например, *за-, при-, от-, над-, в-* и др.; постфиксы: *-ник (чай-ник, сезон-ник), -лив- (шум-лив-ый, говор-лив-ый), -ак (чуд-ак, рыб-ак), -а (вод-а, ног-а), -и (говор-и, ид-и)* и т. д.

В языках Юго-Восточной Азии широко распространены и инфиксы (от лат. *infixus* — вставленный), т. е. аффиксы, вводимые внутрь корня. Такие аффиксы были и в древнегреческом и латинском языках, например латинский глагол *findere* (колоть, раздваивать) имеет форму настоящего времени *findo* (колю), а форму прошедшего времени *fidi* (колот); точно так же глагол *vincere* (побеждать) имеет форму настоящего времени *vinco* (побеждаю), а форму прошедшего времени *vici* (победил). Нетрудно заметить вставной аффиксный звук, т. е. инфикс в формах инфинитива и настоящего времени.

По своей функции в языке, т. е. по той роли, которую аффиксы играют в развитии и использовании слова, они делятся на словообразовательные и формообразовательные (или словоизменительные). Первые, словообразовательные, меняют лексическое значение основы слова и применяются для образования новых слов от уже существующих: сравним слова *река* и *при-реч-н-ый*, *дума* и *за-дум-чив-ость*, *ход-ить* и *при-ход-ить* и т. д. Вторые, словоизменительные, не меняют лексического значения основы и используются для образования различных форм одного и того же слова: сравним, например, формы падежа имени существительного *береза*: *берез-ы, берез-е, берез-у, берез-ой, (о) берез-е*.

Нередко один и тот же аффикс играет и словообразовательную и формообразовательную роль. Например, если мы сравним *хлебы* и *хлеба*, то ясно увидим, что аффиксы (окончания) *-ы* и *-а* образуют форму множественного числа слова *хлеб* и одновременно различают разные слова: *хлеба* — это посевы, а *хлебы* — это каравай, выпеченный хлеб.

Помимо деления по месту в слове и по роли в его развитии и применении, аффиксы делятся также по способности или неспособности менять свой вид в соответствии с изме-

нением форм одного и того же слова. По этому признаку различаются флексии и нефлективные аффиксы (приставки, суффиксы, infixы). Флексия (от лат. *flexio* — сгибание, переход) — это постфикс, меняющий свой вид вместе с изменением грамматической формы слова: *пиш-у, пиш-ешь, пиш-ет, пиш-ем, пиш-ете, пиш-ут, нов-ый, нов-ая, нов-ое, нов-ые* и т. д.

Может возникнуть мысль, что формообразовательными могут быть только флексии. Это не совсем так. Как правило, различные грамматические формы одного и того же слова действительно выражаются флексиями. Однако бывает, что и суффиксы (и даже приставки) оказываются формообразовательными. Вот примеры из русского языка: глагольная форма инфинитива образуется при помощи суффикса *-ти*, форма прошедшего времени образуется при помощи суффикса *-л*, форма сравнительной степени имен прилагательных образуется при помощи суффикса *-ее* (*блинн-ее, полн-ее, тепл-ее*).

**Изменение
материальной
структуры слова**

Материальная структура слова с течением времени изменяется. Эти изменения затрагивают и морфемный состав как основы, так и всего слова. Наука различает три главных типа исторических изменений в морфемной структуре слова: а) опрощение, б) переразложение, в) осложнение.

Опрощение (термин В. А. Богородицкого, известного русского лингвиста) — это переход слова от более сложного состава морфем к более простому в результате объединения двух морфем в одну. Так, в слове *рубах* древний корень *руб-* теперь не осознается отдельно от древнего суффикса *-ах-*, корень и суффикс слились в одну новую корневую морфему *руб*ах-; в слове *красный* теперь не осознается древний корень *крас-* и шедший за ним суффикс *-ьн-*, эти две морфемы слились в одну — *красн-*.

Переразложение (термин В. А. Богородицкого) — это перемещение границы между морфемами, в результате чего изменяется вид морфемы, а иногда и ее функция. Так, в древности падежные формы множественного числа *рекам, реками, реках* имели границу между основой и окончанием после звука [а], теперь же граница проходит после звука [к]. В слове *внятно* граница между приставкой и корнем проходила перед звуком [а] (я), теперь она проходит перед звуком [н] (сравним слова *внятно, понятно, занято* и т. д.). Переразложение может привести к появлению но-

вых, ранее не существовавших морфем, например суффиксов *-ение, -инк-, -тельн-* и др.

Осложнение — это появление границы между морфемами на месте, где ее не было, это членение одной морфемы на две. Заимствованное из голландского языка слово *Zonnedeck* — *зонтик* было разделено сознанием русского человека на *зонт* и *ик* под влиянием русских слов типа *домик, листик* и подобных. В словах *академик, химик* заметно выделяется суффикс *-ик* (ср. *академия, химия*). По аналогии тот же суффикс мы склонны выделять и в словах *ботаник, логик, комик, медик, трагик, физик* и под. Но этимология как будто не дает для этого оснований. Заимствованные цельные основы уже на почве русского языка «осложняются».

По-видимому, процесс осложнения не столь заметен и влиятелен, как процессы опрощения и переразложения.

Этими замечаниями и заканчивается предварительное знакомство читателя с материальной структурой слова. О ней не раз еще придется вспомнить при изучении словообразования и морфологии.

VI. Понятие о словообразовании

Знакомство с лексикой рождает мысль о том, как образуются новые слова.

На соответствующий круг вопросов отвечает сравнительно молодая наука, называемая словообразованием и занимающая промежуточное положение между лексикологией и морфологией. Правда, термин «словообразование» не очень удачен потому, что этим же термином обозначается и та область языка, которая изучается словообразованием как наукой.

Итак, словообразование — это, во-первых, наука о том, как образуются новые слова, и, во-вторых, это совокупность действующих в языке правил и способов образования новых слов на основе уже имеющихся.

Наша задача и состоит, очевидно, в том, чтобы, опираясь на науку, познакомиться с тем, что собою представляет словообразование языка.

Присмотримся к отношениям, существующим в языке между родственными словами, которые произведены друг от друга. Возьмем, например, соотношения слов *трактор* и *тракторист*, *луг* и *луговой*, *читать* и *читатель*, *петь* и *пение*, *учить* и *изучать*. В каждой паре примеров основа одного слова является производящей по отношению к основе другого слова (основа слова *трактор* по отношению к основе слова *тракторист*, слова *луг* по отношению к основе слова *луговой* и т. д.). И — соответственно — основа каждого другого слова оказывается производной (точнее — произведенной), полученной от производящей основы путем тех или иных ее изменений.

Понять, как разбивается словообразование — значит понять, как относятся друг к другу производящие (т. е. те,

от которых образуются новые слова) и производные (т. е. те, которые присущи новым словам) основы.

Но что значит «понять» эти отношения? Это значит увидеть, чем производная основа отличается от производящей по смыслу и по материальной структуре.

Обычно бывает так, что несколько производных основ обнаруживают сходство значения и материальной структуры: а) *коров-ник*, *телят-ник*, *курят-ник*, *гусят-ник*, *птич-ник*; б) *бугр-ист-ый*, *ветв-ист-ый*, *мел-ист-ый*, *болот-ист-ый*, *лес-ист-ый*, *камен-ист-ый*; в) *в-бежать*, *в-плыть*, *в-ползти*, *в-лететь*, *во-йти*, *в-катиться*, *во-мчаться*; г) *за-петь*, *за-смеяться*, *за-прыгать*, *за-летать*; д) *на-говорить-ся*, *на-бежать-ся*, *на-читать-ся*, *на-смотреть-ся*, *на-есть-ся*. Эти пять рядов производных слов (т. е. слов, имеющих производные основы) о многом могут рассказать человеку, изучающему словообразование русского языка.

В первом ряду примеров идут слова, объединенные одним и тем же суффиксом *-ник* и общим значением «помещение для животных или птиц». Во втором ряду слова объединены общим суффиксом *-ист-* и общим значением «имеющий много того, что обозначено производящей основой» (много бугров, много ветвей и т. д.). В третьем ряду слова сходны благодаря общей приставке *в-* и общему значению «переместиться внутрь чего-либо тем действием, которое обозначено производящей основой». В четвертом ряду общее в словах — это приставка *за-* и значение «начать действие, обозначенное производящей основой». Наконец, в пятом ряду слова сходны потому, что все имеют приставку *на-* и постфикс *-ся* (присоединенные к производящим словам одновременно, а не порознь) и общее значение «удовлетвориться, насытиться, осуществляя действие, обозначенное производящей основой».

Каждый из наших пяти рядов может быть продолжен, т. е. в языке есть и другие слова с теми же, что и в наших рядах, особенностями материальной структуры и теми же общими значениями.

Словообразовательные типы

Общие для ряда производных слов значения, выражаемые одинаковыми особенностями материальной структуры слова (одинаковыми приставками, суффиксами, объединениями тех и других и т. д.), называются словообразовательными значениями; особенности материальной структуры слов, выражающие такие значения, называются словообразовательными показателями, или слово-

образовательными средствами; а ряды производных слов, объединенных одним и тем же словообразовательным значением и одинаковыми, повторяющимися словообразовательными показателями, называются словообразовательными типами. Взятые нами для наблюдения пять рядов производных слов и иллюстрируют пять типов современного русского словообразования. Задача науки описать и понять все словообразовательные типы. А их, конечно, не пять. Их много. И они различны: у них разные словообразовательные значения и разные формальные показатели. Но не нужно думать, что каждый словообразовательный тип имеет свой особый формальный показатель. Один и тот же показатель (скажем, один и тот же суффикс или одна и та же приставка) может обслуживать несколько словообразовательных типов. Например, помимо уже знакомого нам типа *телят-ник*, *курят-ник*, *птич-ник* и т. д. суффикс *-ник* мы встретим и в других типах: *чай-ник*, *салат-ник*, *кофей-ник*, *молоч-ник* (типовое словообразовательное значение — «сосуд для какой-либо пищи»); *охот-ник*, *печ-ник*, *реч-ник*, *пасеч-ник*, *горшеч-ник*, *тряпич-ник*, *кадоч-ник* (типовое словообразовательное значение — «человек, занятый делом, связанным с тем, на что указывает производящая основа»).

Совокупность словообразовательных типов — это тот очень сложный механизм, который действует в языке и от которого зависит производство новых слов: если появляется новое слово, то оно попадает в тот или иной словообразовательный тип.

Конечно, четких, строгих границ между типами нет. В языке всегда есть слова вне словообразовательных типов, выпавшие из них. Есть в языке и такие слова, которые гяготеют сразу к двум или даже нескольким типам. Вообще весь механизм словообразования очень сложен. На него влияют и части речи (внутри разных частей речи словообразование имеет разные особенности), и лексические значения производных основ (или слов), и много других причин.

Как уже говорилось, словообразовательный механизм языка использует для производства новых слов имеющиеся в языке основы, присоединяя к ним те или иные словообразовательные средства (формальные показатели). Но, во-первых, создание нового слова идет и не по этой схеме (основа плюс аффикс). А, во-вторых, для более полного понимания словообразовательного механизма полезно знать не только об основах и аффиксах, но и о так называемых способах сло-

вообразования. Что такое способы словообразования и много ли их в языке?

Способами словообразования называются те «действия», которые осуществляет язык, производя новое слово. Каковы же главные из этих «действий»?

1. Присоединение к основе слова суффикса, приставки или суффикса и приставки одновременно (*лет-чик*, *по-лет*, *при-бреж-н-ый*). Этот способ называется аффиксальным и имеет разновидности: а) суффиксальное словообразование, б) префиксальное, в) префиксально-суффиксальное.

2. Соединение двух или (редко) нескольких основ в одну (*золотисто-желтый*, *древнерусский*, *теплоизоляция*, *профорганизация*, *комсомол*). Этот способ называется способом основосложения и имеет разновидности: а) образование слов путем соединения полных основ; б) образование слов путем соединения усеченных основ (возникают сложносокращенные слова: *вуз*, *партком*, *СССР*, *профбилет*, *ВЛКСМ* и т. д.).

3. Перенос слова из одной части речи в другую (*ученый* и *ученый*, *ванная* и *ванная*, *рабочий* и *рабочий*, *трудящийся* и *трудящийся*, *учащийся* и *учащийся*, *возжатый* и *возжатый* и т. д.). Этот способ словообразования называется конверсией (от лат. *conversio* — обращение).

4. Отрыв одного из значений слова от остальных, в результате чего на месте одного слова появляются два омонима (*кисть* руки и *кисть* художника, *колоть* дрова и *колоть* как иголкой, *коновод* — зачинщик, *вожак* и *коновод* — конюх, *копоть* — чадить, *давать копоть* и *копоть* — прозябать в безвестности, *кулак* руки и *кулак* — богатей, *лавка* — скамья и *лавка* — магазинчик, *ладья* — лодка и *ладья* — шахматная фигура и т. д.) Такой способ словообразования называется семантическим.

5. Отбрасывание окончания и одновременное смягчение основы (*зелень* от *зелен-ый*, *бель* от *бел-ый*, *быль* от *был-ой*, *рвань* от *рван-ый*, *ткань* от *ткан-ый* и т. д.). Этот способ словообразования называется фонетико-морфологическим, потому что в образовании одного слова от другого участвует и фонетика (твердый звук основы заменяется мягким) и морфология (отбрасывается окончание).

Предложенная читателю схема способов словообразования неполна. Но необходимо сказать о том, что в различных языках мира соотношение способов словообразования неодинаково, да и сами эти способы имеют специфику в зависимости от истории и общих особенностей того или иного

языка. Так, например, в немецком языке очень продуктивен способ основосложения: *Alleinhandel* — монополия, *Alltagsmensch* — заурядный человек, *Bildfläche* — поверхность, *Bildfunk* — передача изображений по радио, *Bildhauer* — скульптор, *Bildhauerkunst* — скульптура, ваяние; *grasartig* — травянистый, *grasbringend* — сенокосный, *grasfressend* — травоядный; *hellblau* — светло-голубой, *hellfarbig* — светлый; *hellglänzend* — лучезарный, блестящий, *hellhörig* — с чутким слухом, *hellklingend* — звонкий, звонкий; *hellsehend* — проникающий; *emporblicken* — взглядыть вверх, *emporfiegen* — взлетать, *emporheben* — поднимать, *emporthelfen* — ставить на ноги, *emporklimmen* — взбираться, *emportauchen* — всплывать, *emportreiben* — гнать вверх; *gutmachen* — поправлять, заглаживать; *gutsagen* — гарантировать, ручаться, *gutschreiben* — кредитовать, *guttun* — слушаться, делать добро (для сравнения: *gut machen* — хорошо делать, *gut sagen* — хорошо сказать, *gut schreiben* — хорошо писать, *gut tun* — делать хорошо.)

В английском языке продуктивен способ перевода слов из одной части речи в другую (так называемая конверсия), являющийся одной из характерных примет современного английского языка: *answer* — ответ и ответить, *drink* — питье и пить, *love* — любовь и любить, *sleep* — сон и спать, *will* — воля и хотеть, *work* — работа и работать, *busy* — занятый и заниматься, *free* — свободный и освободить, *dry* — сухой и сохнуть, *own* — собственный и владеть и т. д. История конверсии сложна и несводима к простому «перемещению» слова из одной части речи в другую.

VII. Грамматика

Общее понятие
о грамматическом
строе языка

Термин «грамматика» (от греч. *grammatikē technē* — письменное искусство), часто используемый в науке о языке, двузначен, подобно тому как двузначны уже знакомые нам термины «фразеология» и «словообразование». Вспомним о том, что фразеологией мы называли в одних случаях совокупность имеющихся в языке устойчивых словосочетаний, а в другом — учение об этих устойчивых словосочетаниях. Словообразованием нам пришлось именовать в одних случаях действующие в самом языке способы и средства создания новых слов, а в других — учение об этих именно способах и средствах. Короче говоря, и термин «фразеология», и термин «словообразование» применяются и лингвистике то для обозначения раздела науки о языке, то для обозначения тех сторон и явлений самого языка, которые изучаются, исследуются соответствующими разделами науки.

Это отступление, напомнившее читателю о двузначности уже знакомых терминов, вызвано желанием помочь освоиться и с термином «грамматика», который применяется и понимается, к сожалению, не всегда достаточно последовательно и логично.

Итак, что же значит термин «грамматика» в современном языкознании?

Во-первых, он обозначает существующие в самом языке способы и средства одинакового противопоставления одних слов другим, одинакового изменения разных слов и одинакового построения разных предложений (т. е. правила изменения слов и построения предложений). Грамматика в этом смысле — то же самое, что нередко обозначается терминами «грамматический строй» или «грамматика языка»

Во-вторых, грамматикой называется наука, изучающая грамматический строй, существующие в нем способы и средства, благодаря которым сам язык стандартизирует противопоставления слов, их изменения и построение предложений в процессе речеобразования.

Грамматика как наука «отображает», исследует грамматику языка и как всякая наука идет медленным и трудным путем все более полного и правильного отображения того, что существует в самом языке. Грамматика как наука ничего не навязывает языку и не устанавливает в нем; она лишь познает то, что создано и вновь создается в языке применяющим его коллективом.

Пользуясь данными современной науки, мы и попытаемся понять, что же собою представляет грамматика языка. Но не будем забывать, что наши попытки не всегда будут вполне удачными, т. е. далеко не все в грамматике языка мы сможем понять и объяснить полно и доказательно. Наука никогда не может полностью, до конца «исчерпать» свой «объект» (т. е. то, что она изучает), и перед нею всегда появляются новые и новые задачи более полного и более глубокого его изучения.

Одной из главных особенностей грамматики самого языка, осложняющей и затрудняющей ее понимание, является ее отвлеченность, абстрактность. Грамматика ищет и находит общее в индивидуальном, одинаковое в разном, стандартное в изменчивом.

Знакомство с этой особенностью грамматики можно начать размышлениями о грамматическом значении.

Мы уже знакомы с двумя типами языковых значений — лексическими и словообразовательными. Лексические значения индивидуальны по отношению к слову, т. е. каждое отдельное лексическое значение принадлежит одному, данному слову. Словообразовательное значение — типовое, оно принадлежит группе слов одного и того же словообразовательного типа. А грамматическое значение? Оно общее, стандартное, принадлежащее одинаково целому классу слов или целому классу словесных форм (видоизменений падежных, родовых и т. д.).

Возьмем для наблюдения ряды слов: а) *весна, река, рыба, пчела, ручка, монета, булка, береза*; б) *добрый, зеленый, горячий, ласковый, прямой, золотой*; в) *идти, плыть, петь, лететь, играть, читать, думать, пить*; г) *высоко, тепло, хорошо, издавна, вновь, прямо, откровенно*. Все слова — раз-

ные. Каждому из них присуще особое, индивидуальное, т. е. лексическое значение и свое индивидуальное звучание. Вместе с тем очевидно, что слова в пределах каждого ряда имеют какие-то общие, стандартные, повторяющиеся из слова в слово признаки, смысловые и формальные.

Так, все слова ряда а) имеют одинаковое значение предмета (в широком грамматическом смысле), т. е. все они указывают на что-то такое, что мы можем представить существующим самостоятельно, способным иметь различные признаки (*весна* — ранняя, теплая, дружная; *рыба* — плывет, плескается; *монета* — старинная, бронзовая и т. д.) Все слова ряда б) имеют одинаковое значение качества или свойства, которым обладает предмет; и хотя эти качества очень различны, грамматика «обращает внимание» не на эти различия, а на то, что и *добрый*, и *зеленый*, и *золотой* и тысячи подобных слов обозначают качество (все равно какое), свойство (все равно какое) в противоположность предмету, процессу и т. д. Все слова ряда в) обозначают процессы вообще, а каковы они индивидуально — это передает уже лексика, а не грамматика. Наконец, все слова ряда г) обозначают те или иные признаки процессов, т. е. и слова этого ряда (а он может быть легко продлен до тысячи слов) имеют общее, стандартное, повторяющееся значение.

Возьмем для наблюдения не слова, а так называемые их грамматические формы и посмотрим, не связаны ли с ними особые грамматические значения:

- а) *дорогу, реку, березу, курицу, лисицу*;
- б) *пером, молотком, шилом, карандашом, гвоздем*;
- в) *говорил, думал, читал, покупал, давал*;
- г) *говорят, думают, читают, покупают, дают*.

Формы первого ряда — это формы винительного падежа единственного числа женского рода. Если сравнить их с формами других падежей и вдуматься в смысловые различия можно заметить, что винительный падеж означает, что соответствующий имени существительному предмет зависим, подчинен другому предмету, «подвергается влиянию» действия этого другого предмета (*вижу дорогу, переплываю реку, художник нарисовал березу, мальчик ловит курицу, собака гонит лисицу*).

Формы второго ряда — это формы творительного падежа. Они означают, что соответствующие предметы применены как орудия действия, что ими действие осуществляется (*пишу пером, гвозди забивают молотком, проколол две*

дырки иилом, нарисовал цветок карандашом, поцарапали стену гвоздем).

Формы третьего ряда — глагольные формы прошедшего времени. Они обозначают предшествование соответствующих процессов (действий) тому времени, в которое о них идет речь. Иными словами: эти формы сообщают читателю или слушателю о том, что соответствующие процессы были раньше времени рассказа о них; именно поэтому формы прошедшего времени очень легко соединяются со словами, лексическое значение которых указывает на прошлое (*вчера давно* и т. д.).

Формы четвертого ряда — тоже глагольные, это формы настоящего времени. Одно из главных значений таких форм — значение, сообщающее читателю или слушателю о том, что соответствующие процессы совпадают во времени с рассказом о них, т. е. процессы и рассказ о них одновременны.

Иногда говорят, что грамматические значения, в противоположность лексическим, формальны, а лексические — вещественны, или реальны. Эту мысль, по-видимому, нужно понимать так: лексические значения отображают мир реальных предметов и явлений, мир «вещей», а грамматические значения этого мира не отображают, они всегда лишь упорядочивают, согласуют языковые формы. Но это неверно.

Ведь грамматические значения представляют собою обобщения лексических и отвлечения от них. Это значит, что язык, развиваясь и непрерывно обслуживая нужды людей в общении, находит новые и новые общие признаки в различных словах, в различных и многих лексических значениях слов. И конечно, за этими общими смысловыми свойствами и признаками слов стоят, в конечном счете, общие свойства и признаки вещей и явлений, обозначаемых словами. Разве грамматическое деление слов на существительные, прилагательные и глаголы не соответствует в общем тому, что трудовая практика и сознание человека выделили в окружающем мире предметы, их признаки и действия? И разве значения винительного и творительного падежей, которые мы только что наблюдали, не связаны с реальными, в самой жизни существующими отношениями между предметами и действиями? А деление глагольного времени на настоящее, прошедшее и будущее разве не соответствует тому, что все в мире осуществляется для человека либо в настоящем, либо в прошлом, либо в будущем?

Так что в принципе грамматические значения так же реальны, как и лексические. Но если лексические значения отображают и различают отдельные предметы и явления (*липа, береза, звездочка, трава, облако, новый, тихий, веселый, бежать, думать* и т. д.), то грамматические значения различают целые классы предметов и явлений, а также отношения между ними.

Правда, не нужно искать во всех случаях прямую и очевидную связь грамматических значений с действительностью. Эта связь нередко бывает и не прямой и не очевидной. Например, современный русский человек не видит и не понимает, чему в реальном мире соответствует деление имен существительных на три рода — мужской, средний и женский.

Почему слово *озеро* — среднего рода, слово *река* — женского, а слово *ручей* — мужского?

Мы не знаем теперь, что могло бы соответствовать в окружающей нас действительности делению существительных на три склонения или глаголов — на два спряжения.

В таких и подобных случаях грамматическое значение действительно становится формальным: оно указывает лишь на то, что слово принадлежит определенному классу слов или их форм (роду, склонению, спряжению). История языка «выветрила» из грамматических форм их реальное когда-то содержание.

Но если существуют в языке «формальные» грамматические значения, то должны существовать, очевидно, и какие-то переходные между «реальными» и «формальными». Иначе говоря, грамматические значения не всегда ясно заявляют о своей реальной основе. Грамматические значения развиваются по законам языка, а не по законам привычной человеку повседневной логики практической деятельности. Вот почему нередко несоответствия и расхождения между тем, как грамматика «членит», отображает действительность, и тем, как это делает логика человеческого поведения. Например, «предмет» в грамматике только частично совпадает с обычным, житейским представлением человека о предмете. Ведь для грамматики предметами оказываются не только *палка, гвоздь, но честность, красота, чтение, бег, думанье*.

Так что, утверждая реальность грамматических значений, мы не должны забывать ни о том, что они связаны с действительностью через посредство лексических значений, ни о том, что история языка может превратить

реальные значения в формальные, ни о том, наконец, что грамматические значения развиваются по законам языка, а не по правилам привычной человеку логики его поведения.

*Материальное
выражение
грамматических
значений*

Любое значение слова, сочетания слов или предложения так или иначе выражено. Не выраженных теми или иными средствами значений язык не знает.

Грамматические значения не дают исключения из этого общего правила. И одна из главных задач науки о языке — понять, как именно, какими средствами материально выражается грамматическое значение, какими разновидностями этих средств пользуются различные языки мира.

Уже говорилось о том, что главным средством выражения лексического значения является основа слова и образующие ее морфемы. Главным средством выражения грамматического значения (по крайней мере, в таких языках, как русский, английский, французский, турецкий, узбекский и подобные), является не основа, а формообразовательные аффиксы.

Так, грамматические значения русского глагола выражаются окончаниями и формообразовательными суффиксами *-а* и *-ть*: *чита-ю, чита-ешь, чита-ет, чита-ла-и, чита-ла-а, чита-ла-о, чита-л, чита-ть* и т. д. Окончаниями выражаются и грамматические значения глагола английского, французского, немецкого, итальянского, испанского и многих других языков.

Грамматические значения падежа, рода и числа имен существительных, прилагательных и причастий выражаются в русском языке также при помощи окончаний.

Все это понятно. Однако сразу же может и должен возникнуть вопрос: достаточны ли сами по себе формообразовательные аффиксы для выражения грамматического значения? Очевидно, нет. Аффиксы «работают» на грамматику только при условии присоединения к определенным основам. Аффиксы без основ (*-а, -у, -ой, -ишь, -ить*) ничего действительно не выражают.

Грамматическое значение выражается в каждом отдельном слове не только аффиксом, но всем составом морфем (*разговаривать, разговаривали* и т. д.). Это естественно: ведь грамматическое значение слито с лексическим и отдельно от лексического не существует. Но если все морфемы, входящие в основу слова, безразличны для выражения грамматического значения (в том смысле, что в разных словах

они разные), то формообразовательные аффиксы не безразличны, так как один и тот же аффикс «сопровождает» свое значение во многих и различных словах: во многих и разных глаголах (меняющих наборы морфем в основах) значение прошедшего времени выражается одним и тем же аффиксом *-л*, значение второго лица выражается одним и тем же аффиксом *-ешь (-ишь)* и т. д. Получается, таким образом, что определенные аффиксы как бы закреплены историей языка в роли спутников и выразителей определенных грамматических значений, независимо от того, в каких конкретных словах эти значения появляются. Вот почему получается, что в каждом отдельном конкретном слове грамматическое значение выражается не только аффиксом, но и его связью с другими морфемами основы, и это не мешает тому, что в языке в целом каждому аффиксу соответствуют «свои» грамматические значения, что и позволяет науке говорить об аффиксах как выразителях грамматических значений, не вспоминая каждый раз о том, что сами по себе, отдельно от основы, аффиксы ничего выразить не могут.

Но как бы ни велика была роль аффиксов в выражении грамматических значений, нельзя забывать о том, что существуют и другие выразители этих значений.

Каковы же они?

Это, прежде всего, так называемые служебные слова (предлоги, союзы, артикли, связки). Их место в ряду средств, выражающих грамматические значения, очень заметно, а в некоторых языках очень велико. В более знакомых нам индоевропейских, в частности славянских, языках предлоги и союзы применяются для выражения грамматических значений во многих случаях построения высказываний. Например, очень часто видоизменения падежных значений не могут быть выражены без участия предлога (сравним: *книга ученика* и *книга для ученика; подошел к дому* и *вошел в дом*). В английском и французском языках падежные значения почти не сохранились и замещаются значениями, выражаемыми при помощи предлогов.

Союзы, сочинительные и подчинительные, выражают различные грамматические значения, собственные сочетания слов и предложениям (значения одновременности, последовательности, совместности, раздельности, чередования, противопоставления, причины, следствия, условия и т. д.).

К числу средств, выражающих грамматические значения, нужно отнести и словопорядок. Правда, в разных языках

роль словопорядка в выражении грамматических значений очень неодинакова. В русском языке она сравнительно невелика. У нас грамматическое значение слов, как правило, не зависит от того, в каком порядке они следуют друг за другом: *Мальчик пишет диктант, Диктант пишет мальчик, Пишет мальчик диктант* и т. д. — грамматическая роль и грамматические значения слов в предложении не меняются. Лишь в таких сравнительно редких случаях, как *Бытие определяет сознание, Мать любит дочь, Троллейбус задел автомобиль* и подобные, словопорядок безразличен для грамматики.

В нашем языке роль словопорядка прежде всего стилистическая, а не грамматическая. Это значит, что изменение порядка слов меняет оттенки выражаемого высказыванием значения, оттенки реального содержания высказывания, но не меняет грамматические значения членов высказывания.

Зато в таких языках, как, например, английский, роль словопорядка очень заметна, и именно в грамматике. Так, если в английском предложении *The students study the map* — *Студенты изучают географическую карту* изменить словопорядок, поставив на первое место слово *the map*, а на последнее — слово *the students*, то получится бессмыслица (*Географическая карта изучает студентов*). Это произойдет потому, что английское предложение имеет твердый порядок слов, в соответствии с которым на первом месте стоит подлежащее, на втором — сказуемое, на третьем — дополнение, на четвертом — обстоятельство. А это и значит, что грамматические значения подлежащего, сказуемого, дополнения и обстоятельства выражаются прежде всего местом, на котором стоит слово в высказывании, и место, таким образом, оказывается средством, выражающим грамматическое значение наряду с аффиксами и служебными словами.

Материальным средством выражения грамматического значения может служить интонация. В некоторых языках Юго-Восточной Азии (вьетнамском, аннамском, китайском и др.), в языках некоторых индейских племен Аляски существует не только интонация предложения, но и интонация слова, используемая для различения разных значений, в частности и грамматических.

В более близких и знакомых нам языках Европы (славянских, германских, романских) интонация слова не играет заметной роли, зато очень влиятельна как средство выра-

жения различных языковых значений интонация предложения и частей предложения.

Возьмем два-три хорошо понятных примера.

Сравним: а) *Что ты купил? — Книгу.* б) *Книгу мне, книгу!* в) *Тебе — книгу?* Три высказывания, главным смысловым элементом которых оказалось одно и то же слово в одном и том же падеже (*книгу*), ясно различаются по грамматическому значению: в первом высказывании — это значение повествовательности, во втором — побудительности и в третьем — значение вопроса. Нетрудно заметить, что различия этих трех значений переданы, выражены тремя разными интонациями.

К числу средств выражения грамматического значения принадлежит и словесное ударение. Сопоставим такие формы, как *ру́ки* и *руки́*, *о́кна* и *окна́*, *до́ма* и *дома́*, *го́рода* и *города́*, *вёсны* и *весны́* и т. д. Кстати, можно заметить, что ударение может в нашем языке использоваться и как средство выражения разных лексических значений, т. е. служить одним из показателей различия слов: *кру́жки* и *кружкí*, *па́ры* и *пара́*, *за́мок* и *замо́к* и т. д.

В некоторых языках для выражения грамматических значений используется редупликация (от лат. *reduplicare* — удваивать), или удвоение слов (а также частей слов — корней, основ). Так, в армянском языке повторение может выражать значение множественного числа (*gund* — полк и *gund-gund* — много полков); то же в японском, малайском, шумерском и др.

Принято думать, что в русском языке редупликация не применяется в качестве средства выражения грамматических значений. Может быть, это не совсем верно. Дело в том, что русский язык знает и использует такие факты, как *шел-шел* и *устал*; *думал-думал* и *решил*; *рыбки были маленькие-маленькие*; *а день оказался теплым-теплым*; *высоко-высоко в небо поднялась птичка*; *мы его очень-очень любим* и т. д.

Возможно, что в русском языке существует особое грамматическое значение усилительности. Это значение и выражается повторением слова, обозначающего усиливаемый признак.

Грамматические значения могут выражаться при помощи звуковых чередований в корне. Для русского языка это средство выражения грамматических значений нехарактерно. Оно используется нашим языком редко, например: *наладить* — *налаживать*, *упросить* — *упрашивать*, *пересмотреть* — *пересматривает*, *зачочит* — *зачачивает*, на-

ловит — *наваливает* и т. д. Очевидно, что для выражения значений совершенного и несовершенного видов глагола использованы и чередования звуков в корне.

Заметнее роль звуковых чередований в передаче грамматических значений в английском, арабском, древнееврейском языках, а также языках индейцев Северной Америки, языках Африки и т. д.

Л. В. Щерба писал: «Внешние выразители категорий могут быть самые разнообразные: «изменяемость» слов разных типов, префиксы, суффиксы, окончания, фразовое ударение, интонация, порядок слов, особые вспомогательные слова, синтаксическая связь и т. д. и т. д.»¹

Это указание большого ученого очень важно. Оно позволяет понять, что в числе средств выражения грамматических значений находятся не только привычные для нас окончания или приставки, но также синтаксические связи, характерная для слова сочетаемость с другими словами и т. д.

Действительно, падеж «несклоняемых» слов русского языка выражается не формальными приметами самих этих слов, а чем-то другим; сравним: *радио передало важную новость, все внимательно слушали радио и в деревне не оказалось радио*. Какими средствами выражены различия между именительным, винительным и родительным падежами слова *радио*? По выражению Л. В. Щербы, «синтаксической связью», т. е. связью слов в высказывании, в предложении. Выразителем грамматического значения слова могут стать формальные признаки другого слова, сочетавшегося с тем, которое своими собственными средствами не сумело передать свои грамматические значения: *вкусное какао, вкусного какао, вкусным какао; яркий какаду, маленькая колибри и яркие какаду, маленькие колибри*.

Одним из главных внешних показателей значений действительного и страдательного залога в русском языке оказывается способность или неспособность соответствующих глаголов присоединить к себе винительный падеж, обозначающий предмет, воспринимающий действие, или творительный падеж, обозначающий предмет, производящий действие. Так, глаголы *писать, читать, рисовать, петь, слушать, говорить, пить* мы признаем глаголами действительного

залога потому, что каждый из них способен сочетаться с именем существительным в винительном падеже без предлога (*писать стихи, читать объявление, петь песенку, слушать анекдот, пить чай* и т. д.)

Глаголы же *подметаться, вытираться, вставляться, охраняться, покупаться* и подобные признаются глаголами страдательного залога потому, что каждый из них способен присоединить к себе имя существительное в творительном падеже и со значением действующего лица (*полы подметаются сторожем, стекла вставляются стекольщиком, заводы охранялись рабочими. эти машины покупались нами за границей* и т. д.).

Таким образом, к числу выразителей грамматических значений нужно отнести аффиксы, служебные слова, словопорядок, интонацию, ударение, редупликацию, звуковые чередования, синтаксические связи, сочетаемость со словами определенных разрядов и определенных форм и т. д. Совокупность этих и подобных средств материального выражения грамматических значений особая в каждом отдельном языке и на каждом этапе языкового развития.

Грамматические категории

Итак, не только лексические, но и грамматические значения имеют внешнее, материальное выражение. Лексические значения выражаются совокупностью морфем, образующих основу слова (при косвенном участии формообразующих аффиксов); грамматическое значение выражается формообразующими аффиксами (при косвенном участии основ), а также другими средствами языка.

Ни лексическое, ни грамматическое значение не существует в языке без своего показателя, или выразителя. И когда мы говорим о слове, то имеем в виду прежде всего реальное языковое единство лексического значения и средств его материального выражения. Подобно этому и грамматическое значение реально, т. е. в самом языке существует всегда в единстве со своими материальными выразителями, или показателями. Наука о языке имеет специальный термин для обозначения единства грамматического значения и его формальных показателей. Этот термин — грамматическая категория.

Еще раз: грамматическая категория — это реальное языковое единство грамматического значения и средств его материального выражения. Значит, если мы встречаем термин «категория падежа», мы должны думать

¹ Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 64.

о присущих языку падежных значениях вместе с выражающими эти значения показателями (окончаниями, предлогами и т. д.). Если мы сами применяем термин «категория времени», мы должны иметь в виду грамматические значения времени и выражающие эти значения грамматические показатели.

Практически каждый человек владеет грамматическими категориями своего языка уже в детстве: без владения ими нельзя говорить и понимать речь других.

Однако практическое владение грамматическими категориями языка не означает понимания того, что они собою представляют и как «работают» в языке. Вот почему мы и пытаемся сейчас понять именно эти вещи.

Ранее уже говорилось, что лексические значения слов, да и сами слова, «индивидуальны», конкретны: каждое отдельное лексическое значение принадлежит отдельному конкретному слову, и каждое отдельное слово своеобразно и отличимо от всех других слов.

Грамматические значения, а вместе с ними и грамматические категории отвлечены, абстрактны. Каждая из них обобщает многие и многие слова, «находя» и выделяя в них одинаковые смысловые и формальные стороны и признаки.

Например, категория родительного падежа в современном русском языке обобщает все имена существительные (и не только существительные), находит и выделяет в них грамматические значения (значение «части целого», значение определительное, значение действующего лица и др.) и выражающие эти значения формальные показатели (окончания *-а*, *-и*, *-ов* и др., а также некоторые предлоги).

Подобно этому категория родительного падежа в современном английском языке (этот падеж называют в английских грамматиках притяжательным) также находит и выделяет общие смысловые и формальные свойства во многих именах существительных. Однако английский родительный падеж, естественно, не очень похож на русский родительный падеж. Отличия касаются как значения, так и формы. По значению английский родительный падеж (притяжательный) отличается тем, что передает притяжательность, т. е. указывает на принадлежность одного предмета другому (*the friend's book* — книга друга, *the woman's letter* — письмо женщины).

Никаких других значений, кроме указательного, притяжательный падеж английского языка не передает. Кроме того, в этом падеже употребляются главным образом су-

ществительные, обозначающие живые существа (в русском языке родительный падеж, с теми или иными его значениями, получает каждое имя существительное). Отличается английский родительный (притяжательный) падеж от русского и по формальному показателю: в английском существует лишь один формальный показатель — звук *s(z)* (на письме — буква *s* после апострофа: *Peter's*). Правда, по существу в английском есть и еще одна форма родительного падежа образуемая с помощью предлога *of* (*the book of the friend* — книга друга). Она тоже передает значение принадлежности и охватывает все существительные. Но эту форму английские грамматики часто рассматривают как форму общего падежа (в английском всего два падежа — притяжательный и общий).

Но какими бы ни были различия грамматических категорий в разных языках, существо этих категорий сохраняется: они обобщают многие и многие слова, находят и выделяют общее и одинаковое в индивидуальном, различном.

Конечно, грамматические категории отличаются друг от друга не только в разных языках, но и в одном и том же языке. Можно сказать, что грамматические категории неоднородны и разнообразны, подобно тому, как неоднородны и разнообразны фонемы (звуки языка). Эта неоднородность и разнообразие грамматических категорий позволяет искать их разумную классификацию, позволяет делать попытки выделения главных разрядов, или типов, грамматических категорий.

Так, можно различать четыре основных типа грамматических категорий.

1. **Грамматические категории слов.** Эти категории объединяют и по какому-то общему признаку отождествляют большие ряды (классы) слов. Так, общим значением и общими формальными показателями объединены все слова, называющие предметы (имена существительные), другим общим значением и другими общими формальными показателями объединены все слова, называющие процессы (глаголы), третьим общим грамматическим значением и третьими формальными показателями объединены все слова, называющие признаки процессов (наречия), и т. д.

Из этих примеров видно, что к числу грамматических категорий слов нужно отнести прежде всего известные нам по школьным урокам части речи. Но не нужно думать, что частями речи и исчерпывается «запас» грамматических категорий слов. К их числу нужно отнести и такие категории,

как мужской, средний и женский род имен существительных (ведь значения и формальные признаки рода объединяют большие ряды слов внутри имени существительного), качественные и относительные имена прилагательные в русском языке и т. д.

2. **Грамматические категории словесных форм.** Эти категории объединяют и по какому-то общему признаку отождествляют большие ряды (классы) словесных форм, т. е. тех видоизменений слова, которые нам практически известны под именем падежных форм, родовых форм, форм времени, лица и т. д. Так, объединены в языке общим значением и общими формальными показателями ряды форм имени, различающие единственное и множественное число; другими значениями и другими формальными показателями объединены формы глагола, различающие настоящее, будущее и прошедшее время; и т. д.

Для того чтобы яснее представить разницу между грамматическими категориями слов и грамматическими категориями словесных форм, полезно сравнить род имен существительных и род имен прилагательных в русском языке.

Категория рода имен существительных объединяет большие ряды слов внутри имени существительного: каждое отдельное имя существительное принадлежит в русском языке либо к ряду (классу) мужского рода, либо к ряду среднего рода, либо, наконец, к ряду женского рода.

Категория рода имен прилагательных объединяет не ряды слов, а ряды словесных форм имени прилагательного: слова этой части речи, как известно, не делятся по роду на группы, они изменяются по родам.

3. **Грамматические категории словесных позиций.** Эти категории объединяют и по какому-то общему признаку отождествляют различные полнозначные слова, занимающие одно и то же место (позицию) в высказывании. Под местом слова в высказывании условимся понимать те предельно общие различия отношений между словами, которые стандартно повторяются во множестве высказываний. Вспомним школьные термины — «подлежащее», «сказуемое», «дополнение» и т. д. Что ими обозначается в реальной структуре предложений? Как раз те предельно общие различия отношений между словами, о которых здесь идет речь. Подлежащее — это прежде всего не то или иное конкретное слово, а «позиция», одно из типовых отношений между словами, характеризующих предложение: в самом деле, для

того чтобы мы признали слово подлежащим, мы должны убедиться в том, что оно занимает позицию грамматической независимости в высказывании, т. е. находится в таких отношениях к другим словам, которые характеризуют его как грамматически независимое. Кроме того, подлежащее должно, занимая позицию грамматической независимости, указывать на что-то такое, что мы склонны понимать как предмет: *Мальчик бежит через дорогу, Школа — светлая и красивая, Счастливые часов не наблюдают, Кто весел, тот смеется, Учиться — всегда пригодится* и т. д. Дополнение — это тоже не то или иное конкретное слово, а прежде всего его «позиция», т. е. типовое отношение между словами высказывания. Для того чтобы мы могли назвать слово дополнением, мы должны убедиться в том, что оно занимает грамматически зависимую позицию и указывает на что-то такое, что мы склонны понимать как предмет (в общем, грамматическом смысле): *Девочка катит мяч, Молодость любит новое, Публика просила артиста читать еще* и т. д. Подлежащее и дополнение различают, таким образом, грамматически независимый и грамматически зависимый предметы высказывания, вернее, то содержание, которое осознается как предметное и выражается либо грамматически независимыми, либо грамматически зависимыми словами предложения.

К числу грамматических категорий словесных позиций нужно отнести не только члены предложения, но и такие явления, как вводность, обособление, обращение и др.

4. **Грамматические категории словесных конструкций.**

Эти категории объединяют и по какому-то общему признаку отождествляют различные высказывания. Таким общим признаком оказываются повторяющиеся из высказывания в высказывание стандартные схемы, по которым высказывания строятся в процессе речи. Применяемые в школьной практике графические схемы простых и сложных предложений переводят на язык графики те стандартные, повторяющиеся отношения внутри высказываний, которые образуют их схему или конструкцию. Оказывается, мы не можем по своему усмотрению переиначивать и создавать заново схемы, конструкции предложений. Но мы можем выбирать из нескольких конструкций, предлагаемых языком определенного народа на определенном этапе языкового развития, одну, наиболее отвечающую конкретным потребностям выражаемой мысли. Мы можем выразить мысль предложением сложным или простым, сложносочиненным или сложноподчи-

ненным, союзным или бессоюзным, можем воспользоваться конструкцией повествовательного, вопросительного или побудительного предложения и т. д. Каждое такое предложение и есть одна из грамматических категорий словесных конструкций. И как любая иная категория, она представляет собою единство грамматического значения и формальных средств, выражающих это значение. Например, любое простое повествовательное предложение имеет в русском языке значение «повествовательности», т. е. сообщает о чем-либо (но не передает ни побуждения, ни вопроса), и это значение выражает через посредство особой интонации.

Общее знакомство с грамматическими категориями и их типами позволяет более точно и строго сформулировать определение грамматического строя языка и его двух составных частей — морфологии и синтаксиса.

Итак, грамматика языка (грамматический строй) — это не что иное, как совокупность и система присущих языку грамматических категорий. (Вводя в определение слово «система», мы указываем на то, что грамматические категории существуют не по отдельности, не изолированно, а в связи и взаимодействии друг с другом.)

Морфология языка — это совокупность и система присущих языку грамматических категорий слов и грамматических категорий словесных форм. Синтаксис языка — совокупность и система присущих языку грамматических категорий словесных позиций и грамматических категорий словесных конструкций. Грамматический строй и его составные части — морфология языка и синтаксис языка принадлежат самому языку, т. е. существуют объективно и независимо от людей, занимающихся изучением языка. Наука, изучающая грамматический строй языка и его составные части — морфологию и синтаксис языка, называется грамматикой и подразделяется соответственно на морфологию и синтаксис.

Грамматическая форма и в этом пособии. Этот термин не имеет вполне строгого и однозначного толкования и нередко используется как синоним термина «грамматическая категория»: говорят о категории падежа и грамматической форме падежа, о категории времени и грамматических формах времени, имея в виду одно и то же. Но чаще эти термины различаются, и

грамматической формой называют морфологические разновидности слова, соответствующие изменению его сопутствующих категорий: *зеленый — зеленого — зеленому — зеленым — (о) зеленом; зеленый — зеленая — зеленое — зеленые; знаю — знаешь — знает — знаем — знаете — знают; знала — знало — знали* и т. д. Грамматическая форма слова — это один из его морфологических вариантов, характеризуемый особенностями морфемного состава, грамматического значения, сочетаемости и т. д. Класс грамматических форм различных слов, но одинакового грамматического значения и одинаковых или аналогичных средств выражения этого значения выявляет определенную грамматическую категорию. Так что имеется внутренняя связь между грамматическими категориями и грамматическими формами, и не случайно эти два термина «работают» параллельно друг другу.

Иногда грамматической формой слова называют всю совокупность грамматических средств того или иного слова, той или иной категории. В этом смысле можно говорить о грамматической форме, например, имени существительного *ловля*, имени прилагательного *желанный*, глагола *ловить*, категории винительного падежа имени существительного, категории наклонения глагола и т. д. Но такое применение термина «грамматическая форма» едва ли удачно и едва ли может быть рекомендовано.

Нельзя признать оправданным и такое употребление описываемого термина, при котором он означает то же, что обычно называется формально-грамматическим показателем, материальным средством слова.

Понятие грамматической категории и грамматической формы связаны в науке о языке с понятием парадигмы (от греч. *paradigma* — пример, образец); этим термином принято обозначать совокупность грамматических форм слова (или класса слов), взятых в определенной их последовательности; парадигмы различных частей речи даются в учебниках родного и иностранных языков. Однако не нужно думать, что парадигма — это лишь методическое средство, облегчающее усвоение учащимися морфологии того или иного языка. Парадигма — объективная характеристика особенностей морфологии, показатель структуры частей речи и их сопутствующих категорий.

VIII. Морфология языка

Наука, изучающая морфологию языка, решает много различных вопросов. Разумеется, знакомясь с основами языкознания, нельзя осмысливать все эти вопросы, нужно выбрать наиболее существенные для понимания важнейших явлений морфологического строя. К числу таких именно вопросов можно отнести следующие: а) чем отличается слово как элемент морфологии от слова как элемента синтаксиса; б) что собою представляют части речи и каковы основания их научной классификации; в) какова структура отдельных частей речи; г) в чем специфика частей речи в разных языках; д) достаточно ли понятия «части речи» для полного научного отображения всего разнообразия морфологических категорий; е) в каком соотношении находятся морфологические категории и категории логики и т. д.

О слове
как элементе
морфологии
и элементе
синтаксиса

Трудность вопроса состоит в том, что одно и то же слово приходится рассматривать то как явление морфологическое (глагол, имя существительное, наречие и т. д.), то как явление синтаксическое (подлежащее, сказуемое, дополнение и т. д.). Например, в предложении *Березы вновь зазеленели* каждое из слов мы можем обозначить морфологическими терминами — существительное, наречие, глагол; но те же слова мы можем обозначить и синтаксическими терминами — подлежащее, обстоятельство, сказуемое. Значит, в одном и том же слове могут сосуществовать и морфологические и синтаксические признаки, одно и то же слово одновременно может оказаться включенным и в морфологические и в синтаксические категории

Ранее уже указывалось на то, что морфологические категории — это категории слов и словесных форм, а синтаксические — категории словесных позиций и словесных конструкций. Говоря иначе, морфологические категории закреплены за словами независимо от их положения в высказывании: слово *желание* остается существительным независимо от того, окажется ли оно в предложении подлежащим, сказуемым или дополнением. Что же касается синтаксических категорий (а следовательно, и синтаксических значений), — они появляются в словах только тогда, когда слова становятся элементами высказываний. Иначе говоря, синтаксические категории не закреплены за словами и появляются в словах в зависимости от места, «позиции» слова в высказывании. Морфологические признаки и свойства слова присущи ему и в отвлечении от высказывания (вот почему в словарях нередко указываются многие морфологические признаки слов); синтаксических признаков слово, «вынутое» из высказывания, не имеет.

Конечно, сказанное не означает, что любое морфологическое свойство слова, например, любое падежное значение, может быть отчетливо выражено вне связи этого слова с другими. Но связи слова с другими нужны морфологии лишь для выражения и разграничения уже существующих в слове его морфологических значений (различных значений родительного падежа, различных значений залога и т. д.). Так, с помощью связи слова *летчик* с другими словами мы можем выразить разные значения родительного падежа: *распоряжение летчика* (значение деятеля), *чествование летчика* (значение объекта), *перчатка летчика* (значение принадлежности), *цветы для летчика* (значение целеуказания), *цветы от летчика* (значение источника) и т. д. Однако никакие связи не могут вызвать в родительном падеже слова *летчик* значение, не закрепленное именно за этим словом и в этой его форме: например, значение орудия действия, или значение времени, или значение объекта мысли, речи и т. п. Морфологические значения (и другие морфологические свойства) постоянны для слова, если не иметь в виду историю слова, а лишь его применение в речи, т. е. функционирование. Что же касается синтаксических свойств слова, — они переменны в нем, они меняются в зависимости от соотношений слова как части цельного высказывания, и ни одно из них не закреплено

за словом и именно потому в словарях не показывается.

Каждое слово обладает своим «набором» морфологических значений и реализует каждое отдельное значение в том или ином морфологическом контексте, т. е. в тех или иных связях с другими словами как фактами морфологии. И ни одно слово (по крайней мере, в таких языках, как русский, английский, итальянский, татарский, финский и т. д.) не обладает «наборами» синтаксических значений, присущих лишь высказываниям, создаваемым в речи.

Каждому человеку, имеющему современное школьное образование, известно, что в языке существуют части речи. Но что такое части речи, какова их природа — на эти вопросы нет единого ответа даже в работах специалистов-языковедов.

Одни говорят, что части речи — это лексические разряды слов; таким образом, предполагается, что части речи формируются на лексической основе.

Другие думают, что части речи — это грамматические классы слов и формируются на основе грамматических признаков слов; эта точка зрения позволяет назвать части речи грамматическими категориями.

Третьи видят в частях речи лексико-грамматические группы слов, полагая, что природа частей речи смешанная, и лексическая, и грамматическая одновременно.

Возможно, что эти разногласия имеют больше терминологический характер, т. е. связаны с различиями наименования одинаково, по существу, понимаемых явлений.

По-видимому, многие согласятся, что части речи — это, действительно, предельно большие в языке классы слов, объединенных внутри каждого такого класса общностью грамматического значения и его формальных показателей. Но ведь единство грамматического значения и его формальных показателей мы условились называть грамматической категорией. Это дает нам право и части речи именовать предельно широкими морфологическими категориями.

Так, имя существительное представляет собою класс слов, объединенных общностью грамматического значения предметности и выражающих это значение формальных показателей рода, числа, падежа (имеется в виду имя существительное в современном русском языке). Можно, таким образом, сказать, что имя существительное — это класс слов, объединенных категорией предметности. А применив закон

метонимии (позволяющий именовать целое по части и часть по целому), мы назовем имя существительное морфологической категорией предметности.

Очевидно, что имя прилагательное — это класс слов, объединенных категорией качественности; глагол — класс слов, объединенных категорией процессуальности, и т. д.

Можно ли признать обоснованной точку зрения, согласно которой части речи — это лексические группы слов? По-видимому, нет: каждая часть речи представляет собою объединение слов, но это не значит, что основа такого объединения — лексическая. Ведь мы понимаем, что лексические значения и лексические формы слова индивидуальны; внутри одной и той же части речи слова лексически очень различны: например, внутри имени существительного есть слова, обозначающие предметы и вещи в буквальном смысле (*катушка, камень, лучинка, карандаш, ведро, жестянка*), есть слова, обозначающие людей и животных (*мальчик, артист, рабочий, лев, лисица, корова*) есть слова, обозначающие действия и состояния (*чтение, ходьба, торговля, сон, грусть, жизнь*), есть слова, обозначающие качества и свойства (*красота, ум, честность, ловкость, мягкость, зелень*), есть слова, обозначающие количества (*двойка, тройка, пяток, десяток, сотня, дюжина*) и т. д.

Получается, что имена существительные (*красота* и *пяток, чтение* и *пыль, зайчишка* и *величина*) неизмеримо дальше друг от друга по лексическим значениям, чем имя существительное и слово другой части речи (*красота* и *красивый, чтение* и *читать, десяток* и *десять, грусть, грустить* и *грустный*). Этих соображений и примеров достаточно для того, чтобы отклонить мнение о том, что части речи лексичны.

Едва ли нужно называть части речи лексико-грамматическими разрядами слов. Что может в таком наименовании значить термин «лексико-грамматический»? Либо то, что каждая часть речи обобщает грамматически лексику (т. е. слова). Но ведь так поступает с лексикой любая грамматическая категория, например вид, залог, род, падеж и т. д. Пришлось бы все грамматические категории переименовать в лексико-грамматические, чего никто не предлагает. Либо определение «лексико-грамматический» может указывать на «нечистую», смешанную, грамматическую и лексическую одновременно, природу частей речи. Но и это неверно. Природа частей речи не более «загрязнена» вмешательством лексикой, чем природа таких чисто грамматических категорий,

как падеж, время и т. д. Каждая грамматическая категория суть отвлечение от лексики и испытывает на себе большее или меньшее ее влияние. Взаимодействие грамматического и лексического моментов слов — одна из важнейших и наиболее сложных проблем современного языкознания. Существуют в языке и такие категории, которые можно и целесообразно именовать лексико-грамматическими, потому что они имеют переходный характер: лексика в них явно давит на грамматику, а грамматика явно же менее абстрактна, чем обычно. Примером таких лексико-грамматических категорий могут служить категории вещественности, собирательности и отвлеченности в современном русском имени существительном. Группа «вещественных» имен существительных (таких, как *пшено, масло, молоко, песок, вино, сахар, мед, сливки, чернила, белила, высевки* и подобные) объединяет однородные лексически слова — слова со значением «вещества». Эти слова имеют ясно выраженную грамматическую особенность — неспособность образовывать парные формы грамматического числа.

То же можно сказать и о категориях собирательности (*юношество, студенчество, купечество, молодежь, холостежь, бабье, гнилье, мужичье, кулачье, старье, тряпье, зверье, юнкерье, шитье*) и отвлеченности (*выгибание, плавание, познание, одевание, вышивание, кочевание, выкраивание, захваливание, выменивание, изнеженность, медленность, заселенность, жизненность, чудесность, теплота, прямота, полнота, доброта, красота, чистота*).

И группа собирательных существительных, и группа существительных отвлеченных лексичны в том самом смысле, что каждая из них объединяет лексически однородные слова. Но вместе с тем эти группы грамматичны — во-первых, потому, что они выделяются в зависимости от части речи (они внутри имени существительного, не могут выйти за его пределы), а во-вторых, потому, что они имеют ясную грамматическую особенность — не могут получать парные формы числа, т. е. русский человек не говорит: *молодежи хорошо работают* и *доброты учителя радуют окружающих*.

Итак, очевидно, что части речи — это грамматические (а не лексические и не лексико-грамматические) классы слов, или, что то же самое, предельно широкие в каждом языке грамматические категории слов.

Далее возникает вопрос об основаниях и принципах научной классификации частей речи. Это значит, мы должны понять, какие именно стороны и признаки частей речи

должны быть приняты прежде всего во внимание, чтобы научная картина частей речи оказалась наиболее правдивой, наиболее полной и точно отражающей языковую действительность.

В истории науки соответствующий круг вопросов находил многие и различные ответы. Например, были попытки строить классификацию частей речи на логических основаниях, т. е. на основе учета связи, существующей между словами и понятиями. Эти попытки не были успешными, потому что грамматические значения частей речи не равны понятиям, выражаемым словами, не равны и логическим обобщениям этих понятий. Делались попытки построить классификацию частей речи на формальных основаниях, т. е. на основе учета формальных, материальных различий между словами. Эти попытки также не были успешными, потому что слова одной и той же части речи нередко имеют разные формальные признаки (здесь имеются в виду формальные признаки звуковой оболочки того слова, принадлежность которого к той или иной части речи должна быть установлена). В современной науке о языке широкое признание получил принцип комплексного выделения и описания частей речи, требующий от ученого, чтобы были приняты во внимание как внутренние, смысловые свойства слов, объединенных в одну и ту же часть речи, так и внешние, формальные его признаки. Это естественно. Если части речи — грамматические классы слов, или грамматические категории слов, а каждая грамматическая категория — это единство грамматического значения и формальных средств его выражения, то нужно и в научном описании и истолковании частей речи иметь в виду это единство двух сторон слова. И не следует, очевидно, забывать о том, что грамматическое значение не есть ни средняя арифметическая величина, выведенная из суммы лексических значений, ни логическое обобщение понятий, выражаемых отдельными словами. Грамматическое значение должно изучаться как специфическое, особое языковое значение, создаваемое историей языка и не сводимое ни к явлениям логики, ни к явлениям индивидуальной человеческой психологии.

Современная наука о языке принимает и осуществляет это требование в меру своих, исторически всегда ограниченных возможностей.

Для того чтобы определить принадлежность разных слов к разным частям речи, установить тем самым количество частей речи и границы между ними, понять различия меж-

ду частями речи, расхождения и взаимодействия между ними, нужно прежде всего: а) установить с помощью той или иной методики наблюдения и анализа наблюдений принадлежность слов к одному и тому же классу по общности грамматического значения; в) установить (также с помощью той или иной методики) наличие в выделенном классе слов общности формально-грамматических показателей. Этих двух «операций» достаточно на первоначальной ступени описания частей речи. В каком порядке эти основные «операции» будут осуществлены исследователем, это зависит от ряда причин, в частности от избранного исследователем метода наблюдения и анализа фактов языка. В действительности, т. е. в исследовательской работе и преподавании, эти «операции» нередко совмещаются или перемежаются, помогая друг другу. Можно и полезно не ограничиваться установлением общности грамматического значения и общности формально-грамматических показателей. Части речи обычно характеризуются и различаются свойственной каждой из них общностью синтаксической роли, общностью главных словообразовательных особенностей и некоторыми другими признаками. Например, все имена существительные в предложении выступают прежде всего в роли подлежащего или дополнения, имена прилагательные — в роли определения, глаголы — в роли сказуемого. Именам существительным современного русского языка присуще главным образом суффиксальное словообразование и словообразование по способу сложения основ, глаголам — словообразование префиксальное и т. д. Однако синтаксическая и словообразовательная характеристики не могут сами по себе быть достаточными или необходимыми для определения принадлежности слова к той или иной части речи.

В современной языковедческой науке все большее внимание уделяется — при описании и анализе частей речи — так называемой сочетаемости слов, т. е. их способности соединяться с другими словами того или иного морфологического характера.

Каждое имя существительное русского языка способно подчинять себе имена прилагательные и глаголы; каждый глагол способен подчиняться имени существительному и подчинять имена существительные и наречия; каждое имя прилагательное способно подчиняться имени существительному и т. д. Изучение сочетаемости обещает много нового науке.

В связи с возникновением и развитием теории машинного перевода и автоматического изучения текста вновь обострился интерес науки к чисто «формальным» классификациям слов, в частности к чисто «формальному» описанию частей речи.

Такое описание строится не на основе единства грамматического значения и средств его материального выражения, а на основе группировки слов и их форм по общности одних формальных (материальных) показателей. В результате классификация падежных, видовых, родовых и иных грамматических форм приобретает дробный, измельченный характер. На месте привычных шести падежей русского языка оказывается множество групп и группочек, каждая из которых объединяет формы, тождественные по аффиксу и концу основы. То же получается и при описании иных категорий.

Целесообразно ли такое описание? Да, в известных пределах, для решения определенных (практических) задач оно целесообразно. Разумеется, «формальные» классификации не дают и не могут дать желаемой строгости и точности описания языка, непрерывно функционирующего в качестве средства общения, они измельчают и искажают ту реальную картину языка, которую видит говорящий и слушающий. Однако такие формальные описания нужны для машинного перевода и вообще машинного, автоматического извлечения информации о тексте и из текста. Кроме того, формальные описания дают дополнительный материал, позволяющий уточнить существующие научные представления о частях речи.

*О структуре
отдельных
частей речи*

Известно, что части речи неодинаковы; они различаются своими грамматическими значениями, средствами их формального выражения, одним словом, своей внутренней структурой, т. е. тем целым, в которое организованы и объединены составные элементы каждой из частей речи.

Но что такое «элементы» частей речи? И что такое их «организация»?

Элементы частей речи — это прежде всего те грамматические категории, которые выявляются внутри каждой части речи и называются «сопутствующими», или «частными», категориями. В русском языке, в имени существительном, это категории рода, падежа, числа, склонения и др. В имени прилагательном — категории рода, числа, падежа,

степеней сравнения, качественности и относительности и др. В глаголе — категория вида, залога, наклонения, времени, спряжения и др.

«Организация» элементов — это существующие внутри них и между ними связи, отношения и взаимодействия. Таковую организацию называют нередко и системой, имея в виду связи и отношения между элементами морфологической или иной языковой структуры.

Например, в русском современном глаголе определенным образом связаны, соотнесены категории вида и времени, одним из проявлений этой связи является несовместимость совершенного вида и настоящего времени. Определенным же образом соотнесены элементы структуры категории вида или категории времени. Так, совершенный вид характеризуется значением предельности процесса и слабой выраженностью идеи длительности или повторности, а несовершенный вид характеризуется значением неопределенности и выраженностью идеи длительности или повторности процесса. Настоящее время соотнесено с прошедшим и будущим: первое обозначает включение момента речи в тот отрезок времени, в котором разворачивается обозначенное глаголом действие, второе и третье обозначают исключение момента речи из того отрезка времени, в котором разворачивается называемое в глаголе действие, т. е., проще, момент речи либо предшествует этому отрезку времени (будущее время), либо следует за ним (прошедшее время).

Нужно хорошо понять, что элементы любой языковой структуры (а значит, и элементы структуры частей речи) различаются между собой и вместе с тем так или иначе соотносятся друг с другом; соотношение и различие совершенно необходимы для того, чтобы элементы языковой структуры выполняли свою основную задачу — обозначать явления жизни и выражать мысли и чувства человека. Ведь обозначать явления жизни — это прежде всего различать их. Но различать могут, естественно, такие элементы языка, которые сами различаются. И, различаясь, эти элементы всегда остаются связанными, соотнесенными, т. е. имеющими, например, что-то общее в значении или материальном выражении, зависящими друг от друга и т. д. Только связанность, соотнесенность элементов структуры частей речи делает их (части речи) не собранием разрозненных слов, а единым организованным, внутренне цельным явлением структуры языка вообще.

Части речи очень неодинаковы по своей структуре даже в одном и том же языке.

Имя существительное объединяет слова с основным грамматическим значением предметности. Это значение выражается формальными показателями рода, числа и падежа, т. е. прежде всего окончаниями. Но, разумеется, не только ими. Одним из важных формальных показателей для понимания имени существительного оказывается их способность присоединять прилагательные и глаголы; этой способностью наделены все без исключения имена существительные, в том числе и те, которые не изменяют свою форму при склонении или изменении по числам. Практически существенным формальным показателем имени существительного оказывается и его способность соотноситься с местоимениями *кто* и *что* (вспомним школьное методическое правило: имена существительные отвечают на вопросы «кто это?» или «что это?»). В сущности, сама способность имени существительного присоединять прилагательные или глаголы и соотноситься с местоимениями *кто* и *что* — показатель не формальный. Но все дело в том, что эта способность делает формальные признаки прилагательных, глаголов и местоимений показателями категории имени существительного. Так, в случае *выпил крепкого кофе* окончание прилагательного выражает родительный падеж слова *кофе*; в случае *колибри улетели* окончание глагола выражает категорию числа существительного *колибри*; в случае *увидели кого?* — *зайца* местоимение *кого* выражает категорию одушевленности слова *заяц* и т. д.

Основное для имени существительного значение предметности — не логическое, а грамматическое. Показанные ранее иллюстрации уже могли убедить нас в этом. Значением предметности объединяются в один класс очень несходные логически понятия — *карандаш*, *Венера*, *лягушка*, *знание*, *теплота*, *тройка*, *жизнь*.

Возникает вопрос: что же такое предметность в грамматике? По-видимому, предметом грамматика признает все то, чему наше сознание может приписать: качества, свойства, действия и состояния. Реально, в действительности *красота* — это качество, признак «предмета». Но в языке это предмет, т. е. нечто, способное быть носителем признаков (качеств и действий): слово *красота* свободно присоединяет прилагательные и глаголы (*строгая красота*, *красота поразила и восхитила всех*). Так что не нужно искать пол-

ного соответствия между грамматическим знанием предметности и миром реальных предметов и вещей. Обобщения грамматики неизмеримо шире логических обобщений. Но очевидно и то, что грамматическая предметность все же имеет реальный источник — это вещи и предметы действительности: слова, обозначающие вещи и предметы, образуют смысловой центр имени существительного. Это означает, что предметность имени не независима от реальной жизни и своеобразно, очень непрямо, отражает ее.

Основное значение предметности грамматически реализуется в сопутствующих грамматических категориях имени существительного — категориях рода, числа, падежа и др. Выражено значение предметности именно формальными признаками этих категорий (если не иметь сейчас в виду выражение предметности «заимствованными» формальными показателями согласуемых с существительным глаголов или прилагательных).

Категория рода Как уже говорилось, категория рода формализована, т. е. ее грамматические значения не мотивированы соотношением слова и предмета. Мы не можем представить, какая сила заставляет нас одно существительное относить к мужскому, другое — к среднему и третье — к женскому роду. Эта сила — традиция, и только. Деление существительных по родам не отвечает никакому реальному делению предметов и явлений жизни. Исключением являются лишь имена людей и — шире — живых существ вообще. В этих случаях родовые различия существительных поддерживаются лексическим различием мужского и женского пола. Но ведь слова мужского, женского и среднего рода хорошо различаются внешне, особенностями окончаний склонения. Это привело к тому, что значениями рода теперь оказываются отнесенность каждого конкретного имени существительного к одному из трех формальных родовых подклассов. Род существительного — это его формальная «примета», по которой мы узнаем, в каком подклассе он находится и, следовательно, как изменяется при склонении.

Категория числа Эта категория реально мотивирована. Она обозначает (противопоставлением форм единственного — множественного числа) противопоставление одного предмета многим. В именах, обозначающих такие предметы, которые не допускают указанного противопоставления, категория числа не проявляется (*те-*

плота, высеки, пшено, храбрость, жизненность). Но ведь формы числа есть у таких существительных? Да, есть. В этом можно убедиться, сопоставив, например, слова *нога* и *теплота*, *окно* и *пшено*, *высеки* и *мячики*. Мы легко увидим, что слово *нога* (несомненно, единственного числа) изменяется при склонении точно так же, как и слово *теплота*; слово *окно* (тоже, несомненно, в форме единственного числа) изменяется точно так же, как слово *пшено*; слово *высеки* изменяется почти так же, как множественное число слова *мячик*; отсюда следует, что формы числа наши имена существительные имеют. Но значения числа (а значит, и категории числа) в них все-таки нет. Почему, в каком смысле? Потому, что категория числа предполагает противопоставление форм единственного и множественного числа. Нет противопоставления форм — нет и категории. Но как же в таком случае объяснить наличие форм числа при отсутствии категории числа? Объяснить это можно тем, что категория числа для существительного в целом характерна и необходима. Она прочно обоснована и отчетливо выражена. Набор окончаний, которыми пользуются наши имена существительные, исторически «приспособлен» для обслуживания либо форм единственного, либо форм множественного числа. Вот почему любое существительное вынуждено выбрать при изменении по падежам либо «одежду» единственного числа, либо «одежду» множественного. Это, между прочим, приводит к тому, что слова, лишённые категории числа, формально все же участвуют в выражении языкового противопоставления одного предмета многим.

Категория падежа Эта категория тоже реально мотивирована. Она обозначает (различением и соотношением шести падежных форм) разграничение шести типовых отношений предмета к предмету или предмета к процессу. Именительный падеж обозначает грамматическую независимость предмета, все остальные падежи — его грамматическую зависимость. Вопрос о выражаемой падежами зависимости предмета осложняется тем, что эта зависимость (как и независимость) — грамматическая, т. е. «отображенная» и обобщенная грамматикой. В случае *Окна настержь нами отворены* совершенно ясно, что именительным падежом обозначен реально зависимый предмет, а творительным — реально независимый. Но грамматику это мало тревожит. У нее свое измерение главного и подчиненного, независимого и зависимого. И не нужно забывать

об этом, когда мы делаем попытки описать несомненно соотнесенные с реальностью значения падежей.

**Выражение
категорий рода,
числа и падежа**

Категории рода, числа и падежа внешне выражены. Чем? Об этом уже говорилось: а) окончаниями, б) формальными показателями присоединяемых к существительным имен прилагательных и других слов, в) соотнесенностью с грамматическими вопросами (*кто? кого? кому? кого? кем? о ком? что? чего? чему? что? чем? о чем?*). Дополнительно можно сделать несколько конкретизирующих, пояснительных замечаний.

1. Окончания имени существительного не имеют вполне строгого соответствия с выражаемыми грамматическими значениями существительного. Это наиболее отчетливо сказывается в том, что одно и то же окончание может выражать разные значения и для выражения одного и того же значения могут быть использованы разные окончания. Так, окончание *-а* может выражать значение единственного числа, именительного падежа, женского рода (*пила, стена, дорога, ученица, ланша*); оно же может оказаться выразителем единственного числа, родительного падежа, мужского рода (*пола, стола, тока, тома, луга*); оно же может выразить значение множественного числа, именительного падежа, среднего рода (*болота, озера, окна, ведра, кольца*); оно же может передать значения множественного числа, именительного падежа, мужского рода (*луга, стога, города, леса, берега*) и т. д. А такой признак имени существительного, как значение родительного падежа, может быть выражен: а) нулевым окончанием (*опилок, сливок, высевок, туч, роц*); б) окончанием *-а* (*пола, окна, ряда, стула, озера*); в) окончанием *-и* (*рощи, тучи, лужи, чести, песни*); г) окончанием *-у* в сочетании с предлогом (*из дому, из лесу*) или с именем количественного значения (*кило сахару, стакан меду, кружка квасу*); д) окончанием *-ов* (*лесов, городов, холмов, комитетов, переводов*); е) окончанием *-ей* (*калачей, стрижей, мечей, болей, былей*). Эту сложную картину можно сделать еще сложнее, если уточнить сведения о вариантах падежных окончаний и их сопровождении другими формальными показателями (ударением, мягкостью или твердостью основы, предлогами и т. д.). Но для учебных целей это пока не нужно.

2. Если в языке одно и то же грамматическое значение выражается разными формальными показателями и один и тот же формальный показатель используется

для выражения разных значений, это показывает, что язык не имеет строгого соответствия между значениями и их формальными показателями.

Однако это не мешает языку различать строго определенное количество падежей, родов и чисел. Это достигается тем, что разные формальные показатели объединяются в один функциональный ряд (т. е. ряд, включающий признаки, «делающие» одинаковую грамматическую «работу», несущие, говоря сложнее, одинаковую функцию по отношению к области грамматических значений). Объединению разных формальных показателей (разных окончаний, например) в один функциональный ряд содействует в русском языке способность имени существительного присоединять к себе имя прилагательное, различающее своими формальными признаками род, число и падеж существительного. Функциональному объединению разных окончаний помогает и соотнесенность имен существительных с грамматическими вопросами, различающими падежи. Например, вопрос родительного падежа *чего?* одинаково «притягивает» соответствующие формы разных слов, независимо от того, какое именно окончание этими формами использовано (*чего? — высевок, туч; ряда, озера; лужи, песни; меду, квасу; лесов, холмов; калачей, ежей*).

В современном русском языке шесть падежей, именно шесть, потому что существует лишь шесть функциональных рядов формальных падежных показателей, а каждый такой ряд состоит из «наборов» окончаний самого имени существительного, затем — имени прилагательного, затем — местоимения и т. д. В языке есть также функциональные ряды формальных показателей числа и рода.

Имя прилагательное Морфологическая структура прилагательного (в современном русском языке) заметно отличается от морфологической структуры имени существительного, хотя вместе с тем эти структуры обнаруживают и общность. Чтобы увидеть черты сходства и различия в морфологических структурах имени существительного и имени прилагательного, можно осуществить их элементарный сопоставительный анализ — хотя бы по некоторым, немногим признакам.

а) Грамматическое значение имени прилагательного резко отличается от грамматического значения имени существительного. Ведь имя прилагательное имеет грамматическое значение признака, присущего предмету, но не значение самого предмета. Иначе говоря, имя прилагательное

обозначает всегда нечто такое, что принадлежит предмету, свойственно ему, характеризует его. Предмет всегда является носителем различных признаков, а признаки — всегда «рабы» предмета, его спутники, не способные от него оторваться. Имя существительное может жить в речи и без имени прилагательного (мысль может отобразить предмет без его «спутников»). Имя прилагательное жить в речи без своего «господина» не может; оно всегда должно указывать на какой-то предмет, хотя бы он и обозначался существительным, употребленным в соседних выражениях.

Резкое различие существа основных грамматических значений имени прилагательного и имени существительного не может, естественно, не сказаться на внутреннем структурном членении того и другого.

б) Если имя существительное выделило сопутствующие категории рода, числа и падежа, и именно в этих категориях конкретизируется «природа» грамматического значения предметности, то имя прилагательное выделило сопутствующие категории качества и относительности, степеней сравнения, полноты и краткости.

**Категория
качества —
относительности**

Данная категория разграничивает средствами грамматики признаки, измеримые (изменяемые, переменные) и признаки неизмеримые (неизменяемые, постоянные) в количественном отношении. В самом деле, признак *теплый* измерим в количественном отношении: в разных предметах этот признак количественно может оказаться неодинаковым.

Но неизвестно, как можно было бы измерить или сравнить по количеству признак *деревянный* в разных предметах (*деревянный дом, деревянное ведро, деревянный ящик, деревянная ложка, деревянная пуговица*). Термины «качественное» и «относительное» в применении к именам прилагательным не очень удобны: они иногда заставляют думать, что различие «качества» и «относительности» произведено наукой по ошибке: «качественность» присуща всем прилагательным. Но термин есть термин, его надо принимать таким, как он есть.

Термины «качественное» и «относительное» были введены тогда, когда было ясно, что существует грамматическая разница прилагательных двух рядов, но не была яснее природа. В сущности же термин «качественное» указывает скорее на «количественность» соответствующего признака, на способность этого признака изменяться по количеству,

по степени обнаружения в том или ином предмете. Термин же «относительное» указывает на «неколичественность» соответствующего признака.

В зависимости от категории качества-относительности находятся в именах прилагательных и степени сравнения (они присущи только качественным прилагательным), и формы полноты — краткости (относительные прилагательные могут быть только в полной форме).

в) Имя прилагательное располагает категориями рода, числа и падежа. Говорят ли нам эти категории о сходстве прилагательного с именем существительным? Да, в известном смысле, и только. Но больше они говорят все-таки об отличии имени прилагательного от существительного. Почему же?

**Категории рода,
числа и падежа**

Грамматическая природа этих категорий в именах прилагательных и именах существительных резко различна: если в имени существительном за различиями рода, числа и падежа мы видим различия самих предметов и их взаимных отношений, то ничего подобного нет в имени прилагательном: здесь различия форм рода, числа и падежа не передают никаких различий между признаками предметов или между отношениями признаков друг к другу. *Зеленый дуб, зеленое дерево, зеленая береза, зеленые нивы, зеленого дерева, зеленому лесу, о зеленом луге* и т. д. — разве различные родовые, числовые и падежные формы имени *зеленый* передали хоть какие-нибудь различия самих признаков или их взаимных отношений? Конечно, нет. Но для чего же они созданы и применяются? Что же они различают? Оказывается, они различают то, что уже различено однажды формальными показателями имени существительного: *зеленая береза, зеленые березы; зеленую березу, зеленых берез, зелеными березами* и т. д. А это означает, что категории рода, числа и падежа в имени прилагательном «работают на заказчика со стороны», обслуживают имя существительное, выражают вторично его значения. Иными словами, категории рода, числа и падежа в имени прилагательном грамматически не самостоятельные, они полностью подчинены соответствующим категориям имени существительного, у них нет своего значения, почерпнутого в грамматических недрах самого имени прилагательного.

Вот и получается, что имя существительное и имя прилагательное обнаруживают явное сходство: и то и другое имеет одни и те же сопутствующие категории. Но это сход-

ство больше терминологическое, чем существенное. Ведь по существу-то за этим сходством кроется резкое различие. Различие и основанная на нем крайняя грамматическая зависимость одного имени от другого: категории рода, числа и падежа прилагательного отражают лишь то, что находится в грамматической природе имени существительного. Отсюда же идет и известное по школьным учебникам грамматическое согласование имени прилагательного с именем существительным, т. е. уподобление морфологических признаков одного слова (прилагательного) морфологическим признакам другого слова (существительного).

г) И формальные показатели грамматических категорий имени прилагательного своеобразны. Они более строго, чем в имени существительном, соответствуют различиям в области грамматических значений. Так, предельно строго передаются формальными показателями различия рода и числа в именительном падеже; для этого используется компактный и строгий набор формальных показателей (окончаний): для мужского рода *-ый, -ой*, для женского *-ая, -яя*, среднего *-ое, -ее*, для множественного числа *-ые, -ие*. Что касается формальных показателей падежных различий, — они менее строги, но не столь разнообразны, как в именах существительных. Например, родительный падеж имеет окончания *-ого, -его, -ей, -их, -их*; причем, если принять во внимание, что окончания *-его, -ей, -их* являются вариантами окончаний *-ого -ой, -ых*, картина окажется еще яснее: всего три окончания. В творительном падеже: мужской род *-ым (-им)*, женский род *-ой (-ей)*, средний род *-ым(-им)*, множественное число *-ыми (-ими)*; таким образом, и здесь три окончания (и три их варианта).

Если вспомнить о том, что окончания имен прилагательных соотнесены с окончаниями имен существительных, станет понятным, что ясность разграничения одних (окончаний прилагательных) компенсирует недостаточность ясности в разграничении других (окончаний существительных).

Резко не совпадают имена существительные и имена прилагательные по способности присоединять к себе слова других частей речи.

Имена существительные присоединяют к себе другие существительные, имена прилагательные и глаголы (не будем стре-

миться к исчерпывающей полноте перечней, укажем лишь основное). Имена прилагательные не присоединяют к себе

ни других прилагательных, ни существительных, ни глаголов (слово «присоединяют» употребляется здесь и в значении «подчиняют»).

Таким образом, легко обнаруживается резкое различие так называемой сочетаемости имен существительных и имен прилагательных. Впечатление об этом резком различии усиливается, если мы вспомним, каким словам подчиняются те и другие имена. Имена существительные подчиняются другим именам существительным (*ваза из хрустала, чтение книги*), именам прилагательным (*красный от смущения, полный до краев*), глаголам (*писать роман, бежать к школе*). Имена прилагательные подчиняются именам существительным (*золотистые кудри, звонкое пение*), но не подчиняются ни другим именам прилагательным, ни глаголам.

Эта часть речи в современном русском языке противостоит и имени существительному, и имени прилагательному.

Она объединяет слова с основным грамматическим значением процесса (как говорят в школе, действия или состояния предмета). Значение процесса отображает движение, развитие, изменение. Но движение, развитие, изменение немислимы вне времени. Поэтому глаголы обозначают процессы, развивающиеся во времени.

Основное грамматическое значение глагола конкретизируется и выражается категориями залога, вида, наклонения, времени и др.

Категория залога разграничивает процессы-действия, направленные на предмет (*пилить полено, окрашивать стену, рисовать яблоко, есть творог, обнимать друга*), процессы-состояния, вызванные воздействием лица или действующего предмета (*письма перевозятся поездами и самолетами; арифметика изучается школьниками; магазины охраняются сторожами; тяжелые балки поднимаются кранами*), и процессы, не направленные прямо на предмет и не вызванные воздействием лица или действующего предмета. Не будем забывать, что залоговые различия — это различия грамматические, и не нужно их осмысливать чересчур прямолинейно, логически, так, как подсказывает повседневный бытовой и трудовой опыт. Поэтому для того, чтобы понять сущность залоговых различий, нужно знать не только то, что залого означают, но и как эти значения выражены, какими формальными показателями переданы.

Залог, который обозначает процессы-действия, направленные на предмет (*взять конфету, поставить тарелку,*

Сочетаемость
имени
существительного
и имени
прилагательного

читать книгу), называется действительным. Он имеет два формальных показателя — один отрицательный, другой положительный. Отрицательным показателем действительного залога оказывается отсутствие в глаголе возвратного аффикса (возвратной частицы) *-ся*: все без исключения действительные глаголы не возвратные. Положительным формальным показателем действительного залога служит способность глагола присоединять к себе имя существительное в винительном падеже без предлога и со значением предмета, на который направлено действие (*петь романсы, встречать друзей, слушать музыку, отвечать урок, радовать родителей*).

Противоположный действительному залог называется страдательным. Он обозначает процесс-состояние, вызванное воздействием лица или предмета. Это значение выражается двумя формальными показателями. Оба они положительны. Один из них — возвратный аффикс *-ся*: все глаголы страдательного залога — возвратные. Другой — способность глагола присоединять к себе имя существительное в творительном падеже без предлога, со значением действующего лица или предмета (*охраняться войсками, читаться детьми и взрослыми, продаваться и покупаться разными странами, произноситься ораторами, перевозиться поездами*). Третий залог называется средним и м, он характеризуется безразличием глаголов к аффиксу *-ся* и их неспособностью присоединять падежи, характеризующие действительный и страдательный залого.

Категория вида Категория залога конкретизирует, видоизменяет основное глагольное значение — значение процесса. То же можно сказать и о категории вида. Она, как об этом уже говорилось, разграничивает процессы предельные и непредельные. Предельными грамматика признает такие процессы, предел, граница в развитии которых нами осознается, замечается: *прочитать письмо, запеть песню, побежать в сад, вычислить площадь квадрата, открыть форточку*. Но пределов в развитии процесса может быть два — когда процесс возникает и когда он исчерпывает себя. Поэтому в нашем языке существуют глаголы с начальной предельностью (*запеть, заговорить, забегать, поплыть, пойти*) и глаголы с конечной предельностью (*написать, прочитать, разгрузить, положить, подумать*). Предельные процессы могут разме-

щаться один вслед за другим на общей линии движения во времени: *Вошел, снял шубу, повесил шапку на гвоздь, вымыл руки и сел к столу завтракать*. Нетрудно заметить, что действия *вошел, снял, повесил, вымыл, сел* продолжают друг друга, образуют одну линию развития. Непредельные глаголы обозначают такие процессы, границы которых нами не осознаются, не замечаются: *читать книгу, петь песни, бежать по лугу, вычислять площадь квадрата, открывать форточки*. Процессы, обозначенные непредельными глаголами, могут размещаться параллельно друг другу в потоке времени, могут быть одновременными: *Когда я вошел в комнату, мальчик пел, девочка читала, женщина шила, а мужчина передвигал шахматные фигуры*. Глаголы предельного значения называются, как известно, глаголами совершенного вида, а глаголы непредельного значения — глаголами вида несовершенного.

Люди, для которых русский язык — родной, и люди, хорошо овладевшие русским языком, если он и не является родным, не могут представить ни один процесс вне его видового обозначения, т. е. вне предельности или непредельности.

После того как сопоставлены грамматические значения совершенного и несовершенного видов, естественен вопрос — как эти значения выражены? Иногда приходится читать о том, что значение несовершенного вида выражается суффиксами несовершенного вида, например суффиксами *-ыва-, -а-, -и-* (*выпальывать, читать, ходить*), а значение совершенного вида выражается приставками и некоторыми суффиксами (*перечитать, выиграть, назначить, кольнуть, тронуть, решить*). Это мнение очень неточно. Ведь у нас немало глаголов несовершенного вида, имеющих приставки: *привозить, уходить, прибежать, засесть, запрягать, производить, отдыхать* и т. д.; с другой стороны, есть и глаголы совершенного вида, в составе которых находятся суффиксы, которым «полагается» выражать значение несовершенности (непредельности): *нарвать, узнать, отдать, разбить, отлить, навывисывать, понаклеивать* и т. д. Уже эти немногие примеры позволяют сказать, что, очевидно, сами по себе те или иные морфемы не в состоянии выразить каждое из видовых значений. Дело не в «наборе» морфем, вошедших в тот или иной глагол, а в соотношении двух глаголов — производящего и производного: как правило, каждый производный глагол меняет вид производящего глагола (*прочитать*—сов., а *читать*—несов., *передумывать* — несов.,

а *передумать* — сов., *навыписывать* — сов., а *выписывать* — несов. и т. д.). Известно также, что если производный глагол получен с помощью приставки, он обычно совершенный; если же производный глагол получен с помощью суффиксов *-ыва-*, *-ива-*, он обычно несовершенный. В этом, и только в этом смысле можно говорить, что в современном русском языке значение совершенного вида, как правило, выражается приставками, а значение несовершенного вида — суффиксами. Но отсюда еще очень далеко до утверждения, будто по наличию в составе глагола приставки или суффикса *-ыва-* (*-ива-*) можно определить видовое значение.

Таким образом, мы еще раз убедились, какими непростыми и непрямолинейными могут оказаться отношения между значениями и их формальными показателями.

Категория времени Каждый русский глагол может образовывать формы времени — настоящего, прошедшего и будущего. Категория времени современного русского глагола кажется простой и ясной по своему внешнему выражению. Однако и эта категория не столь проста и очевидна, как мы ее видим, опираясь на школьные знания.

Многие факты разговорной и художественной речи заставляют нас задуматься: что же означают временные формы нашего глагола? Например: *Иду я вчера по улице и вижу, как ведут медведя; Завтра самолет вылетает с опозданием на два часа; Я говорил тогда приятелю: «Представь себе: ты приехал к нам, и тебя встречают как старого, доброго друга».* В первом предложении формы настоящего времени *иду, вижу, ведут* обозначают прошедшие действия; во втором предложении форма настоящего времени *вылетает* обозначает будущее действие; в третьем предложении форма *говорил* обозначает, как ей и положено, прошедшее время, а формы *приехал* и *встречают* обозначают будущее, видимое из прошлого. Нельзя ли на основании этих и подобных примеров сделать вывод о том, что значения категории времени не соответствуют в современном русском глаголе формам времени? Нет, такой вывод был бы опрометчивым и неверным. Наши примеры говорят лишь о том, что не только в лексике, но и в грамматике существуют, помимо прямых, и переносные значения. Формы настоящего времени в обычных, если можно так сказать, условиях выражают настоящее время, а в необычных — переносно выражают и прошедшее и будущее время. Располагают переносными значениями формы прошедшего и будущего времени.

Но не будем сейчас заниматься изучением тех условий, в которых формы времени выявляют свои переносные значения. Это должно быть сделано в курсе современного русского литературного языка. Поставим лучше более важный для понимания категории времени вопрос: каковы ее прямые значения? что категория времени обозначает? Категория времени отображает и различает отношения во времени между процессом, обозначенным глагольной формой, и речью о нем. Если процесс, обозначенный глаголом, и речь о нем одновременны, используются формы настоящего времени. Если процесс предшествует речи о нем, используется прошедшее время. Если же процесс, обозначенный глаголом, осуществляется позже речи о нем, признается будущее время.

В эту очень ясную и логическую схему временных значений глагола историей языка и живой практикой общения вносятся различные осложняющие моменты. Однако они не устраняют главного — связи трех форм времени с тремя временными отношениями между глагольными процессами и речью о них. Эти главные для категории времени связи ясно выступают, если мы будем брать глаголы в минимальном контексте, например в двухсловных предложениях (подлежащее плюс сказуемое): а) *Поет соловей; Мальчик читает; Шумит, ветер; Трамвай звенит; Спутник летит;* б) *Пел соловей; Мальчик читал; Шумел ветер; Трамвай звенел; Спутник летел;* в) *Будет петь соловей; Мальчик прочитает; Будет шуметь ветер; Трамвай прозвенит; Спутник пролетит.*

Во всех предложениях ряда а) глаголы обозначают процессы, одновременные с речью о них; во всех предложениях ряда б) глаголы обозначают процессы, бывшие раньше, в прошлом, т. е. до речи о них; во всех предложениях ряда в) глаголы обозначают процессы, которым предстоит осуществляться после речи о них. Эти значения и есть грамматические значения трех форм категории времени современного русского глагола. Можно сказать, что грамматическое значение каждой формы является вариантом общего грамматического значения категории времени, что это общее значение категории времени видоизменяется и выступает в трех основных вариантах; общее грамматическое значение категории, видоизменяемое в отдельных формах этой категории, иногда называют и н в а р и а н т н ы м. Можно, разумеется, обнаружить не только инвариантное значение

категории времени, но и инвариантное значение категории вида, залога, падежа, числа и т. д. В языковедческих работах все чаще изучаются взаимоотношения инвариантных и вариантных значений различных языковых категорий.

Формальные показатели категории времени определены и, как правило, строго соответствуют вполне определенным грамматическим значениям. Так, например, главным формальным показателем форм настоящего времени являются личные глагольные окончания *-у, -ешь (-ишь), -ет(-ит), -ем (-им), -ете (-ите), -ут (-ат)*, соединяемые с основой несовершенного вида; те же окончания, соединяемые с основой совершенного вида, оказываются показателями будущего времени. Грамматическое значение будущего времени в глаголах несовершенного вида выражается сложной формой, состоящей из вспомогательного глагола *быть*, изменяемого по лицам, и инфинитива того глагола, будущее время которого мы хотим получить (*буду читать, будешь читать* и т. д.). По-особому выражается грамматическое значение прошедшего времени — через посредство особого суффикса *-л*, не играющего словообразовательной роли и не входящего поэтому в глагольную основу (*чита-л, говори-л-и* и т. д.).

Таковы некоторые наблюдения, необходимые для первоначального знакомства с многообразием и различиями структуры грамматических (точнее, пока лишь морфологических) категорий.

Эти же наблюдения ставят перед нами и сложнейший вопрос о связях и соотношениях разных морфологических категорий — основных и сопутствующих, т. е. видоизменяющихся и конкретизирующих основные.

Мы уже могли убедиться в том, что характер сопутствующих категорий определяется прежде всего тем, что собой представляет основная категория, каково ее основное грамматическое значение. Так, имя существительное конкретизирует свое значение предметности в категориях падежа, числа и рода; имя прилагательное — в категориях качественности-относительности и степеней сравнения; глагол — в категориях вида, залога, времени и т. д.

Но ведь не только сопутствующие категории определяют главными и конкретизируют, в свою очередь, главные. Устанавливаются связи и отношения и между главными категориями (имя существительное — имя прилагательное, имя существительное — глагол, глагол — наречие, глагол —

имя прилагательное, имя прилагательное — наречие и т. д.). Язык создает и пересоздает также различные связи и отношения и между сопутствующими категориями внутри одной части речи (вид и время, время и наклонение, степени сравнения и качественность-относительность и т. д.) и даже между сопутствующими категориями разных частей речи (категории падежа, рода, числа и в имени существительном и в имени прилагательном, категория числа в имени и глаголе и т. д.). Исследование всех этих связей и отношений — одна из главных задач современной науки о языке.

О специфике частей речи в разных языках

Части речи существуют, разумеется, не в одном русском языке. Можно утверждать, что каждый язык располагает классами или группами слов, объединенных

морфологическими признаками и осуществляющих в языке работу, напоминающую работу русских частей речи. Однако такое утверждение верно лишь в очень общем смысле. Дело в том, что части речи в каждом конкретном языке своеобразны. Качество и даже количество частей речи меняется от одного языка к другому. Эти перемены могут быть небольшими и могут оказаться разительными. Ученым известны и такие языки, в которых части речи настолько сплетены и сращены с членами предложения, что не имеют отчетливого выражения в языке. Обратимся к некоторым, правда, немногим, примерам.

Имя существительное в болгарском языке. Даже в близкородственных языках, например, русском и современном болгарском, части речи не совпадают, хотя и обладают большим сходством. Так, имя существительное обозначает в болгарском, как и в русском, предмет, обладает категориями рода и числа. Существительные мужского, женского и среднего рода напоминают по своим формальным признакам имена существительные русского языка: муж. — *град, брат, син, доктор, ден*; женск. — *учителка, сестра, книга, нога, муха*; средн. — *езеро, месо, лице, училище, знание*. Множественное число образуется при участии большего, чем в русском, количества окончаний: *-и, -а, -е, -ове, -ища, -овци, -ини, -я, -ета*. Так что форма множественного числа в болгарском очень похожа на соответствующую форму в русском — *народи, учителя, книги, мухи, озера, села, училища*. Но нередки и такие формы, которые для русского необычны и неизвестны: *градове, крайове, морета, полета* (т. е. моря, поля).

Болгарское имя существительное имеет и резко выраженные морфологические особенности, чуждые русскому языку. Прежде всего, это категория определенности-неопределенности и отсутствие категории падежа. Категория определенности-неопределенности различает предмет вообще, все равно какой или неопределенно какой, и известный предмет, именно этот, уже знакомый или точно определенный обстоятельствами. Определенность предмета обозначается при помощи так называемого постпозитивного члена (особой морфемы, присоединяемой к концу слова, стоящей в постпозиции, т. е. после слова): в женском роде постпозитивный член *-та*, в среднем *-то*, в мужском *-ът* и реже *-а*. Неопределенность предмета обозначается отсутствием постпозитивного члена. Так что каждое имя существительное для болгарина живет в двух формах — неопределенной (*вол, град, жена, книга, село, лице, птичка, звездичка, ябълка*) и определенной (*волът, градът, жената, книгата, селото, лицето, птичката, звездичката, ябълката*). Во множественном числе постпозитивный член имеет вид *-те* (для мужского и женского рода) или *-та* (для среднего рода): *работниците, синовете, книгите, жените, мислите, селата, лицата*.

Категория падежа в болгарском языке разрушена историей языкового развития. Грамматические значения, подобные падежным значениям русского языка, передаются при помощи порядка слов и различных предлогов. Это значит, что в имени существительном синтетический способ выражения грамматических падежных значений (когда показатель значения слит со словом, включен в его состав, объединен с ним, синтезирован) заменен аналитическим (когда показатель значения отделен от слова, разъединен с ним, аналитически выделен). Поэтому можно говорить, что имя существительное болгарского языка развивалось по пути аналитизма. Русский же язык, развивая аналитические средства выражения падежных значений (т. е. предлоги), не утратил и синтетических (т. е. окончаний) и сохранил сильную систему падежей.

В болгарском языке сохранилась особая звательная форма, употребляющаяся, правда, как правило, в именах существительных одушевленных.

Глагол в болгарском языке. Много особенностей обнаруживает при сравнении с русским болгарский глагол. Обра-

тим сейчас внимание лишь на некоторые из этих особенностей.

а) В болгарском языке очень сложная, по сравнению с русским, система времен. Всего их девять: настоящее, аорист (иначе, в болгарской терминологии, — «прошедшее совершенное»), имперфект («прошедшее неопределенное»), плюсквамперфект («прошедшее предварительное»), будущее, будущее предварительное, будущее в прошедшем и будущее предварительное в прошедшем. Каждое из этих времен имеет, разумеется, свое грамматическое значение и свои формальные показатели. Так, значение настоящего времени соответствует значению аналогичных форм русского языка. Показатели настоящего времени — личные окончания, напоминающие окончания русского глагола: 1 лицо ед. ч. — *пиша*, 2 лицо ед. ч. — *пишеш*, 3 лицо ед. ч. — *пише*; 1 лицо множ. ч. — *пишем*, 2 лицо множ. ч. — *пишете*, 3 лицо множ. ч. — *пишат*. Будущее время (соответствующее будущему русского глагола) образуется путем прибавления к спрягаемым формам настоящего времени особой препозитивной неизменяемой частицы *ще*: *ще пиша, ще пишеш, ще пише, ще пишем, ще пишете, ще пишат*. Остальные будущие времена образуются своеобразно, не имеют аналогии в образовании русского будущего времени.

Очень необычны для русского человека формы болгарских прошедших времен. Например, формы имперфекта указывают на длительность процесса и на его незавершенность. Образуются они от основ настоящего времени несовершенного вида с помощью специальных окончаний: *знае-х, знае-ше, знае-ше, знае-хме, знае-хте, знае-ха*. Форма аориста указывают на то, что процесс только что закончен, однако длительность процесса остается невыраженной. Формы аориста характеризуются некоторым сходством с формами имперфекта: *зна-х, зна, зна, зна-хме, зна-хте, зна-ха*; эти формы образуются от основ инфинитива. Имперфект и аорист — это простые формы болгарского прошедшего времени. Все остальные формы прошедшего времени — аналитические, или сложные: они образуются соединением двух частей — вспомогательного глагола *быть* и так называемого причастия на *-л*. Наиболее распространенной сложной формой прошедшего времени является перфект, обозначающий процесс как факт в прошлом, но имеющий отношение к настоящему. Перфект образуется и изменяется так: 1 лицо ед. ч. — *писал съм*, 2 лицо ед. ч. —

писал си, 3 лицо ед. ч. — писал; 1 лицо множ. ч. — писали сме, 2 лицо множ. ч. — писали сте, 3 лицо множ. ч. — писали. А, например, прошедшее предварительное (п л ю с к в а м п е р ф е к т), обозначающее, что процесс в прошлом осуществлялся раньше другого процесса, изменяется и образуется так: бях писал, беше писал, беше писал, бяхме писали, бяхте писали, бяха писали.

б) Болгарский глагол, подобно русскому, имеет категории вида и залога, очень напоминающие по своим грамматическим значениям соответствующие категории русского глагола. Формальные показатели залоговых и видовых различий не вполне совпадают с аналогичными показателями в русском. Так, например, русским суффиксам *-ыва-*, *-ива-* соответствует в болгарском обычно суффикс *-ва-*; русск. *записать* — *записывать*, болг. *записа* — *записвам*; русск. *высушить* — *высушивать*, болг. *изсуши* — *изсушавам*; русск. *заучить* — *заучивать*, болг. *зауча* — *заучавам*; русск. *доиграть* — *доигрывать*, болг. *доиграя* — *доигравам* и т. д. В образовании залогов болгарский глагол использует по д в и ж н у ю местоименную частицу *се*, соответствующую русской неподвижной частице *-ся*. Глаголы болгарского языка знают три спряжения, в то время как глаголы русского языка имеют два спряжения, и т. д. Чем пристальнее и внимательнее мы стали бы изучать общее и различное в глаголах (или других частях речи) двух близкородственных языков, тем яснее мы видели бы, что даже при таком родстве языки развивают многие особенности в природе и формальном выражении грамматических категорий и системы частей речи в целом.

Еще отчетливее выступают перед нами различия морфологических категорий, если мы начнем сравнивать грамматические значения и их формальные показатели в более далеких друг от друга языках, нежели русский и болгарский. Возьмем для иллюстрации несколько фактов из английского языка и будем эти факты сопоставлять с одноименными фактами языка русского.

Итак, а н г л и й с к и й язык, находится в историческом родстве, хотя и очень отдаленном, с языком русским. Это позволяет предполагать заметную общность значений и форм одноименных морфологических категорий (несмотря на ожидаемые большие различия). Возьмем для наблюдения уже знакомые нам части речи — имя существительное и глагол — в английском языке и сопоставим их,

хотя бы по немногим признакам, с теми же частями речи в русском языке.

Имя существительное в английском языке. Объединяет слова с основным грамматическим значением предметности. Не имеет категории рода. Имеет категорию числа, значение которой в общем совпадает со значением числа в русском существительном; однако формальные показатели этой категории в английском своеобразны, главный и наиболее распространенный из них — это суффикс *-s*, присоединяемый к основе имени: *a pen* (перо) — *pens* (перья), *a pencil* (карандаш) — *pencils* (карандаши), *a book* (книга) — *books* (книги), *a word* (слово) — *words* (слова), *a building* (здание) — *buildings* (здания).

Категория падежа в английском полуразрушена. Как уже говорилось раньше, англичане используют всего-навсего две падежные формы — форму так называемого общего падежа (в ней слова даются в словарях) и форму родительного падежа, получаемую в единственном числе прибавлением окончания. Таким образом, главным выразителем различных отношений между предметами, а также между предметами и процессами оказываются (как, между прочим, и в болгарском) предлоги.

В современном английском языке имя существительное различает морфологически (с помощью особых служебных словечек — артиклей) значения определенности и неопределенности предмета. Правда, в самой речевой действительности разница между значениями определенности и неопределенности много сложнее, чем это кажется, когда мы воспринимаем одни термины. Но все же эти термины оправданы тем, что, как правило, «неопределенный» артикль *a* (*an*) употребляется при именах существительных, обозначающих в речи не этот, единичный, известный предмет, а предмет какой-то, какой-нибудь, один из ряда однородных ему предметов. «Определенный» же артикль *the* стоит при именах существительных, обозначающих в речи именно этот, единичный, известный предмет. Сравним: *Bring a pen!* (принесите перо) и *Take the pen!* (возьмите это перо); *Buy a pencil* (купите карандаш) и *Give me the pencil!* (дайте мне этот карандаш), *I met a friend* (я встретил одного друга) и *Fed is the best friend of our teacher* (Федин — лучший друг нашего учителя). Правда, не все английские имена существительные различают значения определенности-неопределенности предмета.

Глагол в английском языке. Как и в русском языке, английский глагол обозначает процесс, развертывающийся во времени. Имеет категории залога, наклонения, времени, лица, числа и др. Эти категории обнаруживают и сходные и отличительные черты — при сопоставлении с одноименными категориями русского глагола. Пока мы не будем говорить обо всем этом подробно. Но нужно увидеть принципиальные различия русского и английского глаголов. К числу таких именно различий можно отнести отсутствие грамматической категории вида в английском, очень богатую формами систему времен, наличие особой грамматической формы, именуемой герундием, и некоторые другие.

В русском языке каждый обозначенный глаголами процесс предстает нашему сознанию либо как предельный, либо как неопредельный; это противопоставление носит чисто грамматический характер, имеет последовательное и ясное формальное выражение. Английский язык может передать идею предельности и неопредельности процессов, но делает это лексическими средствами в соединении их с формами категории времени.

Эта категория в английском очень своеобразна. Достаточно вначале сказать, что она располагает 26 формами. Такое обилие форм объясняется тем, что они передают не только соотношение во времени между глагольным процессом и моментом речи (это «делают» формы времени в других языках), но также разграничивают неопределенность-определенность процессов и их окончательность-неоконченность к известному моменту времени; к тому же они видоизменяются в зависимости от действительного (актив) или страдательного (пассив) залога.

По главному грамматическому значению (соотношению во времени между глагольным процессом и «моментом» речи) английский глагол различает четыре времени — настоящее (Present), прошедшее (Past), будущее (Future) и будущее в прошедшем (Future in the Past).

На это главное деление категории времени наслаивается деление, вызываемое категорией, не получившей в науке определенного терминологического обозначения и именуемой обычно «группами» времени. Эти «группы» несколько напоминают категорию вида, так как разграничивают определенность-неопределенность и окончательность-неоконченность процессов.

Возникает (в результате взаимодействия «времен» и «групп») такая общая схема форм времени английского совершенного глагола (без учета форм пассива):

1. Времена группы Indefinite (неопределенные) обозначают процесс «вообще», не приуроченный ни к какому строго определенному моменту: настоящее время — *I line, work* (я линую, работаю); прошедшее время — *I lined, worked* (я линовал, работал); будущее время — *I shall line, work* (я буду линовать, работать); будущее в прошедшем — *I should line, work* (я буду линовать, работать). Из контекста должно быть ясно, что это будущее осознается из прошлого, как, например, в русском: *Мы говорили о том, что скоро поедим на Кавказ.*

2. Времена группы Continuous (длительные) обозначают процессы, развертывающиеся в определенный момент времени, осознаваемые не вообще, а вполне конкретно, в их течении, в их длительности, проходящей через определенную временную точку. Это значение можно иллюстрировать такими русскими примерами: *Я вижу, как стремительно летит птица; Прислушайся, как красиво поет соловей; Я вошел в комнату и увидел: маленький мальчуган старательно подкидывал и ловил мяч.*

Вот соответствующие английские формы: настоящее время — *I am lining, working* (я линую, работаю); *I was lining, working* (я линовал, работал) — прошедшее время; *I shall be lining, working* (я буду линовать, работать) — будущее время; и еще одно, будущее в прошедшем — *I should be lining, working* (я буду линовать, работать) из контекста, в частности из конструкции сложного предложения, должно быть ясно, как и в случаях Indefinite, что это будущее осознается из прошлого.

3. Времена группы Perfect (перфективные, или совершенные). Они обычно обозначают процессы, уже развившиеся к какому-то определенному времени, т. е. имеют оттенок результативности. В русском им могут соответствовать формы совершенного и несовершенного вида. Причем перфективное настоящее (Present Perfect) обычно передает такой процесс, который по-русски надо обозначить формой прошедшего, а не настоящего, потому что этот процесс принадлежит прошлому, но результат его — в настоящем; иначе можно сказать, что перфективным настоящим временем в английском языке обозначаются процессы в прошлом, тесно связанные с настоящим, захватывающие настоящее (как правило, своим результатом).

Настоящее совершенное, иначе, настоящее перфектное — *I have lined, worked* (я уже линовал или налиновал, я уже работал или поработал); прошедшее совершенное — *I had lined, worked* (я уже линовал, работал, я уже налиновал, поработал, проработал); будущее совершенное — *I shall have lined, worked* (я уже налиную, поработаю и т. д.); совершенное будущее в прошедшем *I should have lined, worked* (я уже буду линовать, работать) — это будущее должно осознаваться из прошлого.

Формы совершенного настоящего и совершенного прошедшего пришлось перевести русским прошедшим временем. Но не забудем, что совершенное настоящее передает связь прошлого процесса с настоящим, а совершенное прошедшее передает связь прошлого процесса с прошлым же (что-то вроде русского: *Когда мы пришли к нему, он уже работал девять часов*). Конечно, наши переводы английских форм времени русскими приближительны, потому что в примерах использованы элементарно-простые предложения, а хорошо почувствовать разницу временных значений английских и русских глаголов можно только на материале многих высказываний, включенных в достаточно широкий и разнообразный контекст. Поэтому усвоить оттенки временных значений английского глагола можно лишь в результате серьезного и длительного изучения английского языка. Но для начального знакомства с «механизмом» морфологии различных языков, достаточно пока и тех неполных значений, которые можно извлечь из элементарных и очень общих сопоставлений английских и русских форм времени.

Не будем здесь усложнять эти сопоставления новыми фактами, иллюстрирующими времена четвертой группы, Perfect Continuous Tense (совершенные длительные); укажем лишь на то, что и этих временных форм четыре. Кроме того, английский глагол имеет еще десять форм времени страдательного залога, соотнесенных с формами времени действительного залога. Таким образом и составляет та сложная система из 26 временных форм, о которой уже было упомянуто.

Можно в связи с кратким обзором системы времен английского глагола обратить внимание на еще одно немаловажное обстоятельство: из 26 форм времени — лишь две простые, синтетические, т. е. образуемые без помощи вспомогательных слов; все остальные формы — сложные, аналитические, образуемые при участии глаголов *to be* (быть) и *to have*

(иметь); заслуживает внимания и то, что 16 форм времени образуются при одновременном участии двух вспомогательных глаголов (их форм). Все это говорит о высокой степени аналитизма английского глагола. Если при этом вспомнить, что и падежные значения имени существительного передаются в английском, как правило, аналитически, то можно будет признать правильным мнение о том, что морфология в целом, являющаяся одной из главных сторон английского грамматического строя, аналитична, элементы синтетизма в ней значительно слабее, чем, например, в морфологии русского языка.

До сих пор наши беглые наблюдения связывались с языками индоевропейской семьи. Теперь сделаем попытку выйти за ее пределы. Хорошо известно, что по признакам исторического родства все языки, на которых говорит и пишет современное человечество, объединяются в несколько больших групп, именуемых семьями (правда, границы между семьями не всегда четки, а многие языки оказываются вне определенных семей). Помимо индоевропейской, существуют семьи; финно-угорская (финский, карельский, эстонский, мордовский, марийский, удмуртский, коми, вогульский, остяцкий, венгерский и другие языки), тюрко-татарская (туркменский, азербайджанский, турецкий, узбекский, казахский, киргизский, татарский, башкирский, ойротский, тувинский, якутский, чувашский и др.) и т. д.

Попытаемся посмотреть, хотя бы очень бегло, на некоторые явления морфологии двух-трех неиндоевропейских языков.

Венгерский язык — один из семи языков угрофинских. В числе главных морфологических особенностей этих языков — так называемая агглютинативность структуры слова (от лат. *agglutinare* — приклеивать). Агглютинативные языки обычно противопоставляются языкам флективным (к их числу относят и уже знакомые нам индоевропейские). Агглютинацией называется такой способ образования морфологической структуры слова, при котором грамматические значения передаются последовательным «приклеиванием» к корню аффиксов, каждый из которых выражает только одно грамматическое значение (число, падеж, род и т. д.); агглютинативные аффиксы не срываются с корнем-основой и не изменяются вместе с изменением грамматической формы слова. Так, в венгерском языке значение множественного числа передается обычно с по-

мощью аффикса *-ok* (если имя оканчивается на согласный звук); *munkas* (рабочий) — *munkasok* (рабочие), *ostor* (кнул) — *ostorok* (кнуты), *újsag* (газета) — *újsagok* (газеты). Каждое падежное значение передается особыми аффиксами. Так, значение дательного падежа (оно не вполне соответствует значению русского дательного падежа) выражается аффиксом *-nak*, *-nek*. Значит, слово *munkas* (рабочий) в дательном падеже — *munkasnak*, но если нужно передать и значение множественного числа, следует использовать последовательно два агглютинативных аффикса: *munkas-ok-nak*; так же *ostor-ok-nak* (кнутами) и *újsag-ok-nak* (газетами). Очевидно, что русское окончание слитно передает разные грамматические значения, а венгерские агглютинативные аффиксы разделяют эти значения. К тому же агглютинативные аффиксы не способны к «сгибанию» (лат. *flexio* — сгибание, переход); эту способность имеют флексии (окончания), вспомним хотя бы наши имена прилагательные: *жив-ой*, *жив-ого*, *жив-ому*, *жив-ым*, (*о*) *жив-ом*; ясно, что перед нами как бы одна морфема, изменяющая от падежа к падежу свою внешность.

Имя существительное в венгерском языке. Оно поражает говорящих на индоевропейских языках, прежде всего, количеством падежей. Их насчитывается (вместе с двумя почти исчезнувшими и двумя очень молодыми) 20. Каждый из них имеет свой агглютинативный аффикс (кроме именительного); например, винительный оформляется аффиксом *-t*, дательный — аффиксом *-nak*, *-nek*, социатив (совместно-орудийный) — аффиксом *-val*, *-vel*, каузалис-финалис (причинно-целевой) — аффиксом *-ert*, транслатив (превратительный) — аффиксом *-vá*, *-vé*, суперессив (верхненаходящийся падеж) — аффиксом *-n*, сублатив (верхнеприблизительный падеж) — аффиксом *-ra*, *-re*, делатив (верхнеотдалительный) — аффиксом *-ról*, *-ről*, инессив (внутринаходящийся) — аффиксом *-ban*, *-ben*, иллатив (вносительный) — аффиксом *-ba*, *-be* и т. д. В падежной системе венгерского языка есть, конечно, и другие особенности, например, преобладание пространственных падежных окончаний в 10 формах из двадцати, деление падежей на субъектно-объектные и обстоятельственные, тесная связь категории падежа с категорией притяжательности и т. д.

Категория притяжательности не свойственна имени существительному знакомых нам индоевропейских языков, но зато известна почти во всех финно-угорских. Эта категория передает притяжательные отношения, т. е. выражает обла-

дание чем-либо или принадлежность кому-либо. Для обозначения притяжательности применяются особые аффиксы, которые занимают место в слове после его основы и перед падежным аффиксом (падежным окончанием). Так, по-венгерски *könyv* — книга; *könyv-em* — моя книга, *könyv-ed* — твоя книга, *könyv-em-nek* — моей книге, *könyv-ed-nek* — твоей книге, *könyv-e* — его книга, *könyv-e-nek* — его книге и т. д.

Из других особенностей венгерского имени существительного можно назвать отсутствие категории рода, наличие категории степеней сравнения, общность склонения с именами прилагательными, сопровождение (преимущественно именительного падежа) послелогом, т. е. служебными словами, подобными предлогам, но употребляемыми в положении после имени существительного; обращает на себя внимание более тесная, чем в индоевропейских языках, связь имени существительного с другими частями речи, проявляющаяся в наличии общих категорий, общих аффиксов и других признаках.

Глагол в венгерском языке. Венгерские глаголы обозначают, и как и в других языках, процессы, развертывающиеся во времени. Имеют категории переходности, наклонения, времени, определенности-неопределенности (точнее, объектности-безобъектности), лица, числа, инфинитива, деепричастия. Не имеют категории вида, рода, залога. Показатели времени многочисленны: например, в настоящем времени используется 31 окончание, в прошедшем — 45, даже в инфинитиве (он тоже изменяется) — 15 (конечно, если не считать исторические и фонетические варианты, количество применяемых в спряжении окончаний заметно уменьшится). Изменяются по лицам и числам (и соответственно используют большие наборы окончаний) и повелительное и условное наклонение; условное имеет и категорию времени. Граница между глаголами и именами существительными не всегда отчетлива.

В числе главных языковых семей уже называлась семья тюрко-татарских языков. В эту семью входит на правах равного и б а ш к и р с к и й я з ы к. Взглянем мельком на отдельные морфологические особенности этого языка. Он, подобно другим своим родственникам по языковой семье, агглютинативный. А это, в частности, значит, что имеется заметное сходство в морфологическом строении слов тюрко-татарских и финно-угорских языков (мы уже видели агглютинацию в одном из них — венгерском).

Имя существительное в башкирском языке обозначает предмет. Имеет категории падежа, притяжательности, числа, лишено категории рода, очень тесно взаимодействует с именем прилагательным через систему словообразования, склонения и т. д., так что границы между именами существительными и прилагательными не всегда ясны. Категория падежа включает шесть падежей — неопределенный, родительный, дательный, винительный, местный, исходный. Падежи оформляются при помощи аффиксов-прилеп, меняющих свои звуки по закону сингармонизма (уподобления звуку основы, корня), но эти звуковые перемены имеют исторический характер и осложнены вмешательством истории; в результате — довольно сложные звуковые чередования в аффиксах при образовании падежных форм: *тел* (язык), *тел-ден* (языка), *тел-де* (язык, вин. п.); *баш* (голова), *баш-тын* (головы), *баш-ты* (голову); *кош* (птица), *кош-тон* (птицы), *кош-то* (птицу); *дала* (степь), *дала-тын* (степи), *дала-ны* (степь, вин. п.); *эш* (дело), *эш-тен* (дела), *эш-те* (дело, работу); если имя должно передать не только значение падежа, но и значение числа, в основе присоединяется аффикс множественного числа (-лар, -лер, -тар, -тер, -дар, -дер, -зар, -зер), например: *баш-лар-тын*, *дала-лар-нын* и т. д.

Категория притяжательности (или принадлежности) напоминает то, что мы уже видели в имени существительном венгерского языка. Например: *ат-ым* — мой конь, *ат-ын* — твой конь, *ат-ы* — его конь, *ат-ыбыз* — наш конь, *ат-ыгыз* — ваш конь, *ат-тары* — их конь; *кош-ом* — моя птица, *кош-он* — твоя птица, *кош-о* — его птица и т. д.; если существительное должно иметь форму множественного числа, соответствующий аффикс вводится в слово после основы, перед показателем принадлежности: *ат-тар-ым*, *ат-тар-ын*, *ат-тары*, или: *кош-лар-ом*, *кош-лар-он*, *кош-лар-о* и т. д.

Одной из характерных особенностей имен существительных в башкирском языке является легкое присоединение к ним различных послелогов, уточняющих падежные значения: послелогом соответствуют определенным падежным формам; например, после формы неопределенного падежа употребляются послелог *менан*, *осон*, *тиклем*, *кечек*, *шикелле* и др., после формы дательного падежа — *каршы*, *курә*, *хәтле* и др.

Глагол в башкирском языке обозначает, как и в других языках, процесс, развертывающийся во времени. Катего-

рия вида, аналогичная соответствующей категории славянских языков, в башкирском отсутствует. Хорошо выражена категория залога. Всего залогов — пять: основной (неоформленный), взаимный, возвратный, страдательный, пассивный; и каждый из них оформляется особыми аффиксами (кроме основного): взаимный залог — аффиксами *-ыш*, *-ош*, *-иш*; возвратный — аффиксами *-ын*, *-он*, *-н*; страдательный — аффиксами *-ыл*, *-ол*, *-н*, *-ын*, *-он*; пассивный — аффиксами *-дыр*, *-дор*, *-ыр*, *-ор*, *-каз*, *-егыз* и др.

Башкирский глагол имеет развитую систему наклонений и времен, заметно отличающуюся от русской. Наклонений — четыре: изъявительное, повелительное, условное и желательное; в каждом из наклонений — система форм, различающих лица и числа. Особым разнообразием отличаются формы изъявительного наклонения, представляющие собою выражение категории времени, лица и числа. В башкирском девять грамматических времен — настоящее, четыре прошедших (прошедшее незаконченное I, прошедшее незаконченное II, прошедшее законченное, прошедшее — настоящее), давнопрошедшее и три будущих (будущее I, будущее II и будущее — прошедшее). Каждое глагольное время имеет свою систему формальных показателей. Так, настоящее время получает при спряжении вид: *ала-м* (я беру), *ала-хын* (ты берешь), *ала* (он берет), *ала-быз* (мы берем), *ала-хыгыз* (вы берете), *ала-лар* (они берут). Прошедшее законченное: *алд-ым* (я взял), *алд-ын* (ты взял), *алд-ы* (он взял), *алд-ык* (мы взяли), *алд-ыгыз* (вы взяли), *алд-ы-лар* (они взяли) и т. д. Грамматические значения форм времени заметно отличаются от значений русских времен, хотя и допускают достаточно точный перевод с башкирского на русский, и обратно.

Всего несколько замечаний о частях речи в китайском языке. Этот язык представляет глубокий интерес для лингвистов — как из-за древности его письменной фиксации, так и из-за своеобразия его фонетической, лексической и грамматической структуры. Очень своеобразна морфология китайского языка. Его не относят по особенностям морфологического строения слова ни к числу флективных языков, ни к числу языков агглютинативных. Долгое время казалось, что слова в китайском языке не имеют никакого морфологического оформления. Поэтому китайский язык принято относить к числу корневых, или изолирующих. Этими терминами обозначается то, что в китайском языке слова (так, по крайней мере, казалось ученым) состоят из одних

корней, и нет средств морфологической связи одних слов с другими, наподобие известных нам окончаний или агглютинативных прилеп. Однако, как оказалось, и китайский язык не лишен морфологии. В нем есть и аффиксы, и другие средства формального разграничения частей речи. Правда, той четкости выражения морфологических разрядов слов, которая есть в индоевропейских или финно-угорских языках, китайский язык, действительно, не имеет. К типу изолирующих, помимо китайского, нужно отнести также языки бирманские, язык тая, суданские, вьетнамский и др.

Работами китаеведов, главным образом русских советских ученых (Е. Д. Поливанова, А. А. Драгунова, И. М. Ошанина, Н. И. Конрада, Н. И. Короткова, Б. С. Исаенко и др.), установлено, что китайский язык располагает средствами морфологического выражения и разграничения частей речи. В числе этих средств — и аффиксы, и интонация, и тоновое словесное ударение, и сочетаемость, и др. Оказалось, что китайский язык имеет и имя существительное, и имя прилагательное, и местоимение, и глагол, и наречие, и числительное, и служебные слова, и морфемы. Китайский язык долгое время не укладывался в привычные традиционные представления лингвистов о грамматике.

Мы познакомились, таким образом, с некоторыми, очень немногими и скупо очерченными особенностями частей речи нескольких языков. Но и это скупое знакомство показало, как разнообразны морфологические категории, как непохожи могут оказаться языки друг на друга по особенностям морфологического строения слова, по значениям и внешнему выражению грамматических категорий. Разумеется, вовлечение в круг наблюдаемого материала морфологических явлений, принадлежащих большему числу языков, позволило бы нам увидеть много новых и неожиданных для нас вещей: слитность морфологического оформления слова со структурой предложения, сращенность морфологии и синтаксиса (так называемые инкорпорирующие языки некоторых народностей Севера) и неразличение имен существительных и имен прилагательных в языках самодийской группы (кроме селькупского), а также в монгольских языках, неизменяемость глаголов по лицам в лезгинском и других языках и многое другое. И вместе с тем знакомство с новыми и новыми языками убеждает в том, что морфология многих и различных языков оказывается

связанной общими, существенными для каждого из них свойствами и признаками: тем или иным членением слов на морфологические классы (части речи) наличием грамматических значений и средств их выражения, морфологическим обозначением предметности и процесса и многими другими чертами общности.

IX. О синтаксисе языка

Вступительные замечания

Язык нужен людям для того, чтобы общепонятно сообщать друг другу о содержании мыслей, чувств, настроений и желаний. Таковую задачу нельзя разрешить, если использовать отдельные, разрозненные звуки, морфемы, слова или их грамматические формы. Всем хорошо известно, что в речевой практике люди объединяют слова в высказывания (предложения), из отдельных высказываний строят их последовательности, в зависимости от «объема» и сложности того конкретного содержания, о котором нужно сообщить другим.

Часто кажется, что любое соединение слов — факт синтаксический просто потому, что налицо не отдельные, разрозненные слова, а их объединение.

Однако нужно сказать, что в языковой действительности не все стороны словесных соединений (или объединений) относятся к явлениям синтаксиса. Так, ведь очевидно, что соединение двух слов, например, *весенняя заря, по лугу бежали* или *чтение книги* может (и должно) рассматриваться с разных сторон — фонетической, лексической, морфологической, синтаксической, интонационной. Фонетиста заинтересует влияние звукового состава последующего слова на фонетическое «поведение» звуков предыдущего, лексиколога — действие и взаимодействие лексических значений соседних слов, специалиста по морфологии — специфика морфологических отношений между словами, специалиста по интонации — те ее особенности, которые оказываются связанными с данным соединением двух слов, наконец, специалиста по синтаксису — так называемые синтаксические отношения между ними.

Можно и нужно говорить, таким образом, не только о синтаксической связи слов в высказывании, но также

и об их связи фонетической, морфологической, лексической и интонационной.

Естественно, в синтаксисе как науке изучаются лишь синтаксические связи и отношения между словами и между целыми высказываниями. Но так как эти синтаксические отношения характеризуются определенными «значениями» и формальным их выражением, то синтаксис, как об этом уже говорилось, оказывается наукой о синтаксических грамматических категориях — категориях словесных позиций и категориях словесных конструкций, о системе и структуре этих категорий. Таким образом, отдельные конкретные слова и отдельные конкретные высказывания принадлежат синтаксису лишь постольку, поскольку оказываются носителями и выразителями синтаксических категорий.

Изучая основы науки о языке, разумеется, нельзя охватить все области и проблемы современной синтаксической теории. Придется ограничить себя какими-то наиболее важными для общего понимания синтаксической структуры языка ее категориями. К числу таких категорий обычно относят подчинение и сочинение, словосочетание, синтагму, предложение и его члены.

О сочинении и подчинении

Еще в школе мы узнаем о существовании в языке сочинения и подчинения. Это исторически возникшие два главных типа отношений между словами и предложениями в синтаксической структуре языка. Можно сказать и так: сочинение и подчинение — два главных типа синтаксической связи между предложениями и их членами. Они отличаются друг от друга равноправностью или неравноправностью грамматической зависимости связанных членов. Дело вовсе не в том, как иногда кажется, что при сочинении слова (или предложения) грамматически независимы друг от друга, а при подчинении — зависимы. И при сочинении, и при подчинении они зависимы: *ветер и выюга; читали, но не поняли; иду на завод; чтение журнала; новая звезда*. Но в одних случаях зависимость равноправна, т. е. нет грамматического господства и грамматического подчинения: *ясень и береза; велосипед или мотоцикл; неразговорчивый, но добрый*; в других же случаях зависимость неравноправна, т. е. одно слово (предложение) грамматически господствует над другим, но «господство» предполагает и «подчинение»: *ехали весело; великолепные луга; чтение книги; пошли быстрее, потому что накрапывал дождь; говорили, что приезжает известный*

лесу. Грамматическая равноправность сказывается в том, что одно слово (предложение) не может осмысливаться как признак другого и потому не допускает грамматического вопроса к этому другому; грамматическое господство и подчинение сказывается в том, что подчиненное слово (предложение) осмысливается как признак господствующего и потому допускается грамматический вопрос от главного к подчиненному: *чтение (чего?) книги; поехали (куда?) в города; говорили (о чем?), что весна будет ранней*.

Подчинение и сочинение слов и предложений известно в очень многих языках разных семей и морфологических структур. Однако, по-видимому, эти два типа синтаксических отношений вполне отчетливо противопоставляются друг другу лишь на определенной ступени развития языковой структуры; так что неизбежно существование и таких языков, в которых сочинение и подчинение еще не дифференцированы.

Внешне синтаксические отношения выражаются разными и не совпадающими в различных языках средствами — союзами и союзными словами, предлогами, послелогоми, словопорядком и порядком предложений, согласованием, управлением и примыканием, интонацией и т. д.

Формальные показатели и выразители сочинения используются языком как сигналы объединения нескольких слов (предложений) в одно сложное целое, при этом ряд сочиненных членов нередко может быть продолжен, он, как говорят, может быть грамматически открыт: в самом деле, разве нельзя к трем сочиненным словам присоединить четвертое (*березы, дубы и ясени, но березы, дубы, ясени и клены*), к четырем — пятое и т. д.? Таким образом, новые и новые члены как бы «нанизываются» на одну и ту же сочинительную «нить». Формальные показатели (выразители) подчинения приспособлены историей языка для распространения одного слова (предложения) другим, при этом ряд членов, связанных подчинительным отношением, не может быть продолжен, он грамматически замкнут; к двум словам, объединенным подчинением, например, *чтение книги*, нельзя присоединить еще одно слово так, чтобы «нанизать» его на ту же самую подчинительную «нить»: вместе с новыми словами будут появляться и новые подчинительные «нити» — *громкое чтение книги, чтение интересной книги, чтение книги из библиотеки, чтение книги и журнала, чтение книги для детей* и т. д.

Во многих языках широко применяются при выражении синтаксических отношений согласование, управление и примыкание, называемые обычно видами синтаксической подчинительной связи слов в предложении. Вероятно, было бы точнее называть согласование, управление и примыкание по-иному — например, видами морфологической связи слов, выражающими подчинение. Ведь слова согласуются, управляют и примыкают в соответствии со своими морфологическими, а вовсе не синтаксическими свойствами. И согласование — это, как уже говорилось, морфологическое уподобление одного слова другому (*зеленая трава, зеленой травой, зеленой травы, зелеными травами, зеленых трав*; *зеленое озеро, зеленые озера* и т. д.). Управление — это выбор одного из падежей зависимого слова в соответствии с морфологическими свойствами главного слова (*ловить рыбу, писать карандашом, ехать в Киев*). Примыкание — это присоединение зависимого слова к главному на основе морфологического значения, при отсутствии в зависимом свойстве, необходимых для согласования или управления (*петь громко, бежать взапуски, начали играть, ехали разговаривая, чтение вслух, знакомство накоротке*); конечно, в конкретных высказываниях слова соединяются примыканием и в зависимости от их лексических значений, но для понимания сути примыкания это не должно приниматься во внимание, так как примыкание, по существу, морфологично, так же, как согласование и управление. В высказываниях и согласование, и примыкание, и управление обслуживают синтаксис, т. е. применяются для выражения синтаксических отношений между словами в словосочетании и предложении.

О словосочетании Наши высказывания обычно двухсловны или многословны. Это значит, что отдельные слова по необходимости объединяются в высказывания, сочетаются друг с другом по законам языка и в зависимости от требований выражаемого конкретного содержания (т. е. тех мыслей, чувств, настроений и желаний, которые нужно выразить для других).

Правда, выражаемое в высказывании конкретное содержание — это внешнее по отношению к синтаксису условие, от которого зависит сочетание слов. Мысли и чувства, которые должны быть выражены, определяют выбор слов, но как именно эти слова окажутся связанными грамматически — это зависит прежде всего от самого языка. Язык же, как известно, связывает слова только по своим особым

законам. Так, русский язык не разрешает присоединять к глаголу имя прилагательное, к возвратным глаголам нельзя присоединять существительные в винительном падеже, к имени существительному очень редко удается «привязать» наречие и т. д. Язык, как говорят, налагает различные ограничения, резкие или очень тонкие, на способность слов связываться друг с другом. Мы только что видели примеры морфологических ограничений. Но они могут быть и синтаксическими, и лексическими, и иными. Так, если перед нами глаголы (в русском языке) и мы хотим соединить с ними существительное, которое должно занять позицию подлежащего, оно не может быть дано в винительном падеже. Или еще пример — нельзя соединить лексически слова: *еловая береза, теплый холод, плыть по кожаной мостовой на велосипеде* и т. д.

Возникает, таким образом, задача изучения различных типов словесных объединений и условий, «запрещающих» и «разрешающих» такие объединения. Эта задача и решается теорией словосочетаний, успешно развивающейся в настоящее время. Правда, в понимании природы словосочетаний ученые еще не достигли желаемого единства взглядов. Отсюда идут и разногласия в определении словосочетаний. Поэтому нам придется (как и в некоторых других случаях) выбрать одно из возможных определений и применять его как «рабочее», т. е. не претендующее на всеобщее признание, но полезное в учебных целях.

Условимся называть словосочетанием два или несколько полнозначных слов, объединенных одной синтаксической связью: *видеть птиц, встречать товарища, чтение журнала, полет к луне, идти вперед, петь весело, читать и думать, новый и дорогой; зеленые, синие и розовые; петь, кричать и разговаривать* и т. д.

Вспомним, что подчинительные связи — закрытые, а сочинительные — нередко открытые. Поэтому одна подчинительная связь может объединить в составе одного словосочетания лишь два полнозначных слова, а сочинительная — два и больше. В таких случаях, как *чтение книги мальчиком, бежать весело на каток*, мы встречаемся с объединениями словосочетаний (*чтение книги* и *чтение мальчиком, бежать весело* и *бежать на каток*). Объединения словосочетаний возникают всякий раз, когда при одном и том же грамматически главном слове оказываются два или несколько грамматически зависимых или когда слова образуют последовательную цепь зависимостей (высказывание *читали издан-*

ную в нашем городе книгу объединяет словосочетания читали книгу, изданную книгу, изданную в городе, в нашем городе).

Классификационные деления словосочетаний еще не вполне ясны. Прежде всего выделяются словосочетания подчинительные и сочинительные. Затем словосочетания подчинительные делятся на виды в зависимости от морфологической принадлежности главных и подчиненных членов словосочетаний (именные, глагольные, наречные и т. д.).

Однако, весь вопрос о классификации словосочетаний осложняется вмешательством предложения в их структуру. Дело в том, что предложение преобразует сочетания, например, делает их предикативными: *птицы поют, день солнечный, директор в цехах*. Такие словосочетания нельзя рассматривать вне предложения, потому что они оказываются грамматическим центром предложения. В. В. Виноградов справедливо указывал на то, что словосочетание выражает одно расчлененное понятие; но соединение подлежащего и сказуемого выражает уже не одно расчлененное понятие, а нечто иное — соединение двух понятий в одном суждении. Действительно, словосочетание *белая береза* выражает понятие *береза*, детализированное, уточненное признаком *белая*, вычлененным из понятия *береза*. Но *береза зазеленела* передает самый процесс объединения мыслью двух понятий в одно суждение о березе. Словосочетание *белая береза* выражает готовый результат состоявшегося ранее расчленения понятия, объединение слов *береза зазеленела* сообщает об узнавании березы, об «открытии» в ней признака *зазеленела*, что и выражается в суждении.

Таким образом, разделив все словосочетания на сочинительные и подчинительные, мы столкнулись с трудностями, вызванными неодинаковым отношением различных словосочетаний к работе мысли. Думается, что и эта трудность преодолима: нужно говорить не о двух, а о трех главных типах словосочетаний — сочинительных, подчинительных непредикативных и подчинительных предикативных. Каждый из типов характеризуется не только грамматическими особенностями, но и особенностями отношения к мышлению человека: сочинительные словосочетания выражают ряды однородных в каком-то смысле понятий, подчинительные непредикативные словосочетания выражают, каждое, одно расчлененное понятие, предикативные словосочетания передают объединение понятий для образования суждения.

Внутри словосочетания возникает сложная борьба между морфологией, лексикой и синтаксисом. Так, морфология позволяет присоединить наречие к глаголу, однако лексика не разрешает сказать *читать вправо* или *говорить вприпрыжку*; морфология, как правило, не разрешает «привязывать» наречие к имени существительному, а синтаксис это делает (*Директор наверху*); синтаксис часто разрешает соединять имена существительные вопреки предписаниям морфологии (*Учитель в отпуске; Иванов на работе; Артисты в отъезде*).

Не будем пока пытаться рассмотреть в подробностях все эти вопросы. Нужно лишь сказать, что в разных языках словосочетания строятся по-разному и из различного морфологического материала.

Можно сделать и еще одно попутное замечание: в сущности, словосочетание — явление, переходное от морфологии к синтаксису: словосочетание морфологично, поскольку в нем реализуется морфологическое свойство слова присоединять к себе другие слова или присоединяться к ним; словосочетание синтаксично, поскольку в нем возникают необычные для морфологии связи и отношения, на основе которых формируются члены предложения, обособление, синтаксическая однородность и другие синтаксические явления.

О предложении Центральное место в синтаксической науке занимает предложение. И это понятно: предложение — главная синтаксическая единица языка и главная синтаксическая категория.

Поставим сразу вопрос: чем предложение отличается от других, уже известных нам, единиц языка (т. е. от фонемы, морфемы, слова, словосочетания)? Может показаться, что ответить на такой вопрос мы не сумеем: ведь, очевидно, предложение отличается от других единиц языка *мн* *о* *г* *и* *м* и *р* *а* *з* *н* *ы* *м* и признаками, и мы просто не знаем, каковы они; если бы мы это уже знали, нам незачем было бы знакомиться с учением о предложении. И все же вопрос поставлен, и ответить на него мы, по-видимому, сможем, если из всего круга признаков предложения (формальных, смысловых и др.) выделим один, наиболее яркий, необычный для других единиц языка. Этот признак — коммуникативная самостоятельность (от лат. *communicatio* — сообщение, связь). Мы уже знаем, что главное социальное назначение языка — служить средством связи между людьми, главная функция языка — коммуникативная. Но ведь

ни фонемы, ни морфемы, ни отдельные слова, ни словосочетания не осуществляют актов коммуникации вне предложения, т. е. эти единицы языка сами по себе не коммуникативны. Говоря проще, мы не можем общаться, не можем выражать и понимать мысли, чувства, настроения и желания — без предложений, не включив слова в высказывания. Только предложение самостоятельно коммуникативно, т. е. не нуждается «в посторонней помощи» для выражения и передачи отдельной мысли (или иного акта сознания). Часто говорят, что предложение выражает законченную мысль. Это очень неточно; ведь у нас нет никаких объективных показателей законченности или незаконченности мысли, и многие предложения логически оказываются незаконченными (*Приехали вчера; Он опять не в духе; А кому ты подарил?*). Предложение выражает *о т д е л ь н у ю м ы с л ь*, т. е. такую, которая формально отчленена от соседних с нею мыслей и может быть самостоятельно передана за один акт коммуникации.

Но обязательно ли, чтобы предложение выражало отдельную *мысль*? Нет, не обязательно. Такие предложения, как *Пошли! Ай-ай-ай! Вот так штука! Т-шшш! Ого!* выражают не мысли, а другие акты сознания — эмоциональные, волевые и иные. А это, в частности, означает, что нельзя определить предложение, опираясь на его отношение к мышлению и сознанию: это отношение различно.

Мы можем принять следующее предварительное определение предложения: наименьшая коммуникативная единица языка есть предложение. Если в каком-то отрезке речи мы находим несколько коммуникативных единиц, это значит, что отрезок речи состоит из соответствующего числа предложений.

Единицы языка обладают воспроизводимостью, т. е. каждая из них может вновь и вновь воссоздаваться и применяться для выражения все новых и новых мыслей, чувств и т. д. Воспроизводятся в речи фонемы, морфемы, слова, схемы словосочетания. А предложение? Обладает ли оно этим свойством? Воспроизводимо ли оно?

И вот мы подошли к чрезвычайно щекотливому вопросу современной синтаксической теории: что мы называем предложением — определенную синтаксическую модель, «конструкцию», или же эту модель, заполненную определенными словами? Иначе: в случаях *Солнца согревает землю*;

Внутри словосочетания возникает сложная борьба между морфологией, лексикой и синтаксисом. Так, морфология позволяет присоединить наречие к глаголу, однако лексика не разрешает сказать *читать вправо* или *говорить вприпрыжку*; морфология, как правило, не разрешает «привязывать» наречие к имени существительному, а синтаксис это делает (*Директор наверху*); синтаксис часто разрешает соединять имена существительные вопреки предписаниям морфологии (*Учитель в отпуске; Иванов на работе; Артисты в отъезде*).

Не будем пока пытаться рассмотреть в подробностях все эти вопросы. Нужно лишь сказать, что в разных языках словосочетания строятся по-разному и из различного морфологического материала.

Можно сделать и еще одно попутное замечание: в сущности, словосочетание — явление, переходное от морфологии к синтаксису: словосочетание морфологично, поскольку в нем реализуется морфологическое свойство слова присоединять к себе другие слова или присоединяться к ним; словосочетание синтаксично, поскольку в нем возникают необычные для морфологии связи и отношения, на основе которых формируются члены предложения, обособление, синтаксическая однородность и другие синтаксические явления.

О предложении Центральное место в синтаксической науке занимает предложение. И это понятно: предложение — главная синтаксическая единица языка и главная синтаксическая категория.

Поставим сразу вопрос: чем предложение отличается от других, уже известных нам, единиц языка (т. е. от фонемы, морфемы, слова, словосочетания)? Может показаться, что ответить на такой вопрос мы не сумеем: ведь, очевидно, предложение отличается от других единиц языка *мн* *о* *г* *и* *м* и *р* *а* *з* *н* *ы* *м* и признаками, и мы просто не знаем, каковы они; если бы мы это уже знали, нам незачем было бы знакомиться с учением о предложении. И все же вопрос поставлен, и ответить на него мы, по-видимому, сможем, если из всего круга признаков предложения (формальных, смысловых и др.) выделим один, наиболее яркий, необычный для других единиц языка. Этот признак — коммуникативная самостоятельность (от лат. *communicatio* — сообщение, связь). Мы уже знаем, что главное социальное назначение языка — служить средством связи между людьми, главная функция языка — коммуникативная. Но ведь

ни фонемы, ни морфемы, ни отдельные слова, ни словосочетания не осуществляют актов коммуникации вне предложения, т. е. эти единицы языка сами по себе не коммуникативны. Говоря проще, мы не можем общаться, не можем выражать и понимать мысли, чувства, настроения и желания — без предложений, не включив слова в высказывания. Только предложение самостоятельно коммуникативно, т. е. не нуждается «в посторонней помощи» для выражения и передачи отдельной мысли (или иного акта сознания). Часто говорят, что предложение выражает законченную мысль. Это очень неточно; ведь у нас нет никаких объективных показателей законченности или незаконченности мысли, и многие предложения логически оказываются незаконченными (*Приехали вчера; Он опять не в духе; А кому ты подарил?*). Предложение выражает *о т д е л ь н у ю м ы с л ь*, т. е. такую, которая формально отчленена от соседних с нею мыслей и может быть самостоятельно передана за один акт коммуникации.

Но обязательно ли, чтобы предложение выражало отдельную *мысль*? Нет, не обязательно. Такие предложения, как *Пошли! Ай-ай-ай! Вот так штука! Т-шшш! Ого!* выражают не мысли, а другие акты сознания — эмоциональные, волевые и иные. А это, в частности, означает, что нельзя определить предложение, опираясь на его отношение к мышлению и сознанию: это отношение различно.

Мы можем принять следующее предварительное определение предложения: наименьшая коммуникативная единица языка есть предложение. Если в каком-то отрезке речи мы находим несколько коммуникативных единиц, это значит, что отрезок речи состоит из соответствующего числа предложений.

Единицы языка обладают воспроизводимостью, т. е. каждая из них может вновь и вновь воссоздаваться и применяться для выражения все новых и новых мыслей, чувств и т. д. Воспроизводятся в речи фонемы, морфемы, слова, схемы словосочетания. А предложение? Обладает ли оно этим свойством? Воспроизводимо ли оно?

И вот мы подошли к чрезвычайно щекотливому вопросу современной синтаксической теории: что мы называем предложением — определенную синтаксическую модель, «конструкцию», или же эту модель, заполненную определенными словами? Иначе: в случаях *Солнца согревает землю*;

Мальчик читает книжку; Инженер проектирует ракету; Ветер несет облака; Роща дает прохладу — перед нами пять предложений или одно?

В современной науке сильна тенденция к разграничению единиц языка и соответствующих единиц речи: слово в языке (лексема) и слово в речи (слово), фонема (в языке) и звук речи и т. д. Вернемся к нашим примерам. Пять предложений или одно? Конструкция, схема — одна, а реальных высказываний — пять. Не целесообразно ли разграничить предложение и высказывание? Ведь научных «потерь» при этом никто не понесет. Скорее всего, получится научный «выигрыш»: мы более точно и более полно будем представлять себе предложение. В языке — это одно, а в речи — немножко другое. В языке — определенная грамматическая конструкция, модель (подлежащее + сказуемое + прямое дополнение), а в речи — та же модель, заполненная определенными словами. Предложение как единица языка воспроизводимо, оно повторяется в речи, получая меняющееся лексическое наполнение. Высказывание как единица речи не может быть воспроизведено для выражения нового содержания: этому мешают определенные слова, уже заполнившие грамматическую конструкцию. Так что получается, что высказывание — это один из речевых вариантов предложения; предложение реально функционирует в форме высказывания; предложение — отвлечение от многих высказываний, это тот общий грамматический остов, который одинаково хорошо служит для образования новых и новых высказываний. Если не разграничить предложение и высказывание, трудно становится понять, каким образом индивидуально различные предложения («высказывания»), имеющие различный лексический состав и выражающие разное содержание, попадают в ведение грамматики: ведь грамматика имеет дело с общими признаками и свойствами индивидуальных явлений языка. Грамматику в предложении интересует «модель», «схема», «конструкция», а не реальное лексическое наполнение этой конструкции.

Предложение (и высказывание, как вариант предложения) обладает реализующими его грамматическую природу синтаксическими категориями коммуникативности, модальности и предикативности. Каждая из этих категорий, очевидно, должна иметь внутреннюю (значение) и внешнюю (формальные показатели) стороны.

Каково грамматическое (точнее — синтаксическое) значение категории коммуникативности? Эта категория передает коммуникативное намерение автора речи, т. е. намерение сообщить о чем-то другим людям, иначе говоря — коммуникативную установку высказывания. Эта установка необходима для того, чтобы слушатель или читатель реагировал на высказывание, согласился или не согласился с ним. Нет ни одного предложения (и высказывания), которое оказалось бы лишено коммуникативной установки и, следовательно, категории коммуникативности. Внешним показателем этой категории служит (в таких языках, как русский, немецкий, итальянский, венгерский, татарский и подобные), прежде всего интонация. Эта интонация дает нам знать, состоялось или нет высказывание, осуществлено или нет коммуникативное намерение автора речи.

Категория модальности своим значением передает самые общие различия в отношении сознания человека к содержанию высказывания, к тому, что за высказыванием стоит в самой действительности. Это содержание может утверждаться или отрицаться, оно может желаться, предполагаться, требоваться, запрашиваться. Отсюда деление всех предложений по значению категории модальности на повествовательные (утвердительные и отрицательные), вопросительные, побудительные, восклицательные и иные.

Весна наступила; Девочка — черноглазая; Дважды восемь — шестнадцать — предложения повествовательные утвердительные. *Урок не выучен; Подруга не пришла; Пять не делится на два без остатка* — высказывания (предложения) повествовательные отрицательные. *Принеси мне воды; Пусть они выйдут; Хорошо бы поехать к теплomu морю* — предложения побудительные и желательные. *Как хорошо! Что за чудак! Как вам не стыдно?* — предложения восклицательные. *Где же мальчик? Как мне пройти к вокзалу? Что нового в газетах?* — предложения вопросительные и т. д. Несколько модальных значений могут совмещаться в одном и том же предложении (высказывании) — повествовательность и желательность, вопросительность и восклицательность и т. д. Внешне модальность выражается различиями интонации и некоторыми особенностями словесной конструкции (вопросительными и восклицательными словами, частицами и т. п.). В разных языках модальность выражается по-разному.

Очень много сказано и написано о категории предикативности. И до сих пор наука не выработала единого взгляда

да на эту категорию, хотя практически она очень хорошо известна и изучается в средней школе: ведь это та самая категория, которая передается соединением сказуемого с подлежащим. Иногда ее называют категорией сказуемости. Каково же ее значение?

По-видимому, в языках индоевропейских, финно-угорских, тюрко-татарских и многих иных эта категория обозначает выделение бытийного признака в грамматически независимом предмете высказывания (т. е. в том предмете, который обозначен подлежащим). Но что такое — бытийный признак? Чем он отличается от признака небытийного?

Сопоставим высказывания *Выдался солнечный день и Этот день — солнечный; Работали новые электронные машины и Электронные машины — новые.*

Конечно, слово *солнечный* и слово *новые* обозначают признаки предметов в каждом высказывании. Но эти признаки явно не равнозначны и в структуре высказываний, и в структуре выраженных высказываниями мыслей. Так, слово *солнечный* в первом высказывании обозначает такой признак, который ничего не сообщает нам о существовании, о бытии дня, этот признак дня дан нашему сознанию вне времени, отношение сознания к этому признаку не выражено. Слово *солнечный* во втором высказывании сообщает нам о том, что день существует, что он есть, сам признак раскрывает это бытие дня и дан нашему сознанию во времени, сознание утверждает наличие этого признака у предмета. Аналогичным образом различается слово-признак *новые* в двух других высказываниях.

Школа привила нам убеждение в том, что сказуемое обозначает «то, что говорится о подлежащем». Это старое и очень неточное представление о сказуемом в его отношении к подлежащему. «Говорится о подлежащем» во многих словах высказывания. Например, в высказывании *Высокие зеленые липы, раскинувшие свои пышные кроны, не шелхнут* о подлежащем *липы* говорится, что они высокие, зеленые, что они раскинули свои пышные кроны, что они, наконец, не шелхнут. И тем не менее предикативным отношением связаны только два члена: *липы* и *не шелхнут*. Почему? Потому что только это отношение передает связь бытийного признака с предметом.

Внешним выразителем и показателем категории предикативности является, как уже говорилось, связь сказуемого с подлежащим. А если предложение односоставное?

В односоставных предложениях выразителем категории предикативности оказывается главный член предложения.

Три категории предложения — коммуникативность, модальность и предикативность — разграничиваются лишь теоретически; в реальных же высказываниях они слиты, сплетены, потому что ни одна из них не может быть выражена обособленно, отдельно от других: ведь главным средством выражения каждой из трех категорий является интонация предложения, которую нередко называют интонацией «замкнутости», или «оконченности». Коммуникативность и модальность обязательны для любого предложения (высказывания), предикативность не обязательна для таких предложений (высказываний), которые не выражают связи бытийного признака с предметом (*Ну, и здорово! Э-ге! Вот это да!* и т. п.).

В школе ученики узнают о том, что в предложении выделяются его «члены» — подлежащее, сказуемое, дополнение, определение, обстоятельство. Но почему они выделяются и почему их всего пять? Может быть, нужно пересмотреть это традиционное научное мнение? В научных журналах, сборниках, на научных конференциях не один раз говорилось о том, что традиционное учение о членах предложения устарело. Так нужно ли его сохранять?

Да, нужно. Пока оно кажется убедительным. И вот почему. Мы знаем, что морфология отвлекает грамматические признаки слов (такие, как падеж, число, наклонение, вид, время и т. д.) от значений отдельных конкретных слов. В свою очередь синтаксис продолжает абстрагирующую работу — он отвлекает свои признаки уже не от отдельных конкретных слов, а от их морфологических категорий, от морфологических классов и подклассов, от морфологических отношений между словами, вошедшими в словосочетание. Так, синтаксис становится безразличен к тому, что существуют и выражаются многие (и разные) отношения предмета к предмету и предмета к процессу: синтаксис различает лишь независимое и зависимое отношения; если слово передает (благодаря своим синтаксическим связям в высказывании) независимое отношение предмета к чему-либо, это слово становится подлежащим, если зависимое — дополнением и т. д. Конструкцией предложения сохраняются и различаются самые общие отношения между предметами и их признаками. Эти отношения таковы: а) независимое отношение предмета к чему-либо (обычно к признаку, потому что

синтаксис как бы «снимает» на определенном уровне отвлечения различия между существительными, прилагательными, глаголами — например, если они занимают позицию сказуемого и «уравниваются» ему; б) зависимое отношение предмета к чему-либо (обычно к процессу или предмету); в) полузависимое отношение признака к предмету; г) зависимое отношение признака к признаку. В случаях а) язык получает подлежащее, в случаях б) — дополнение, в случаях в) — сказуемое, в случаях г) — определение и в случаях д) — обстоятельство.

Отсюда и приемлемые определения членов предложения: подлежащее — грамматически независимый член предложения, обозначающий предмет высказывания; дополнение — грамматически зависимый член предложения, обозначающий предмет; сказуемое — грамматически полузависимый член предложения (так как он зависит только от подлежащего), обозначающий бытийный признак предмета высказывания; определение — грамматически зависимый член предложения, обозначающий признак предмета; обстоятельство — грамматически зависимый член предложения, обозначающий признак другого признака (т. е. процесса, свойства, качества и т. д.).

Понятно, что эта строгая схема может (и даже должна) нарушаться в отдельных случаях живой историей языка и живым функционированием языковых единиц в речи. Она колеблется под давлением морфологии, охватываемой отношениями, которые развиваются синтаксическими конструкциями. И все же она живет и позволяет жить традиционному представлению о членах предложения.

Традиционно и деление всех членов предложения на главные и второстепенные. И это деление справедливо и заслуживает внимания. Ведь есть резкая качественная разница роли главных и второстепенных членов в построении высказывания и отображении в нем действительности. Объединения подлежащего и сказуемого достаточно для того, чтобы передать сообщение о том или ином «кусочке» действительности: *Птица летит; День — морозный; Страна — наша! Мы пионеры; Лошадь — животное* и т. д. Объединения второстепенных членов недостаточно для того, чтобы передать сообщение о чем-либо; *в морозный день, интересующихся новыми науками, лимонов с острым запахом, в высшей степени неудовлетворительно,*

пробегая по бетонной дорожке. Нас не должны вводить в заблуждение так называемые неполные предложения, в которых может и не быть главных членов: *Куда ты идешь? — В школу; Где же вы были? — На реке* и т. д. Неполные предложения «работают» только потому, что они соотносены с полными или даже с хорошо известной и понятной реальной обстановкой, называть которую говорящим нет необходимости; в противном случае пришлось бы применить главные члены: *Куда? — В школу.*

Таким образом, для передачи сообщения необходимо то содержание, которое выражается главными членами. Поэтому главные члены и оказываются и формально, и по грамматическому значению (обратим внимание: не по логическому, а по грамматическому!) центрами структуры предложения. Без них предложения не строятся. Без второстепенных членов предложения в принципе возможны, хотя потребности общения и заставляют нас «развертывать» предложения, т. е. осложнять главные члены теми или иными второстепенными, и даже «цепями» и «ветвями» второстепенных.

Термин «синтагма» (от греч. *syntagma* — нечто соединенное) популярен в современной лингвистике. Однако применяется он, к сожалению, не однозначно. Разные лингвистические работы дают различное его применение. Так, нередко этот термин применяется в соответствии с учением Фердинанда де Соссюра о разграничении парадигматических (от греч. *paradeigma* — пример, образец) и синтагматических отношений в языке. Примером первых могут служить отношения между падежными формами имени или временными формами глагола; примером вторых могут служить отношения между морфемами в слове, словами в предложении и т. д. Например, по мнению А. А. Реформатского, синтагма — это сочетание двух членов (морфем, слов, словосочетаний), связанных отношением «с неравноправной направленностью членов»¹ (проще — подчинительным отношением. — Б. Г.). В соответствии с таким определением синтагмами оказываются и *вод-ник*, и *белый хлеб*, и *они едят*, и *Ваня и Петя пошли гулять*, и *Я тот, которому внимала ты в полумночной тишине* (Лермонтов).

Неразумно было бы оспаривать мысль о том, что есть нечто общее в соединении морфем в слове и простых пред-

¹ Реформатский А. А. Введение в языковедение, с. 265.

ложений в составе сложного. Однако нас интересует сейчас не эта крайне тонкая абстракция, а отношения, которые возникают в высказывании в результате взаимодействия его синтаксической структуры и его реального содержания — логического, психологического и эстетического. Одним из результатов такого взаимодействия является членение высказывания на части, называемые Л. В. Щербой и его учениками синтагмами. Очевидно, что в этом случае термин «синтагма» получает совершенно иное по сравнению с показанным применением. Оно-то и должно сейчас привлечь наше внимание.

Как показал Л. В. Щерба, высказывание обычно членится (семантико-синтаксически и интонационно) на «кусочки», «отрезки», совпадающие с отдельными словами или сочетаниями слов. Вот два-три примера такого членения:

1. *В безмолвии садов — весной — во мгле ночей — поет над розой — восточный соловей. Но роза милая — не чувствует — не внемлет — и под влюбленный гимн — колеблется и дремлет.* (Пушкин)

2. *Путь знакомый и прежде недлинный — в это утро кремнист и тяжел. Я вступаю на берег пустынный — где остался мой дом и осел.* (Блок)

3. *В июльские вечера и ночи — уже не кричат перепела и коростели — не поют в лесных балочках соловьи — не пахнут цветами — но степь все еще прекрасна — и полна жизни.* (Чехов)

Нужно ли особо доказывать, что каждое из трех высказываний расчленено интонационно (изменением тона и паузами) на отрезки, обозначенные в наших примерах знаком тире? С внешней стороны, по звучанию, эти отрезки соответствуют речевым тактам, о которых шла речь в разделе пособия, содержащем сведения о фонетике. Но нам важна теперь не внешняя, звуковая сторона отрезков высказываний, а их структурная, синтаксическая и семантическая сторона. Нетрудно заметить, что членение прошло не «где попало», а там, где требовал смысл высказываний и их грамматическая организация. Грамматическая структура предложения д о п у с к а е т его членение на отрезки (синтагмы) в нескольких местах, а конкретный смысл, вложенный говорящим в синтаксическую конструкцию, выбирает из нескольких возможностей членения лишь одну, наиболее отвечающую задачам общения. Нужно не забывать о том, что конкретное содержание высказывания формируется не только в результате отображения тех или

иных явлений действительности, но и в результате отпущения говорящего к ним. Когда высказывания закреплены письменно и печатно, отношение их автора к изображенной высказываниями действительности толкует и передает читатель; но разумеется, что один и тот же текст может быть понят и истолкован не вполне одинаково разными читателями; вот почему возникает возможность различного членения на синтагмы одного и того же высказывания; этой возможностью пользуются хорошие чтецы, варьируя своим исполнением определенное художественное произведение, давая ему различное толкование.

Неправильное, не соответствующее структуре высказывания и его содержанию членение на синтагмы воспринимается как речевая ошибка или намеренное искажение говоримого. Нельзя, например, сказать так: *Вчера || вечером она || со своей || приятельницей Машей || Петровой ходила || на концерт оркестра народных || инструментов, приехавший || из Москвы.*

Итак, синтагма — это отрезок высказывания между соседними паузами, передающий членение его содержания и его синтаксической структуры в соответствии с отображаемой в высказывании действительностью и выражаемым отношением к ней говорящего.

Таким образом, вопрос о синтагматическом членении высказываний связывается с вопросами о словосочетаниях и членах предложения, но не теряет при этом своей теоретической и практической самостоятельности. Многие вопросы речевой культуры, сценической речи, ораторского искусства, чтения и понимания художественных произведений могут быть и будут более правильно решены, если получит нужное развитие теория синтагматического членения речи, требующая смелых поисков и новых научных решений.

Теория синтагмы осмысления очень старыми попытками осмысления очень старого вопроса о соотношении единицы мышления (понятий, суждений и умозаключений) и предложения. Не будем пока думать, что нам удастся достаточно ясно этот вопрос поставить и тем более решить. Попытаемся понять лишь его существо. Долгое время казалось, что имеется полное соответствие между строением суждения и структурой предложения: субъекту суждения соответствует подлежащее, предикату суждения — сказуемое, суждению соответ-

*Предложение
и суждение;
актуальное
членение
предложений*

вует простое предложение, умозаключению (т. е. сложному суждению) — сложное предложение. Но стало ясно, что такое соответствие возможно, однако вовсе не обязательно. В простейших случаях вроде *Береза — дерево* и *Мальчик бежит* действительно структура предложения соответствует строению выражаемого предложением суждения. Но уже в простом распространенном предложении ясность соответствий исчезает, так как неизвестно, с каким элементом суждения можно соотнести различные второстепенные члены. Положение усугубляется тем, что одно и то же предложение может выражать не сколько различных суждений (обычно число выражаемых предложением суждений равно числу полнозначных его членов, увеличенному на единицу). Так, предложение *Инженер завтра утром вылетает в Москву* может выразить шесть суждений: 1. Тот, кто вылетает завтра утром в Москву, — инженер (*Инженер завтра утром вылетает в Москву*). 2. День, когда инженер вылетает утром в Москву, — завтра (*Инженер завтра утром вылетает в Москву*). 3. Время завтрашних суток, когда инженер улетает в Москву, — утро (*Инженер завтра утром вылетает в Москву*). 4. Способ передвижения в Москву, которым завтра утром воспользуется инженер, — полет (*Инженер завтра утром вылетает в Москву*). 5. Место, куда завтра утром вылетает инженер, — Москва (*Инженер завтра утром вылетает в Москву*). 6. Действие, которое совершает инженер, — завтра утром вылетает в Москву (*Инженер — завтра утром вылетает в Москву*). Каждое из суждений, выражаемых одной и той же структурой высказывания, имеет свой субъект и свой предикат; различие суждений выражается передвижением так называемого логического ударения в высказывании.

Даже эти немногие примеры говорят о том, насколько сложна связь между суждением и предложением, подчиняющаяся законам диалектики и выражающая действие этих законов. По убеждению В. И. Ленина, «в любом предложении можно (и должно), как в «ячейке» («клеточке»), вскрыть зачатки всех элементов диалектики, показав, таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика»¹.

Предложение — это та языковая форма, в которой живет и развивается мысль человека. Форма малоподвижна, вложенная в эту форму мысль — изменчива и динамична.

¹ Ленин В. И. Философские тетради. М., 1965, с. 321.

Поэтому синтаксическое и смысловое членения высказывания (предложения) далеко не всегда и далеко не во всем совпадают или соответствуют друг другу. Именно поэтому все чаще наука интересуется смысловым членением предложения, отражающим работу мысли говорящего. Такое членение получило название актуального, в соответствии с терминологией, предложенной чешским лингвистом В. Матезиусом. Сущность такого членения советский лингвист К. Г. Крушельницкая видит в том, что оно различает то, о чем делается сообщение, и то, что сообщается. Часть высказывания, выражающую то, о чем делается сообщение, Крушельницкая называет термином «данное» (по Матезиусу, «основа высказывания»), а часть высказывания, выражающую то, что сообщается, — термином «новое» (по Матезиусу, «ядро высказывания»)¹.

По мнению Крушельницкой, в сочетании известного и нового (неизвестного) и нужно видеть самую основу коммуникации. Вероятно, с этой мыслью нужно согласиться: ведь мы говорим и пишем ради того, чтобы сообщить что-то новое для слушателя или читателя.

Вот несколько элементарных примеров членения высказываний на данное («основу») и новое («ядро»):

1. *Космонавт Николаев* || *прибыл в Индонезию.*
2. *Сильные морозы* || *продержатся еще две недели.*
3. *Мы едем на юг* || *завтра утром.*
4. *Причина его успехов* || *в его трудолюбии.*
5. *Литератор пишет свои книги* || *не ради славы, а ради людей.*

Эти примеры элементарны. Но и они могут дать представление о том, что новая проблема лингвистики достаточно сложна. Вместе с тем знание о ней дополнительно подчеркивает сложность большого круга вопросов, связанных с попытками науки понять соотношение языка и мышления.

Конструкции предложений неодинаковы. Различны и грамматические значения, ими выражаемые. Это дает основание науке развивать учение о типах предложений, помогающее изучению родного языка, усвоению иностранных языков, рациональному составлению учебников, а ныне — машинному переводу и автоматической обработке текста.

¹ См. Крушельницкая К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения. — «Вопросы языкознания», 1956, № 5.

Какие же признаки предложений кладет наука в основание их типологии, или классификации? Их структуру и их модальность, о которой мы уже говорили.

По структуре в различных языках выделяются предложения простые и сложные; первые нечленимы на части, способные стать высказываниями (*Летит самолет; По улице слона водили, как видно, напоказ*), вторые членимы на части, и каждая из них способна стать отдельным высказыванием (*Гремела атака, и пули звенели, и ровно строчил пулемет; Пускай утонул я в болотах, пускай замерзал я на льду, но если ты скажешь мне снова, я снова все это пройду*). Конечно, высказывание, являющееся частью сложного, утрачивает в большей или меньшей мере свою коммуникативную самостоятельность и структурную завершенность.

Простые предложения подразделяются по структурным признакам на двусоставные и односоставные, нераспространенные и распространенные, личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные и безличные и т. д.

Сложные предложения, в свою очередь, получают подразделение на союзные и бессоюзные, сочинительные, подчинительные и предложения с сочинением и подчинением.

Сложноподчиненные предложения допускают деление на предложения с соподчинением и предложения с последовательным подчинением, предложения с соподчинением делятся, далее, на предложения с соподчинением однородным и неоднородным, одночленным и разночленным и т. д. Различаются сложноподчиненные предложения и в зависимости от вида придаточного (дополнительное, определительное и т. д.).

Не будем сейчас внимательно всматриваться в особенности структуры каждого из названных типов высказываний (предложений) — это дело будущего, когда начнется изучение синтаксиса конкретных языков. Задумаемся лишь над тем, что структурные типы предложения, очевидно, многочисленнее и разнообразнее, чем это нам кажется при первом знакомстве с ними. Многое зависит от того, в какой степени будет учтена при построении структурной типологии предложения их структура — лишь в главных ее признаках или же в ее «второстепенных» показателях. На-

пример, предложения, имеющие схему «подлежащее плюс сказуемое» и схему «подлежащее плюс сказуемое плюс дополнение», будут отнесены к одному и тому же или же к разным структурным типам? Этот пример показывает нам, что принятая в настоящее время в науке и практике обучения языкам типология предложений может детализироваться, а количество структурных типов и их разнообразие будет увеличиваться. В такой детализации научных представлений о структуре высказываний (предложений) заинтересован, например, машинный перевод и другие области автоматического освоения речи.

По признакам модальности (или, как часто говорят, по цели высказывания) предложения делятся на повествовательные, вопросительные и побудительно-желательные. На это деление накладываются два других: по признаку утвердительности или отрицательности логического содержания высказывания и по признаку сопровождения высказывания эмоциональной оценкой.

Сравним: *Артист поет* (повествовательное, утвердительное, невосклицательное); *Артист не поет* (повествовательное, отрицательное, невосклицательное); *Артист поет!* (повествовательное, утвердительное, восклицательное); *Артист не поет!* (повествовательное, отрицательное, восклицательное). Так же: *Артист поет?* *Артист не поет?* Так же: *Пусть артист поет* (побудительное, утвердительное, невосклицательное); *Пусть артист не поет* (побудительное, отрицательное, невосклицательное); *Пусть артист поет!* (побудительное, утвердительное, восклицательное); *Пусть артист не поет!* (побудительное, отрицательное, восклицательное). Так что если иметь в виду не только главную модальность предложений (цель высказывания), но и сопутствующую (утвердительность, отрицательность и невосклицательность-восклицательность), возникает схема двенадцати видов высказываний. Эта схема показывает, между прочим, односторонность и неточность деления предложений на повествовательные, вопросительные и восклицательные. Это деление, помимо неполноты, нелогично.

В разных современных языках структурная типология предложений совпадает лишь в основных, наиболее общих линиях. Так, по-видимому, во всех достаточно развитых языках есть предложения простые и сложные; в большинстве языков, имеющих письменность и обслуживающих ли-

тратуру, существует деление сложных предложений на союзные и бессоюзные, сложносочиненные и сложноподчиненные и т. д.

И вместе с тем многие языки обнаруживают значительное своеобразие в структуре предложений и, значит, в их структурной типологии.

Приведем два-три примера.

В русском языке порядок слов почти не влияет на отношения между членами предложения: *Мальчик читает книгу* и *Книгу читает мальчик* имеют одинаковый состав одних и тех же членов предложения. Это значит, что структура русского предложения характеризуется относительной свободой взаимного размещения и я членов предложения. Такой особенностью обладают далеко не все языки. Так, в современном английском языке структура предложения характеризуется, в отличие от русского, относительно твердым взаимным размещением членов предложения: на первом месте, как правило, стоит подлежащее, на втором — сказуемое, на третьем — дополнение, на четвертом — обстоятельство; если в высказывании не одно дополнение, то их места также строго определены: вначале должно идти косвенное дополнение без предлога, затем — прямое дополнение и на третьем месте — косвенное дополнение с предлогом; определение, как правило, стоит перед определяемым именем.

Одной из особенностей структуры немецкого предложения является так называемая рамочная конструкция. Она вызывает разрыв, раздвижение тесно связанных грамматических элементов, например, артикля и имени существительного (*das — Bild*), или частей сложной формы сказуемого (*hat — gelebt*): *Das von dem Maler Repin geschaffene Bild* (картина, созданная художником Репиным); *Novikov hat früher in einer grossen Stadt gelebt* (Новиков жил раньше в большом городе). Можно также указать на то, что в структуре немецкого предложения не допускается повторение отрицания, как в русском (*Мы еще никуда не ходили* и под.).

В иберийско-кавказских языках, а также и во многих языках индейцев Северной Америки известна так называемая эргативная конструкция предложения (от греч. *ergates* — действующее лицо). Она очень своеобразна и малопонятна для человека, ее не знающего. Эта конструкция меняет падеж подлежащего в зависимости

от переходности или непереходности глагола-сказуемого; своеобразен в ней и падеж дополнения.

Если сказуемое выражено непереходным глаголом, подлежащее, как обычно, передается именительным падежом. Если же сказуемое выражено переходным глаголом и при нем имеется дополнение, именно оно, а не подлежащее передается именительным падежом (или, может быть, формой, совпадающей с формой именительного падежа), а подлежащее оказывается выраженным «эргативным» падежом, совпадающим формально с творительным или — иногда — с каким-то иным из косвенных падежей.

Так, по описаниям специалистов, в чукотском языке *клявоа чейвыркын* — человек ходит, *кора чейвыркын* — олень ходит, а *клявола кора нмыркынен* — человек оленя убил (подлежащее изменило свою падежную форму, а дополнение сохранило форму подлежащего, как и в предложении *кора чейвыркын*). В аварском языке *вац вацана* означает — брат пришел, а *вацас чу бичана* — брат лошадь продал; во втором предложении подлежащее стоит в эргативном падеже, а сказуемое согласовано с падежом прямого дополнения (см. БСЭ, т. 49, с. 143).

Знакомясь с эргативной конструкцией, нужно, видимо, помнить и о том, что ее грамматическая природа лингвистами не вполне отчетливо понимается; очень возможно, что эта конструкция является каким-то далеким подобием (аналогом) знакомой нам страдательной конструкции типа *Лекция записывается студентами*, где эргативный падеж (т. е. тот, который обозначает реального деятеля) — творительный, но подлежащее выражено, как обычно, именительным падежом.

Очень своеобразна структура предложения в полисинтетических (или инкорпорированных) языках, о которых кое-что уже было сказано. Название этих языков идет от греческих слов *poly* — много, многое и *synthetikos* — способный к соединению; второе же их название — от позднелатинского слова *incorporatio* — включение, объединение. Главная структурная особенность инкорпорированных языков — более или менее широкое использование ими морфологического слияния нескольких слов в составе одного словосочетания; в результате возникают не членимые на слова морфологические и синтаксические комплексы, соответствующие словосочетаниям, а иногда и целым высказываниям. И. И. Мещанинов в книге «Члены предложения и части речи» рассматривает среди других гилияцкое пред-

ложение *урляних тьокъудь* — хороший человек ловит рыбу. В гильяцком высказывании всего два комплекса, каждый из них является тесным объединением, слиянием двух слов в одно целое (*урла+них* и *тьо+кьудь*), второй комплекс включает в себя и особый предикативный показатель *дь*. Этот пример дает очень слабое представление об инкорпорировании, которое может распространяться и на более чем два слова и выражаться во включении в связываемые слова особых формальных показателей связи, которых отдельные слова сами по себе лишены.

Таким образом, даже наши немногие примеры и пояснения дают представление о многообразии и различии синтаксической структуры предложений в разных языках мира — различии, не устраняющем и более или менее отчетливо выраженного структурного сходства между предложениями разных языков.

Х. Функционирование и развитие структуры языка

О структурности языка Термины «структура» и «система» нередко применяются в современном языкознании. Они уже встретились читателю и в этой книге. Однако их содержание может быть более или менее ясно осознано лишь после ознакомления с единицами и категориями языка, связями и отношениями между ними. Вот почему после изложения сведений о фонетике, лексике, словообразовании и грамматике можно и нужно дать некоторые пояснения, относящиеся к понятиям и терминам «структура» и «система», применяемым при изучении языка.

Нередко эти понятия в лингвистических работах взаимозамещаются, т. е. используются одно вместо другого, с одним и тем же или очень близким логическим содержанием; иначе говоря, термины «структура» и «система» оказываются, таким образом, синонимичными. Вместе с тем делаются попытки разграничить языковую структуру и языковую систему, что кажется более логичным.

Когда говорят о структурности языка, имеют в виду прежде всего то, что все его единицы и категории взаимно различаются, взаимно соотносятся и зависят друг от друга.

Если бы единицы и категории языка не различались, они не могли бы различать элементы действительности и сознания и не могли бы служить целям общения.

Но, различаясь, единицы и категории языка образуют в совокупности строгое и стройное целое, потому что соотносятся друг с другом и зависят друг от друга.

Под соотносимостью единиц и категорий языка нужно понимать то, что они, различаясь одними признаками, оказываются сходными или тождественными по другим признакам. Например, все гласные русского языка различны по тембру и высоте, но они же и сходны (в противопоставлении другим звуковым рядам), потому что все они — тоновые, т. е. представляют собой звучание определенной высоты. Все формы времени (в глаголе) различны по грамматическому значению и выражающим это значение формальным показателям; но они же и сходны, потому что все (в противоположность другим глагольным категориям) выражают значение времени. Подлежащее и сказуемое различны, так как передают разные значения разными формальными показателями; но они же и сходны, так как (в противоположность второстепенным членам) выражают коммуникативное назначение высказывания.

Зависимость языковых единиц и категорий друг от друга устанавливается историей и действует в языке по многим линиям, во многих направлениях. Поэтому понятие «зависимость» не удастся свести к одному элементарному логическому виду. В сущности, теория зависимости единиц и категорий языка друг от друга еще не создана. Поэтому можно пока высказать лишь некоторые соображения и показать некоторые иллюстрации.

Зависимость может быть материальная и семантическая, функциональная и генетическая, двусторонняя и односторонняя, элементарная и сложная, одноэлементная и многоэлементная и т. д.

Так, когда мы встречаем в речи взаимное влияние звуков (ассимиляцию, диссимиляцию, редукцию и т. д.), перед нами зависимость материальная; когда же мы видим, как значение «приблизиться» в слове *идти* зависит от значения «передвигаться с помощью ног», перед нами зависимость семантическая. Если мы знаем, что форма *новая* возникла из форм *нова* и *я*, мы можем говорить о генетической зависимости полного прилагательного от нечленного прилагательного и местоимения. Если же мы видим, что падежная форма *книгу* подчинена глаголу *читать* в высказываниях современной русской речи, перед нами пример функциональной зависимости. Соотнося слова *береза* и *березонька*, мы убеждаемся в том, что второе слово зависит от первого и генетически и функционально, первое же от второго очевидной зависимостью не обнаруживает; это пример односторонней зави-

симости. В случаях *говорили* и *пели*, *суровый*, но *добрый*, *мальчик* мы должны видеть двустороннюю зависимость языковых единиц. Если зависимость идет в одном этаже языковой структуры, она элементарна, например, зависимость между звуками, морфемами, членами предложений и т. д. Если же зависимость двух единиц языка или категорий идет одновременно в нескольких структурных этажах, она становится сложной; так, слова *читать* и *чтение* связаны лексически, словообразовательно и морфологически. Обычно единицы и категории языка зависят «попарно», т. е. один звук от другого, одна морфема от другой, одно слово от другого. Но нередко язык дает и такую зависимость, при которой многие единицы языка оказываются связанными с одной и той же влияющей единицей; например, один русский глагол *идти* оказывает влияние на целую серию своих производных приставочных и приставочно-аффиксальных слов: *перейти*, *выйти*, *найти*, *дойти*, *сойти*, *пойти*, *найтись*, *разойтись*, *пройтись*, *дойдоть*, *подходить*, *находить*, *заходить*, *выходить* и т. д. Эти иллюстрации показывают различие между зависимостью одноэлементной и многоэлементной.

Едва ли все богатство реальных зависимостей между языковыми единицами и категориями целесообразно сводить, как это сделано Ельмслевом и его последователями, лишь к интерденциям (двусторонним зависимостям), детерминациям (односторонним зависимостям), коммутациям и субституциям (два вида зависимости между значениями и их материальным выражением).

Таким образом, структурой языка можно было бы называть совокупность присущих ему единиц и категорий, организуемых в единое целое совокупностью языковых отношений и зависимостей.

Однако термином «структура» можно обозначать совокупность присущих языку единиц и категорий. Совокупность же языковых отношений и зависимостей можно именовать системой языка. В таком случае язык представится нам как единство структуры и системы, предполагающих друг друга и влияющих друг на друга. И развитие, и применение языка для решения социальных задач общения предполагают постоянное взаимодействие структуры и системы, постоянное их саморегулирование в соответствии как со своей «инерцией движения», так и с коммуникативными задачами коллектива.

**О различии
функционирования
и развития языка**

Языковая структура непрерывно действует, работает, функционирует. Функционируя, она непрерывно развивается.

Неязыковые системы знаков (азбука Морзе, морская сигнализация, знаки светофора и т. д.) тоже функционируют, но в процессе функционирования не получают саморазвития. Язык в качестве не только функционирующей, но и развивающейся структуры принципиально отличается от всех иных, искусственных знаковых систем и потому им не тождествен.

Теоретическое разграничение функционирования и развития языка совершенно необходимо для успешного движения лингвистической науки. Почему? Потому что структура языка, осознаваемая в плане функционирования, и та же структура, осознаваемая в плане развития, лишь частично совпадают друг с другом.

В плане функционирования единицы и категории языка сосуществуют, в плане развития они следуют друг за другом во времени (имеется в виду язык, а не речь).

В плане функционирования единицы и категории языка воздействуют друг на друга, соотносятся друг с другом в процессе их применения коллективом. В плане развития единицы и категории языка сменяют друг друга, вырастают одна из другой, соотносятся друг с другом в процессе создания.

Строго говоря, любая языковая единица или категория в любой момент своего бытия и функционирует, и развивается, т. е. оказывается включенной в два типа связей и отношений — функциональные и генетические. Функционально звук [e] соотнесен в современном русском языке со звуком [и] в ряду гласных переднего ряда. Генетически звук [e] соотнесен в истории русского языка со звуками, обозначавшимися буквами *e*, *ѣ* и *ѧ*. Кроме того, функционально звук [e] взаимодействует со многими звуками в потоке речи. Генетически же есть смены таких взаимодействий.

Исследование функционирования языка имеет задачей понимание того, как работает сложнейший языковой «механизм», как в процессе работы взаимодействуют и «перемещаются» в речевом потоке его «части». Например, для чего и в каких речевых условиях применяется именительный или винительный падеж, для чего и в каких условиях используется настоящее или прошедшее время, по каким схемам и из каких слов строятся те или иные словосочета-

ния, из каких морфем, и по каким правилам создаются новые слова и т. д. Изучение функционирования языка направлено на установление закономерностей функционирования, объективно «заложенных» в языковой структуре и дающих о себе знать в построении речи из единиц языка и его грамматических категорий.

Задача исследования развития языка — иная: понимание того, как, в каких условиях и по какому направлению идет смена одних качественных состояний языка другими, одних единиц и категорий другими, одних «правил» функционирования другими. Например, изучается, какими были и какими стали формы и значения именительного и винительного падежей, формы и значения настоящего и прошедшего времени, схемы словосочетаний и их лексическое и морфологическое заполнение; изучаются, естественно, и те условия, в которых осуществлялись наблюдаемые исследователем изменения. Изучение развития языка направлено на установление закономерностей развития, объективно заложенных в языковой структуре и дающих о себе знать в непрерывной замене одних единиц и категорий языка другими.

Функционирование и развитие предполагают друг друга: развитие языковых единиц и категорий меняет и их функционирование, в процессе функционирования возникают изменения языковых единиц и категорий.

Бесплоден спор о том, что раньше — развитие или функционирование, как бесплоден спор и о том, что чем определяется — развитие функционированием или функционирование развитием.

Отсюда следует, что нельзя понять полностью функционирование языка, не изучая его развития; точно так же нельзя понять полностью развитие языка, не изучая его функционирования. В принципе наука должна изучать и то и другое. Но наука о языке еще не располагает такими методами, чтобы изучать одновременно и то и другое. Она вынуждена отвлекать в известных пределах функционирование от развития и развитие от функционирования. Существование наук о функционировании языка — факт, с которым трудно спорить. Фактом является и существование наук о развитии языка. Общество, его требования к науке решают вопрос о том, что нужнее для людей — изучение функционирования или изучение развития. Состояние самой науки решает другой вопрос: что ею более подготовлено — изучение развития или функционирования.

По-видимому, не имеет никакого рационального начала спор о том, какие науки должны развиваться и поощряться — науки о функционировании (они неточно называются описательными, или синхроническими) или науки о развитии (они неточно называются историческими, или диахроническими). Широкие потребности общества в изучении родного и неродных языков, потребности машинного перевода и автоматической обработки текста настоятельно диктуют самое интенсивное исследование функционирования языка. Это, разумеется, ни в малой мере не означает, что должны быть прекращены или ослаблены усилия, направленные на установление закономерностей языкового развития. Однако при этом нельзя забывать, что функционирование может быть полнее и глубже изучено при нынешнем состоянии науки, нежели развитие; это объясняется не только несовершенством методов изучения языкового прошлого, но и тем, что для многих сотен языков их прошлое никак не зафиксировано из-за отсутствия в этих языках письменности.

О двух формах функционирования языка — парадигматике и синтагматике

Нам уже знакомы термины «парадигма» и «синтагма». Напоминают их, но не тождественны им по значению термины «парадигматика» и «синтагматика». Этими терминами мы будем обозначать две формы и два вида функционирования каждой из единиц и категорий языковой структуры. Каждая фонема и морфема, каждое слово и предложение, функционируя в речи, меняют свой варианты, во-первых, и вступают в связи с другими фонемами и морфемами, словами и предложениями, во-вторых. Члены одной и той же парадигмы относятся друг к другу как варианты некоторой неизменной величины («инварианта»), связанные ее «неизменностью», «постоянством», «устойчивостью» и противопоставленные своими различиями: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный падежи русского имени существительного *книга* являются вариантами категории падежа этого имени; *иду, идешь, идет* — варианты категории лица глагола *идти*; *Мальчик читает сказку, Читает сказку мальчик, Сказку читает мальчик* — варианты одного предложения; звук [э] в слове *эти* и звук [э] в слове *этот* — варианты фонемы [э]; значения глагола *идти* в словосочетаниях *поезд идет, лошадь идет и лекция идет* — варианты семантики этого глагола; и т. д. Члены парадигмы изби-

раются говорящим или пишущим в зависимости от коммуникативных задач и структурных свойств парадигмы. Члены парадигмы сосуществуют в структуре языка и не могут одновременно занимать одно и то же место в потоке речи; структура речи, развертываясь, выбирает на каждом «шаге» своего движения один из членов той или иной парадигмы.

Вместе с тем каждая единица языка (фонема, морфема, слово, предложение и т. д.), участвуя в образовании речи, обязательно вступают в связь с другими языковыми единицами того же уровня (фонема с фонемой, морфема с морфемой, слово со словом и т. д.), обнаруживая при этом свои сочетательные возможности (так называемую «валентность»). Так, фонема [з] в современном русском языке свободно сочетается с гласными фонемами (*за, зори, зуммер, зыкнуть, зимы, газета*), неодинаково свободно сочетается с согласными звонкими и сонорными и не сочетается с согласными глухими (замещается перед ними парной глухой согласной фонемой). Корневая морфема *трав-* соединяется с суффиксальными морфемами *-к-, -ян-*, но не соединяется с суффиксальными морфемами *-чив-, -лив-, -ик-, -анн-* и многими другими. Еще очевиднее сочетаемость и несочетаемость слов и предложений.

Таким образом, парадигматика языка — это система закономерного варьирования единиц и категорий языка в процессе их речевого функционирования. Синтагматика — это система закономерного соединения (сцепления, сочетания) единиц и категорий языка — также в процессе их речевого функционирования.

Не нужно парадигматику отождествлять с морфологией языка, а синтагматику с синтаксисом. Нужно учиться видеть синтагматику морфологических категорий (прежде всего, частей речи) и парадигматику синтаксических категорий (прежде всего, предложений и их членов). В самом деле, части речи, например имя существительное или глагол, имеют свои особые закономерности соединения, сочетаемости с другими частями речи и друг с другом, а предложения и члены предложений подчинены закономерностям варьирования.

Таким образом, единицы и категории всех структурных уровней языка имеют как парадигматические, так и синтагматические свойства и особенности и подчинены как закономерностям варьирования, так и закономерностям сочетания друг с другом в процессе образования речи.

XI. О закономерностях развития языка

До возникновения письменности и литературы языки развиваются в их устно-разговорной форме; возникновение письменности и литературы вызывает появление второй формы языкового существования и развития — книжно-литературной; взаимодействие этих двух форм характеризует развитие языков нового времени, сказываясь прежде всего в изменении отношений между общим языком народа и его (языка) говорами, или диалектами.

По-видимому, первоначально говоры (диалекты) возникали в результате деления разросшегося племени на несколько самостоятельных родственных племен. Такие диалекты были генетически (по своему «рождению») разновидностями одного и того же племенного языка. При объединении нескольких (обычно родственных) племен в племенной союз их языки (или диалекты) не только сохраняли свою генетическую общность, но могли также развивать общие черты в условиях тесного объединения внутри племенного союза. Хорошо известные истории диалекты Древней Греции, ранней средневековой Германии и Франции, Древней Руси были племенными.

На основе племен и племенных союзов складываются народности. Их возникновение и развитие связано с расширением и укреплением экономических, политических и государственных связей внутри общества в условиях феодализма.

Но феодализм, уничтожив прежнее, племенное, объединение людей и племенное дробление языков, породил тенденцию к разделению людей и дроблению языков на основе территориальных, экономических и политических связей; на смену племенным диалектам постепенно выдвигаются

и крепнут диалекты местные, областные, дающие о себе знать и в ныне существующих диалектных явлениях немецкого, китайского, французского, итальянского, испанского и других развитых языков, давно получивших письменность и книжно-литературную форму развития.

Местные (областные) диалекты, в отличие от племенных, представляют собою территориальные разновидности общего языка, принадлежащего одной и той же народности или нации. Эти разновидности по структуре могут быть близкими друг другу, допускающими взаимопонимание их носителей, живущих на разных территориях, таковы, например, диалекты русского языка. Они могут быть и далекими друг от друга, затрудняющими взаимопонимание их носителей; таковы, например, диалекты немецкого или китайского языков.

Развитие народности, а затем нации усиливает внутреннее экономическое и государственное единство общества, усиливает и расширяет различные связи между людьми — в процессе труда, экономического обмена, внутрисоциальных сношений и т. д. Усиление этих связей рождает потребность в едином для всего общества языке. Отвечая этой потребности, язык вырабатывает постепенно все более и более многочисленные и сильные общие для всех его носителей лексические, грамматические и фонетические «правила», применяемые людьми независимо от их территориального и социального различия. Общий язык народа усиливается, местные его (языка) разновидности начинают постепенно слабнуть. И тому и другому процессам помогает возникающая письменность и литература. В. И. Ленин писал: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе¹. Ленин говорил об о д н о м языке как необходимым (в числе других) условиям экономического и национального развития общества. Именно в этот новый период развиваются нации, повсеместно возникает вторая форма развития языка народа — язык литературный. Правда,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 25, с. 258.

литературный язык мог сложиться в некоторых странах и в предшествующий период, в условиях развития народности. Известны литературные языки древней Греции, Рима (латинский), древней Индии (санскрит), древней Руси (древнерусский), Болгарии IX—X столетия (древнеболгарский) и др. Но для народности литературный язык необязателен; кроме того, народность может принять в качестве литературного и чужой язык. Вспомним о том, что в средневековой Европе литературным был язык латинский, а в средневековых странах Востока — язык арабский. Только новый период истории, характеризующийся, в частности, развитием наций, создает повсеместно литературные языки. Чем они отличаются от общенародных разговорных языков и местных диалектов? Прежде всего, значительно большим единством своей структуры. Литературные языки — нормативны, т. е. подчинены в своем функционировании строгим «правилам», закономерностям, именуемым нормами. Нормы вырабатываются в литературе, применяющей письменную форму литературного языка и закрепляющей, по выражению В. И. Ленина, его в своих произведениях. Литература отбирает из всего запаса языковых единиц и категорий наиболее отвечающие нуждам всего общества, шлифует, обрабатывает языковые правила, снимая с них налет местной или социальной замкнутости, делая их строго едиными для всего народа фактами общенационального языка. В условиях национальной жизни литературный язык быстро развивается и оказывает заметное воздействие на разговорную форму языка народа. Переход общества к социализму и коммунизму усиливает потребность в строго едином национальном литературном языке, усиливает и позиции литературного языка, его влияние на язык разговорный и на его разновидности — местные говоры (диалекты).

Диалекты постепенно слабеют, утрачивают свою былую самостоятельность и влияние на развитие общего языка народа; при этом и разговорная форма общего языка народа утрачивает прежние резкие отличия от формы книжно-литературной, между двумя формами существования и развития национального языка устанавливаются новые отношения, характеризующиеся известным «литературированием» разговорной формы, «оразговориванием» книжно-литературной.

Конечно, взаимодействие между разговорной и литературной формами языка складывается по-разному у различ-

ных народов и в неодинаковых исторических условиях. Достаточно напомнить, что в современной Франции диалекты северных территорий страны практически перестали существовать, а на территориях современных германских государств (ГДР и ФРГ) или в современном Китае диалекты сохраняют очень заметные отличия от общего языка народа. Однако всюду действует одна неумолимая историческая закономерность: на смену племенным разговорным языкам и диалектам приходят языки и диалекты народности, а им на смену — национальные языки, обязательно приобретающие письменно-литературную форму; этим общенациональным языкам и подчиняются постепенно местные говоры (диалекты).

Эта закономерность выражает зависимость исторических судеб языка от исторических судеб народа, которому язык принадлежит. Изучение этой закономерности невозможно без знания экономических, политических, культурных и иных социальных условий, в которых протекало развитие языка в целом и которыми, в конце концов, объясняется показанное выше движение каждого языка от племенного к национальному.

Однако если мы будем рассматривать историческое движение не языка в целом, а его различных структурных сторон (фонетики, лексики, морфологии и т. д.), его отдельных единиц и категорий, мы далеко не всегда сумеем увидеть прямую зависимость развития языка от развития общества.

Трудно, например, объяснить изменения звуков (скажем, утрату носовых гласных славянскими языками) прямым воздействием на язык со стороны общества. Не удастся вывести изменения русской глагольной системы из условий экономической, политической или культурной жизни русского общества определенной эпохи. Многочисленные наблюдения и исследования в области языковой истории показывают, что многие ее явления развиваются внутри самого языка, будучи обусловленными его внутренними возможностями, инерцией его развития. Отсюда идет термин «внутренние законы», очень часто применявшийся по отношению к языку после лингвистической дискуссии 1950 г. Этот термин понятен: им обозначается то очевидное обстоятельство, что каждое новое явление в языке вырастает из уже существующих в нем явлений и на их основе. Каждое новое явление (новый звук, новая морфема, новое слово, новая форма, новая синтаксическая

модель, новое отношение между языковыми единицами или категориями) исторически обусловлено самим языком, создается из его материала и по его «правилам». Это не означает, разумеется, что не может быть очевидных внешних причин, вызывающих появление того или иного нового факта в языке. Например, новые слова, как правило, появляются потому, что они нужны для обозначения новых предметов и явлений действительности, для выражения новых понятий, создаваемых наукой, техникой, производством. Именно эти внешние по отношению к языку причины вызвали появление в нашем языке таких слов, как *колхоз, промфинплан, тракторный, приземлиться, прилуниться, атомоход, кибернетический, телевизионный, прилунение, полупроводник* и т. д. Однако внешние причины не могли создать слова — слова созданы нашим языком — по его законам, из его материала; поэтому внешний облик каждого слова, его звучание, его морфемный состав, его морфологические признаки и его интонация — все это выработано самим языком и вне прямой зависимости от внешних воздействий.

Так возникает сложная задача исследования взаимодействия внешних и внутренних условий развития языковой структуры; внешние условия предъявляют определенные требования к языку, язык же, отвечая на эти требования, изменяет те или иные элементы своей структуры, изменяет так, как диктует уже сложившееся ее состояние, как позволяют внутриязыковые возможности.

Это также одна из общих присущих всем языкам закономерностей их развития.

Лингвистику интересует, естественно, в первую очередь не то, как общество повлияло на язык, а как язык ответил на влияние общества; лингвистика изучает не изменения в политике, экономике или культуре, а изменения в структуре языка и условиях их возникновения.

По-видимому, можно различать, хотя и очень грубо, изменения структуры языка в целом и изменения отдельных ее элементов и «участков». Первые, т. е. изменения структуры в целом, прямо зависят от воздействий на язык со стороны истории общества, народа; таковы и известные нам переходы языков от племенных — через языки народностей — к национальным; таковы изменения разговорных языков и их диалектов в литературные языки; таковы интеграция языков (объединение двух или нескольких в один) и их дифференциация (деление одного на два или несколь-

ко). Вторые, т. е. изменения отдельных элементов и «участков» языковой структуры, прямо не связаны с воздействиями на язык со стороны общества и кажутся порожденными самой языковой структурой, развившимися внутри нее. На самом же деле всегда, конечно, есть те или иные внешние побуждения, заставляющие наше сознание перестраивать языковую структуру; эти побуждения могут идти и от закономерностей развития сознания, которое ведь не остается неподвижным, но, меняясь, оно меняет и язык.

Науке пока не удается достаточно строго сформулировать главные закономерности, управляющие внутренним развитием участков и элементов языковой структуры разных языков: соответствующий круг лингвистических задач еще ждет решения и смелых научных поисков. Но и сейчас все же можно высказать достоверные соображения о некоторых закономерностях внутрисктурного языкового развития.

Так, во всех языках действует закон абстрагирования элементов языковой структуры. Его действие выражается в том, что на основе одних, более конкретных элементов структуры развиваются другие, все менее и менее конкретные. На основе лексических элементов (полнозначных слов) развиваются грамматические элементы — морфемы, служебные слова; конкретные элементы, слова обобщаются отвлеченными элементами структуры — типами словообразования, частями речи; менее отвлеченные грамматические категории переходят в более отвлеченные и даже формализованные (род в именах, классы в глаголах); увеличивается количество отвлеченной по семантике лексики; внутри отдельных слов конкретные лексические значения становятся базой развития значений все более и более отвлеченных и т. д. Именно эта закономерность дала современное сложное членение языковой структуры на лексику, словообразование и грамматику.

Одновременно во всех языках действует и другой закон — дифференциации и отчленения элементов языковой структуры. Первоначально человечество пользовалось недифференцированными на фонетику, лексику, морфологию единицами языка. Звучание было и словом и высказыванием. А точнее — ни слова, ни высказывания, ни фонемы в нашем понимании не было. Лишь постепенно могло установиться противопоставление фонемы слову, слова — предложению, члена предложения — части речи и т. д. Сравнительно недавно (если мерить время всей историей

человечества), в X—XII вв., в русском языке было неотчетливое противопоставление системы сложносочиненных предложений системе предложений сложноподчиненных. Известные науке факты истории других языков позволяют утверждать, что нынешнее противопоставление сочинения подчинению возникло из более ранней, недифференцированной по этому признаку, связи высказываний. Имя существительное и имя прилагательное в индоевропейских и других языках различаются отнюдь не исконно. Этому различию предшествовал период нерасчлененного имени, способного обозначать диффузные значения предмета и качества. И современное деление слов на глаголы и имена также не исконно, ему предшествовало такое состояние языка, когда не было ни имени, ни глагола, а было диффузное слово, применявшееся для обозначения процесса и деятеля. Дифференцируются и отчленяются звуки, значения, типы словообразования и т. д.

Закон абстрагирования и закон дифференциации и отчленения действуют совместно и нередко в противоположных направлениях: один уменьшает количество структурных элементов и участков языка, другой — увеличивает. В результате устанавливается то динамическое равновесие языковой структуры, которое необходимо для обслуживания нужд коллектива.

Здесь можно вспомнить и о законе аналогии, действию которого наука о языке отводит заметное место в процессе языкового развития.

В чем это действие выражается?

В уподоблении одних структурных элементов другим. Известная нам ассимиляция звуков — частное проявление этого закона. Глагол *звонить* передвигает свое ударение по аналогии с похожими на него глаголами *ходить*, *носить*, *возить* и подобными (*хбдишь*, *нбсишь*, *вбзишь*, в этот ряд попадает и *звбнишь*, хотя литературная норма такому «новшеству» и сопротивляется). По аналогии с уже имеющимися словами, с их морфемным строением, образуются новые слова. По аналогии с уже имеющимися морфологическими формами образуются формы новых слов. В сущности, известные нам типы словообразования, «правила» изменения слов по падежам, «правила» построения предложений опираются в своем действии на закон аналогии. Этот закон имеет, таким образом, «консервативную» сторону: он стабилизирует «правила», подчиняя их влиянию все новые и новые слова и т. д. Но он же имеет и «разрушительную» сторону,

изменяет, казалось бы, устойчивые структурные элементы. Так, в истории русского языка в результате действия закона аналогии перестроилась система склонения — вместо древних пяти типов осталось три; не обошлось без участия закона аналогии и в развитии системы русских времен — от восьми древних к трем новым. Однако не нужно все же думать, что закон аналогии всесилен сам по себе. Для того чтобы его действие проявилось, нужны определенные условия. Без понимания этих условий простая ссылка на закон аналогии почти ничего не объясняет.

Приведем один пример. В древних славянских языках, в частности и в русском, было в числе других и склонение существительных, характеризовавшееся окончанием *-у* в родительном и местном падежах единственного числа, окончанием *-ов* в родительном падеже множественного числа.

Когда старая система склонения разрушилась, эти окончания перешли во многие слова русского языка, хотя ранее эти слова названных окончаний не имели. И до сих пор мы говорим и пишем *на лугу*, *в углу*, *много народу*, *купил сахару*, *привезли меду*, *десять столов*, *нет телефонов*, *видел инженеров* и т. д. И если окончание *-у* в современном языке в родительном и местном падежах все же редкость, то окончание *-ов* равноправно с другими в выражении значения родительного падежа множественного числа.

Возникает вопрос: как это могло произойти, если в древности слов, входивших в исчезнувший тип склонения, оставивший такие заметные следы своего аналогического влияния, было очень мало?

Не будем спешить с ответом. Пусть это сделают историки русского языка. Нам же этот пример нужен был только для того, чтобы понять, что ссылка на закон аналогии может еще ничего не объяснить, так как действие закона аналогии в каждом конкретном случае требует и конкретного истолкования, требует знания тех структурных условий, совокупность которых позволила закону аналогии действовать.

Изучать язык — это значит изучать его работу и его историческое развитие.

XII. О происхождении языка

Люди давно задумываются над вопросом: когда и как появился язык? И каким он был на первых ступенях развития человеческих коллективов?

Условимся сразу же о том, что на второй вопрос наука ответить пока не может, а сможет ли когда-нибудь — сказать трудно. Точнее говоря, наука не может ответить, каким именно «набором» звуков, или слов, или высказываний располагал первый язык (или первые языки) человечества. Конкретный облик первых языков, возникших около полу-миллиона лет тому назад, мы пока не можем себе представить. Какие звуки тогда произносились, что они значили, как они связывались друг с другом в большие, чем они сами, единицы, — неизвестно. Думать о том, что это все будет известно вскоре, — нет оснований.

Об этом приходится говорить для того, чтобы в сознании читателя не произошло подмены одного, посильного для науки, вопроса другим, пока непосильным.

Что же наука может сделать в обширной проблеме происхождения человеческого языка?

Она может установить, когда и в каких условиях должна была появиться и появилась человеческая речь и какими были наиболее общие признаки (черты) первого языка людей.

Древнегреческие философы вели очень долгий спор о том, возник ли язык от природы или по установлению, нужно ли видеть в словах выражение и выявление сущности самих вещей или же слова суть произвольные обозначения вещей, созданные человеком.

Не будем сейчас рассматривать длинный и сложный путь блужданий мысли человеческой, пытавшейся понять, как и почему возник язык.

Но прежде чем изложить принятую нашей наукой точку зрения, вспомним бегло о некоторых близких нам по времени гипотезах возникновения человеческой речи.

Одна из них — гипотеза звукоподражания. Ее сторонники (от Демокрита и Платона в древней Греции до Уитнея и других ученых XIX в.) полагают, что слова возникли из неосознанного или осознанного стремления человека к подражанию звукам окружающего его мира — реву зверей, крику птиц, шуму ветра и т. д. Основанием для таких взглядов явилось то, что во всех языках действительно есть звукоподражательные слова, вроде наших *гав-гав, кукушка, млюкать, тенькать, дэнь, бац* и подобных. Но, во-первых, таких слов относительно немного. Во-вторых, наиболее нужные людям и наиболее употребительные слова не обнаруживают и намека на подражание каким-либо звукам: *вода, земля, небо, солнце, трава, хлеб, молоко, рука, нога, человек, умный, добрый, ходить, думать* и т. д. В-третьих, для того чтобы сочетаниями звуков подражать звукам окружающей человека природы, нужно иметь очень гибкую речь, что предполагает ее длительное предшествующее развитие. Едва ли можно в наше время всерьез принимать гипотезу звукоподражания.

Вторая влиятельная в свое время гипотеза — междометная, в ее разных, более примитивных (эпикурейцы древнего мира) и более сложных (В. Гумбольдт, Я. Гримм, Г. Штейнталь и др.) вариантах, находит отзвуки в науке и доныне. Ее суть состоит в том, что слово рассматривается как выразитель душевных состояний человека. В одних случаях это, видимо, междометия — сигналы наших эмоций и нашей воли. В других, по мнению защитников этой гипотезы, можно усматривать лишь косвенную связь между звучанием слова и эмоциональным состоянием человека: определенные сочетания звуков производят в нашей душе впечатления, подобные тем, которые вызываются воздействием предметов, поэтому и устанавливается связь между значением и звучанием слова. Некоторые сторонники рассматриваемой гипотезы допускали, что междометным путем слова возникали лишь в далеком прошлом, а позже они развивались уже по законам словообразования и независимо от произвольных эмоциональных выкриков. Эту гипотезу пытаются иногда усилить ссылками на то, что

душевные состояния человек должен был выражать произвольно не только в звуках, но и в жестах, мимике и т. д., подобно тому, как он делает это и теперь. Усматривается, таким образом, глубокая внутренняя связь между жестом, несомненно, имевшим серьезное значение в развитии речи, и эмоциональным звуковым сигналом, первичным «словом» далеких предков человека.

Нельзя, конечно, отрицать участие эмоций и воли в развитии языка. Но невозможно согласиться с гипотезой междоиметного происхождения слов, потому что главную причину их возникновения она видит в индивидуальных душевных состояниях человека. Между тем ни один ребенок не заговорит до тех пор, пока не окажется в окружении говорящих людей. Это неопровержимое свидетельство в пользу мнения о социальной обусловленности рождения человеческой речи. Не индивидуальное движение души, а социальные потребности общения, связанные с коллективным трудом и коллективным бытием формировавшегося человека, вызвали к жизни язык.

В происхождении языка играли роль как биологические (естественноисторические) так, и социальные (общественноисторические) предпосылки.

К числу первых мы должны будем отнести разделение функций передних и задних конечностей наших предков, высокоразвитых человекообразных обезьян, освобождение руки для труда и связанное с этим усвоение прямой походки; к биологическим факторам нужно отнести и высокое развитие у наших предков головного мозга, и использование ими некоторого «набора» нечленораздельных звуковых сигналов, послуживших физиологической базой звуковой речи людей.

Около миллиона лет тому назад, в конце третичного периода кайнозойской (новой) эры, в определенных местах земли жили стадами высокоразвитые обезьяны, получившие в науке название австралопитеков (или близкие им). Эти обезьяны, как можно судить по их ископаемым останкам, передвигались по земле (а не лазали по деревьям) и применяли свои передние конечности как руки для хватания различных предметов. У них была укороченная челюсть, свидетельствующая об усилении возможностей образования звуков, большой мозг, говорящий об усложнении его деятельности, и другие признаки, которые позволяют ученым рассматривать австралопитека как выс-

шее животное, стоящее накануне превращения в человека.

У австралопитеков можно предполагать лишь зачатки таких движений руки, которые впоследствии приведут к трудовым операциям. Австралопитек не изготовлял орудий труда, а применял готовые предметы в качестве орудий своей работы. Но как бы там ни было, начался великий процесс освобождения руки для трудовых действий.

К началу четвертичного периода кайнозойской эры ученые относят существование обезьянолюдей (питекантропов, синантропов и им подобных). Изучение их ископаемых останков позволяет говорить о том, что они умели изготовлять орудия труда и усвоили прямую походку.

Несколько позже питекантропов и синантропов жили неандертальцы, предшественники современных людей. Питекантропы, синантропы, неандертальцы — это первобытные люди, жившие стадами, умевшие изготовлять примитивные орудия труда (из камня, кости и дерева) и начавшие осознавать окружающий их мир, а значит, и те звуковые сигналы, которые они постепенно совершенствовали, получив их от своих предков. Эти звуковые сигналы не были еще в нашем понимании словами, они не получили еще ни строгой членораздельности, ни достаточного осмысления. Но все же постепенно и мучительно долго формировавшаяся мысль начинала отрываться от конкретного восприятия предмета и связываться со звуковым сигналом, начинала опираться на него и тем самым получала возможность обобщать многие однородные по каким-то признакам предметы. Вместе с тем вызревало и осознание целей и возможных результатов применения звуковых сигналов; одним словом, в процессе жизни, в связи с усложнившимся трудовым воздействием человека на окружающий его мир животных и растений, формировались две могучие силы человеческого коллектива — язык и мысль.

В конце каменного века (неолита) жили кроманьонцы, люди современного типа (*homo sapiens* — человек разумный), отдаленные от нас небольшим (в масштабах геологического времени) сроком около 40—50 тысяч лет. Изучение их ископаемых останков говорит о многом. Эти люди были членами первобытнообщинного строя, со сложными трудовыми, общественными и семейными отношениями.

Они обладали хорошо развитым мозгом, членораздельной речью, понятийным абстрактным мышлением.

Таким образом, прошли сотни тысяч лет, прежде чем из зачаточных нечленораздельных звуков наших предков выработались речевые сигналы человека.

Почему в этом длительном процессе развития мы видим влияние двух главных естественноисторических (биологических) факторов? И что же все-таки было решающей исторической причиной появления и развития человеческого языка?

Первый биологический фактор — освобождение передних конечностей обезьяны для работы и выпрямление походки — необходим был в развитии языка потому, что без него невозможен был переход к труду, который и начался с изготовления орудий воздействия на природу. До тех пор, пока обезьяна просто брала с земли камень или палку, она работала, но не трудилась. Но когда она «догадалась», что одним камнем можно обить другой и использовать этот другой для достижения определенной цели, она осуществила первый трудовой акт, впервые перестала быть (пока только в этом акте) обезьяной и стала человеком. Но если превращение лап обезьяны в руки человека необходимо было для того, чтобы появился сам человек, следовательно, это было необходимо и для возникновения языка, так как язык — средство общения людей. Кроме того, освобождение передних конечностей для труда и связанное с этим выпрямление походки стимулировали развитие мозга: обезьяна, встав на ноги, выпрямившись, увидела значительно больше, чем ранее, ее мозг стал получать больше внешних воздействий и, отвечая на них, интенсивнее работал: к тому же нельзя забыть здесь и о том, что трудовые действия, которые осуществлялись все чаще с помощью рук, должны были побуждать мозг ко все более сложным и гибким видам мыслительной работы.

Указав на то, что под влиянием образа жизни обезьяны начали отвыкать от помощи рук при ходьбе и стали усваивать все более и более прямую походку, Энгельс говорит: «Этим был сделан решающий шаг для перехода от обезьяны к человеку»¹.

Второй биологический фактор развития языка — наличие звуковых сигналов у обезьян — предков людей. Изучение современных высокоразвитых обезьян показало,

что они пользуются определенными «наборами» (доходящими до двух и более десятков) неотдифференцированных звуков, которые применяют в качестве произвольных сигналов своих эмоциональных состояний. О чувствах радости, голода, вражды, влечения, боли, страха, удовольствия и других обезьяна сигнализирует более или менее устойчиво определенным звуком или их нечленораздельным слиянием. Причем, как правило, эти звуки применяются тогда, когда обезьяна находится вместе с другими обезьянами. Установлено, что наряду со звуками обезьяны применяют и указательные сигналы, жесты, произвольно передавая ими свои внутренние состояния.

Естественно предположение о том, что наши далекие предки, сходные с австралопитеками, более развитые, чем современные человекоподобные обезьяны, обладали большим запасом звуковых сигналов и более «осмысленно» их применяли.

Эти звуковые сигналы предков и были использованы формирующимися людьми для постепенного «устройства» своего языка. Эти звуковые сигналы постепенно были осмыслены и превратились в первые единицы общения членов человеческого коллектива, т. е. в элементы речи.

Другого «строительного материала», из которого можно было бы «изготовить» первые слова-высказывания, в распоряжении наших предков не было.

Но, видя необычно большую роль освобождения руки и звуковых сигналов обезьян в возникновении языка, марксистская наука утверждает, что решающее значение в этом принадлежит труду и коллективу, обществу.

По мнению Энгельса, «развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формирующиеся люди пришли к тому, что у них явилась потребность что-то сказать друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим»¹.

¹ Энгельс Ф. Диалектика природы М., 1964, с. 144

¹ Энгельс Ф. Диалектика природы, с. 146—147

Сами по себе биологические предпосылки человеческой речи ее создать не могли, потому что помимо них нужен был могучий толчок, способный вызвать ее к жизни, и этим толчком оказался труд и непрерывно рождаемая им потребность в общении. Но труд с самого своего возникновения и донныне — это труд в коллективе, в обществе и для общества. Он требует согласования рабочих усилий многих людей, требует организации и распределения их обязанностей, т. е. он-то и требует прежде всего обмена мыслями, общения с помощью языка. Добывание огня, охота на слона, ловля рыбы в древности или производство синтетического волокна и электронных приборов в наше время одинаково нуждаются в согласовании и организации трудовых усилий многих членов коллектива.

Однако не нужно представлять себе дело так, что между возникновением труда, языка и мышления лежали какие-то периоды времени. Труд, язык и мысль формировались одновременно, в единстве и взаимодействии друг с другом, в единстве и взаимодействии они развиваются до сих пор. Но ведущей силой этого триединства был и остается труд. Развитие орудий труда, обогащение трудовых навыков, расширение сферы приложения трудовых усилий человека — все это заставляло интенсивнее работать человеческую мысль, совершенствовало сознание человека. Но усиление деятельности мысли, совершенствование сознания вело вперед язык, обогащало и уточняло систему его значений, оказывало влияние и на совокупность его формальных элементов.

Развитие, совершенствование мысли и речи оказывало обратное воздействие на труд, делало его более действенным и точным, вело к созданию новых орудий труда, к открытию новых материалов, к изменению сферы приложения трудовых усилий. Но развитие труда вновь влияло на мысль и речь. Таким образом осуществляется десятки и сотни тысяч лет взаимостимулирующее влияние друг на друга труда, мысли и языка. Такова картина возникновения языка, принятая нашей наукой. Она создавалась и улучшается на основе марксистского понимания сущности языка и других явлений жизни общества (большую роль в обосновании марксистских взглядов на возникновение языка сыграла работа Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»), на основе

новых данных современной науки о древнейших этапах развития человека.

Наше понимание роли труда в возникновении и развитии языка резко отличается от появившихся в XIX в. гипотез «социального» и «трудового» обоснования происхождения человеческой речи. К числу таких гипотез принадлежит, например, и гипотеза француза Л. Нуаре, поддержанная многими учеными. Язык, по мнению Нуаре, возник из инстинктивных выкриков, сопровождавших коллективные трудовые действия. Конечно, такие выкрики могли быть. И современные люди иногда как бы помогают себе выкриками во время некоторых работ. Но почему именно трудовые выкрики (которых, очевидно, не могло быть много) стали первыми элементами речи, Нуаре не объясняет сколько-нибудь удовлетворительно. Он не рассматривает важнейший вопрос — о социальной потребности в языке как средстве общения. И, по существу, его понимание происхождения языка остается биологическим, так как инстинктивный выкрик, хотя бы и связанный с трудом, — это факт биологический, а не социальный.

Выдвигались, разумеется, и другие взгляды на возникновение языка, здесь не рассматриваемые.

ХIII. Из истории письма

Вводные пояснения

Звуковой язык людей связан в последние тысячелетия с историей письма и письменности.

Знакомство с тем, что собою представляло письмо в прошлом и каким оно стало теперь, удобнее начать с терминов.

Письмом современная наука о языке называет систему начертательных знаков, используемую для фиксации звуковой речи. Письмо надо отличать от письменности; этот второй термин обозначает совокупность рукописных и печатных произведений, документов, выполненных при помощи того или иного письма.

По сравнению со звуковым языком письмо сравнительно молодо: его возникновение отделено от нас всего двумя-тремя тысячами лет, в то время как звуковой речи не менее 400—500 тысяч лет.

Появление письма было вызвано усилением потребности людей в общении на расстоянии во времени и пространстве. Понятно, что звуковая речь, если она не зафиксирована на каком-либо материале с помощью особых начертательных знаков (т. е. с помощью письма), не может быть средством общения во времени. Например, нельзя, уезжая, оставить устное распоряжение, так чтобы оно было услышано и выполнено через год; но эта же самая задача легко решается, если распоряжение будет записано и вложено в конверт, который и будет вскрыт адресатом через год после отъезда автора. Нельзя также передать сообщение устно на расстояние, скажем,

в пять километров: звуковая речь, даже очень громкая, не может быть услышана, разобрана, понята, если говорящий и слушатель так далеко друг от друга. (О применении телефона, радио и других технических средств связи мы здесь, разумеется, не говорим.)

Между тем непрерывное усложнение трудовой деятельности, развитие мореплавания и торговли, усложнение межгосударственных отношений — все это усиливало нужду людей в общении на расстоянии во времени и пространстве. Ответом на эту настоятельную нужду и было создание письма.

Наука знает три главных типа письма, исторически сменявших друг друга (имеются в виду не отдельные конкретные языки, а весь процесс языкового развития в целом).

Термин образован от латинского слова *pictus* (нарисованный) и греческого *grap-ho* (пишу). Этим термином обозначается такое письмо, знаки которого (они называются пиктограммами) представляют собой схематические рисунки, наглядно изображавшие предметы и явления действительности (рисунок человека, птицы, рыбы, дерева, хижины и т. д.); различные сочетания таких знаков передавали различные сообщения о тех вещах и явлениях, которые знаками изображались. Представим себе двух современных друзей, которые решили обмениваться пиктографическими записками. Один из них нарисовал полумесяц на темном фоне неба, восходящее солнце, лодку с человеком, рыбу и удочку. Ответная записка содержала следующие рисунки: солнце над линией горизонта, полумесяц на темном фоне, паровоз и три вагона, человек около одного из них, башня московского Кремля, линия, соединяющая вагон с изображением солнца. Повидимому, первая записка означала: «Завтра утром я еду по реке ловить рыбу». Вторая записка гласила: «Сегодня вечером поездом я еду в Москву».

Наш пример имеет чисто условное значение. Но он достаточно точно дает представление об особенностях пиктографического письма. В числе этих особенностей две очень существенны для понимания того, почему пиктография с течением времени заменяется более совершенным письмом. Вот эти особенности: а) сочетание пиктограмм передает более или менее полное содержание высказывания, но не передает его языковую структуру (последовательность слов, их форму, их звучание и т. д.); б) чем отвлеченнее содержание высказывания, тем труднее «изобра-

зять» его набором пиктограмм; для отвлеченных идей пиктограммы не годятся.

Идеография

Термин произошел от греческих слов *idea* (идея, понятие) и *grapho* (пишу). Он все чаще заменяется другим термином — л о г о г р а ф и я (от греч. *logos* — слово и *grapho*). Знаки идеографического письма называются идеограммами (или, по-иному, логограммами).

Египетские		Китайские	
Логограмма	Ее значение	Логограмма	Ее значение
	«Египет»		«Пленник»
	«Ночь»		«Светлый»
	«Грести»		«Наверху»
	«Идти»		«Внизу»
	«Южный»		«Расти»

Рис. 6. Образцы символических идеограмм (логограмм)

Если пиктограмма изображает предмет, то идеограмма (логограмма) обозначает содержание, значение слова. Пиктограмма обязательно должна рисовать предмет. Идеограмма совершенно не обязательно должна напоминать о каком-то предмете своим сходством с ним, она превращается в условный знак словесного смысла, переставая быть изображением предмета. Для того чтобы отчетливее представить

сущность идеограммы (логограммы), обратимся за помощью к современным цифрам и арифметическим знакам (умножения, вычитания, деления и равенства). Эти (и подобные) знаки — весьма совершенные идеограммы (логограммы). Каждый из них ничем не напоминает изображаемый «предмет»: цифра 3 ничем не похожа на реальное количество, обозначаемое словом *три*, знак деления «:» ничем не похож на реальное действие, обозначаемое глаголом *делить*, и т. д. Отсюда и идут несомненные и очевидные преимущества идеографии (логографии) перед пиктографией. Вот некоторые из них: а) идеографическое письмо передает достаточно полно и точно содержание любого словесного сообщения, независимо от степени его конкретности или отвлеченности; б) это письмо передает (хотя и неполно) элементы структуры высказывания (такие, как словопорядок, словесный состав, некоторые элементы грамматических форм и т. д.); в) оно пользуется строго фиксированными, устойчивыми по начертанию наборами знаков.

По мере развития идеографии (логографии) она становится все более приспособленной для передачи не только целых слов, но и их частей, морфем. Таково, например, китайское письмо. Возникают даже идеограммы, обозначающие звуковые части слова или звуковые различия между словами, это говорит о том, что в самом идеографическом письме вызревают элементы его превращения в письмо фонографическое.

Разновидностью идеографии (логографии) является так называемая иероглифика (например, в древнем Египте, в других странах древнего Востока и в современном Китае). Иероглифы (от греч. *hieroglyphoi* — буквально «священная резьба», священные письмена, резьба жрецов) — это такие идеографические знаки, в начертании которых сохраняется некоторая связь с изображаемым предметом, хотя бы символически, например, в египетском письме схематическое изображение ноги означало «идти», круг с точкой посередине означал «солнце», схематический рисунок птицы значил «лететь» и т. д.

Идеография (логография) оказалась более устойчивой системой письма и у некоторых народов существует до сих пор (китайское письмо). В известной мере это объясняется тем, что идеографическое письмо имеет некоторые преимущества перед сменившим его фонографическим.

Одно из этих преимуществ: с помощью одних и тех же идеограмм могут общаться люди, говорящие на разных

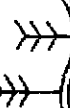

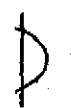

Египетские		Шумерские		Китайские	
Логограмма	Ее значение	Логограмма	Ее значение	Логограмма	Ее значение
	"Рот"		"Глаз"		"Солнце"
	"Дом"		"Лес"		"Собака"
	"Гора"		"Горы"		"Человек"
	"Вода"		"Лук"		"Глаз"
	"Лист пальмы"		"Лодка"		"Гора"

Рис. 7. Образцы изобразительных идеограмм (логограмм)

языках и не знающие языка своего собеседника. Ведь идеограмма передает смысл слова, а не его звучание. Вспомним еще раз цифры и элементарные знаки арифметики. Арифметическая запись $5 + 9 = 14$ будет одинаково понята русским, англичанином, немцем, индусом и японцем. Если то же самое содержание передать средствами звукового языка, взаимопонимание нарушится: по-русски придется сказать «пять плюс девять равняется четырнадцати», по-английски: «файв энд найн из фотин» (произношение здесь передано неточно), по-немецки: «фюнф унд нойн ист фирцен» (произношение и здесь передано неточно) и т. д. Другое преимущество идеографии — компактность письма. Одним значком обозначается целое слово, для обозначения которого в фонографической системе письма требуется несколько знаков. Однако эти преимущества все же оказываются несравнимыми с достоинством фонографии, которая, возникнув, уверенно побеждает в борьбе с идеографией.

Фонография Термин образован от греческих слов *phone* (звук) и *grapho* (пишу). Знаки этого письма (их называют фонограммами) обозначают звуковые элементы слова, т. е. слоги или звуки (фонемы); в зависимости от этого принято различать две разновидности фонографии — слоговое письмо и буквенное; примером слогового может служить индийское, примером буквенного — русское.

Фонография имеет очевидное преимущество перед идеографией и тем более — пиктографией. Количество используемых знаков сокращается в сотни раз. Хорошо развитая идеографическая система письма насчитывает обычно несколько десятков тысяч знаков. Современные развитые фонографические системы письма насчитывают всего несколько десятков знаков (букв). Таким образом достигается громадная экономия сил и времени, затрачиваемых коллективом на освоение грамоты. Это преимущество фонографии перед идеографией решающее, но не единственное. Фонография обеспечивает точную и строгую фиксацию не только содержания высказывания, но и всех «этажей» их структуры — состава звуков, лексико-семантического состава, морфологических элементов и форм, синтаксических особенностей. Таким путем достигается более полная и надежная информация читателя о содержании и форме речи пишущего.

Знакомясь с типами письма, не нужно думать, что между ними стальные стены. Ни один из трех типов неизвес-

тен в «чистом виде», каждый из них имеет «примеси» других.

Пиктография несет в себе зачатки идеографии. Идеография сохраняет многочисленные следы пиктографии и создает элементы фонографии. Фонография наиболее полно освобождается от остатков прошлого, но и она совмещается в письменных документах и произведениях с идеограммами — цифрами, математическими знаками, символикой химии и физики и т. д.

Развитие письма Наиболее раннее письмо — пиктографическое. Оно возникло, по-видимому, в эпоху неолита, т. е. за 6—8 тысяч лет до н. э.

В. А. Истрин пишет: «... Племена и союзы племен нередко располагались на очень больших пространствах; внутри племен постепенно усиливалось разделение труда и в связи с этим обмен продуктами труда, требовавший иногда закрепления в виде записей; развивалась сперва родоплеменная, а затем и личная собственность, для обозначения которой были необходимы знаки типа тамги, тавра и т. п.; формировались стабильные обычаи и традиции, передаваемые из поколения в поколение; выделялись племенные жрецы и вожди, деяния которых также требовали закрепления в памяти поколений; в этом же нуждалось и народное устное творчество. Между племенами и союзами племен тоже развивались различные обменно-торговые, военные и другие связи.

В результате всего этого в эпоху неолита должна была созреть потребность в письме как наиболее удобном средстве закрепления устной речи и передачи ее на большие расстояния¹.

Источники пиктографии

У пиктографии не было письма-предшественника. Но и у нее были свои «знаковые» источники. Одним из них была наскальная, настенная живопись древнейших племен. Вторым источником нужно признать различные, более или менее примитивные, системы предметного общения. Воздействуя на природу в процессе труда, наши предки стали замечать, что по одному предмету можно судить о другом: по следу зверя — о самом звере и о пути его перемещения; по крику — о том, кем он издан и откуда исходит; по всплеску на поверхности воды — о рыбе в ее глубине и т. д. Опыт и ум подсказали людям возможность при-

менять предметы, вещи для сообщения о чем-либо. У некоторых племен общение при помощи предметов сохранилось даже в XIX и XX вв. Так, известие о появлении врага или победе могло передаваться дымом костра или стуком барабана. У американских индейцев прикрепленная к дереву стрела могла означать путь, по которому следует идти. Трубка, поочередно раскуриваемая представителями враждующих племен, могла быть знаком мира и дружбы. Греческий историк Геродот рассказал о своеобразном предметном «письме», направленном якобы скифами персидскому царю Дарию. Это письмо состояло из лягушки, мыши, птицы и пучка стрел. Его надо «прочитать» примерно так: «Если вы, персы, не можете летать, как птицы, скакать по болотам, как лягушки, прятаться в землю, как мыши, — вас ждет гибель от наших стрел».

Славяне в древности широко пользовались бирками — палками, на которых делались нарезы и зарубки, служившие различными памятными знаками.

Ирокезы, гуроны и другие племена индейцев Америки пользовались так называемыми вампумами — комбинациями цветных раковин, вплетенных в пояс или прикрепленных к нему. В зависимости от числа, расположения и цвета раковин вампумы передавали различные сообщения.

Перуанское племя инков имело особую систему предметного общения — кипу. Это толстая веревка с прикрепленными на ней шнурами, на которых находятся узлы и сплетения. Для передачи сообщений использовались различия в количестве, расположении и цвете шнуров, узлов и сплетений.

Пиктография, возникнув, оказалась более богатой по возможностям, более гибкой и доступной системой знаковой фиксации сообщений для передачи их на расстояние во времени и пространстве.

Развитие идеографии

Однако быстро развивавшиеся запросы общества к письменному общению показали несовершенство пиктографии. Внутри нее вызревали постепенно элементы идеографии, и к IV—II тысячелетиям до н. э. уже существовало несколько разновидностей идеографического (логографического) письма.

Египетское письмо III—II тысячелетий до н. э. может служить хорошим образцом переходного письма — от пиктографии к идеографии (логографии). В нем сочетались знаки-рисунки и знаки-логограммы; при этом знаки-лого-

¹ Истрин В. А. Развитие письма. М., 1961, с. 62—63.

граммы были не только идеографическими, но и фонетическими. Переходным, но с более сильными элементами идеографии, было письмо шумеров (жили в долине Тигра и Евфрата, в Месопотамии), известное с IV тысячелетия до н.э. Китайское письмо уже во II тысячелетии до н.э. имело все признаки хорошо развитой идеографии.

По мере развития идеографии (логографии) в ней возникают все более точные способы различения слов, их значений. Появляются дополнительные к основному знаку детерминативы — значки, уточнители смысла, различавшие, например, разные слова одного звучания. Возникают сочетания знаков для передачи смысла сложных слов. Создаются фонетические идеограммы, назначение которых — обозначать звучание слов или их частей. Постепенно в недрах письма идеографического (логографического) развиваются элементы письма слогового, т. е. письма нового типа.

Развитие фонографии

Преращению идеограмм в фонограммы (знаки слогов) способствовали в истории письма некоторые обстоятельства, среди них: а) наличие в языках односложных слов; идеографический знак такого слова, особенно если он заимствовался другим языком, начинал осознаваться как знак звучания и я слова, а не его значения; так, в шумерском языке идеограмма слова *стрела* (по-шумерски *ti*) стала обозначать слог [ti]; б) необходимость обозначать на письме собственные имена: ведь для этого оказывались малопригодными идеограммы, так как собственное имя утрачивает понятийное, смысловое значение; собственные имена различаются звучанием и лишь очень слабо — значением, вернее, следами бывших значений, поэтому понятно влияние собственных имен на превращение идеограммы в фонограмму; в) наличие в языках слов-омонимов: чем больше их и чем чаще они применяются, тем сильнее побуждают они пишущего связать с ними особую идеограмму; г) наличие в языках слов-синонимов: для нескольких синонимов использовалась нередко одна и та же идеограмма; осознание различий между синонимами рождало знаки-уточнители, которые легко связывались в сознании пишущего с различиями синонимов по их звучанию; д) наличие в языках аффиксов; для обозначения некоторых из них создавались особые идеограммы, легко связывавшиеся со звучанием аффикса — вследствие абстрактности его значения; е) заимствования идеограмм из одного языка в другой; при заимствовании

знак мог восприниматься в его связи не со смыслом, а со звучанием соответствующего слова.

Разными путями шло формирование фонограмм в разных древних системах письма. Но результат был один — замена старого новым.

Наиболее древним слоговым письмом было шумерское позднего периода (примерно 2 тыс. лет до н.э.); близким ему было письмо ассирийско-вавилонское: и в том, и в другом слоговые фонограммы объединялись в одной системе с многочисленными идеограммами.

Другим очагом слогового письма были острова Крит и Кипр на Средиземном море. История критского и кипрского письма не вполне ясна.

Не очень ясны многие моменты развития и древнеиндийского письма. Во всяком случае достоверно известно, что в середине III века до н.э. в Индии были две слоговые системы — брахми и кхарошти. Обе эти системы (как и позже, к XIII в. н.э., сложившаяся система *деванагаги*) не имеют следов идеографии. Это заставляет думать, что у них был особый, отличный от только что описанного, путь развития.

Деванагари — весьма развитое и совершенное письмо. Первоначально оно обслуживало только санскрит. В настоящее время является государственным письмом Индии и обслуживает языки хинди, бенгали и др.

К числу слоговых систем принадлежит и эфиопское слоговое письмо, японское письмо *кана* (сложилось в VIII в. н.э. на основе китайского письма) в двух его разновидностях — *катакана* и *хирагана*; эти разновидности совпадают по количеству и звуковому значению знаков, но различаются некоторыми особенностями их начертаний, их формы.

В XIV в. нашей эры возникает корейское лигатурно-звуковое письмо (лигатура — два или несколько знаков, связанные в один).

Развитие буквенно-звукового письма

Первым буквенно-звуковым письмом было письмо финикийцев. Оно известно начиная с X—XI вв. до н.э. Его знаки, буквы обозначали отдельные звуки финикийских слов, причем обозначались согласные; обозначение гласных на письме отсутствовало. Всего было 22 буквы, сведенные в алфавит, т. е. имевшие определенный порядок перечисления. Буквы имели свои названия (*b* — «bet», *d* — «dalet», *g* — «gimel», *w* — «waw» и т. д.). Однако

о названиях букв мы узнаем не от самих финикийцев, а по более поздним документам.

Происхождение финикийского письма установлено не вполне точно. Есть три гипотезы его возникновения — египетская, ассиро-вавилонская и крито-микенская. Все три имеют сторонников. Есть ученые, предполагающие самостоятельное развитие финикийского буквенного письма. Более доказательной пока кажется гипотеза, связывающая финикийское письмо с более ранним, египетским.

К финикийскому письму восходят, через арамейское, письмо еврейское, письмо иранское, письмо сирийское и письмо арабское. Этот же источник и у наиболее развитого в древности греческого письма (VIII—VII вв. до н.э.). Древнегреческое письмо имеет 24 буквы для обозначения звуков (17 согласных и 7 гласных). Система букв строго соответствовала системе фонем древнегреческого языка. Буквы располагались в горизонтальные строчки. Направление письма греки изменили, стали писать не справа налево, а слева направо, пройдя стадию письма с поворотами (одна строка в одну сторону, вторая в другую и т. д.; такое направление строк называлось у греков *бустрофедон* — поворот борозды при пахоте земли).

На греческой основе сложилось латинское письмо в древнем Риме, послужившее позже, в свою очередь, источником развития современных европейских алфавитов.

На греческой же основе возникла кириллица, преобразованная в русский алфавит; русский алфавит, подобно латинскому, был принят позже как основа многих алфавитов — современного болгарского, сербского, украинского, белорусского, чувашского, башкирского, татарского, узбекского, якутского и др.

Графика Термин образован от греческого слова *graphikos* — письменный, нарисованный, изображенный. Этим термином обозначается часть науки о письме, изучающая начертания букв и соотношения между буквами и звуками. Графикой называют также алфавиты различных языков, имея в виду особенности начертания букв и соотношения этих букв со звуками.

Графику как учение интересуют типы букв по их начертанию, по особенностям их формы и типы букв по особенностям их «звуковых значений», т. е. по тому, какие звуки и при каких условиях той или иной буквой обозначаются.

По особенностям начертания резко, например, отличаются клинопись стран древнего Востока (Египет, Ассирия-Вавилония, Сирия и др.), орнаментальное сложное письмо арабов, строгие ясные очертания букв греческой азбуки, умеренно округлые формы латиницы, учащенно-закругленные, лишённые прямых углов и прямых линий знаки грузинского письма и т. д.

Даже буквы одного алфавита нередко имеют по несколько разновидностей. Вспомним русские заглавные рукописные и заглавные печатные буквы, строчные рукописные и строчные печатные; они достаточно заметно отличаются друг от друга, например: Д, д, Б, б, А, а и т. д.

По соотношению со звуками (по звуковому значению) буквы неоднородны и в одном и том же языке и тем более в разных языках.

Познакомимся с некоторыми различиями букв по их звуковому значению на знакомых нам фактах русского языка. У нас есть однозначные буквы, т. е. такие, которые применяются в разных случаях для обозначения только одного звука. Это, например, буквы ц и ч. В какие бы условия мы эти буквы ни ставили (т. е. как бы ни меняли их буквенное окружение), одна из них всегда будет обозначать один мягкий, слитный, переднеязычный [ч], а другая — твердый, слитный, переднеязычный [ц]. Других звуковых значений эти знаки не имеют.

Иное дело такие буквы, как д, в, о и многие другие. Каждая из них многозначна. Так, буква д может в разных положениях в слове обозначать четыре звука [д], [д'], [т] и [т']: *дом, идем, плод, сядь*. Буква в соответственно может обозначать четыре звука — [в], [в'], [ф] и [ф']: *вал, вел, коров, любовь*. Буква о по крайней мере двузначна: она может передавать звуки [о] и [а] — *вол, воли* (имеется в виду литературное, «какающее» произношение). В русском алфавите есть буквы, каждая из которых может обозначать одновременно два звука, это буквы ё, я, ю, ё: *яблоко, поехали, подъём, юноша*. Есть буквы, которые, на первый взгляд, лишены звуковых значений: наши твердый и мягкий знаки не обозначают никаких отдельных звуков, но зато участвуют вместе с другими знаками в буквенных обозначениях.

Таким образом, графика оказывается значительно сложнее, чем это обычно думают. К тому же надо сказать, что русская графика, на которую мы здесь бегло взглянули, не принадлежит к числу наиболее сложных. В этом отно-

шении ее превосходит графика французская, английская, немецкая и многие другие системы графики.

Разумеется, простота или сложность графики сказывается при изучении элементарной грамоты: чем сложнее графика, тем сложнее и правила правописания.

Орфография Термин создан на основе греческих слов *orphos* — прямой, правильный и *grapho* — пишу. Нередко применяется синонимичный термин «правописание».

Орфографией называется система правил, устанавливающих одинаковое написание одних и тех же слов. На ранних этапах развития письма таких правил, в сущности, не было: каждый писец обозначал буквами слова в меру своего разумения. Но постепенно сложились достаточно строгие правила правописания, распространяемые через школы, поддерживаемые литературой, защищаемые обществом и государством. Эти правила сложились и функционируют потому, что они нужны людям, нужны обществу. Для чего? Для того чтобы не затруднялось взаимопонимание людей, осуществляемое через письменную речь. Ведь если одно и то же слово, например *зарождаться*, одни будут писать так, как и показано, другие — *вараждацца*, третьи — *выражжаться*, четвертые — *зарождатся* и пятые — *зорождатца*, едва ли этот разноречивый (да если он будет захватывать чуть ли не каждое слово) обрадует людей, скорее он отнимет у них время и испортит настроение, не говоря уже о том, что во многих случаях будет исключена возможность взаимопонимания.

Вот почему у всех народов, имеющих письменность, вырабатываются рано или поздно орфографические правила. Обычно они устанавливаются под влиянием потребностей складывающихся национальных языков и под очень сильным влиянием печатного слова.

Все многообразие действующих в разных языках орфографических правил подчинено сравнительно немногим главным требованиям или, как принято говорить в науке о языке, принципам.

Фонетический принцип орфографии Наиболее сильные принципы — фонетический и морфологический. Первый требует, чтобы слова и их значащие части писались в соответствии с их произношением. По этому принципу пишутся у нас приставки на *з*: *разделить*, но *расписать*, *истопить*, но *избежать*, *воспеть*, но *возделать*; по этому же принципу мы пишем гласные в суффиксах под

ударением после шипящих: *белы́нок*, *малы́нка*, *девы́нка*, *ножы́нка*, *снежы́к*, *пушы́к*, *крючы́чек* и т. д.; сравним с этими написания: *замы́чек*, *овра́жек*, *горы́шек* и др. Есть орфографии, в которых фонетический принцип господствует, — такова, например, белорусская. Но чаще он «сосуществует» с другими, уступая им. Часто возникает вопрос, почему бы не сделать этот принцип единственным хотя бы в русской орфографии? Ведь как бы стало просто и легко: прислушайся к звучанию слова и напиши. Но дело в том, что в разных местах нашей большой страны одни и те же слова произносятся по-разному: в одном — [в'еду́], в другом — [в'иду́], а в третьем — [в'аду́]. Если все колебания произношения отразятся в написании слов, это не принесет облегчения, а породит лишь многочисленные случаи непонимания и вызовет требование реформировать орфографию.

Морфологический принцип орфографии Второй из наиболее сильных принципов — морфологический (иногда его называют фонематическим). Этот принцип требует писать одну и ту же морфему одинаково, независимо от изменений ее звучания, рождаемых действующими (а не ушедшими в прошлое) звуковыми законами. Например, морфема *плод* в форме *плоды* получает звук [а] и звук [д] на месте звуков [о] и [т] в исходной форме слова (т. е. в форме единственного числа именительного падежа мужского рода). В слове *плодоводство* та же морфема получает на месте [о] редуцированный заднего ряда. Однако все эти звуковые перемены не сказываются на письме: морфема имеет устойчивое обозначение *плод*.

Подчинен морфологическому (и, в сущности, является одним из его проявлений) принцип смысловозначительных (или дифференциальных) написаний, требующий не сливать на письме два соседних слова, например, частицу *не* и глагол или имя, наречие и имя прилагательное и т. д.

Исторический (традиционный) принцип орфографии Третий самостоятельный принцип — исторический (или традиционный). Он требует писать слова так, как принято было писать их раньше, в прошлом, требует писать по традиции, хотя бы такое написание и расходилось с современными, живыми представлениями о звуковом и морфемном составе слова. По традиции мы пишем и вместо *ы* после твердых шипящих *ж* и *ш*: *жир*, *шипит*. По традиции пишутся окончания *-ого* и *-его* в именах прилагательных в родительном падеже: *нового*, *летнего*; они

никак не соответствуют живому о них представлению говорящих на русском языке. По традиции исключаются из общего правила написания *оловянный, стеклянный, деревянный* или падежные формы *об умении, о здании* и т. д.

Орфографии различных языков различным образом сочетают три описанных принципа. В одних языках преобладает фонетический принцип, в других — морфологический, в третьих — традиционный. Весьма традиционна, например, орфография английского языка. Поэтому она и очень сложна, неизмеримо сложнее русской, чешской и многих других.

Орфографии время от времени реформируются, улучшаются, приводятся в большее соответствие с живым языком, от изменений которого они вновь неизбежно отстают. Однако частые реформы нежелательны. Всякая серьезная ломка орфографии вызывает множество неприятных для общества последствий: необходимость «переучиваться», печатать заново миллионы старых книг, преодолевать опасность непонимания того, что было напечатано раньше, преодолевать временный разрыв в написаниях, расшатывание письма, связанное с одновременным использованием в обществе старых и новых правил, и т. д. Но несмотря на это, общество бывает вынуждено время от времени улучшать орфографию, потому что выигрыш от такого улучшения в определенные моменты языкового развития оказывается больше, чем все потери, связанные с реформой.

Помимо общеупотребительных, известны и специализированные системы письма, обслуживающие профессиональные потребности. К числу таких специализированных систем принадлежит широко известная по названию стенография и «узко» известная транскрипция.

Стенография. Термин — от греческих слов *stenos* — узкий, тесный и *grapho* — пишу. Это особая система письма профессионального назначения, имеющая целью ускорение процесса письменной фиксации живой речи. Знаки стенографического письма представляют собой видоизменения существующих буквенных знаков или их элементов. Они применяются либо как идеограммы для обозначения смысла целых слов и даже их сочетаний, либо как фонотграммы, но обычно фиксируют целые слоги или даже сочетания слогов. Имеются особые «орфографические» правила, регулирующие единообразное обозначение на письме слов и их значащих частей. Стенография в несколько раз

ускоряет процесс записи звучащей речи. Широкое знакомство с ней было бы очень полезно и в практике вузовского обучения, и во многих областях умственного труда.

Транскрипция. Термин — от латинского слова *transcriptio* — переписывание. Этим термином называют особую, узкого назначения, искусственную систему письма, применяемую для точного обозначения звукового состава нашей речи. В некоторых случаях, особенно в исследовании и преподавании языка, бывает нужно по возможности точно записать звучание слова или куска связной речи. Но что значит точно? По крайней мере так, чтобы оказались обозначенными все звуки, которые есть в слове, чтобы не было «приписано» слову звуков, которых в нем нет, и чтобы обозначение звуков передавало их реальную последовательность в слове или речи.

Оказывается, эти не очень сложные задачи даже вполне современное письмо обычно разрешить не может. Попробуем записать по-русски несколько русских слов, скажем, слова *широко, Юлия и нравится* (3-е л. ед. ч.). В первом слове вторая и четвертая буквы не соответствуют звукам (звуки — [ы] и [а]); во втором — скрыты, не обозначены два звука «йот»: в самом начале слова между двумя гласными в конце слова; в третьем — приписаны звуки, которых в слове нет ([т] и [с]), и не обозначен звук, который есть ([ц]). Что же говорить об английском письме, в котором, как утверждает одна шутка, пишется «Манчестер», а читать надо «Ливерпуль»!

Главные требования, которым должна удовлетворять транскрипция, таковы: а) одним отдельным знаком (буквой) должен во всех случаях обозначаться один отдельный звук; б) одному и тому же звуку должен во всех случаях соответствовать один и тот же знак; в) один и тот же знак во всех случаях должен соответствовать одному и тому же звуку.

Можно различать три вида транскрипции — фонетическую, фонематическую и практическую.

Для фонетической и фонематической транскрипции нужны специальные наборы знаков, букв — фонетические алфавиты. Наиболее известен фонетический алфавит Международной фонетической ассоциации (МФА), напоминающий латинский алфавит, однако и заметно отличающийся от него. В этом фонетическом алфавите каждому звуку с определенными физиологическими признаками (согласный носовой, губно-губной, согласный дрожащий, дентально-

Губно-зубные	Губно-зубные	Дентальные альвеолярные	Ретро-альвеолярные флексивы	Палато-альвеолярные	Альвео-палатальные	Веларные	Увularные	Фарингальные	Гортанные
Взрывные	p b	t d	tʃ		c ʃ	k ɡ	q ɢ		ʔ
Носовые	m	n	ŋ		ɲ	ŋ	n		
Боковые фрикативные		ʎ b							
Боковые нефрикативные		l	l		ʎ				
Дрожжащие		r	r				r		
Одноударные		ʀ	ʀ				r		
Фрикативные	ф β	f v θ ð s z ʃ ʒ	ʂ ʐ			xy	χ ʁ	ħ ʕ	h ɦ
Срнаны	W ʉ	ʋ	ɹ		ɹ (ɹ)	(w)	ʁ		
Закрытые	(yɯ)				Перед-Централь-Зад				
Полу-закрытые	(ø o)				ние				
Полу-открытые	(œ e)				i y t ɕ ʉ				
Открытые	(ɔ)				eø				
					œ				
					æ				
					a				

Рис. 8. Международный фонетический алфавит (переработанный в 1932 г.)

альвеолярный, гласный открытый, центральный и т. д.) соответствует определенный знак. А так как любой знак любого языка можно охарактеризовать перечислением некоторых существенных физиологических признаков, то по таблице фонетического алфавита МФА (см. с. 252) можно составить фонетический алфавит для одного конкретного национального языка — русского, английского или какого-то другого.

В практической исследовательской и учебной работе в Советском Союзе нередко применяется фонетический алфавит, построенный на основе русской азбуки. В нем, по сравнению с азбукой, нет некоторых букв, например щ, я, ю, ё; некоторые буквы получили необычное для них звуковое значение, например буквы ь и ъ (они применяются для обозначения редуцированных звуков переднего и заднего ряда); введена дополнительно буква j для обозначения соответствующего звука, который в обычном нашем письме отдельно не обозначается.

В любой фонетический алфавит включаются и дополнительные транскрипционные значки (они часто называются диакритическими, от греч. *diakritikos* — различительный). Так, мягкость согласного обозначают обычно «апострофом», знаком запятой справа от буквы и над нею: [л'он], [ч'ялав'эк]; знаком долготы служит горизонтальная черточка над буквой: [л'о́ч'ик], [в'ана], [áла]; краткость передается дужкой, выгнутой книзу и поставленной над буквой: [раднá] пр'ирóдá]; слоговое звучание согласного обозначается небольшим кружочком под буквой (чешские слова [pts] — грудь, [rgve] — прежде, [vlk] — волк, [vlna] — шерсть, [vlñiti] — волновать); слияние в произношении двух соседних звуков обозначается дугой над буквами, выгнутой вверх, и т. д.

Выше было сказано, что фонетический алфавит нужен для фонетической и для фонематической транскрипций. Есть ли между ними разница?

Фонетическая транскрипция должна передавать фонемы во всех их вариантах; фонематическая транскрипция — только их основной вид. Так, в фонетической записи должны быть переданы различия между вариантами звуков [э], [а], [о] в словах *этот* и *эти*, *издали* и *даль*, *поле* и *окна*; фонематическая же транскрипция покажет в первых двух словах фонему [э], во вторых — фонему [а], в третьих — фонему [о] и не передает вариантов этих фонем.

Некоторые знаки русского фонетического алфавита
и их применение

Начер- танье знака	Звуковое значение	Примеры применения
а	Гласный нижнего подъема, среднезаднего ряда	ка́л, ба́л, ча́и, кага́, дама́
̣а	Тот же гласный, слабый	ка́дму̣, вы́шла̣, зап'эла̣
я	Гласный верхнего подъема, переднего ряда	в'я́л'и, ч'я́тка̣, к'я́н'
̣я	Тот же гласный, слабый	мы́ та́м, бы́л'и̣, вы́шл'и̣
э	Гласный среднего подъема, переднего ряда	д'э́ль бы́ль в'э́ч'ьрэм
э̣	Вариант гласного э, в слоге перед ударением	вл'э̣су́, н'э̣сли́, б'э̣д'ч'ат
ь	Вариант гласного а (графически а и о), ослабленный	д'раго́й, д'ьл'э̣ко́
ь	Вариант гласного э (графически е, а, я), ослабленный	вы́л'ьт'ьл̣, ч'э̣саво́й, р'ьдаво́й
д'	Согласный переднеязычный, взрывной, мягкий, звонкий	д'ьл'и́катыи̣, д'э́ла̣
ж'	Согласный переднеязычный, щелевой, мягкий, долгий, звонкий	дро́ж'и̣, в'и́ж'я́т
й	Согласный среднеязычный, щелевой, мягкий, звонкий	йо́лкэ̣, па́у́т, йэ̣жы́
и	Гласный верхнего подъема, среднего ряда, неслоговой	да́и̣, г'ьлубо́и̣
ш'	Согласный переднеязычный, щелевой, мягкий, долгий, глухой	ш'о́к'и̣, пуш'у́, ш'у́ка̣
н̄	Сонорный, носовой, переднеязычный, долгий	а́на̣, стра́на̣, ва́на̣

Так что фонематическая транскрипция, казалось бы, проще фонетической. Однако, если принять во внимание то, что общепринятой теории фонем нет, применение фонематической транскрипции оказывается различным, зависящим от понимания фонемы и установления границ между фонемами.

Транслитерация. Что касается упомянутой ранее практической транскрипции, то она представляет собою задачу звучания слов (чаще чужого языка) буквами обычного алфавита. Практика книгопечатания и издания газет нередко заставляет передать, например, по-русски английские, китайские, итальянские и иные слова, обычно имена собственные. Возникает в таких случаях вопрос — как это лучше сделать. Вспомним, как наши газеты передавали фамилию молодого американского пианиста — то *Клиберн*, то *Клайберн*. Фамилию американца, автора статистического словаря русского языка, можно встретить в трех вариантах — *Жоссельсон*, *Йоссельсон*, *Джоссельсон*; какой из них правильнее? Французы едва ли согласились бы с тем, как мы обозначаем имя их столицы — *Париж* (сами они пишут *Paris*, а произносят «Пари») и т. д.

Нужны какие-то, хотя бы не очень строгие правила передачи слов одного языка буквами другого. Эти правила нередко называются транслитерацией (от лат. *trans* — пере, через, сквозь и *litera* — буква). Так что практическая транскрипция и транслитерация друг другу помогают, да и граница между ними не всегда ясна.

XIV. О классификации языков

Каждая наука стремится получить обоснованные классификации изучаемых фактов. Ведь если получена доказательная классификация, это значит, что науке удалось увидеть и понять существенные свойства и признаки изучаемых явлений; классификация опирается на обобщение, а обобщение, в свою очередь, опирается на выделение во многих отдельных и разных предметах или явлениях каких-то общих для них и существенных свойств или признаков.

Наука о языке тоже ищет классификации, типологии языковых фактов. Она ищет и классификации целых языков, целых языковых структур. Пока получили научное признание две классификации языков (хотя было предложено больше) — генеалогическая и морфологическая.

Познакомимся с кратким изложением существа этих двух классификаций.

Генеалогическая классификация

Она опирается на историческое родство языков, устанавливаемое при помощи сравнительно-исторического метода.

Оказалось, что по признаку исторического родства языки могут быть разделены на несколько крупных разрядов, именуемых обычно семьями. Языки внутри одной семьи связаны близкими или далекими «родственными отношениями», а это значит, что в их структурах есть общие черты, которые можно было бы объяснить, приняв мысль о том, что все эти структуры восходят к некоему языку-предку, языку-основе. Языки, принадлежащие разным семьям, не обнаруживают признаков исторического родства: в них нет слов и форм, имеющих общее происхождение (разумеется, кроме слов-заимствований, которые могут проникнуть из одного источника и в родственные и в неродственные языки).

Каждая языковая семья включает в себя несколько языков. При этом одни семьи обнаруживают большее, другие меньшее внутрисемейное расхождение и сближение отдельных языков. Иначе говоря, одни языки внутри семьи могут оказаться более близкими друг другу, чем другие. Группировки языков внутри семьи называются обычно ветвями (группами). Языки одной ветви ближе друг другу, нежели языки двух ветвей. Например, славянские языки образуют особую ветвь индоевропейской семьи языков. Они ближе друг другу, нежели, скажем, русский и французский, польский и испанский, чешский и итальянский (французский, испанский и итальянский языки принадлежат к другой ветви — романских языков).

Внутри ветви также близость между языками может оказаться неодинаковой степени. Поэтому некоторые ветви членятся на группы (подгруппы). Вспомним известное нам деление славянских языков на южнославянские, восточнославянские и западнославянские.

Могут оказаться и языки «вне классификации»; у них не обнаруживается языков-родственников.

Вот некоторые фактические сведения о принятой в настоящее время генеалогической классификации языков.

1. Индоевропейская семья языков. Эта самая крупная из всех языковых семей. Включает в себя более 10 ветвей (или групп). Вот некоторые из них.

1. Индийская. В нее входит прежде всего язык **хиндустани** (или **индустани**), на котором говорит более 150 млн. человек. Этот язык имеет две литературные формы — **хинди** и **урду**.

Бенгали; на нем говорит более 90 млн. человек.

Пенджаби; им обслуживается население свыше 40 млн. человек.

В индийскую ветвь входят и другие языки, среди них — **цыганский** и ныне почти не применяемый знаменитый **санскрит**.

2. Иранская. Эта ветвь (группа) объединяет более двадцати языков. В их числе — **персидский**, **афганский**, **таджикский**, **осетинский**, **курдский** и др.; к иранским языкам принадлежат и ныне мертвые, но в свое время очень известные языки — **древнеперсидский**, **пехлеви**, **скифский** и др.

3. Балтийская. Включает в себя языки **литовский**, **латышский**, **латгальский** (на востоке Латвии) и

мертвый прусский. Ученые устанавливают близость балтийских и славянских языков.

4. **С л а в я н с к а я**. В нее входят несколько языков, объединяемых в три подгруппы — восточнославянскую, западнославянскую, южнославянскую.

Восточнославянские языки: русский (на нем говорит более 200 млн. человек), украинский (более 40 млн.) и белорусский (более 10 млн.).

Западнославянские языки: чешский (более 9 млн.), словацкий (более 3 млн.), польский (более 35 млн.), кашубский (около 150 тыс., распространен на побережье Балтийского моря и у г. Гданьска в Польше), сербсколужицкий (около 100 тыс., известен в Лузании, по реке Шпрее, в Германии); к западнославянским принадлежал и ныне мертвый полабский, который был распространен по берегам реки Лабы (Эльбы) и жил до XVIII в. Южнославянские языки: болгарский (на нем говорит более 8 млн. человек), македонский, сербскохорватский (более 12 млн.), словенский, он же словинский (около 1,5 млн.); к южнославянским принадлежал и ныне мертвый старославянский язык — литературный язык древней Болгарии, применявшийся и в других славянских странах.

5. **Г е р м а н с к а я** ветвь (группа) включает в себя такие известные и распространенные языки, как английский (на нем говорит более 270 млн. человек в Англии, Соединенных Штатах Америки и других странах), немецкий (около 100 млн.), шведский (более 9 млн.), норвежский (около 5 млн.), датский (более 5 млн.), голландский (около 16 млн.), исландский и др. Английский, немецкий и голландский принадлежат (из ряда перечисленных) к западногерманской подгруппе, остальные — северогерманские.

6. **Р о м а н с к а я** ветвь (группа). В нее входит около 15 языков, среди них: французский (на нем говорит свыше 60 млн. человек), итальянский (тоже свыше 60 млн.), испанский (около 150 млн., применяется не только в Испании, но также в республиках Центральной и Южной Америки, кроме Бразилии), португальский (более 80 млн., применяется в Португалии, Испании, Бразилии), румынский (более 17 млн.), молдавский (более 2 млн., очень близок румынскому). В романскую ветвь входил и латинский язык, не применяемый ныне в живом общении, оказавший очень большое влияние на развитие всех живых романских языков.

К числу индоевропейских относятся также немногочисленные кельтские языки (ирландский, шотландский, бретонский — на полуострове Бретань во Франции и некоторые другие), греческие (современный греческий и древнегреческий), особо стоящий албанский язык, особо стоящий армянский, немногочисленные хеттские, известные только по памятникам письменности, и тохарские, известные только по рукописям.

II. **Угро-финская семья языков**. В нее входят две ветви (группы) — угорская и финская. К первой принадлежат венгерский (он же мадярский), на котором говорит более 14 млн. человек, затем мансийский (вогульский, манси) и хантыйский (остяцкий). К финской принадлежит большее число языков — финский (суоми), на котором говорит более 5 млн. человек, эстонский (более 1 млн.), карельский, коми-зырянский, коми-пермяцкий, удмуртский, марийский, мордовский и некоторые другие.

III. **Тюркская семья**. Объединяет более тридцати языков, среди которых: турецкий (на нем говорит более 25 млн.), туркменский (более 2 млн.), узбекский (более 8 млн.), азербайджанский (около 7 млн. в Иране и Азербайджане), татарский (более 5 млн.), башкирский (около 1 млн.), якутский, киргизский, чувашский, алтайский (ойротский) и др.; в числе тюркских и ныне мертвые — печенежский, половецкий, древнесуйгурский, булгарский, хазарский и некоторые другие.

IV. **Семито-хамитская семья**. Подразделяется на ветви семитскую и хамитскую. К числу семитских языков принадлежат: арабский (на нем говорит более 85 млн. человек), амхарский (в Эфиопии), ныне мертвые, в прошлом известные языки — ассирийско-вавилонский (он же аккадский), древнееврейский (иначе, оживляемый в Израиле), финикийский и др. К числу хамитских принадлежат многие живые и мертвые языки, среди них древнеегипетский (язык иероглифических древних надписей) и коптский (наследник древнеегипетского в средние века, культовый язык православной церкви в Египте).

V. **Кавказская семья**. Она многочисленна и разнообразна. Родственные отношения внутри нее не вполне еще определены наукой. Назовем лишь немногие языки из многих: грузинский, дагестанские (аварский, лезгинский, лакский и др.), черкесские (адыгейский, кабардинский), абхазские (абхазский, абазинский), чеченский, ингушский и др.

Помимо названных, известны еще семьи — самодийская (венецкий, селькупский и некоторые другие), монгольская (халха-монгольский, бурят-монгольский, калмыкский), тувусо-маньчжурская (маньчжурский, нанайский, эвенкийский и др.), китайско-тибетская (китайский, дунганский, вьетнамский, сиамский, тибетский, бирманский и др.), малайско-полинезийская (малайский, бали, кави, яванские, маори, самоа и др.), языки папуа (на острове Новая Гвинея), языки банту, палеоафриканская семья языков, палеоазиатская (чукотский, корякский и др.). Некоторые языки оказываются вне общей классификации, не входят ни в одну из семей; к ним принадлежит и японский. Многие языки так слабо еще изучены, что не попадают ни в какие классификационные перечни¹.

Даже этот беглый и скупой обзор родственных связей между языками говорит об их историческом и современном многообразии и разнообразии.

*Морфологическая
(типологическая)
классификация*

На протяжении XIX и XX вв. наука о языке разрабатывает и вторую классификацию языков, получившую название морфологической (или типологической).

Хороший обзор поисков в этой области науки предложил вниманию читателя проф. А. А. Реформатский². Он же убедительно показал, что наука не сумела получить пока вполне удовлетворительных результатов в своих многократных попытках установить морфологические типы языков.

Но все же некоторые результаты получены и признаны. Можно говорить о существовании четырех морфологических типов, объединяющих, хотя и не очень строго, многие языки мира. По какому же признаку объединяются языки в один и тот же тип? По-видимому, по устойчивым и характерным для данного языка признакам в морфологическом строении слова.

Флективные языки. Уже обращалось внимание читателя на то, что в морфологической структуре слова некоторых языков велика роль флексии. Флексия как бы завершает чеканку, выделку различных грамматических видоизменений одного и того же слова, его грамматических форм

¹ Сведения о генеалогической классификации языков даны с ориентацией на группировку языков, предложенную А. А. Реформатским.

² См. Реформатский А. А. Введение в языкознание, с. 352—362.

Поэтому в таких языках флексия — устойчивый и существенный признак морфологической структуры слова. Языки, располагающие этим признаком, и составляют один морфологический тип — флективный. К этому типу принадлежат прежде всего индоевропейские языки и затем семито-хамитские, имеющие внутреннюю флексию; однако семито-хамитским языкам свойственны в большей мере и признаки агглютинативности; поэтому акад. Ф. Ф. Фортунатов обоснованно видел в этих языках промежуточный тип.

Агглютинативные языки. Возвращаясь к уже сказанному, вспомним, что для ряда языков характерна агглютинация, т. е. последовательное «приклеивание» к основному особым аффиксов, каждый из которых выражает только одно грамматическое значение. Такие аффиксы оказываются устойчивой и существенной приметой морфологической структуры слова. Языки, обладающие такой приметой, образуют второй морфологический тип — агглютинативный. К этому типу принадлежат тюркские, угрофинские, монгольские, дравидские языки, языки банту, японский и др. Разумеется, степень и четкость агглютинации не во всех перечисленных языках одинакова.

Изолирующие (корневые) языки. Долгое время языки этого типа называли аморфными, предполагая, что они лишены грамматической (точнее, морфологической) формы. Но оказалось, что аморфных языков вообще нет: если языку присущ грамматический строй (а ныне существующие языки лишены грамматического строя быть не могут), то тем самым его словам обязательно присуща та или иная грамматическая оформленность и «форма», она может быть лишь привычной для нас или непривычной. Для нас, европейцев, непривычны грамматические формы китайского языка, поэтому, вероятно, китайский язык долго признавался морфологически бесформенным, не имеющим даже частей речи. Оказалось, что все это неверно.

Какими же устойчивыми и существенными признаками характеризуется морфологическая структура слова в корневых (изолирующих) языках? Мимоходом мы уже говорили об этом. В таких языках нет аффиксов формообразования, нет, разумеется, и грамматического изменения слова, связанного с такими аффиксами. Поэтому слово равно основе («корню»). Отсюда идет и одно из названий таких языков («корневые»). Языки флективные и агглютинативные можно бы, противопоставляя их корневым, назвать

аффиксальными. Отсутствие аффиксов формообразования влияет и на выражение связи между словами: эта связь в корневых языках менее формальна, менее «грамматична», более свободна и «семантическая», чем в языках аффиксальных. Отсюда идет второе название корневых языков — их часто именуют изолирующими. В них слова лишены аффиксальных показателей взаимной зависимости и в этом (только в этом!) смысле они «изолированы» друг от друга в составе высказывания. К числу корневых принадлежат языки — китайский, таи, бирманский и др., главным образом в Юго-Восточной Азии.

Полисинтетические (инкорпорирующие) языки. Нам уже пришлось говорить об инкорпорировании. Это явление свойственно индейским языкам Америки и палеоазиатским языкам Азии (чукотский, корякский, камчадалский и др.). Устойчивым и характерным признаком морфологической структуры слова в этих языках является ее незавершенность, «неокончателность»: слово приобретает своеобразную структуру только в составе предложения. Грамматическое построение высказывания вместе с тем оказывается и окончанием грамматического построения слова. Впрочем, здесь нужно сказать, что наши представления об инкорпорировании (полисинтетизме) еще неустойчивы и неясны. Возможно, что это явление требует иного, чем это принято, истолкования.

Конечно, было бы наивно думать, что языки одного типа во всех своих словах и их формах несут типовые признаки — флексию, агглютинацию, неаффиксацию и т. д. Обычно типовой признак — лишь более или менее часто встречающийся в словах, но отнюдь не обязательный для каждого из них. В русском языке, например, флективность — устойчивый для него и существенный показатель; но ему не чужда и агглютинация, хотя и своеобразная, например, в формах прошедшего времени (*чита-л, говори-л-а, дума-л-и*), в формах повелительного наклонения (*вез-и-те, ид-и-те, пиш-и-те*), в образовании страдательных глаголов от действительных (*читать — читать-ся, протирать — протирать-ся, покупать — покупать-ся*). Русскому языку не чужды и элементы «изолированности»: *иду вот быстро домой; пел, конечно, долго и не отдыхая; рано вечером здесь значительно теплее, чем днем*, и т. д. Ведь в этих высказываниях выделенные слова нефлективны и неагглютинативны, они напоминают по отсутствию этих признаков часто употребляемые слова корневых

языков. Так что «чистых» языков с точки зрения их морфологической классификации нет, как нет и типового превосходства: язык одного типа с течением времени может измениться в язык другого типа, например современный английский утрачивает признаки флективного и быстро усиливает признаки корневого.

Обычно, когда излагают сведения о морфологической классификации языков, говорят и о различении языков аналитических и синтетических (упоминание об этом различении уже было ранее). Но в сущности синтетизм и аналитизм прямого отношения к морфологической классификации не имеет. Ведь синтетизм — это наличие в полнозначных словах таких формальных показателей, которые указывают на связи этих слов друг с другом. Флексия — один из таких показателей. Аналитизм — это отсутствие в полнозначных словах показателей их связи друг с другом, поэтому такие слова прибегают к помощи других, служебных слов и передают им функции показателей связи. Однако если нет «чистых» морфологических типов, то тем более нет «чистых» аналитических или синтетических языков. Поэтому их деление на синтетические и аналитические очень условно, оно означает лишь то, что по традиции принято думать, например, что в русском языке синтетизм сильнее аналитизма, а в английском аналитизм сильнее синтетизма. Возможно, что это и так, хотя это должно быть проверено при помощи какой-то строгой методики.

Может быть, полезно было бы задуматься и над вопросом о том, нельзя ли получить иные (кроме описанных) классификации языков. По-видимому, можно. Попытки получить иные классификации делались. Одна из них принадлежит Н. Я. Марру, который думал разделить языки на типы в зависимости от стадии развития. Однако эта попытка пользы науке не принесла, потому что была беспочвенной. Видимо, иные классификации могут быть построены на основе устойчивых и существенных признаков фонетической, словообразовательной, семантико-лексической и синтаксической структуры языков. В частности, в настоящее время осуществляются попытки построить так называемую типологическую классификацию языков. В основу этой классификации должны быть положены сходства и различия существенных особенностей структуры языков различных народов.

XV. О методах лингвистического исследования

Вступительные замечания

В начальной, средней и высшей школе учащиеся усваивают избранный круг научных знаний о природе и обществе.

В процессе обучения эти знания передаются теми, кто учит, тому, кто учится. Причем эти знания, как правило, представляют собою уже полученные наукой и проверенные ею результаты познания мира. Обучающий и обучаемый берут их, если можно так сказать, в готовом виде.

Процесс передачи готовых знаний во время обучения резко, качественно отличается от процесса получения новых знаний учеными во время исследования. Ведь науку интересует прежде всего не то, что уже узнано, понято, открыто, а то, что еще не узнано, еще не понято, еще не открыто. Так что процесс научного исследования — это процесс превращения неизвестного в известное, это постоянная разведка мыслью неизученных областей жизни, прокладывание мыслью светлых путей знания в еще темных для науки участках действительности.

Вот почему научное исследование качественно отличается от учебного освоения знаний, каким бы сложным и широким оно ни было. Вместе с тем в сумму усваиваемых в вузах знаний должны входить и знания о том, как же идет научное исследование, как работает ученый. Это необходимо потому, что умственный труд специалиста любой профессии должен в идеале приближаться в своем качестве к труду ученого, т. е. человека, открывающего

новое. Ученый — это, в сущности, не звание и даже не профессия, а тип мышления, качество умственного труда.

Одним из главных и необходимых условий такого мышления являются особые способы познания мира, именуемые исследовательскими методами и методиками. Наука о языке, как и другие области науки, имеет целый «набор» таких способов, поэтому без знакомства с ними не может быть удовлетворительного знакомства с самой наукой.

Понятие об исследовательском методе

Термин метод (от греч. *methodos* — исследование, учение, путь познания) неоднозначен: он применяется в общенаучном, философском смысле, затем в специально-научном, т. е. относящемся к определенной области науки (физика, математика, языкознание и т. д.), и в смысле, совпадающем со смыслом слова-термина методика.

В общенаучном, философском смысле термин метод обозначает путь познания и истолкования любого явления жизни. Понятно, что такой метод окажется одним и тем же, в какой бы специальной области науки он ни использовался. Так, для всех ученых-марксистов приемлем лишь один философский метод — метод диалектического и исторического материализма. Этот метод требует от ученого любое явление действительности видеть и объяснять на основе единства материи и сознания, первичности материи и вторичности сознания, признания объективности законов природы, на основе связи и взаимодействия предметов и явлений, их включенности в непрерывный процесс развития, противоречивости этого развития, взаимодействия качественных и количественных изменений и т. д. Метод диалектического и исторического материализма противостоит в современной мировой науке другим методам, воплощающим идеалистические и псевдоматериалистические философские воззрения.

В специально-научном смысле слово метод обозначает путь познания и истолкования явлений, используемый в той или иной отдельной науке (физике, химии, биологии, математике, лингвистике и т. д.). В этом именно смысле говорят о методах биологического исследования, лингвистического исследования, математических методах и др. Каждому из таких методов соответствует своя центральная исследовательская задача (которую должен видеть исследователь),

свой «участок» изучаемого наукой объекта (например, языка), свой круг главных требований, предъявляемых методом исследователю.

Так, в языкознании долгое время главным методом признавался сравнительно-исторический. Ему соответствовала центральная задача — изучение законов развития родственных языков, соответствовал «участок» языковой структуры — родственные явления родственных языков, этот метод требовал от применявших его ученых весь сложный процесс собирания, классификации, объяснения фактов подчинять центральной научной задаче.

Широко известный ныне структурный метод имеет иную центральную задачу — изучение отношений и связей между элементами языковой структуры; у него свой «участок» языка как общего объекта лингвистической науки — это система структурных отношений; требования этого метода подчиняют работу ученого достижению главной цели.

Специальные исследовательские методы находятся в известной зависимости от философского метода, видоизменяются под его влиянием.

Например, структурный метод неодинаково применяется американскими, датскими и чешскими его последователями, потому что общеполитическое понимание языка и его отношения к действительности у этих ученых различно. Можно говорить и об особенностях структурного метода в нашей стране, что объясняется прежде всего тем, что наши лингвисты стремятся решать свои исследовательские задачи на основе марксистского философского метода. Об этих различиях структурного метода коротко будет сказано позже, когда будут характеризоваться различные методы и методики языкознания.

Каждый специальный исследовательский метод воплощается в практике научной работы в ту или иную систему логических действий ученого и в ту или иную систему повторяющихся, более или менее стандартизированных приемов собирания, обработки и обобщения фактов; такую систему приемов тоже нередко называют методом; удобнее ее называть термином *методика*. Исследовательский метод определяет путь познания и истолкования фактов, а методика дает в руки ученого сами факты, группирует их, классифицирует, приводит их в нужный ученому порядок, показывает их с нужной стороны, ставит их в различные положения, позволяет получать их различные научные, логические отображения и т. д. Если метод — это

путь, прокладываемый к истине, то методика — инструменты, нужные для расчистки и «устроения» этого пути.

Есть, разумеется, определенная связь между исследовательским методом и методикой. Но эта связь не жесткая, разные методики могут обслуживать один и тот же метод. Таким образом, философский метод, специальный исследовательский метод и методика исследования — вот «три кита», на которых держится и движется весь «механизм» науки.

После этих предварительных пояснений сделаем попытку пристальнее всмотреться в некоторые специальные лингвистические методы и некоторые методики науки о языке. Не забудем при этом, что ни строгой теории методов, ни их истории пока еще нет.

Описательный метод Название метода неточно. Оно заставляет думать, будто этот метод позволяет науке лишь описывать те или иные явления языка. Между тем на самом деле он требует неизмеримо большего — и понимания, и анализа, и теоретического истолкования явлений языка, рассматриваемых в их «работе».

Описательный метод применяется для изучения социального функционирования языка, для описания и анализа элементов и частей работающего «языкового механизма». Он требует тщательной и точной характеристики фонем, морфем, слов, грамматических категорий и форм и т. д. Каждый из этих элементов может и должен рассматриваться и формально и семантически, — по крайней мере такова конечная задача. Именно этот метод до сих пор наиболее полно и прочно связывает лингвистику с нуждами общества. На основе этого метода были созданы и создаются вновь многочисленные так называемые описательные грамматики различных языков, необходимые для их изучения; на основе этого же метода написаны толковые словари различных языков — база лексикологических исследований и одно из условий успеха науки в борьбе за речевую культуру общества.

«Описание» фактов языка, требуемое этим методом, является в действительности их качественным анализом, их систематизацией, создающей теорию элементов и частей работающей языковой структуры. Достижения описательного метода велики и бесспорны, хотя и не вполне ясно осознаны: они часто и незаконно связываются с другими методами, обычно сравнительно-историческим, по-видимому, потому, что «описательные» работы по языку соз-

давались теми же учеными, кто создавал и развивал теорию и практику сравнительно-исторической науки.

Разумеется, описательный метод развивается вместе с развитием лингвистики, дифференцируется в зависимости от принадлежности ученого к той или иной из ее школ и направлений. Так, по-разному осуществляли описательное изучение языка сторонники логико-грамматической школы Ф. И. Буслаева, грамматико-психологической школы А. А. Потебни, формально-грамматической школы Ф. Ф. Фортунатова. В настоящее время описательный метод отчетливо взаимодействует со структурным методом (об этом см. ниже).

Сравнительно-исторический метод

Сравнительно-исторический метод возник в начале XIX в. и «окрасил» собою всю лингвистическую науку этого столетия, затенив другие методы. Главная, стержневая задача сравнительно-исторического метода — открытие законов, управлявших развитием родственных языков в прошлом. Соответствует этой задаче и предмет исследования — совокупности родственных фактов в родственных языках, законы, воплощенные в этих фактах и сохраненные ими от далекого прошлого. Так что если описательный метод повернут к настоящему языку, то сравнительно-исторический — к прошлому, притом очень и очень далекому, не засвидетельствованному непосредственно никакими письменными документами.

Ученые, пользующиеся сравнительно-историческим методом, нередко стремились к тому, чтобы восстановить, реконструировать общие для ряда языков слова и их формы — восстановить в том виде, который они могли иметь до разделения предполагаемого языка-основы на несколько родственных языков. Например, предполагается существование в далеком прошлом некоего языка-основы, в результате сложной дифференциации (деления, расхождения) которого возникли известные позже индоевропейские языки, в их числе древнегреческий, латинский, санскрит, балтийские, славянские и др. Предположение о далеком языке-основе выдвигается в результате изучения сходных по звучанию и значению слов и их форм, обнаруживаемых путем сравнительно-исторических наблюдений над фактами, зарегистрированными в памятниках письменности. Такие языки признаются родственными, т. е. имеющими в прошлом общий язык-источник, из которого они развивались. Например, в древнерусском было слово *берегъ*, в ста-

рославянском — *brъgъ*, в польском — *brzeg*, в древнегерманском — *berg*, в санскрите — *brhan*, в древнеирландском — *brigt* и т. д. Звучание и значение всех этих слов сходны. То же явление можно наблюдать в ряду слов: древнерусское — *сѣзда*, старославянское — *sežda*, польское — *gwiazda*, древнепрussкое — *swāigstan*, латышское — *swāigsne* и т. д. Внимательное изучение подобных рядов позволяет установить регулярные соответствия одних звуков другим в разных родственных языках, например, *o—a—e*, *e—ж—з*, *oi—ei—ī* и многие другие. Анализ звуковых соответствий и позволил первоначально выдвинуть гипотезу о родстве языков и о действии в прошлом ряда звуковых законов, вызвавших регулярные чередования отдельных звуков и их сочетаний. Сравнительно-исторический метод дал немало серьезных результатов в изучении родства языков, в изучении закономерностей исторического развития звуковой и морфологической структуры. Но он дал мало в исследовании семантики, лексики и синтаксиса. Этимологические сравнительно-исторические разыскания бывали спорными и часто отвергались, звуковые законы нередко оспаривались, восстановленные «архетипы» (древнейшие формы слов, признаваемые формами-основами) оказывались отнесенными неизвестно к какому времени, реконструированные системы склонения и спряжения не могли быть приписаны ни одному конкретному языку в прошлом, неродственные языки и неродственные факты родственных языков вообще не изучались. Ученые, разумеется, не могли не видеть этих и иных недостатков метода и пытались улучшить его, сделать более точным и более результативным. Ради улучшения метода его сторонники обращались за помощью к другим методам; в настоящее время растет интерес исследователей-индоевроведов (так нередко называют тех, кто применяет сравнительно-исторический метод) к новому, структурному анализу языков.

Одновременно со сравнительно-историческим складывался и развивался близкий ему и в то же время заметно отличающийся от него исторический метод. Его центральная задача — исследование, познание развития фонетики, морфологии синтаксиса и других сторон структуры отдельного конкретного языка. Предметом исследования оказывается языковая структура в ее историческом развитии, закономерности такого развития.

Этот метод требует от исследователя сопоставления сменяющих друг друга — в процессе развития — состояний структурных элементов языка, установления внутриязыковых и внеязыковых причин наблюдаемых изменений; он требует учета многообразных и сложных связей изменяющихся явлений языка друг с другом и с разнообразными явлениями истории народа, его культуры, общественных отношений, сознания, государства и т. д.

Правда, столь сложное понимание задач и требований исторического метода вырисовывалось лишь постепенно, на протяжении многих десятилетий его применения. Да и к настоящему времени исторический метод не приобрел вполне отчетливого лица. Многие работы по истории, например, русского языка, выполненные в русле этого метода, представляют собою регистрацию фактов, сопровождаемую минимальными теоретическими пояснениями типологии этих фактов и причин их изменения. Как правило, не удается сколько-нибудь полно установить взаимозависимость изменяющихся явлений и их зависимость от изменения неязыковой действительности. Не удается сформулировать строгое и непротиворечивое понимание многих закономерностей развития лексики, морфологии, синтаксиса и фонетики. И тем не менее успехи лингвистической науки, связанные с применением исторического метода, заметны и небесперспективны. Создано немало исторических исследований различных языков, постепенно рисующих все более полную и точную картину их истории. Недостатки исторического метода анализируются; метод усиливается путем союза с другими, сопредельными в науке, в частности с описательным, сравнительно-историческим, а ныне и структурным.

На стыке исторического и сравнительно-исторического метода возникает метод внутренней реконструкции. Этот метод имеет целью восстановление участков и элементов в языковых структурах, не зафиксированных или неполно зафиксированных памятниками письменности. Цель эта достигается приемами, напоминающими те, которые применяются в сравнительно-исторических исследованиях. Сравниваются семантически и формально близкие явления одного и того же языка и на основании такого сравнения выдвигаются гипотезы относительно далекого прошлого этих явлений. Например, сравнивая различные значения, выражаемые приставкой *за-* в современных глаголах литературного языка и русских диалек-

тах, можно составить известное, достаточно достоверное мнение о том, какие значения были наиболее ранними и в какой последовательности шло их наслонение.

Сопоставительный метод Подобно описательному, он направлен на настоящее, на работу языковой структуры. Но в отличие от описательного имеет стержневой задачей познание сходства и различий структуры двух или даже нескольких языков. Таким образом, главный предмет исследования для сопоставительного метода — структуры двух языков в их сходствах и различиях. Естественно, что этот метод требует постоянных и продуманных сопоставлений звуков одного языка со звуками другого, лексики одного языка с лексикой другого, морфологии одного языка с морфологией другого и т. д. Эти сопоставления должны охватывать как отдельные элементы, так и целые участки структуры, например, глагол в русском языке и глагол в английском.

При таком подходе к языку удается глубже понять сущность языковой структуры, ее особенности в отдельных языках, типы языковых структур или их частей. Отчетливее становятся структурные варианты грамматических категорий, фонетических систем и многое другое. Неоценимо значение исследований, выполненных на основе сопоставительного метода, для практики обучения иностранным языкам, для теории и практики перевода. Многочисленные сопоставительные грамматики и двуязычные словари — убеждающие свидетели практической роли и практической ориентированности сопоставительного метода.

Структурный метод Этот метод — детище XX в. — сложился под воздействием работ русского и польского ученого И. А. Бодуэна де Куртене, швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра, русского языковеда Н. С. Трубецкого и др. Центральная цель этого метода — познание языка как целостной функционирующей структуры, элементы и части которой соотношены и связаны строгой системой лингвистических отношений. Этот метод в известной мере является продолжением в новом направлении описательного метода: и тот и другой имеют в виду функционирование языка. Однако описательный метод «берет» прежде всего «наборы» действующих в языке частей и элементов, а структурный — отношения, связи, зависимости между этими частями и элементами. Эти два метода дополняют друг друга и обещают, если

осуществится их разумный союз, дать полную и точную картину работающих языков.

Естественно, что структурный метод, выдвинув для решения новую центральную задачу и определив новый предмет исследования, начал предъявлять и новые требования, в числе которых различие генетического и функционального взгляда на язык, различие языка и речи, последовательное определение сходства и различий между соотносительными элементами языка, создание строго работающих методик, заимствования идей и методик исследования у точных наук и т. д.

Говорилось уже о том, что структурный метод (как, впрочем, и любой иной) находится в известной зависимости от философского метода исследователей. Эта зависимость сказывается, в частности, в том, что внутри структурного метода существуют его разновидности, отличающиеся как раз прежде всего философским пониманием языка и задач науки. Так, копенгагенская школа структурализма (современное широкое течение в науке о языке, применяющее структурный метод) настаивает на том, что язык — это система отношений и что для его понимания нужно исследовать именно эти отношения, или, по-иному, знаковые функции одних элементов по отношению к другим. Такое понимание языка и задач его изучения диктуется идеалистическими взглядами главы копенгагенской школы Л. Ельмслева.

Американская разновидность структурного метода характеризуется стремлением описать язык чисто формальным образом, на основе перечисления всех окружений изучаемого элемента другими элементами, всех соседств изучаемого элемента с другими, т. е., как предполагается, без обращения к смыслу слов, словосочетаний и предложений. Идеалистический характер понимания языка, лежащего в основе такого требования, очевиден: единство языка и сознания этим пониманием отрицается.

Пражская разновидность структурного метода сложилась под сильным влиянием материалистических, по существу, взглядов на язык,шедших из русской науки через Бодуэна, Фортунатова, Щербу, Шахматова, Трубецкого, и под влиянием здоровых философских исканий чехов. Поэтому пражская школа структурализма видит необходимость исследования не только отношений между элементами языка, но и самих элементов; прагмы видят и признают взаимосвязь генетического и функционального планов

и жизни языка («синхрония» и «диахрония»); они признают необходимость обращения к области языковых значений в изучении языковой структуры; они видят зависимость этой структуры от внешних влияний на нее, идущих со стороны общества, и т. д.

Несомненно, что и молодая разновидность структурного метода в нашей стране должна будет определить свои принципы в соответствии с философским методом диалектического материализма.

К настоящему времени структурный метод не может предложить исследования, равные по социальной весомости исследованиям, выполненным на основе других, более ранних методов. Но он может дать науке и практике обновленное и уточненное описание и понимание многих явлений языка, он поможет решить и новые задачи, поставленные перед прикладными отраслями языкознания — машинным переводом, автоматическим извлечением информации из текстов и т. д.

Можно надеяться, что по мере развития науки о языке будет крепнуть понимание простой, в сущности, вещи: структурный метод и другие методы — не конкуренты, а союзники, каждый из них имеет объективные условия возникновения и развития, заложенные в свойствах языка и науки о нем, каждый из них решает свой круг главных лингвистических задач, и все они вместе, взаимодействуя, борясь и сотрудничая, делают науку о языке все более точной, строгой и действенной, создавая все более правдивую и широкую картину сложнейшей и многосторонней структуры языков прошлого и наших дней.

Стилистический метод

О нем хочется сказать только потому, что очень велик круг специалистов и любителей, занимающихся изучением вопросов стиля языка, стиля речи, поэтической речи и т. д. В науке появилась новая стержневая задача — познать природу и признаки стилей языка и стилей речи. Это значит, что стили осознаются в качестве особого и самостоятельного предмета изучения. Вызревают и особые требования, предъявляемые исследователям этой области языка и речи. Эти требования во многом отличаются от тех, которые предъявляются другими языковедческими методами. Изучать стили языка — это изучать прежде всего то, что их образует, а именно, дифференциацию языковых средств по различным областям жизни и деятельности общества. Наши привычные представления о словах, частях

речи, членах предложения, предложениях, фонемах складывались на основе убеждения в том, что они одинаковы во всех случаях их социального назначения. Однако это не так. Глагол в публицистике отличается от глагола в художественной литературе. Простое предложение в науке не такое, каким мы его знаем по бытовой речи. Даже фонемы «ведут себя» в деловом докладе не так, как в блоковой лирике.

Острая проблема стилевой дифференциации структурных элементов и «участков» языка осложняется и дополняется не менее острой проблемой применения этих структурных элементов, их «рядов» в разновидностях художественной, публицистической, научной и иной речи, именуемых речевыми стилями. Каждый из речевых стилей множеством переходов связан, соотносен и с другими речевыми стилями, и с выражаемым содержанием, и с речевыми традициями, и с эстетическими идеалами своего времени, и с личностью автора произведения и т. д. и т. д. Как все это «взвесить», расчленив, синтезировать для того, чтобы получить объективные научные, а не импрессионистические данные о стилях?

Вот почему сейчас идут широкие поиски в области нового метода. Определилась его стержневая задача. Известен предмет его исследования. Неотчетливы и противоречивы его требования. Это признак его молодости. Он не оформился, да и едва ли скоро приобретет отчетливую форму. Он резко меняется и колеблется — даже в нашей науке — от формального до крайне семантизированного, от точных статистических характеристик до субъективно-импрессионистических размышлений.

Количественный метод

Этот метод можно бы называть и математическим. Он тоже молод. На его стороне все увеличивающееся давление со стороны самой лингвистики. Ведь достаточно ясно, что элементы и «участки» языковой структуры имеют «количественную характеристику»; грубо говоря, одних элементов много, других мало, одни применяются редко, другие часто, одни строго выстраиваются в большие ряды, другие все время нарушают логику таких рядов и т. д.

Элементам и «участкам» языковой структуры свойственны количественные признаки столь же необходимо, как и признаки качественные. Причем — и это, может быть, самое главное, чего не хотят видеть противники количественного метода, — количественные признаки элементов

языка на одном «уровне» (например, признаки морфем) оказываются одной из причин, формирующих качественные признаки элементов языка на другом, более высоком уровне (в нашем примере — качественные признаки слов). Ведь очевидно, что, если некий условный язык будет располагать набором из 10 корней и 5 суффиксов, его возможности создавать разные по качеству слова будут резко отличаться от соответствующих возможностей языка, имеющего набор из 10 корней и 50 суффиксов. Или если некий условный язык имеет в своем распоряжении 20 самостоятельных слов, объединенных в две части речи, его возможности создавать разные речевые цепи (т. е. опять-таки считать качество речи) окажутся резко отличающимися от соответствующих возможностей языка, в котором есть 100 самостоятельных слов, объединенных в 5 частей речи.

Различные разряды и категории слов, их форм, их сочетаний можно рассматривать как математические множества (совокупности) и применять для их научного осмысления понятия и формулы математической науки, называемой теорией множеств.

Функционирование элементов языка характеризуется прежде всего их повторяемостью и потому может рассматриваться как процесс, для изучения которого приложимы понятия и формулы математических дисциплин — математической статистики и теории вероятностей.

Исчлениваются возможности применения в изучении языка новой математической дисциплины (раздела кибернетики), которая называется теорией информации и опирается на понятия и идеи теории вероятностей. Можно говорить об осторожном использовании в исследовании языка и некоторых иных математических наук.

Таким образом, возникла центральная задача лингвистики — познание количественной стороны языка и речи, количественных закономерностей, связанных с функционированием и развитием языковой структуры. Намечился достаточно отчетливо и новый предмет исследования — совокупность количественных свойств, характеризующих элементы и «участки» языковой структуры. Все ясное намечаются главные требования количественного метода.

Конечно, нельзя не видеть противоречий и трудностей, связанных с развитием математического (количественного) метода. Они обусловлены несколькими обстоятельствами, среди которых: а) нежелание части лингвистов увидеть и

понять новый самостоятельный предмет лингвистического изучения и новую стержневую задачу науки о языке; б) отсутствие у лингвистов специальных математических знаний, в результате чего приложение математических идей к вопросам лингвистики оказывается иногда делом математиков, неясно представляющих действительно острые и принципиальные задачи количественного изучения языка и часто предлагающих лингвистам решение (на материале языка) математических задач; в) наличие в традиционных описаниях языка и речи ряда нестрогих понятий и определений, не позволяющих уверенно применять математические идеи и формулы: ведь для того чтобы количественно охарактеризовать те или иные элементы языка, нужно уметь их строго и однозначно выделять; таким образом, становится очевидной зависимость количественного метода от методов, условно говоря, качественного описания языка и речи.

Есть основания надеяться на то, что в будущем метод качественного и метод количественного анализа языка будут взаимно помогать друг другу, и исследовательская работа по языку будет связана с широким использованием всестороннего качественно-количественного описания и анализа языковых структур. Но и в нынешнем своем виде количественный метод несет много новых данных науке о языке, обогащающих и углубляющих его понимание и необходимых к тому же для решения многих прикладных задач — машинного реферирования и библиографирования, построения информационно-поисковых систем, изменения методики преподавания языков на основе принципов программированного обучения и т. д.

*Метод
автоматического
анализа*

В последнее десятилетие в связи с развитием кибернетики и счетно-электронных машин формируется еще один, очень непохожий на прежние, метод исследования языка, который нередко отождествляется со структурным или математическим, но который нужно рассматривать отдельно и можно бы называть методом автоматического анализа.

Главная цель этого метода — познание такого формально-структурного членения языка на элементы, которое достаточно строго соотносено с реальным его членением, используемым в процессе общения, и которое вместе с тем доступно видению и анализу машины. Возникает, таким образом, новый предмет изучения — структура языка в

том виде, в котором ее «отображает» кибернетический «мозг» машины. Отсюда идут несколько необычные и даже смущающие лингвистов требования метода, среди которых на первом месте требование формализации научных описаний языка, т. е. максимально-возможной замены словесного описания описанием при помощи математических знаков, символов, формул. Метод требует и максимальной формализации «понимания» языка: ведь машина не воспринимает и не различает словесных значений, но она воспринимает и различает звуковые, материальные различия в выражении этих значений; а если так, нужно попытаться установить строгие соответствия между различением значений и различением выражающих эти значения формальных признаков слов и их объединений — для того чтобы научить машину «узнавать» по формальному признаку скрытый за ним смысл. Третье требование нового метода — требование алгоритмизации описаний языка. Алгоритм — строгая система указаний, правил, руководствуясь которой, машина может переводить с одного языка на другой *предложения и их цепь, автоматически извлекать из текста библиографическую или тематическую информацию и осуществлять другие виды автоматической обработки письменной (в будущем, возможно, и устной) речи.*

Таким образом, новый метод прочно связывает языковедение с математикой и электронно-вычислительной техникой (тем самым усложняет задачи подготовки специалистов в области науки о языке), решает ряд задач прикладного языковедения, обогащает новые идеи и в области абстрактной лингвистической теории, в частности оживляет и обогащает традиции формально-грамматической школы Ф. Ф. Фортунатова, стремившейся получить формальные классификации языковых фактов.

В глубине структурного и математического методов и методы автоматического анализа можно видеть вызревание еще двух методов, связанных с новыми науками — кибернетикой и формально-математической логикой. Эти методы, если они разовьются, могут получить название кибернетического и формально-логического. Первый своим предметом исследования будет иметь язык как сложную управляемую и самоуправляемую, саморегулируемую систему, а второй — язык как систему элементов, связанных отношениями, отражаемыми формально-математической логикой.

Не очень трудно уловить даже из этого беглого и очень схематичного обзора наиболее известных современной нау-

ке лингвистических методов два весьма существенных для теории обстоятельства. Первое — это объективный характер методов и их объективная, не зависящая от воли и желаний исследователей связь между собой. Методы формируются не потому, что какому-то ученому захотелось, чтобы был еще один метод, и этот метод стал. Они формируются потому, что развитие самой науки закономернo выдвигает новые задачи и показывает язык с новых сторон и в новых отношениях. Если ученый замечает эти новые задачи и видит новые повороты языка, то он становится пропагандистом нового метода, формулирует его требования, применяет его в исследованиях и тем самым помогает ему установиться и начать самостоятельное развитие вместе с другими. Второе — увеличение ряда предметов лингвистического исследования. Объект лингвистики был и остается одним и тем же — это язык. Но язык многосторонен и многослоен, общий «вид» языка, воспринимаемый исследователем, меняется в зависимости от того, в каких проявлениях своей неизмеримо сложной структуры язык выступает, в каких связях и отношениях с неязыковыми системами действительности обнаруживается. Никто еще тридцать лет тому назад не мог предполагать, что язык придется изучать в его отношении к электронной вычислительной машине!

Методики изучения языка

Уже говорилось, что нет прямой и жесткой зависимости методик исследования языка от лингвистических методов. Поэтому схематичную и сверхкраткую характеристику методик не будем отягощать сведениями о том, как та или иная из них относится к тому или иному из методов.

Методика наблюдения. Это самая распространенная и, вероятно, самая необходимая из методик. Ведь нельзя осмысливать, анализировать, обобщать, даже просто собирать в какой-то элементарной последовательности факты языка, не умея наблюдать их! Эта методика представляет собою повторяющиеся действия, «работы», «операции» нашего сознания, направленные на узнавание повторяющихся элементов языка, их признаков, их различий.

Например, если мы захотели бы исследовать суффиксы *-ник* и *-чик* в современном русском литературном языке, мы раньше всего должны были бы осуществить широкое наблюдение того, как эти суффиксы живут и действуют в различных словах, какие значения выражают, с какими основами сцепляются и т. д. Конечно, наблюдение сопро-

вождалось бы какими-то иными методиками, например, регистрацией и описанием того, что мы заметили в суффиксах при наблюдении; эти описания помогли бы нам систематизировать наши наблюдения, менять их направление, совершенствоваться и уточнять в соответствии с уточнением понимания качества суффиксов *-чик* и *-ник*.

Методика описания. Необходимый спутник методики наблюдения. Представляет собою повторяющиеся действия фиксации результатов наблюдения над фактами языка — фиксации наблюдаемых признаков тех или иных языковых явлений, условий, в которых эти признаки появляются, зависимостей признаков друг от друга, их тождеств и различий и много другого, что найдет нужным исследователь.

Например, при решении определенной задачи можно зафиксировать все случаи употребления форм родительного падежа в передовице «Правды» от 1 сентября 1971 г. — все формальные и семантические особенности этих форм, все разновидности их синтаксического применения и т. д. в зависимости от решаемой задачи.

Методика сопоставления. Эта методика также принадлежит к числу наиболее распространенных. Она выражается в повторяющихся, стандартизированных действиях, операциях мысли, направленных на узнавание, открытие сходств и различий между наблюдаемыми явлениями языка. Так, изучая категорию времени в русском языке XX в., мы, очевидно, будем сопоставлять друг с другом многочисленные формы настоящего времени, формы настоящего времени сопоставим с формами прошедшего (и формы прошедшего времени друг с другом), формы настоящего и прошедшего с формами будущего (и их, в свою очередь, друг с другом); если потребуют задачи исследования, сопоставление может захватить факты двух или даже нескольких языков. Именно таким путем можно прийти к пониманию существенных явлений языка и отличить их от несущественных (разумеется, анализируя и обобщая результаты многочисленных операций сопоставления фактов). Такая же методика применяется и при изучении истории языков.

Методика исторического сравнения. Она очень напоминает методику сопоставления, однако отличается тем, что сопоставляются родственные факты родственных языков с целью восстановления их древнейшего вида и открытия звуковых законов, приведших к изменению этого вида. Сравнивая слова *берегъ*, *br̥ǫgъ*, *berg*, *brzeg* и подобные, ученые пришли к предположению о том, что древнейший

вид, который имело слово *берег* в так называемом общеславянском языке-основе, был таким: *bergъ. Сравнивая старославянское слово *пять*, древнерусское *пять*, литовское *penktas*, польское *pięć* и подобные, ученые пришли к выводу о том, что на месте старославянской буквы «юс малый» и русской буквы «я» в таких словах, как *пять*, *мять*, *взять* в более раннюю эпоху был носовой звук переднего ряда, напоминающий наш звук [э], произнесенный в нос, т. е. так, чтобы струя звучащего воздуха прошла через полость носа.

Методика речевого эксперимента. Предлагалась для широкого применения русскими учеными А. М. Пешковским и Л. В. Щербой. Выражается в опробовании различных видоизменений того или иного языкового явления, создаваемых самим исследователем на основе отложившихся в его сознании норм и категорий языка. Эти видоизменения сопоставляются для решения различных исследовательских задач. Методика не получила достаточной поддержки из-за опасения «субъективизма» в варьировании изучаемых языковых фактов.

Методика трансформации. Предложена сторонниками структурного метода. Представляет собой видоизменение методики речевого эксперимента и выражается в замене изучаемого факта «отмеченным» (т. е. допустимым с точки зрения требований общения, осмысленным) его вариантом, имеющим иную форму, но близкое к заменяемому значению; при этом должна быть обеспечена стандартность таких замен, по крайней мере в нескольких случаях.

Например, мы читаем название кинофильма — *Им покоряется небо*. Мы можем установить, что это предложение допускает две различные трансформации: а) *Он покоряет небо* по аналогии с *Им пишется письмо — Он пишет письмо*; б) *Им покорилося небо* по аналогии с *Им сдается гарнизон — Им сдался гарнизон*. Таким путем устанавливается двусмысленность (следовательно, и коммуникативная двусмысленность) названия фильма; в одном случае *им* — творительный падеж местоимения третьего лица *он*, в другом — дательный падеж местоимения третьего лица *они*.

Выражение *Мы слушали музыку* может означать: а) *Музыка выслушана нами* (по аналогии с *Я писал письмо — Письмо написано мною*) и б) *Мы были заняты слушанием музыки* (по аналогии с *Я писал письмо — Я был занят писанием письма*).

Словосочетание *чтение Шолохова* допускает две трансформации — *Шолохов читает* и *Шолохова читают* (аналогично *встреча друзей* дает трансформации *друзья встречаются* и *друзей встречают*).

Можно надеяться, что совершенствование методики трансформации позволит науке о языке более доказательно и строго разграничить многие значения слов и грамматических форм, установить принадлежность различных слов к одному и тому же словообразовательному типу или разряду, строже очертить границы многих грамматических категорий, внести уточнения в методику и практику перевода и преподавания и т. д.

Однако нет никаких оснований рассматривать эту методику как новое откровение, некий всеильный методический инструмент, превращающий лингвистику в точную науку и избавляющий исследователя от необходимости своей мыслью и своим чувством языка оценивать, различать и отождествлять смысловую сторону слов и высказываний. Ведь для того чтобы трансформировать один вариант в другой, надо быть убежденным, что осуществляемая трансформация допустима; но такое убеждение и есть как раз результат семантического сопоставления, отождествления и разделения различных вариантов языковых явлений. Трансформационная методика не избавляет исследователя от необходимости оценивать значения, а как раз предполагает такую необходимость. Кроме того, не установлен еще круг явлений языка, допускающих трансформацию. Во всяком случае, он не охватит всей языковой структуры.

Методика речевой и языковой дистрибуции. Термин «дистрибуция» означает в переводе с латинского языка «распределение». Методика, основанная на учете того, как распределены элементы языка, сложилась в США в связи с развитием так называемой дескриптивной лингвистики — одной из самых сильных школ современного лингвистического структурализма. Методика, получившая название дистрибутивной, опирается на явления разной природы: а) сопровождение изучаемого элемента языка другими (или предшествование изучаемому элементу другим) в потоке речи; б) языковую способность одного элемента фонетически, лексически или грамматически соединяться с другими элементами. В предложении *Мальчик очень обрадован* элемент *очень* соседствует с элементом *мальчик*, однако эти два элемента не имеют языковой способности связываться друг с другом; они в речи соположены, но не связаны (или

связаны лишь фонетически). Можно, таким образом, сказать, что слова *мальчик* и *очень* имеют речевую дистрибуцию, но не имеют языковой дистрибуции; в противоположность им слова *мальчик* и *обрадован* имеют языковую дистрибуцию и лишены (в нашем высказывании) речевой дистрибуции.

Дистрибутивная методика опирается на теоретическое предположение о том, что различным элементам языка свойственна и различная дистрибуция. Поэтому полные перечни элементов, соположенных с изучаемым или способных соединяться с ним в языке, объективно характеризуют его, и таким образом наука получает возможность строго и объективно описать язык. Многие из того, что устанавливается при помощи дистрибуции, известно и «дистрибутивным» методикам, например, то, что имя существительное присоединяет к себе имена прилагательные и глаголы в личной форме, что имя прилагательное не соединяется с местоимениями и многое другое. Вместе с тем перспектива более широкого применения дистрибуции интересна не только для машинного перевода, но и для традиционных областей науки о языке. Так, можно надеяться на новые и более точные результаты в описании падежных значений, значений времени, словообразовательных значений, типовых лексических значений и т. д. Но едва ли можно предполагать, что удастся построить полные и строгие описания языка на основе одной дистрибутивной методики. Если бы это и было возможно, многие дистрибуции оказались бы столь громоздкими, а процесс их получения столь трудоемким и длительным, что, по русской пословице, овчинка не стоила бы выделки.

Методика языкового соотношения. Фердинанд де Соссюр сказал парадоксальную фразу о том, что в языке нет ничего, кроме тождеств и различий. Конечно, в языке есть кое-что еще. И все же при решении известного круга задач нас могут интересовать именно тождества и различия. Для их установления и применяется методика соотношения языковых элементов. Она предполагает стандартное (в простейших случаях попарное) противопоставление элементов языка, тождественных по одним признакам и различных по другим. Звуки [o] и [a] соотношены потому, что они гласные (тождество), но один звук — среднего подъема, другой — нижнего (различие), один — лабиализованный, другой — нелабиализованный (различие), один в русском языке может быть и под ударением и без ударения, а дру-

гой — только под ударением (различие). Формы *иду* и *идешь* означают настоящее время (тождество), относятся процесс к единичному деятелю (тождество), но одна из них относит процесс к говорящему, другая — к слушателю (различие). Глаголы *лететь* и *вылететь* имеют в своем составе основу *лететь* с ее значением (тождество), но один из них ничего к этой основе не прибавляет, другой прибавляет приставку *вы-* и трансформацию значения; такую же приставку и такую же трансформацию значения прибавляют к производящим основам глаголы *выбежать*, *выплыть* и др.; следовательно, можно думать, что эти глаголы принадлежат к одному языковому типу. Всестороннее и последовательное изучение явлений языка с помощью методики соотношения многое обещает. Эта методика своеобразно и с блеском применена Н. С. Трубецким к изучению фонем ряда языков. Разумеется, в работе Н. С. Трубецкого «Основы фонологии» описываемая методика не имеет столь элементарного вида, как в наших заметках, да и название у нее иное: там речь идет об оппозициях фонем.

Методика внеязыкового соотношения. Едва ли можно получить достаточно точное и строгое описание и анализ какого-нибудь участка языковой структуры (за исключением, разве, фонетики), не обращаясь к смыслу элементов языка. Предпринятые в таком направлении попытки оказались безуспешными. Но если мы не можем не обращаться к смыслу, мы должны уметь его расчленять на элементарные значения, мы должны уметь отождествлять и различать смыслы слов и высказываний, как мы отождествляем и различаем фонемы и многие грамматические формы. Но смыслы всегда связаны с отображением в словах, словосочетаниях и высказываниях каких-то реалий, каких-то предметов и явлений внеязыковой действительности. Такова философски понятая основа применения методики соотношения слова и предмета. Нам может казаться, что, когда мы расчленяем общий смысл слова на отдельные значения, мы оперируем чисто лингвистическими фактами. На самом деле едва ли это так. За мыслительными операциями с языковыми знаками стоят операции мысли с вещами и явлениями, отраженными в знаках.

Поэтому любое описание значений, если оно должно быть хоть сколько-нибудь достоверным, нуждается в соотношении слов и вещей (если вспомнить формулу Гуго Шухардта). Иначе ведь не на что опереться анализирующей значению мысли исследователя. Как разграничить значе-

ния слова *идти*, если не соотнести разнообразные применения этого слова с различными реальными процессами, им обозначаемыми? Независимо от того, признают ли открыто лингвисты методику соотнесения слова и предмета, она находит очень многообразное применение. По-видимому, науке еще предстоит глубокое осмысление сущности описываемой здесь методики и ее взаимоотношений с другими методиками.

Методика лексикографического описания. Мы привыкли принимать словари как более или менее любопытные, более или менее полезные справочники, из которых можно извлечь различные сведения о словах. Но ведь словарь — это вместе с тем результат определенного исследования языка и база новых исследований. Для того чтобы создать словарь, нужно изучить и описать, анализировать и синтезировать громадный фактический материал, сотни и миллионы словоупотреблений.

Толковые и исторические словари создаются главным образом при помощи особой методики, включающей в себя массовое наблюдение слов в различных контекстах их применения, массовое соотнесение слов друг с другом и с реалиями для разграничения значений, типизированные приемы определения значений, типизированные приемы их текстовой иллюстрации и т. д. Так что методика лексикографического описания оказывается комплексной и очень нелегкой. Развитие этой методики связано с применением других методик и помогает их совершенствованию.

Методика картографирования. Применяется главным образом в изучении диалектов. Выражается в том, что наблюдаемые звуковые, лексические или грамматические явления наносятся условными знаками на географическую карту (или на ее сетку, не заполненную географическими данными). Все пункты, в которых наблюдается одно и то же явление языка (например, произношение [a] вместо [э]: [m'ажа́], [v'адú], [вл'асу́], [л'ату́н], [д'ала́] и т. д.), соединяются линией; на карте оказывается, таким образом, сложное переплетение многих линий, называемых *изоглоссами* (от греч. *isos* — равный, одинаковый, подобный и *glossa* — язык, речь).

Изучение диалектологических карт позволяет установить многие закономерности развития диалектов, закономерности взаимоотношений между ними, а также между ними и литературным языком.

Инструментальная методика. В изучении фонетических явлений многих языков все настойчивее используются физические приборы, позволяющие записывать и анализировать фонемы и интонации. К числу таких приборов принадлежат кимографы (записывают графически, в виде кривой, звуковую сторону речи), магнитофоны, сложные приборы — анализаторы различных звуковых явлений. В связи с применением таких приборов и развивается особая методика, называемая инструментальной. Обычно то ответвление фонетики, которое опирается на инструментальную методику, называется *экспериментальной фонетикой*.

Статистическая методика. Все шире и успешнее применяется в связи с развитием математического (количественного) метода в языкознании. Опирается на идеи и обобщения теории вероятностей и математической статистики. В простейшем случае представляет собою подсчеты частоты употребления изучаемых явлений в тех или иных текстах (или живой речи); результаты подсчетов обычно сводятся в таблицы, выражаются графиками, процентами, десятичными дробями и т. д.

В сложных случаях применяются статистические формулы, позволяющие оценивать полученные при подсчетах величины с точки зрения их закономерности или случайности, соответствия или несоответствия выдвинутой и проверяемой гипотезе, устойчивости и неустойчивости, возможности или невозможности использовать для оценки целого текста или совокупности текстов по немногим выборкам и т. д. У этой методики большое будущее, так как она позволяет изучать еще не исследованную область языка и речи, что необходимо лингвистической теории и очень сильным ее практическим приложениям — в машинном переводе, автоматическом поиске информации, программированном обучении, обычном преподавании различных языков и т. д.

Методика психологического эксперимента. Применяется пока осторожно. Представляет собою обычно своеобразный опрос ряда испытуемых, целью которого является получить сведения о том, как испытуемые осознают или чувствуют то или иное явление языка. Например, можно дать испытуемому набор словосочетаний с глаголом *жить*, схему значений и предложить разнести все словосочетания по значениям. Результат такого опыта было бы полезно принять во внимание при описании и определении значе-

ний глагола *жить*. Можно дать испытуемым имя существительное *весна* и предложить соединить с ним все прилагательные, а затем все глаголы, которые, по мнению испытуемых, могут вступить с ним в связь; при этом соединяемые с ним слова должны даваться в той последовательности, в которой они возникают в сознании испытуемых. Обработка подобных данных, если они получены от большого числа лиц, включающая и статистическую методику, может дать интереснейшие сведения о жизни слов, степени их активности, влиянии на выбор слов личности испытуемого и т. д.

Заканчивая схематичный очерк о методиках, хочется сказать вот о чем.

Помимо перечисленных методик, существует и развивается много иных, здесь даже не названных.

Далее, в действительности каждая методика значительно сложнее и богаче ее схемы, предложенной вниманию читателя; к тому же каждая из методик «работает» обычно не изолированно от других, а в сцеплении и переплетении с другими.

И, наконец, методики находятся в очень большой зависимости от личности исследователя, его научного опыта, его исследовательского метода, даже от его темперамента и характера: можно сказать, что каждый самостоятельный ученый видоизменяет методику или даже пересоздает ее.

XVI. О развитии языкознания

Распространено мнение о том, что наука о языке — наука отвлеченная, теоретическая, далекая от повседневных нужд общества. Это неверно.

*Наука о языке
в древности*

Уже самые первые шаги языкознания были вызваны необходимостью общения между людьми. В Древней Индии, как известно, читались и были своеобразными наставниками людей Веды — священные песнопения, выражавшие общепризнанное понимание мира и места человека в нем. Язык Вед считался образцовым и не подлежал изменению. Однако живая речь индусов непрерывно менялась. Она, естественно, могла влиять и на язык Вед, так как они передавались изустно. Это порождало постоянную опасность засорения и искажения языка Вед. Кроме того, многие слова и выражения Вед переставали ясно пониматься и требовали истолкования. Этими обстоятельствами и было вызвано начало науки о языке в Древней Индии.

Нечто подобное происходило и в Древней Греции, где охранять и толковать надо было язык «Илиады» и «Одиссеи».

Развитие науки о языке поддерживалось и возникшей письменностью, которая должна была передаваться от одного поколения грамотеев к другому и требовала знаний не только самих знаков, но и обозначаемых знаками структурных элементов языка.

Во всяком случае, наука о языке возникла не из отвлеченных раздумий сверхумных людей, а из запросов жизни обычных людей. И весь известный теперь путь науки о языке — это путь удовлетворения тех или иных запросов социального коллектива.

По-видимому, в Древней Индии первые научные знания о языке (конечно, с современной нам точки зрения очень неполные и неточные) появились не позже второй половины IV в. до н. э. В первой половине IV и второй половине III в. до н. э. эти знания были уже такими, что помогли позже европейским ученым XIX в. в развитии сравнительно-исторического языкознания.

В числе древнеиндийских ученых совершенно особое место занял Панини, живший приблизительно на переходе от IV в. к III в. до н. э. Работы Панини поражают и современных филологов тонкостью и тщательностью наблюдений над языковыми фактами, точностью и своеобразием их описания, продуманностью общих линий грамматики. Работы Панини и его учеников помогли филологам XIX в. успешно развивать сравнительное изучение родственных языков, помогли составить ясное представление о морфологической и фонетической структуре древнеиндийского литературного языка — санскрита.

В Древней Индии изучение языка имело преимущественно практическую направленность. В этом и достоинство и недостаток древнеиндийских грамматик. Они очень тщательно описывали замеченную их авторами фонетическую и морфологическую структуру, но они не предлагали читателю никаких общетеоретических решений.

В Древней Греции направление развития науки о языке оказалось несколько иным. Ее начали развивать раньше других философы. Именно в философских трактатах греков высказывались различные суждения о языке, о природе слова, об отношении слова к вещи и мысли и др. Например, древнегреческих философов долго волновал вопрос: получает ли каждая вещь наименование, обозначение словом по требованию своей природы («по природе» — *fūsei*) или же связь между словом и вещью дается людьми, устанавливается произвольно, по принятому обычаю («по положению» — *tesei*). Этот спор не имел результативного завершения. Но именно в связи с обсуждением подобных теоретических вопросов формируются представления греков и в области грамматики. Так, в сочинении «Кратил», созданном знаменитым Платоном, делается первая в Греции попытка наметить части речи — различается глагол (*rema*) и имя (*onoma*). Более полную и точную картину частей речи намечает в своих сочинениях «Поэтика» и «Риторика» другой великий философ — Аристотель (384—322 гг. до н. э.). Однако ни Платона, ни

Аристотеля не интересовали части речи как категории языка. Они выделялись лишь в связи с философскими исканиями в области широких проблем мышления и действительности.

Позже грамматические представления менялись, но долго продолжали быть неточными и смутными. Например, в сочинениях философов-стоиков Хрисиппа, Диогена и других говорится о пяти частях речи — имени, нарицании, глаголе, союзе, члене. Имя показывает «единичное качество» (Диоген, Сократ). Наричание обозначает «общее качество» (человек, конь). Глагол обозначает несоставной предикат, или «нечто приведенное в сочетание с чем-либо единым или многим» (пишу, говорю). Союз — беспадешен, связывает части речи. Член — падежный элемент речи, разграничивающий роды и числа имен.

И все же в этот так называемый эллинистический период греческой истории (IV—I вв. до н. э.) вызревает грамматическая наука, освобождаясь постепенно от поглощающего давления философии. Язык начинает осознаваться как самостоятельный объект изучения.

Грамматика окончательно освободилась от господства философии в Александрийском греко-египетском государстве Птолемея, ставшем на несколько веков центром греческой научной жизни (III в. до н. э. — V в. н. э.). Филологи-греки александрийского периода создали по-своему стройное описание грамматики. Аристарх выделял восемь частей речи. Дионисий Фракийский описывает многие частные категории основных частей речи. Аполлоний Дискол создает работу о синтаксисе. Другие разделы науки о языке, в их числе и фонетика, не привлекали внимания греческих ученых.

Полезно знать, что в древнегреческой науке возник интерес к этимологическим наблюдениям слов и появилось понимание «аналогии» и «аномалии» в грамматике.

Греческие грамматические работы были переняты и продолжены римлянами. Римляне, накопив в течение нескольких веков материал наблюдений над своим родным языком, приложили к нему грамматическую схему, созданную греками, улучшили и уточнили ее — и возник ряд римских грамматических работ, среди них известная грамматика Элия Доната (IV в. н. э.) и грамматика Присциана (V в. н. э.), представляющая собою применение учения Аполлония Дискола к латинскому языку. Римские грамматики долго были образцом грамматического описания языка и

оказали сильнейшее влияние на средневековую грамматическую науку Западной Европы.

Помимо Индии и Греции, наука о языке успешно развивалась на Арабском Востоке (VII—X вв. н. э.). Ученые-арабы знали многое из достижений индийских и греческих филологов. Опираясь на эти достижения и на исследование родного языка, арабы сумели дать науке тщательно выполненные и подробные описания фонетики, морфологии и лексики родного языка. Особенно значителен был грамматический труд ученого Сибавейхи «Аль-Китаб» («Книга»); этот труд принадлежит VIII в. и написан персом по рождению, получившим научное воспитание в кругу ученых Басры (один из двух городов в долине Тигра и Евфрата, бывших до конца VIII в. центрами арабской культуры; вторым был город Куфа; с конца VIII в. центром культуры становится Багдад). В «Аль-Китабе» находим подробное описание главных и второстепенных, частных, явлений грамматического строя арабского языка, сопровождаемое иллюстрациями из Корана и древней арабской поэзии. Труд Сибавейхи имел большее значение для ученых, чем для практического применения в обучении. Для практических целей труд Сибавейхи был переработан аль-Ахфашем.

Арабские ученые очень подробно и точно для своего времени описали фонетику. Они сделали смелые, хотя и не вполне результативные, попытки в изучении и синтаксиса своего языка. Уделялось внимание изучению живой речи, значит — и диалектов. Поразительны успехи арабов в лексикографии. Аль Фирузабади составил, по некоторым данным, 100-томный словарь, правда, не дошедший до европейски ученых нового времени. На основе этого словаря Фирузабади составил словарь, меньший по объему, под названием «Камус» («Океан»), приобретший очень большую популярность.

Конечно, с точки зрения современной нам лексикографии арабские словари имели много недостатков. Но их основное и неоспоримое достоинство — богатство зарегистрированной в них лексики.

Видно, серьезно изучали арабы и иностранные языки. Об этом косвенно можно судить по многотомному труду Махмуда аль-Кашгари «Диван турецких языков», написанному в 1073—1074 гг. По словам В. А. Звегинцева, этот труд «представляет собой настоящую тюркскую энциклопедию, в основу которой положена сравнительность как со-

знательный научный принцип. Это исключительная по точности описаний и богатству собранных материалов сравнительная грамматика и лексикология тюркских языков в полном смысле этого слова, сопровождающаяся обильными данными по истории, фольклору, мифологии и этнографии тюркских племен»¹.

Даже сообщенные здесь скудные и отрывочные сведения об арабской языковедческой науке позволяют понять, как велик был вклад арабов в общее развитие языкознания.

В Европе средние века не дали почти ничего нового в лингвистике. Догматика и схоластика давили науку. Живая мысль исследователей, интенсивно росшая в Древней Индии, Древней Греции и на Арабском Востоке в начале нашей эры, увяла под натиском средневековых догм. Древнегреческий и латинский языки в их классических формах были полузабыты, живые языки не изучались, теоретические искания на живой почве фактов заменялись запутанными схоластическими рассуждениями на основе толкования библейских установлений.

Правда, и средние века не были совершенно бесплодными для науки временем. Развивались письменности и литературы ряда народов. Вместе с этим расширялось знакомство книжников с фактами языков. Грамматика Доната применялась для толкования нелатинских явлений. Делались попытки собирать и объяснять слова — составлялись толковники и азбуковники разных видов и назначений.

Наука средневековья, оторванная от наблюдения и анализа многообразия живых языков и утверждавшая авторитет латинской грамматики, усилила и сделала единственным логический подход к грамматическим явлениям. Изучение грамматики подчинялось, в сущности, логике, опиралось на ее положения. Признавался авторитет научных логико-грамматических идей Аристотеля.

Это обстоятельство сыграло немалую роль в особом направлении науки о языке, развивавшемся на переломе от средневековья к новому времени и поддержанном позже рационалистической философией французов, — в направлении, которое получило название философской, или всеобщей, грамматики. Главная идея этого направления может быть сведена к тому, что слова любого

¹ Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. I, М., 1960, с. 19.

языка суть выражения одинаковых для всех людей понятий и подчинены этим понятиям, а предложения — суть выражения одинаковых для всех людей суждений и подчинены их законам. Языки в соответствии с этой идеей представляются как бы различными видоизменениями общей для всех логической схемы; закономерности их индивидуальной структуры и их индивидуального развития не принимаются во внимание и не замечаются, все они поглощаются вневременными и внеисторическими логическими категориями.

На таких основаниях была построена ставшая надолго известной «Грамматика универсальная и рациональная», написанная в 1660 г. в аббатстве Пор-Рояль аббатами К. Лансло и К. Арно (эту грамматику в истории науки часто называют грамматикой Пор-Рояля); она не раз вызвала различные подражания.

Однако эта грамматика не может уже рассматриваться только как детище средневековья. Она знаменовала начало пробуждения теоретической мысли грамматистов.

Эпоха Возрождения с ее культом Человека и Прекрасного возродила культурные и научные поиски Эллады. Вместе с этим наступило возрождение и древнегреческого языка, вошедшего с тех пор в круг наиболее изучаемых и наиболее влиятельных в развитии языкознания языков мира. Параллельно идет знакомство филологов с древнееврейским и арабским языками, опирающееся на богословские интересы церкви и примыкавших к ней кругов науки (древнееврейский язык — язык Библии).

Развитие мореплавания и торговли с неевропейскими странами, великие географические открытия, колониальные завоевания, распространение христианства за пределами европейского континента, изобретение книгопечатания во много раз усиливают языковое общение, побуждают европейцев знакомиться с новыми и новыми языками Азии, Африки и Америки, направляют мысль ученых на решение задач практического характера. Идет интенсивное накопление фактов — словарных, грамматических, фонетических, которые лягут в основу составления различных словарей и грамматик так называемых туземных языков. Вместе с этим идет процесс сопоставления разноязыкового материала, закладываются основания описательного и сопоставительного методов в языкознании, вызревают условия для рождения сравнительно-исторической науки о языке.

Возникает интерес к изучению живых языков различных народов Европы. Появляются их научные описания, освобождаемые постепенно от схем и правил латинской грамматики.

Вот некоторые факты.

В 1596 г. увидел свет Словарь Лаврентия Зизания — первый печатный словарь в России. Он был дан в качестве приложения к «Грамматике словенской» того же автора. В нем было помещено 1061 слово, заимствованное из славянских текстов и переведенное словами и выражениями живых русского, украинского и белорусского языков.

В 1627 г. появляется «Лексикон словенороссийский и имен толкование» украинского филолога Памвы Беринды. В этом словаре было уже 6982 слова. В 1704 г. выходит «Лексикон трехязычный» Федора Поликарпова (в нем слова даны на старославянском, древнегреческом и латинском языках). В 1789—1794 гг. издается «Словарь Академии Российской» в 4 томах, толкующий более 43 000 русских и церковнославянских слов.

Разумеется, получают свои словари и другие языки Европы, например, итальянский (1612), французский (1694) и др.

Возникают словари, охватывающие одновременно лексику многих языков. К их числу нужно отнести четырехтомный словарь русского путешественника, естествоиспытателя П. С. Палласа, вышедший в 1786—1791 гг.; в этом лексиконе читатель мог найти толкования слов избранного круга, взятых из ... 276 языков различных частей света. К тому же типу словарей принадлежал и словарь испанца Лоренцо Эрвас-и-Пандура (1800—1804) и словарь немца И. Х. Аделунга (1806—1807); в первом из этих словарей давались сведения (не только лексикографические) приблизительно о 300 языках, во втором — почти о 500. Конечно, для практического пользования такие словари были неудобны. Но в истории науки они интересны как ее отклик на запросы своего времени, как свидетельство колоссальной работы по собиранию и описанию фактов множества языков, в которых ранее европейцы не были знакомы.

В это же время появляются грамматики новых языков, например «Грамматика языка английского» Уоллиса (1653), «Грамматика словенская» Лаврентия Зизания (1659) и др. Правда, в таких грамматиках элементы живых языков находили очень слабое отражение, преобладало описание книжно-письменной речи, причем это описание обычно не

выходило за пределы схем грамматики латинского языка. И все же пробивало себе дорогу в науку понимание того, что каждому народному живому языку свойственны свои особенности грамматики, которые не могут строго и точно войти в латинские схемы. В России в середине XVIII в. становится достоянием общества и науки первая самостоятельная «Российская грамматика» великого Ломоносова (увидела свет в 1757 г.), положившая начало описательному методу русского языкознания.

*Сравнительно-
историческое
языкознание*

Начало XIX в. — рубеж в развитии лингвистики. Это время формирования сравнительно-исторического метода, название которого стало надолго названием всей науки.

Основателями нового метода принято считать немца Франца Боппа (1791—1867), датчанина Расмуса Раска (1787—1832), немца Якоба Гримма (1785—1863) и русского Александра Востокова (1781—1864).

Почти в одно и то же время (и независимо один от другого) эти ученые пришли к идеям, принципам, методам сравнительно-исторического изучения языков.

В 1818 г. публикуется работа Ф. Боппа «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков». В 1817 г. выходит труд Р. Раска «Исследование в области древнесеверного языка, или происхождение исландского языка». В 1819 г. становится достоянием науки первый том «Немецкой грамматики» Я. Гримма. В 1820 г. увидело свет научное сочинение А. Востокова «Рассуждение о славянском языке». Этими работами было начато движение нового метода по пути исторического изучения живых и зафиксированных лишь письменно языков человечества.

В чем была новизна только что названных работ?

Прежде всего в том, что язык рассматривался как одна из сторон истории человеческих коллективов, была признана изменимость языков во времени. Исторический подход к языку стал главным принципом исследования.

Далее, было установлено и признано историческое родство языков, т. е. объединение их в группы, внутри каждой из которых языки вели начало от одного и того же для них языка-основы (по старой терминологии — языка).

Одновременно была обоснована возможность и необходимость изучения далекого прошлого родственных языков — вплоть до того времени, когда предположительно мог еще существовать язык-основа, в результате дифференциации которого и возникли родственные языки современности. Утверждалось действие законов, которым подчинено языковое развитие. Язык признавался одним из свидетельств истории народа, а его изучение — одним из средств проникновения в эту историю.

Для решения новых задач был найден метод сравнительно-исторического изучения языковых фактов, более строгий, более доказательный и более действенный, чем известные ранее.

*Выход за пределы
сравнительно-
исторического
метода*

Термин «сравнительно-историческое языкознание» получил очень широкое и вместе с тем недостаточно строгое применение в истории науки. Его стали использовать для обозначения всей науки о языке в период после открытия сравнительно-исторического метода. Невольно создавалось впечатление, будто в языкознании XIX в. не было иных методов, кроме сравнительно-исторического, и иных идей, кроме с ним связанных. Но это не так. Сами сторонники и представители сравнительно-исторического метода выполняли немало исследований на основе другого, описательного, метода, и, естественно, развивали его, может быть, не отдавая себе в этом отчета (вспомним в истории русской науки «Российскую грамматику» А. Х. Востокова, а позже «Синтаксис русского языка» Д. Н. Овсяннико-Куликовского и «Русский синтаксис в научном освещении» А. М. Пешковского). Кроме того, научная деятельность отдельных ученых выходила за рамки проблематики, принципов и идей сравнительно-исторического метода; возникали индивидуальные и групповые (в последнем случае принято говорить о «школах» в науке) варианты общего и, казалось, единственного сравнительно-исторического движения лингвистической науки.

К числу ученых, создавших такие индивидуальные варианты науки XIX в., принадлежат прежде всего немецкий мыслитель и государственный деятель Вильгельм Гумбольдт (1767—1835) и русский философ-лингвист Александр Афанасьевич Потебня (1835—1891). Идеи и научная практика этих ученых были шире и глубже идей и практики метода. В работах В. Гумбольдта и А. А. Потебни реша-

лась и обсуждалась не только (и даже не столько) проблематика сравнительно-исторического метода, сколько проблемы структуры языка, его связей с культурой и мышлением человека, его речевого применения и т. д. Правда, эта глубокая и сложная проблематика осмысливалась в плане господствовавших принципов идеализма, лишь частично преодолевавшихся в практике исследования могучим умом Потебни. А. А. Потебня рассматривал язык (точнее, по современной терминологии, речь) как орудие и выявление индивидуальной психологии говорящего и на этой основе развивал большой ряд идей, своеобразно рисовавших картину языкового развития и функционирования; разумеется, такая направленность интересов, проблематики и принципов не могла не нарушать основ сравнительно-исторического метода.

Возникает, как уже упоминалось об этом, и несколько школ внутри «сравнительно-исторического» языкознания — логико-грамматическая, натуралистическая, психологическая, формально-грамматическая и др.

Логико-грамматическое направление имело глубокие исторические корни в самом языкознании. Вспомним здесь только философию рационализма и грамматику Пор-Рояля.

В XIX в. идеи логического обоснования грамматических описаний языка имели еще широкое хождение. Эти идеи отчетливо выражались в теории и практике отдельных ученых, например, К. Беккера на Западе и Ф. И. Буслаева в России. Представители логической школы (не нужно только думать, что все эти школы имели какое-то организационное оформление, какое-то членство, уставы и т. д.; многие ученые даже не знали, что впоследствии их зачислят в ту или иную «школу») думали описать и истолковать грамматический строй языков на основе логики, т. е. перенося законы логики на язык. Это встречало все более резкое противодействие уже со стороны современников К. Беккера и Ф. И. Буслаева.

«Натуралисты» в лингвистике (А. Шлейхер, М. Мюллер, Мориц Рапп и др.) пытались найти сходство жизни и развития языка с жизнью и развитием организма. Язык представлялся как одно из обнаруженных биологических свойств человека. По убеждению А. Шлейхера, «жизнь языка не отличается существенно от жизни всех других живых организмов — растений и животных. Как и эти последние, он имеет период роста от простейших

структур к более сложным формам в период старения, в который языки все более и более отдаляются от достигнутой высшей степени развития и их формы терпят ущерб»¹. В другом месте А. Шлейхер писал: «... Законы, установленные Дарвином для видов животных и растений, применимы, по крайней мере в главных чертах своих, и к организму языков»². Понятно, что из этих неверных теоретических предпосылок сторонники натуралистического понимания языка делали множество неверных выводов.

Идеи и практика логико-грамматической и натуралистической школ получили резкую критику в трудах представителей психологической школы лингвистики (Г. Штейнталь, В. Вундт, А. А. Потебня и др.). Г. Штейнталь видел в речи духовую деятельность, а языкознание на этом основании относил к числу наук психологических. «Каждый язык, — утверждал Г. Штейнталь, — должен рассматриваться как образованное инстинктивным самосознанием представление о внешнем и внутреннем мире человека. Но в основе этого инстинктивного представления о мире и о себе лежит индивидуальный принцип»³. Язык — одна из деятельностей души человека. Изучая язык, можно, психологию народа. Поэтому языкознание помогает человеку раскрыть очень существенные стороны исторического процесса.

Отнесение языкознания к разряду наук психологических, сведение сути языка и речи к игре индивидуальных психических движений человеческой души, растворение законов языка в законах психической жизни людей — все это не могло быть и не было принято движением науки. Но в то же время нельзя не видеть очень большого содействия науке о языке, оказанного психологической школой. Она своими поисками и конкретными исследованиями поставила и частично обосновала одну из важнейших проблем всей истории языкознания — проблему «язык и соз-

¹ Шлейхер А. Немецкий язык. — Цит. по кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. 1, с. 96.

² Шлейхер А. Теория Дарвина в применении к науке о языке. — Там же, с. 98.

³ Штейнталь Г. Грамматика, логика и психология. — Там же, с. 111.

вание», «речь и мысль». Сильный ум А. А. Потебни, искавший в союзе с диалектикой решение мучивших его вопросов, шедший к материалистическому пониманию языка, дал множество глубоких и оригинальных идей в решении этой проблемы.

В последнюю треть XIX в. в развитии сравнительно-исторического языкознания, несмотря на его очевидные и признанные успехи, возникает длинная цепь сомнений и непогрешимости и единственности метода.

Эти сомнения опирались на некоторые явления самой науки о языке и на ее отношение к обществу.

Так, возникавшие школы европейской и русской лингвистики приносили в нее борьбу идей и вместе с тем поиски новых путей движения.

Чем длительнее применялся сравнительно-исторический метод, тем отчетливее самим его сторонникам становились заметны его ограниченность и неспособность решить многие проблемы науки.

Необходимость удовлетворять насущные запросы общества приводила лидеров сравнительно-исторической науки к пользованию иным, описательным, методом, без которого ни грамматики, ни словари, ни переводческая теория, ни практика школьного изучения языков не могли двигаться вперед.

Младограмматики И вот в 70-е годы XIX в. возникает и быстро крепнет новое направление в науке о языке, получившее название младограмматического (от шутливого прозвища «младограмматики», данного зачинателям этого направления — в то время действительно молодым — немецким филологом Ф. Царнке). Это направление выросло из лейпцигского кружка лингвистов, в котором работали такие видные впоследствии ученые, как А. Лескин, К. Бругман, Г. Пауль и др.

Для младограмматиков характерны: а) пристальное внимание к фактам речевой деятельности, понимаемой в духе психологических идей той поры; б) предпочтение истории живых языков и истории языков, письменно фиксированной, предположениям о далеком языковом прошлом, не отраженном в письменных документах; в) критика идеи восстановления (реконструкции) древнейших языков-основ и их структур; г) убеждение в действии не знающих исключений звуковых законов и в связи с этим тщательность фонетических исследований; д) убеждение в действии закона аналогии в развитии грамматического строя и тща-

тельное изучение тех явлений, которые предположительно этим законом охватываются; е) внимание к отдельным, частным, разрозненным фактам языковой жизни, отдельным элементам структуры, описательность в их историческом освещении, «атомизм» исследования; ж) отрицание реальности «общих» языков, замена понятия о них понятием индивидуальной речи; з) внимание к жизни народных говоров и изучение их и т. д.

Русские школы в науке о языке

Одновременно с младограмматическим направлением возникли две самостоятельные русские лингвистические школы, порожденные в общем теми же причинами, которыми были порождены искания младограмматиков. Эти школы — казанская во главе с Иваном Александровичем Бодуэном де Куртенэ (1845—1929) и московская во главе с Филиппом Федоровичем Фортунатовым (1848—1914).

В отличие от младограмматиков, эти школы развивали, хотя и не вполне последовательно, идеи социальной природы и социальной обусловленности языка.

Профессор Бодуэн и его ученики (Н. В. Крушевский, В. А. Богородицкий, Л. В. Щерба, Б. Я. Владимирцев, А. П. Баранников и др.) развернули перед наукой обновленные и оплодотворенные новыми замыслами идеи, в числе которых — различение динамической и статической лингвистики (одна из них изучает язык как процесс, другая — язык как деятельность), социальная дифференциация языка, различие языка и речи, различие звука-типа (фонемы) и индивидуального звучания в речи, взаимосвязь и взаимообусловленность явлений языка, преимущество живых языков как предмета лингвистических наблюдений и обобщений, психологическая, физиологическая и социальная обусловленность языковых изменений и многое другое. Работы Бодуэна, выполненные в Казани, Петербурге и Варшаве, по богатству заключенных в них идей и влиянию на языковедческую науку могут быть поставлены в сравнение разве только с работами Потебни, Фортунатова, Соссюра, Шахматова, Трубецкого, Мейе и других виднейших лингвистов.

Критика младограмматиков

Младограмматическое направление в науке, казанская и московская лингвистические школы — это прежде всего проявления поисков научной мысли, готовой всегда к тому, чтобы заменить устаревшие и непроверенные положения более новыми и более доказательными. Идеи младограмма-

тиков вскоре после их обнародования начинают подвергаться критике — в исследованиях Г. Шухардта, К. Фосслера и других ученых. Возникают идеалистические школы западной лингвистики — эстетическая во главе с К. Фосслером и школа неолингвистики во главе с М. Бартоли, В. Пизани и др. Обе эти школы рассматривают язык как проявление духовной деятельности и художественного творчества, утверждают доминирующую роль личности в возникновении и развитии языковых явлений, отвергают представления о существовании общих языков, не признают никаких ясно выраженных границ между языками, отбрасывают сравнительно-исторические и младограмматические убеждения в действии фонетических законов, родстве языков, выводимом из языка-основы и т. д.

В начале XX в. складывается так называемое социологическое направление в языкознании, в числе основоположников которого — Фердинанд де Соссюр (1857—1913), Антуан Мейе (1866—1936), Жозеф Вандриес (1875—1960). Это направление видит в языке социальное явление — средство общения, утверждает обусловленность жизни и развития языка социальными причинами, возражает против традиционного сравнительно-исторического понимания основных задач науки, требуя заниматься соответствиями между явлениями родственных языков, а не реконструкциями, придает большое значение изучению живых языков и диалектов, признает произвольность лингвистического знака по отношению к предмету и т. д.

Таким образом, в исходе XIX и в начале XX вв. лингвистика представляла собой объединение далеких и близких, дружественных и враждебных направлений и школ, выросших, в сущности, из самого процесса развития науки, из ее стремления полнее и глубже, шире и точнее познать различные стороны своего объекта, т. е. языка.

Структурализм Но самым мощным из всех новых направлений лингвистики начала XX в. оказалось то, которому было присвоено наименование структурализма.

Это направление вызревало в недрах сравнительно-исторического языкознания. Оно восходит непосредственно к учению И. А. Бодуэна де Куртэнэ и Фердинанда де Соссюра, изложившего основы структуральных лингвистических идей в изданном его учениками А. Сеше и Ш. Балли университетском курсе общей теории языка. Лекции выш-

ли из печати в 1916 г. под названием «Курс общей лингвистики» и до настоящего времени вызывают живой интерес и у молодых лингвистов, только вступающих в науку, и у опытных ученых.

Идеи структурности, целостности изучаемых предметов и явлений в начале XX в. проникли в ряд наук, захватив и языкознание. Структурализм центральным объектом исследования признает язык как структуру, как строгое согласованное целое множества разнородных элементов. На первый план выдвигается задача изучения «отношений» между элементами языка, хотя сама природа отношений понимается по-разному. Внимание переносится с истории языковых частей и элементов на связи между ними в процессе функционирования языка. Этим вызывается обостренное внимание представителей нового направления к различению «синхронии» и «диахронии» языка, т. е. к различению двух типов связей между его элементами — связей одновременности в процессе их работы и связей последовательности в процессе их развития. Учение самого Соссюра доводило это различие до разрыва между синхронией и диахронией. Получает право на систематическое рассмотрение учеными различие языка и речи, замеченное еще Гумбольдтом и Потебней. Однако единого понимания этого различения не оказывается, а в работах некоторых последователей Соссюра различие «язык — речь» превращается в разрыв двух сторон реального единства. Интенсивно развиваются поиски сущности языкового знака, язык рассматривается как система знаков и нередко необоснованно отождествляется с искусственными наборами знаков, вроде светофора, акцентируется мысль о сходствах всех знаковых систем и преается забвению их различие. Систематизируются ранее возникшие методические операции в изучении языка и формируются новые самостоятельные методики — оппозиции языковых элементов, дистрибуции, трансформации, анализ по непосредственно составляющим, подстановки и др. Наука о языке смело заимствует методические и методологические средства из кладовых других, точных наук. Осуществляются многочисленные опыты дистрибутивного, трансформационного, «опозиционного» — словом, структурального описания грамматики, фонетики и даже семантики ряда языков. Многие из этих опытов оказываются вполне удачными. В настоящее время структурализм — сильное направление современного языкознания, имеющее немало и

противников и последователей. Это направление, как уже говорилось, внутренне не едино. Главная причина, мешающая единству, — разномыслие в области философской методологии. Дают о себе знать также влияния, идущие со сторон других новейших направлений лингвистической науки.

*Этнолингвистика,
психоллингвистика,
ареальная
лингвистика*

В настоящее время к числу таких новейших направлений можно причислить ответвления языкознания, получившие несколько неожиданные наименования — этнолингвистика, психоллингвистика и ареальная лингвистика.

Термином этнолингвистика охватывается изучение языка как фактора и проявления исторической жизни и культуры отдельного народа. Можно говорить о двух разновидностях современной этнолингвистики — разновидностях немецкой и американской. Взгляды немецких этнолингвистов (Э. Кассирера, И. Трира, Л. Вайсгербера и др.) своим источником имеют философско-лингвистические идеи В. Гумбольдта. Американская этнолингвистика опирается на работы ученых первой половины XX столетия — Эдуарда Сепира и Бенжамена Уорфа — и тесно связана с широким изучением быта, культуры и языков индейских племен Америки.

В отличие от структуралистов, стремящихся понять язык как особую, замкнутую знаковую систему, как особый мир знаков, живущий по собственным законам, этнолингвисты рассматривают язык как важную составную часть духовной и культурной жизни народа, оказывающую заметное воздействие на мировоззрение и поведение людей.

Правильно и оправданно стремление этнолингвистики выйти за рамки только «внутреннего», структурного изучения языка. Интересны и заслуживают глубокого исследования многие частные вопросы, выдвигаемые этнолингвистикой и предполагающие серьезное внимание науки к взаимным связям и влияниям языка и психологии, языка и культуры, языка и истории народа и т. д. Однако все положительное в развитии этнолингвистики ослабляется, искажается, а нередко и разрушается идеалистическими исходными принципами, своеобразной философией языка, восходящей к учению В. Гумбольдта и Сепира — Уорфа. Эта философия видит в языке не только и не столько орудие формирования и выражения мыслей и средство обще-

ния, сколько, прежде всего, некий «промежуточный мир», стоящий между человеком и внешней действительностью и предрекающий взгляды людей на эту действительность. Язык в соответствии с этой философией объявляется «руководством к восприятию социальной действительности», от которого зависит мировоззрение и поведение людей; начинает казаться, что само понимание природы и общества человеком зависит прежде всего не от объективных свойств и качеств мира, в котором мы живем и который мы познаем в процессе развития труда и науки, а от того, каким языком мы пользуемся. По мнению Б. Уорфа, каждый язык обладает «своей метафизикой», направляющей и предопределяющей взгляды и поступки людей. И несмотря на то, что эти крайние идеалистические воззрения разделяются далеко не всеми современными этнолингвистами, они окрашивают германскую и американскую этнолингвистику и мешают развитию ее здоровых тенденций.

Термин психоллингвистика применяется для наименования еще не сложившегося ответвления науки, оказавшегося на «стыке» лингвистических и психологических интересов, а также интересов теории информации и теории связи. Первые опыты опробования новых проблем и методов были осуществлены около пятнадцати лет тому назад в Соединенных Штатах Америки. Пока еще рано говорить о психоллингвистике как о сильном и определившемся направлении современной науки. Но уже видны новые задачи и новые области научных поисков. Психоллингвистика занимается изучением кодирования и декодирования сообщений с помощью языковых знаков. Образование речи говорящим рассматривается как процесс кодирования некоторых сообщений, осуществляемый при помощи некоторого набора языковых знаков. Восприятие речи слушателем рассматривается как процесс декодирования (расшифровывания) некоторой последовательности, цепочки знаков и «обнаружения» заложенного в ней сообщения. Но так как языковое кодирование и декодирование сообщений осуществляется при участии и на основе определенной мыслительной работы, психоллингвистика должна изучать и эту работу. Вместе с тем и кодирование и декодирование сообщений осуществляется в соответствии с закономерностями языковой структуры, поэтому психоллингвистика должна изучать и эти закономерности в той мере, в какой они обуславливают образование

и расшифрование кодовых речевых последовательностей. Таким образом, предварительно и осторожно определить психолингвистику можно так: это молодая наука, изучающая языковое кодирование и декодирование сообщений в его отношении к психической деятельности и структурным закономерностям языка; говоря проще, психолингвистика — это наука о психологических и лингвистических закономерностях образования речи из языковых элементов и распознавания ее языковой структуры, т. е. тех элементов, из которых она построена.

Термин *ареальная лингвистика* (от лат. *area* — площадь, пространство) применяется для обозначения лингвистического направления, связываемого обычно с именами Жильерона, М. Бартоли, Дж. Бонфанте и других ученых, признающих особую роль в истории языков и в их изучении пространственных, «ареальных», географических условий. По мнению М. Бартоли, различные «новообразования» в языке связаны обычно с языковыми смещениями, с встречами двух языков на одном и том же пространстве (в результате перемещения населения, экономических, культурных и иных связей между людьми). В изучении «старого» и «нового» в языке большая роль отводится лингвистическому картографированию и методике изоглосс (линий на карте, соединяющих пункты распространения одинаковых языковых явлений). М. Бартоли думает, что, сравнивая ареалы распространения двух языковых фактов, один из которых пришел на смену другому, можно установить последовательность их во времени: факты, распространенные на большем ареале, обычно старше фактов, распространенных на меньшем ареале; факты, распространенные на боковых ареалах, обычно старше фактов, распространенных на центральном ареале. Встречи двух языков на одном и том же пространстве приводят к языковым переходам, смещениям, двуязычню. Изучая эти явления, обычно различают *субстрат* (язык, предшествующий другому на данной территории), *суперстрат* (язык, насаждающийся на другой язык), *адстрат* (два слоя сосуществующих языков, из которых ни один не господствует над другим)¹. Внимание ученых — сторонников ареальной лингвистики — к сложным процессам взаимовлияния языков, одновременно применя-

емых на одной и той же территории, выдвигает ряд интересных и важных проблем теории и истории языка и истории общества. Ареальная лингвистика, как и другие направления науки о языке, имеет свои сильные и слабые стороны. К числу слабых нужно отнести нечеткость общетеоретических философских позиций ученых, обосновавших ареальную лингвистику (иногда ее называют *неолингвистикой*).

Советское языкознание

В области философских проблем языкознания мощным стимулом новых поисков стала советская наука о языке. Виднейшие ее представители, продолжатели традиций русской филологии — Л. В. Щерба, Д. Н. Ушаков, Е. Д. Поливанов, Н. Я. Марр, Л. П. Баранников, Н. К. Яковлев, В. В. Виноградов и др., пошли по пути марксистского обоснования проблем лингвистики. Этот путь не был легким. Были и отклонения от него, и незаметные для самих исследователей переходы на иные пути. Последнее случилось с Н. Я. Марром, когда он отождествил специальные исследовательские методы (прежде всего сравнительно-исторический) с философией, объявил на этом основании всю прежнюю науку о языке буржуазно-идеалистической и оказал (благодаря своему высокому научному авторитету) тормозящее влияние на практику лингвистических исследований и развитие языковедческой теории.

Но наша лингвистическая наука в целом успешно шла вперед, преодолевая не только неизбежные противоречия собственного внутреннего развития, но и задерживавшее ее вмешательство административных методов руководства ею, связанных с периодом культа личности и его влиянием на науку.

Что новое внесено нашей лингвистикой в общий поток лингвистического знания?

Прежде всего, как уже говорилось об этом, изменилось философское обоснование коренных проблем лингвистики, установился новый для языкознания философский подход к объекту исследования, новая точка зрения на него, определяемая методологией материалистической диалектики. В связи с этим выдвинуты для решения важнейшие проблемы (идеалистически поставленные и в прежнем языкознании, например В. Гумбольдтом, А. А. Потебней и Ф. де Соссюром) — язык и мышление, язык и общество. В движении этих проблем на центральное место есть заслуга и Н. Я. Марра, хотя в их решении Н. Я. Марр допускал

¹ См.: *Общее и индоевропейское языкознание*. М., 1956, с 112—115.

то идеалистическое отождествление языка и мышления, то вульгарно-материалистическое отождествление языка с явлениями, прямо зависящими от экономики общества.

Затем советская наука о языке в центре своего внимания поставила решение задач, актуальных для общества, задач «языкового строительства», как писали в 30-е годы. Были разработаны десятки алфавитов и грамматик для народов, которые при царизме не имели письменности. Это обогатило и языковедческую теорию, понимание разнообразия и типологического сходства языковых структур, усилило возникшую в России теорию фонемы. Получила широкую поддержку наука о современном русском языке, обогащаясь многими оригинальными исследованиями, в их числе работой акад. В. В. Виноградова «Русский язык». Успешно шло сопоставительное изучение языков, в частности в связи с созданием двуязычных словарей; в этом направлении лингвистической науки особенно велики заслуги Л. В. Щербы.

Исследовательская практика, усиливаемая интенсивными поисками в области философии языка, оттачивала и углубляла лингвистические методы — описательный, сопоставительный, исторический, которые становились более диалектичными, более гибкими, способными «брать» не только явления языковой структуры, но и связи и зависимости между ними. Вероятно, без большой ошибки можно сказать, что западная лингвистика в 30—50-е годы пытается решить проблему системности языка главным образом «в плане выражения»; советская лингвистика в это же время решает, по существу, ту же проблему «в плане содержания», пытается понять сложные взаимоотношения между различными языковыми значениями.

Это внимание к области словесных значений не было у нас случайным: оно — результат традиций, идущих от Потебни, Бодуэна и Шахматова; оно же поддерживалось марксистским пониманием языка как практического, действительного сознания. В связи с этим находится совершенствование методик лингвистического исследования, например, оттачиваются методики структурно-семантического описания, соотнесения и анализа (показанные хорошо в их работе и результатах в книге В. В. Виноградова «Русский язык»).

Обогащается исторический метод — в исследованиях Л. А. Булаховского, С. П. Обнорского, Б. А. Ларина, В. М. Жирмунского, Ф. П. Филина и других ученых. Нау-

ку привлекают не просто факты в их исторических переменных, а языковые и неязыковые условия, от которых эти перемены зависели; представлению об изолированном движении языковых элементов во времени, созданному известным трудом де Соссюра, противопоставляется более глубокое, сложное и правильное представление об изменении больших и малых языковых систем, о взаимозависимости и взаимообусловленности исторически меняющихся явлений языка. Развитие сопоставительного метода стимулировалось широчайшими контактами разноязычных народов внутри СССР и научными, культурными, политическими связями с зарубежными народами. Интенсивное развитие сопоставительных исследований — характерная черта советского языкознания.

В нашей лингвистике были и заблуждения Марра, и культ личности. Но была и живая мысль исследователей, и ее результаты. Ведь нашу науку двигают вперед и сильные традиции, и принципы нашей философии, и требования времени, осознанные учеными, и их-ищущий разум, сознательно отдаваемый людям.

Некоторые итоги Советские лингвисты понимают, что философские расхождения, разумеется, не допускают примирения: можно быть либо материалистом, либо идеалистом во взглядах на язык. Средин нет. И вопрос о философской стороне разновидности современных течений науки, в частности структурализма, еще ждет решения. Однако это решение осложняется отсутствием прямой зависимости лингвистического метода от философской методологии. Именно поэтому многие результаты структурального изучения языка, полученные скажем, копенгагенской школой, представляют интерес и для нашей науки.

Таким образом, можно думать, что история науки о языке — это прежде всего история становления и развития ее специальных методов, история их взаимодействия. В тот или иной период один метод может выдвинуться на первое место и затенить другие. Так было в XIX в., когда многим казалось, что все задачи науки о языке сосредоточены на изучении родства языков путем сравнительно-исторического анализа фактов. Теперь некоторым кажется, что все задачи лингвистики сосредоточены на изучении структурно-языковых отношений путем их структурального анализа. Но односторонним является представление об исключительности и единственности для XIX в. сравнительно-ис-

торического метода. Односторонним и неверным является и представление об исключительности и чуть ли не единственности структурального метода для нашего времени. История науки о языке учит объективной необходимости возникновения и сотрудничества различных методов. История науки о языке учит и тому, что эта наука всегда оставалась связанной в своем развитии с решением задач общественной речевой практики. В наше время чувствуется усиление прикладных областей языкознания, решающих непосредственно именно такие задачи.

Список рекомендуемой литературы

I. Природа, сущность, структура языка

- Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. Изд. 3, т. 3, с. 29—30.
- Маркс К. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». — В кн.: Архив Маркса — Энгельса, т. 9. М., 1941, с. 79.
- Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1964, с. 144—156.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1953, с. 303—304.
- Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. — Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 25.
- Ленин В. И. К вопросу о диалектике. Философские тетради. М., 1965.
- Ленин В. И. Об очистке русского языка. — Полн. собр. соч., Изд. 5, т. 40.
- Ахманова О. С. Язык. — БСЭ. Изд. 2, т. 49.
- Будагов Р. А. Система языка в связи с разграничением его истории и современного состояния. — «Вопросы языкознания», 1958, № 4.
- Будагов Р. А. Человек и его язык. — «Вопросы языкознания», 1970, № 6.
- Виноградов В. В. Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры. — «Вопросы языкознания», 1961, № 4.
- Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.
- Выготский Л. С. Мысль и слово. Глава из работы «Мышление и речь», опубликованной в кн.: Избранные психологические исследования. М., 1956.
- Головин Б. Н. О роли различения «язык — речь» в исследовании и вузовском преподавании русского языка. — В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка. Саратов, 1965.
- Головин Б. Н. О природе и лингвистической типологии языковых значений. — В кн.: Вопросы методологии и методики лингвистических исследований. Уфа, 1966.
- Горкунг Б. В. О характере языковой структуры. — «Вопросы языкознания», 1959, № 1.
- Гухман М. М. Понятие системы в синхронии и диахронии. — «Вопросы языкознания», 1962, № 4.

- Дорошевский В. Знак и значение. — «Вопросы языкознания», 1963, № 5.
- Жирмунский В. М. О синхронии и диахронии в языкознании. — «Вопросы языкознания», 1958, № 5.
- Звегинцев В. А. Проблема знаковости языка. М., 1956.
- Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
- Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
- Мыркин В. Я. Некоторые вопросы понятия речи в корреляции: язык — речь. — «Вопросы языкознания», 1970, № 1.
- Попов П. С. Значение слова и понятие. — «Вопросы языкознания», 1956, № 6.
- Реаников Л. О. Понятие и слово. Л., 1958.
- Серебрянников Б. А. К проблеме отражения развития человеческого мышления в структуре языка. — «Вопросы языкознания», 1970, № 2.
- Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957.
- Смирницкий А. И. Объективность существования языка. М., 1954.
- Смирницкий А. И. Значение слова. — «Вопросы языкознания», 1955, № 2.
- Уфимцева А. А. К вопросу о лексико-семантической системе языка. — «Вопросы языкознания», 1962, № 4.
- Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. — В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. 2. М., 1960.
- Язык и общество. М., 1968.
- #### II. Звуковой строй языка, письмо, орфография
- Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- Бернштейн С. И. Фонема. — БСЭ, Изд. 2, т. 45.
- Бернштейн С. И. Фонетика. — БСЭ, Изд. 2, т. 45.
- Вахек Й. Фонемы и фонологические единицы. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Гвоздев А. Н. О фонологических средствах русского языка. М.—Л., 1949.
- Гвоздев А. Н. Основы русской орфографии. М., 1954.
- Гордина М. В. К вопросу о фонеме во вьетнамском языке. — «Вопросы языкознания», 1959, № 6.
- Дьяконов И. М., Истрин В. А., Кинжалов Р. В. Письмо. — БСЭ, Изд. 2, т. 33.
- Елизаренкова Т. Я. Дифференциальные элементы согласных фонем хинди. — «Вопросы языкознания», 1961, № 5.
- Зиндер Л. Р. Основные фонологические школы. — Уч. зап. ЛГПИ, 1967, т. 354. Вопросы общего языкознания.
- Зиндер Л. Р. О звуковых изменениях. — «Вопросы языкознания», 1957, № 1.
- Иванов В. В. Теория фонологических различительных признаков. — В кн.: Новое в лингвистике. вып. 2. М., 1962.
- Истрин В. А. Развитие письма. М., 1961.
- Климов Г. Фонема и морфема. М., 1967.

Конечна Г. Ассимиляция и диссимиляция. — «Вопросы языкознания», 1958, № 3.

Кузнецов П. С. О дифференциальных признаках фонем. — «Вопросы языкознания», 1958, № 1.

Кузнецов П. С. Об основных положениях фонологии. — «Вопросы языкознания», 1959, № 2.

Лоукотка Ч. Развитие письма. М., 1950.

Матусевич М. И. Введение в общую фонетику. М., 1959.

Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967.

Панов М. В. О разграничительных сигналах в языке. — «Вопросы языкознания», 1961, № 1.

Пешковский А. М. Интонация и грамматика — В кн.: Вопросы родного языка, лингвистики и стилистики. М., 1930.

Сердюченко Г. П. Китайская письменность и ее реформа. М., 1959.

Суперанская А. И. Международный алфавит и международная транскрипция. — «Вопросы языкознания», 1958, № 4.

Трахтеров А. Л. Основные вопросы теории слога и его определение. — «Вопросы языкознания», 1956, № 6.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.

Трубецкой Н. С. Некоторые соображения относительно фонологии. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Хмелевская М. Р. О фонемном составе французского языка. К истории развития дифференциальных признаков. — «Филологические науки», 1962, № 4.

Шапиро А. Б. Русское правописание. М., 1951.

III. Лексика, фразеология, лексикография

Акуленко В. В. Существует ли интернациональная лексика? — «Вопросы языкознания», 1961, № 3.

Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.

Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова. — «Вопросы языкознания», 1953, № 5.

Виноградов В. В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии. — «Вопросы языкознания», 1956, № 5.

Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях. — «Вопросы языкознания», 1960, № 5.

Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. — «Труды юбилейной сессии Ленинградского университета». Л., 1946.

Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947, с. 8—23.

Головин Б. Н. О типах лексических значений слов русского языка. — Вопросы лексикологии и стилистики — «Уч. зап. Горьковского ун-та», вып. 59. Горький, 1959.

Головин Б. Н. О минимально-достаточном определении слова. — «Уч. зап. Горьковского ун-та», вып. 52, серия историко-филологическая. Горький, 1961.

Жирмунский В. М. О границах слова. — «Вопросы языкознания», 1961, № 3.

Звегинцев В. А. Семасиология. М., 1957.

Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958.

Клюева В. Н. Краткий словарь синонимов русского языка. М., 1956.

Ковтун Л. С. О построении словарной статьи в Словаре современного русского литературного языка АН СССР. — «Лексикографический сборник», вып. 1. М., 1957.

Ковтун Л. С. О значении слова. — «Вопросы языкознания», 1955, № 5.

Кожин А. Н. Переносное употребление слов. — «Русский язык в школе», 1954, № 3.

Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.

Кузнецова А. И. Некоторые закономерности изменения значений слов. — «Русский язык в школе», 1960, № 2.

Курилович Е. Р. Заметки о лексическом значении слова. — «Вопросы языкознания», 1955, № 3.

Ларин Б. А. Очерки по фразеологии. — В кн.: Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. Л., 1956.

Левковская К. А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М., 1962.

Мельчук А. И. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность». — «Вопросы языкознания», 1960, № 4.

Новиков Л. А. К проблеме омонимии. — «Лексикографический сборник», вып. 4. М., 1960.

Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.—Л., 1966.

Проблемы фразеологии. Материалы и исследования. Под ред. А. М. Бабкина. М.—Л., 1964.

Рихтер Г. И. Вопросы классификации омонимов в русском языке. — «Филологические науки», 1961, № 1.

Смирницкий А. И. Лексикология английского языка М., 1956.

Смирницкий А. И. Значение слова. — «Вопросы языкознания», 1955, № 2.

Фалькович М. М. К вопросу об омонимии и полисемии — «Вопросы языкознания», 1960, № 5.

Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959.

Шапиро А. Б. Некоторые вопросы теории синонимов. — «Доклады и сообщения института языкознания АН СССР», вып. 8, 1955.

Шахрай Р. П. К проблеме классификации заимствованной лексики. — «Вопросы языкознания», 1961, № 2.

Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.

Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии. — В кн.: Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. 1. Л., 1958.

IV. Общие вопросы грамматики и словообразования

Адмони В. Г. Многоаспектно-доминантно подходе к грамматическому строю. — «Вопросы языкознания», 1961, № 2.

Алексеев М. Н. и Колшантский Г. В. О соотношении логических и грамматических категорий. — «Вопросы языкознания», 1955, № 5.

А р у т ю н о в а Н. Д. О понятии системы словообразования (на материале испанского языка). — «Филологические науки», 1960, № 2.

А р у т ю н о в а Н. Д. Некоторые вопросы словообразования и морфологии основ слова. — «Филологические науки», 1958, № 1.

Б а с к а к о в Н. А. Структура слова и части речи в тюркских языках. — «Советское востоковедение», 1957, № 1.

Б а х м а н К. И. К вопросу о грамматических способах в восточном языке. — «Вопросы языкознания», 1960, № 3.

Б о г о р о д и ц к и й В. А. Общий курс русской грамматики. Изд. 6. М.—Л., 1935, гл. 7.

Б о н д а р к о А. В. К проблематике функционально-семантических категорий. — «Вопросы языкознания», 1967, № 2.

В и н о г р а д о в В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков). — В кн.: Вопросы теории и истории языка. М., 1952.

В и н о г р а д о в В. В. О формах слова. «Известия АН СССР, ОЛЯ», 1944, т. 3, вып. 1.

В и н о г р а д о в В. В. Русский язык. М.—Л., 1947, § 1—7

В и н о к у р Г. О. Формы слова и части речи в русском языке. — В кн.: Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

В и н о к у р Г. О. Заметки по русскому словообразованию. — Там же.

В о л о ц к а я З. М. Установление отношений производности между словами. (Опыт применения трансформационного метода.) — «Вопросы языкознания», 1960, № 3.

Г о л о в и н Б. Н. Заметки о грамматическом значении. — «Вопросы языкознания», 1962, № 2.

Г о л о в и н Б. Н. Замечания к теории словообразования. — «Уч. зап. Горьковского ун-та», вып. 76, серия лингвистическая. Горький, 1967.

Единицы разных уровней грамматического строя языка в их взаимодействии. М., 1969.

И с а ч е н к о А. В. О грамматическом значении. — «Вопросы языкознания», 1961, № 1.

Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.

К о л ш а н с к и й Г. В. К вопросу о содержании языковой категории «модальности». — «Вопросы языкознания», 1961, № 1

Л е в к о в с к а я К. А. Проблемы словообразования. — «Филологические науки», 1960, № 2.

М а с л о в Ю. С. Об основных и промежуточных ярусах в структуре языка. — «Вопросы языкознания», 1968, № 4.

М и г у н и н В. Н. Отношения между частями речи и членами предложения. — «Филологические науки», 1959, № 1

М о и с е е в А. И. О грамматической категории. — «Вестник ЛГУ», 1956, № 2.

Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1963.

Н о в а к Л. Основная единица грамматической системы и типологии языка. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

П е ш к о в с к и й А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6. М., 1956 (с. 43—77).

Р е ф о р м а т с к и й А. А. О соответствии фонетики и грамматики (морфологии). — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955.

С к а л и ч к а В. О грамматике венгерского языка. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

Система и уровни языка. М., 1969.

С м и р н и ц к и й А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957, с. 16—47.

С м и р н и ц к и й А. И. О лексическом и грамматическом в слове. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955

С у н и к О. П. Общая теория частей речи. М.—Л., 1966.

Ш е н д е л ь с Е. И. О грамматической полисемии. — «Вопросы языкознания», 1962, № 3.

Ш е н д е л ь с Е. И. Понятие грамматической омонимии. — «Филологические науки», 1959, № 1.

Ш т е л и н г Д. А. О неоднородности грамматических категорий. — «Вопросы языкознания», 1959, № 1.

Щ е р б а к А. М. Способы выражения грамматических значений в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1957, № 1.

V. Морфология языка

А в а н е с о в Р. И. Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955.

Б о к а р е в Е. А. О категории падежа. — «Вопросы языкознания», 1954, № 1.

Б о н д а р к о А. В. Система глагольных времен в современном русском языке. — «Вопросы языкознания», 1962, № 3.

Г р у н и н Г. И. Имя прилагательное в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1962, № 3.

Д о к у л и л М. К вопросу о морфологической категории. — «Вопросы языкознания», 1967, № 6.

М а й т и н с к а я К. Е. К вопросу о категории падежа (на материале финно-угорских языков). — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955.

М е щ а н и н о в И. И. Агглютинация и инкорпорирование. — «Вопросы языкознания», 1962, № 5.

М и л е й к о в с к а я Г. М. О соотношении грамматического и объективного времени. — «Вопросы языкознания», 1956, № 5.

М и р т о в А. В. Родозменяемые существительные. — «Русский язык в школе», 1946, № 1.

М у х и н А. М. О категории падежа в современном английском языке. — «Вопросы языкознания», 1957, № 2.

П а н о в М. В. О частях речи в русском языке. — «Филологические науки», 1960, № 4.

П а н ф и л о в Е. Д. К вопросу о так называемом аналитическом склонении. — «Вопросы языкознания», 1954, № 1.

П е т е р с о н М. Н. О частях речи в русском языке. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955.

П о с п е л о в Н. С. Учение о частях речи в русской грамматической традиции. М., 1954.

С а н ж е е в Г. Д. К проблеме частей речи в алтайских языках. — «Вопросы языкознания», 1952, № 6.

Севортян Э. В. К проблеме частей речи в тюркских языках. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955.

Солнцев В. М. Проблема частей речи в китайском языке. — «Вопросы языкознания», 1956, № 5.

Стеблин-Каменский М. И. К вопросу о частях речи. — «Вестник ЛГУ», 1951, № 6.

Трикая Б. Несколько мыслей о структурной формологии. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

Тронский И. М. К семантике множественного числа в греческом и латинском языках. — «Уч. зап. ЛГУ», серия Филологические науки, 1946, вып. 10.

Ханин М. К. К вопросу о категории падежа имен существительных. — «Русский язык в школе», 1953, № 6.

Хлебникова И. Б. Морфологическая омонимия как структурная особенность английского языка. — «Филологические науки», 1962, № 1.

Чешко Е. В. К вопросу о падежных корреляциях. — «Вопросы языкознания», 1960, № 2.

Щерба Л. В. О частях речи в русском языке. — В кн.: Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Юлдашев А. А. Категория глагольного вида в башкирском языке. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955.

VI. Синтаксис языка

Адмони В. Г. Двучленные фразы в трактовке Л. В. Щербы и проблема предикативности. — «Филологические науки», 1960, № 1.

Адмони В. Г. Развитие структуры простого предложения в индоевропейских языках. — «Вопросы языкознания», 1960, № 1.

Арутюнова Н. Д. О синтаксической сочетаемости слов в испанском языке. — «Филологические науки», 1962, № 2.

Ахманова О. С. Словосочетание. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955.

Бертагаев Т. А. Субъект и подлежащее. — «Вопросы языкознания», 1958, № 5.

Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955.

Галкина-Федорук Е. М. О нулевых формах в синтаксисе. — «Русский язык в школе», 1962, № 2.

Головин Б. Н. К вопросу о языковой природе словосочетания. — Материалы и исследования по русской грамматике и лексикологии. — «Уч. зап. Горьковского ун-та», вып. 90, серия лингвистическая. Горький, 1970.

Гулыга Е. В. Структурно-семантическая классификация сложноподчиненных предложений (на материале современного немецкого языка). — «Филологические науки», 1958, № 3.

Золотова Г. А. О модальности предложения в русском языке. — «Филологические науки», 1962, № 4.

Иофик Л. Л. Существует ли сложносочиненное предложение в английском языке? — «Филологические науки», 1958, № 2.

Кравченко М. Г. и Строева Т. В. К вопросу о слове и словосочетании. — «Вопросы языкознания», 1962, № 2.

Крушельницкая К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения. — «Вопросы языкознания», 1956, № 5.

Ломтев Т. П. О спорных вопросах теории синтаксиса. — «Филологические науки», 1958, № 4.

Ломтев Т. П. Природа синтаксических явлений. — «Филологические науки», 1961, № 3.

Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

Матезиус В. Основная функция порядка слов в чешском языке. — Там же.

Мещанинов И. И. Различные построения членов предложения в связи с отношениями субъекта и объекта. — «Филологические науки», 1961, № 1.

Мигирин В. Н. Принципы изучения членов предложения. — «Филологические науки», 1961, № 3.

Поспелов Н. С. Сложноподчиненное предложение и его структурные типы. — «Вопросы языкознания», 1959, № 2.

Распопов И. П. К вопросу о предикативности. — «Вопросы языкознания», 1958, № 5.

Распопов И. П. Актуальное членение предложения Уфа, 1961.

Сухотин В. П. Проблема словосочетания в современном русском языке. — В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.

Уханов Г. П. О грамматической природе придаточного предложения. — «Вопросы языкознания», 1961, № 2.

Хилл А. О грамматической отмеченности предложений. — «Вопросы языкознания», 1962, № 4.

Холодович А. А. О второстепенных членах предложения. Из истории и теории вопроса. — «Филологические науки», 1959, № 4.

Шапиро М. А. О типах подчинительной связи внутри словосочетания. — «Русский язык в школе», 1950, № 2.

Шапиро А. Б. Модальность и предикативность как признаки предложения в современном русском языке. — «Филологические науки», 1958, № 4.

Ярцев В. Н. Предложение и словосочетание. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955.

VII. Развитие языка, классификация языков

Белодед И. К., Мельничук А. С. Вопросы развития национальных языков в период перехода от социализма к коммунизму. — «Вопросы языкознания», 1959, № 5.

Взаимодействие и взаимообращение языков народов СССР. М., 1969.

Десницкая А. В. К вопросу о классификации языков мира. — «Русский язык в школе», 1951, № 4.

Иванов В. В. Генеалогическая классификация языков и понятие языкового родства. М., 1954.

Конрад Н. И. О китайском языке. — «Вопросы языкознания», 1952, № 3.

Кузнецов П. С. Морфологическая классификация языков. М., 1954.

Панов М. В. О развитии русского языка в советском обществе. — «Вопросы языкознания», 1962, № 3.

Панфилов В. З. О задачах типологических исследований и критериях типологической классификации языков. — «Вопросы языкознания», 1969, № 4.

Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960 (Гл. 1—5, 21, 22).

Рождественский Ю. В. Типология слова. М., 1969.

Рождественский Ю. В. О лингвистических универсалиях. — «Вопросы языкознания», 1968, № 2.

Рясянен М. Об урало-алтайском языковом родстве. — «Вопросы языкознания», 1968, № 1.

Свадост Э. Как возникает всеобщий язык? М., 1968.

Серебренников Б. А. К проблеме классификации тюркских языков. — «Вопросы языкознания», 1961, № 4.

Скаличка В. К вопросу о типологии. — «Вопросы языкознания», 1966, № 4.

Скорвик П. Я. К вопросу о классификации чукотско-камчатских языков. — «Вопросы языкознания», 1958, № 1.

Стеблян-Каменский М. И. Возможно ли планирование языкового развития? — «Вопросы языкознания», 1968, № 3.

Толстой Н. И. Из опыта типологического исследования славянского словарного состава. — «Вопросы языкознания», 1963, № 1.

Ярцева В. Н. О соотношении количественных и качественных изменений в языке. — «Филологические науки», 1958, № 2.

VIII. Наука о языке, ее методы и методики

Адмони В. Г. Качественный и количественный анализ грамматических явлений. — «Вопросы языкознания», 1963, № 1.

Адмони В. Г. Еще раз об изучении качественной стороны грамматических явлений. — «Вопросы языкознания», 1970, № 1.

Андреев Н. Д., Зиндер Л. Р. Основные проблемы прикладной лингвистики. — «Вопросы языкознания», 1959, № 4.

Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.

Артемюк Н. Д. К вопросу о сравнительном исследовании словарного состава родственных языков. — «Вопросы языкознания», 1959, № 4.

Африканское языкознание. М., 1963.

Бархударов Л. С. О некоторых структурных методах лингвистического исследования. — «Иностранные языки в школе», 1961, № 1.

Бархударов Л. С. и Колшанский Г. В. К вопросу о возможностях машинного перевода. — «Вопросы языкознания», 1958, № 1.

Березин Ф. М. Очерки по истории языкознания в России (конец XIX—начало XX в.). М., 1968.

Виноградов В. В. О теории поэтической речи. — «Вопросы языкознания», 1962, № 2.

Гальперин И. Г., Колшанский Г. В., Глюсарева Н. А. О методах структурной лингвистики в исследовании

словарного состава языка. — «Филологические науки», 1962, № 3.

Головин Б. Н. Язык и статистика. М., 1970.

Горнунг Б. В. Место лингвистики в системе наук и использование в ней методов других наук. — «Вопросы языкознания», 1960, № 4.

Граур А. Структурализм и марксистская лингвистика. — «Вопросы языкознания», 1958, № 1.

Григорьев В. И. Что такое дистрибутивный анализ? — «Вопросы языкознания», 1959, № 1.

Данеш Фр., Вахек Й. Пражские исследования в области структурной грамматики на современном этапе. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

Жирков Л. И. Границы применимости машинного перевода. — «Вопросы языкознания», 1956, № 5.

Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968.

Зиндер Л. Р., Строева Т. В. К вопросу о применении статистики в языкознании. — «Вопросы языкознания», 1968, № 6.

Иванов В. В. Типология и сравнительно-историческое языкознание. — «Вопросы языкознания», 1958, № 5.

Кнабе Г. С. О применении сравнительно-исторического метода в синтаксисе. — «Вопросы языкознания», 1956, № 1.

Коэн Марсель. Современная лингвистика и идеализм. — «Вопросы языкознания», 1961, № 3.

Кузнецов П. С., Макаев Э. А. Языкознание. — БСЭ. Изд. 2, т. 49.

Лекомцев Ю. К. Основные положения глоссематики. — «Вопросы языкознания», 1958, № 2.

Леонтьев А. А. Психоллингвистика. Л., 1967.

Лиз Р. Б. Что такое трансформация? — «Вопросы языкознания», 1961, № 3.

Лосев А. Ф. О возможностях сближения лингвистики классической и структуральной. — «Вопросы языкознания», 1968, № 1.

Макаев Э. А. Сравнительная, сопоставительная и типологическая грамматика. — «Вопросы языкознания», 1964, № 1.

Макаев Э. А. Проблемы и методы современного сравнительно-исторического индоевропейского языкознания. — «Вопросы языкознания», 1965, № 4.

Матезиус В. Попытка создания теории структурной грамматики. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

Матезиус В. О системном грамматическом анализе. — Там же.

Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954.

Мещанинов И. И. Типологические сопоставления и типологии систем. — «Филологические науки», 1958, № 3.

Мещанинов И. И. Различные виды классификации языкового материала. — «Вопросы языкознания», 1959, № 3.

Николаева Т. М. Что такое трансформационный анализ? — «Вопросы языкознания», 1960, № 1.

О точных методах исследования языка. М., 1961.

Петрова Н. В., Пиотровский Р. Г. Слово, контекст, морфология. — «Вопросы языкознания», 1966, № 2.

Ревзин И. И. Структурная лингвистика и единство языкознания. — «Вопросы языкознания», 1965, № 3.

Рождественский Ю. В. О современном строении языкознания. — «Вопросы языкознания», 1955, № 3.

Смирницкий А. И. Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства. М., 1955.

Ташицкий В. Место ономастики среди других гуманитарных наук. — «Вопросы языкознания», 1961, № 2.

Топоров В. Н. О введении вероятности в языкознание. — «Вопросы языкознания», 1959, № 6.

Успенский Б. А. Типологическая классификация языков как основа языковых соответствий. (Структура языка-эталона при типологической классификации языков.) — «Вопросы языкознания», 1961, № 6.

Фрумкина Р. М. Применение статистических методов в языкознании. — «Вопросы языкознания», 1960, № 4.

Хансен К. Пути и цели структурализма. — «Вопросы языкознания», 1959, № 4.

Холодович А. А. Опыт теории подклассов слов. — «Вопросы языкознания», 1960, № 1.

Чемоданов Н. С. Сравнительное языкознание в России. М., 1956.

Шаумян С. К. О сущности структурной лингвистики. — «Вопросы языкознания», 1956, № 5.

Щербак А. М. Об алтайской гипотезе в языкознании. — «Вопросы языкознания», 1959, № 6.

Ярцева В. П. О сопоставительном методе изучения языков. — «Филологические науки», 1960, № 1.

IX. Общие пособия

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

Будагов Р. А. Введение в науку о языке. Изд. 2. М., 1965.

Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.

Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч.1 и 2. М., 1964.

Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. М., 1962.

Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968.

Малаховский В. А. Сборник задач и упражнений по курсу «Введение в языкознание». М., 1960.

Мучник И. П. Введение в языкознание. Сборник задач и упражнений. М., 1957.

Общее и индоевропейское языкознание. Обзор литературы. М., 1956.

Общее языкознание. М., 1970.

Основные направления структурализма. М., 1964.

Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1960.

Степанов Ю. С. Основы языкознания. М., 1966.

Успенский Л. Слово о словах. Ты и твоё имя. (Популярные для юношества очерки о языке.) Л., 1962.

Ушаков Д. Н. Краткое введение в науку о языке. Изд. 9. М., 1929.

Содержание

От автора	3
Введение	5
I. Природа, сущность и функции языка	10
Природа и сущность языка (10). Функции языка (13). Язык и мышление (15). Язык и народ, язык в классы, язык и личность (18). Общественное значение языка (21). Общие сведения о строении языка и науки о нем (24). Язык и речь (26).	
II. Фонетика	30
Речевой аппарат и его работа (31). Акустические свойства звуков речи (36). Понятие о фонеме (40). Классификация звуков речи (фонем) (47). Гласные звуки (48). О согласных звуках (50). О слоге и слогоделении (56). Ударение (57). Интонация (60). Исторические и функциональные изменения фонем (61).	
III. Лексика и фразеология	69
Понятие о слове (69). Слово и предмет (70). Слово и понятие (73). Лексическое значение и его типы (75). Развитие лексических значений (80). Перенос значений (81). Этимология (85). Ономастика и топонимика (88). Словарный состав языка (89). Неологизмы и архаизмы (90). Активная и пассивная лексика (91). Лексика общеязыковая, литературная, разговорная, местная (93). Лексика нейтральная, терминологическая, канцелярская, поэтическая (96). Синонимы, антонимы, омонимы (99). Заимствования (104). Фразеологизмы (108). Классификация фразеологизмов (111).	
IV. Лексикография	117
Вводные понятия (117). Словари понятий и лексиконы (117). Типы лексиконов (119).	
V. Материальная структура слова	123
Вводные пояснения (123). Понятие о морфемах (124). Основы (125). Корень и аффиксы (126). Изменение материальной структуры слова (128).	
VI. Понятие и словообразование	130
Словообразовательные типы (131). Способы словообразования (132)	
VII. Грамматика	135
Общее понятие о грамматическом строе языка (135). Грамматическое значение (136). Материальное выражение грамматических значений (140). Грамматические категории (145). Грамматическая форма (150).	
VIII. Морфология языка	152
О слове как элементе морфологии и элементе синтаксиса (152). О частях речи и их классификации (154). О структуре отдельных частей речи (159). Имя существительное (в современном русском языке) (161). Категория рода (162). Категория числа (162). Категория падежа (163). Выражение категорий рода, числа и падежа	

(164). Имя прилагательное (165). Категория качественности-относительности (166). Категория рода, числа и падежа (167). Сочетаемость имени существительного и имени прилагательного (168). Глагол (169). Категория вида (170). Категория времени (172). О специфике частей речи в разных языках (175).

IX. О синтаксисе языка	190
Вступительные замечания (190). О сочинении и подчинении (191). О словосочетании (193). О предложении (196). О членах предложения (201). О синтагмах (203). Предложение и суждение; актуальное членение предложений (205). О типах предложений (207). Типы предложений в разных языках (209).	
X. Функционирование и развитие структуры языка	213
О структурности языка (213). О различении функционирования и развития языка (216). О двух формах функционирования языка — парадигматике и синтагматике (218).	
XI. О закономерностях развития языка	220
XII. О происхождении языка	228
XIII. Из истории письма	236
Вводные пояснения (236). Пиктография (237). Идеография (238). Фонография (241). Развитие письма (242). Источники пиктографии (242). Развитие идеографии (243). Развитие фонографии (244). Развитие буквенно-звукового письма (245). Графика (246). Орфография (248). Фонетический принцип орфографии (248). Морфологический принцип орфографии (249). Исторический (традиционный) принцип орфографии (249). О специализированных системах письма (250).	
XIV. О классификации языков	256
Генеалогическая классификация (256). Морфологическая (типологическая) классификация (260).	
XV. О методах лингвистического исследования	264
Вступительные замечания (264). Понятие об исследовательском методе (265). Описательный метод (267). Сравнительно-исторический метод (268). Исторический метод (269). Сопоставительный метод (271). Структурный метод (271). Стилистический метод (273). Количественный метод (274). Метод автоматического анализа (276). Методики изучения языка (278).	
XVI. О развитии языкознания	287
Наука о языке в древности (287). На подступах к новому методу (291). Сравнительно-историческое языкознание (294). Выход за пределы сравнительно-исторического метода (295). Младограмматики (298). Русские школы в науке о языке (299). Критика младограмматиков ((299). Структурализм (300). Этнолингвистика, психолингвистика, ареальная лингвистика (302). Советское языкознание (305). Некоторые итоги (307).	
Список рекомендуемой литературы	308